

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 14/09

Scientific journal

«International Relations. Area Studies» Series

Moscow 2009

ВЕСТНИК РГГУ

№ 14/09

Научный журнал

Серия «Международные отношения.
Регионоведение»

Москва 2009

УДК 327(05)
ББК 66.4я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редакционная коллегия серии:
«Международные отношения. Регионоведение»

В.В. Минаев – ответственный редактор
А.Э. Арсенян
Г.Г. Водолазов
А.Д. Воскресенский
В.И. Журавлёва
А.В. Мельцов
М.В. Опарина
О.В. Павленко
Т.А. Шаклеина

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово. <i>В.В. Минаев</i>	11
I. История международных отношений и внешней политики России	
<hr/>	
<i>О.В. Павленко</i> Экономические кризисы в контексте международных отношений второй половины XIX века	13
<i>В.И. Журавлёва</i> Первый кризис в российско-американских отношениях: имагологический аспект	39
<i>А.Г. Сенокосов</i> Эволюция Антанты как военно-политического союза (1891–1923)	72
<i>Г.Н. Ланской</i> Российская экономика начала XX века в системе международных отношений	82
<i>В.Б. Жиромская</i> Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения	92
<i>В.И. Денисов</i> Корейская проблема в современной внешней политике России	102
II. Мировая политика и проблемы глобального развития	
<hr/>	
<i>О.А. Гриневский</i> ПРО в Европе: ситуация и перспективы	119
<i>Л.Н. Клепацкий</i> Роль государства в международных отношениях в условиях глобализации	133
<i>Л.Н. Шишелина</i> Европейский Союз: проблемы конвергенции, расширения и соседства	145

<i>Д.А. Журавлёв</i>	
Международный терроризм и СМИ: эволюция коммуникационного взаимодействия	157

<i>Б.И. Шевченко, М.В. Савинова</i>	
Международная промышленная кооперация: место и роль России	170

III. Энергетический диалог в современных международных отношениях

<i>А.А. Городов</i>	
Проблема транзитного протокола ДЭХ в контексте энергодиалога Россия–ЕС	191

<i>Д.С. Качков</i>	
Российско-французский энергетический диалог в начале XXI века: сотрудничество на фоне критики французских СМИ	201

<i>О.А. Хлопов</i>	
Российско-американские отношения в глобальной системе энергетической безопасности	215

VI. Политическая философия

Методологические проблемы политической теории

<i>М.Р. Деметрадзе</i>	
Социокультурная методология как основа современной политологии	224

<i>О.Б. Игнаткин</i>	
Принцип последовательности в теориях современного либерализма	238

Гражданское общество – фундамент демократии и государства

<i>Ю.А. Красин</i>	
Гражданское общество и государство: оппоненты–партнеры	244

<i>Н.Г. Чистякова</i>	
Борьба с коррупцией по-голландски	253

Д.Э. Летняков
Вечевая традиция домонгольской Руси как фактор образования
городских сообществ протогражданского типа 267

Н.Ю. Андрианова
А.А.Богданов и А. Грамши о роли и месте культуры
в процессах формирования общественного сознания 276

V. Научная жизнь

Международный «круглый стол»: «Окончание холодной войны
в контексте современных международных отношений».
Стенограмма 292

Международная конференция «Наследие Авраама Линкольна:
уроки истории и современность».
Сообщение подготовлено *В.И. Журавлёвой* 310

Abstracts 314

Сведения об авторах 322

CONTENTS

Foreword. <i>V.V. Minaev</i>	11
------------------------------------	----

I. History of International Relations and Foreign Policy of Russia

---

<i>O.V. Pavlenko</i> Economic Crises in the Context of International Relations in the Second Half of the 19 th Century	13
<i>V.I. Zhuravleva</i> Imagology of the First Crisis in Russian-American Relations	39
<i>A.G. Senokosov</i> Evolution of the Entente as a Military Alliance (1891–1923)	72
<i>G.N. Lanskoj</i> Russian Economy in the System of International Relations at the beginning of the 20 th Century	82
<i>V.B. Zhiromskaya</i> Famine of 1932–1933 in Russia and the Contemporary International Relations	92
<i>V.I. Denisov</i> Modern Foreign Policy of Russia and the Korean problem	102

II. World Politics and Global Development

<i>O.A. Grinevsky</i> ABM in Europe: Realities and Prospects	119
<i>L.N. Klepatsky</i> Role of the State in International Relations at the Age of Globalization	133
<i>L.N. Shishelina</i> European Union: Problems of Convergence, Enlargement and Neighborhood	145

<i>D.A. Zhuravlev</i>	
International Terrorism and Mass-Media: Evolution of Communicational Interaction	157

<i>B.I. Shevchenko, M.V. Savinova</i>	
International Industrial Cooperation: the Role and Place of Russia	170

III. Energy Dialogue in the Contemporary International Relations

---

<i>A.A. Gorodov</i>	
The Energy Charter Treaty, the Transit Protocol and the Russia–EU Energy Dialogue	191

<i>D.S. Kachkov</i>	
France-Russia Energy Dialogue in the early 21 st Century: Cooperation vs. the French Mass-Media Criticism	201

<i>O.A. Khlopov</i>	
Russian-American Relations in the Global System of Energy Security	215

IV. Political Philosophy

Methodological Problems of the Political Theory

<i>M.R. Demetradze</i>	
Socio-Cultural Methodology as the Basis of Modern Political Science	224

<i>O.B. Ignatkin</i>	
The Principle of Consistency in the Three Theories of the Modern Liberalism	238

Civil Society as the Basis for Democracy and State

<i>Yu.A. Krasin</i>	
Civil Society and State: Opponents and Partners	244

<i>N.G. Tchistiakova</i>	
Dutch Way of Combating Corruption	253

<i>D.E. Letnyakov</i>	
The <i>Veche</i> Tradition in pre-Mongol Russia as an Example of a Proto-Civil City Community Practice	267

N.Y. Andrianova

A. Bogdanov and A. Gramsci on the Role and Place of Culture in the Process of Shaping Social Consciousness	276
---	-----

V. Academic Events

International Round Table: «End of the Cold War and the Contemporary International Relations». Shorthand notes	292
International Conference: «Abraham Lincoln: Lessons of History and the Contemporary World» (Review by <i>V.I. Zhuravleva</i>)	310
Abstracts	314
Information about the authors	322

Вступительное слово

«Вестник РГГУ» открывает новую серию «Международные отношения. Регионоведение». Этот номер подготовлен кафедрой мировой политики и международных отношений Российского государственного гуманитарного университета. С 2002 г. в РГГУ успешно развивается подготовка специалистов в области международных отношений по специализациям «Международная интеграция и международные организации» на Отделении международных отношений ИАИ РГГУ и «Международное гуманитарное сотрудничество» на факультете управления ИЭУП РГГУ.

Данная образовательная программа базируется на понимании международных отношений не только как сложной структуры межгосударственных взаимосвязей, действующих на различных уровнях – дипломатическом, экономическом, военно-стратегическом, научно-культурном, но и как системы транснациональных взаимовлияний. Понимание, анализ и прогнозирование международных процессов невозможны без изучения политической культуры страны (макрорегиона), специфики традиционных форм сознания, фоновых представлений, а также традиций взаимовосприятия, запечатленных в исторической и культурной памяти обществ. Все это находит отражение в современных практиках международного общения.

В редколлегию серии вошли ученые-международники РГГУ и МГИМО (У) МИД РФ, с которым Российский государственный гуманитарный университет связывает плодотворное сотрудничество и партнерство. Мы задумали превратить выпуски этой серии в дискуссионный клуб по проблемам истории международных отношений, мировой политики и глобального развития, зарубежного регионоведения, международного права, а также современной политической теории. Предпочтение будет отдаваться оригинальным публикациям, аналитическим материалам, статьям, нацеленным на использование междисциплинарного подхода и новых исследова-

тельских методов, ориентированных на компаративистское изучение международных отношений с учетом достижений мировой историографии.

Постоянно действующим разделом номеров серии станет «Научная жизнь», куда войдут не только информационные сообщения о конференциях и «круглых столах», но и стенограммы научных мероприятий, а также рецензии на монографии ведущих исследователей-международников, вышедшие в России и за рубежом.

Для нас особенно важно, чтобы журнал стал площадкой, которая смогла бы объединить несколько поколений исследователей – от признанных ученых и карьерных дипломатов до аспирантов, магистрантов и студентов. Это позволит сформировать научную среду, где не будет возрастных или политических цензов, деления на «своих» и «чужих». Уже сейчас в «портфеле» редакционной коллегии ждут своей очереди статьи исследователей из региональных университетов России, а также коллег из стран СНГ, Европы и США. Такой состав авторского коллектива будет способствовать расширению диапазона исследовательских подходов и методологических тенденций.

Серия «Международные отношения. Регионоведение» «Вестника РГГУ» имеет еще одну важную цель – обмен мнениями и опытом в области преподавания международных дисциплин. Планируется выделение нового раздела «Методология преподавания», в котором будут представлены статьи, посвященные характеристике инновационных образовательных стратегий и учебных проектов.

Новая серия впишется в контекст фундаментальных и прикладных исследований, получивших развитие в Российском государственном гуманитарном университете в начале XXI в.

В.В. Минаев

д-р экон. наук, профессор,
Первый проректор –
проректор РГГУ по научной работе,
завкафедрой мировой политики
и международных отношений РГГУ

І. ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

О.В. Павленко

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются экономические кризисы 1850–1870-х годов и их влияние на расстановку сил в международных отношениях. Особое внимание уделяется экономическому подъему 1840–1850-х годов и его взаимосвязи с Крымской войной; мировому экономическому кризису 1857 г. и последовавшему за ним динамичному подъему 1860-х годов; мировому кризису 1873 г. Автор пытается проанализировать новые процессы – социально-экономические и внешнеполитические, возникшие под влиянием индустриализации в ведущих европейских странах. Особое внимание уделяется роли войн в эту эпоху.

Ключевые слова: экономические кризисы; индустриальная эпоха; войны второй половины XIX в.

Экономические кризисы, разные по масштабам и глубине, неизбежно сопровождают процессы капиталистического воспроизводства. Уже во второй половине XIX в. европейские теоретики-экономисты создали большой массив теорий и концепций о сути и формах кризисных явлений в капиталистической экономике. Несмотря на резкие различия подходов и оценок, выдающиеся мыслители и аналитики того времени – Карл Маркс, Луи Брентано, Эдуард Бернштейн, Отто Бауэр и Карл Каутский – пришли к общему выводу, что кризисы – это закон движения капитализма, который уже к середине XIX в. приобрел циклический характер¹. Какие бы не вводились объяснительные и концептуальные схемы – от теории диспропорциональности до обоснования противоречия между производством и потреблением, стало ясно, что кризисы создают одновременность и массовость обновления и

расширения основного капитала, что в свою очередь приводит к конвульсивному расширению производства.

Американский исследователь кризисов Уэсли Митчелль справедливо полагал, что слово «кризис» – не очень удачный термин для обозначения одной из фаз экономического цикла². Его можно использовать для определения только одного периода от расцвета к депрессии, как правило – быстротечного, с характерным резким спадом, чтобы эмоционально подчеркнуть степень интенсивности переломных экономических и социальных процессов. В аналитических трудах экономистов и специалистов по экономической истории уже в первой половине XX столетия была выработана формула циклического экономического развития (Ж. Лескюр, А. Афгальон, М. Ленуар, Я. Ванн Гельфанд, Дж. Китчин). Импульс к системным исследованиям дала Великая депрессия 1929–1930-х годов, охватившая не только США, но и европейский Запад³. Идеи русской школы экономико-исторических исследований были воплощены в эти годы выдающимся мыслителем Николаем Кондратьевым, выдвинувшим теорию больших циклов конъюнктуры, которая вошла в мировую науку под названием «длинных волн Кондратьева»⁴. Вплоть до настоящего времени его гипотеза и методика анализа большого количества статистических данных по Англии, США, Франции и Германии вызывают серьезное обсуждение. Важно, что была доказана цикличность капиталистического развития, ритмы которого задают темп и динамику социальных и политических процессов.

Модель экономического цикла включает четыре основные фазы – депрессию, оживление, расцвет и рецессию. Логика капитализма такова, что в одной фазе цикла уже созревают условия для перехода к следующей. По сути, кризис всегда кристаллизуется еще в недрах расцвета. Экономические показатели свидетельствуют о процветании, но перепроизводство уже начинает оказывать пока еще скрытое разрушающее воздействие. Эта закономерность циклического развития отчетливо проявляется при сопоставлении динамики и масштабов наиболее крупных кризисов, потрясавших мировую экономику в XIX в. от США до Англии, от Германии до скандинавских стран и России вплоть до азиатских колоний⁵. Можно выстроить линию кризисных лет, пик которых приходился на годы, которым, как правило, предшествовал цикл процветания и расширенного воспроизводства капитала: 1825; 1837; 1847; **1857**; 1866; **1873**; **1882**; **1890**; 1903. Жирным шрифтом выделены наиболее тяжелые кризисы, имевшие мировой масштаб.

Системные исследования, посвященные XIX в., в эволюционных процессах которого скрываются корни многих современных

явлений, имеют, как правило, четкую стратификацию: экономическая история анализируется отдельно от сплетений высокой дипломатии ведущих держав. Между тем, ритмы мирового экономического развития, поднимавшие одно или несколько государств, или напротив, сдерживавшие их развитие, составляли неотъемлемую часть всей системы международных отношений. Наиболее экономически развитые страны были сердцем мирового хозяйства, биение которого определяло пульс периферии и кровотоки капиталов по всем континентам. Дипломатические конфликты и войны в значительном большинстве своем имели прямые или косвенные экономические мотивы. Военные поставки и государственные заказы на модернизацию армии приводили в движение колоссальные капиталы, из них создавались новые состояния, которые бросались в бурлящий котел биржевых спекуляций и грюндерского ажиотажа⁶. Капитал не признает государственных границ, его циклическое развитие – от промышленных подъемов до спадов, вплоть до мировых экономических кризисов – существенно определяло политическое взаимодействие ведущих держав и стран периферии, еще задолго до современной глобализации.

Данная статья не претендует на широкий анализ экономических и политических аспектов эволюции международной системы во второй половине XIX в. Рамки статьи ограничивают изложение материала периодом 1840–1870 гг. и позволяют более подробно остановиться только на нескольких сюжетах: экономических циклах европейских государств, напрямую связанных с историей Крымской войны; специфике экономического подъема 1860-х годов и мировом экономическом кризисе 1873 г., глубина и длительность которого не знала аналогов в предшествующие периоды. До него эпицентром кризисов была Англия, имевшая в первой половине XIX в. промышленную, финансовую и торговую монополию. Но кризис 1873 г. был вызван не столько английским фактором, сколько динамикой развития Германии и США во время экономического подъема шестидесятих годов. Он стал одним из первых симптомов перехода от индустриально-торгового доминирования Англии к эпохе ожесточенной конкуренции сразу нескольких промышленных держав. Эта ситуация кардинально «переформатировала» всю систему международных отношений, когда прежняя модель «европейского концерта» со временем перестала быть эффективной, уступив место блоковому противостоянию.

Крымская война и мировой экономический кризис 1857 года

В середине XIX века произошло два ключевых события, потрясших европейскую систему – Крымская (или Восточная) война и мировой экономический кризис 1857 г. Оба этих явления охватывали не только ведущие государства, но и те, что были на периферии Европы. Все сплелось в один узел. Сначала бурный экономический рост 1850-х годов, ставший, по сути, одной из ключевых причин Крымской войны. Затем биржевой и грюндерский бум, вызванный военными поставками, и отсрочивший на годы войны неизбежно наступавший кризис европейских экономик. После заключения Парижского мирного договора он разразился с небывалой силой. Это был первый кризис подлинно мирового масштаба. Почва для самостоятельных кризисов общего перепроизводства созрела к тому времени во всех развитых странах – в Англии, США, Франции, германских государствах, Австрии. Но он превзошел все предшествовавшие, даже такой острый, как в 1847 г., вызвавший революционную «весну народов» в Европе. Волны рецессии накрыли экономики победивших государств, докатились до проигравшей Крымскую войну России. Попробуем рассмотреть экономическую мотивацию войны и ее влияние на ситуацию в воюющих странах.

Формально поводом для войны стало известие о том, что по просьбе Иерусалимского патриарха император Николай I в 1853 г. потребовал от турецкого султана уважать права христианской церкви и святынь в Палестине. Однако русский посол не получил должных уверений и покинул Константинополь. Турция обратилась к Англии и Франции, которые выдвинули свои флоты для ее защиты. В ответ Россия попыталась занять придунайские княжества, прилегавшие к ее территории и находившиеся во власти Турции. Эта версия была публично распространена в российском обществе уже в первые дни войны. На первый план выдвигалась моральная религиозная мотивация – России «издавна принадлежало право покровительствовать и защищать от притеснений диких турок более 14 миллионов христианского населения Турции». В России этой войне был придан сакральный характер борьбы христианского мира с исламом, поддержанным Западом.

Между тем, из дипломатических документов известно, что Николай I несколько раз откровенно предлагал Лондону «разделить» Турцию, чтобы Дунайские княжества, Болгария и Сербия стали самостоятельными государствами, но под русским протекторатом.

Великобритании в этом случае достались бы Египет и Кандия (Крит)⁷. Помимо политических целей, российский император руководствовался экономическими соображениями. Россия стремилась укрепить свои торговые интересы на Дунае и поставить под контроль турецкий экспорт хлеба, который был основным конкурентом российскому хлебному экспорту. В случае установления протектората над княжествами, она бы смогла контролировать более 50% ввоза пшеницы в Великобританию.

Дипломатический расчет Николая I строился на традиционном представлении, что Англии будет выгодно иметь в союзницах Россию, чтобы заблокировать свою континентальную соперницу – Францию. Российский император самолюбиво полагал, что Великобритания согласится с Россией на совместный раздел турецкого наследия. Он не учел экономического прагматизма английского кабинета, тесно связанного с лоббистскими финансовыми и промышленными группами.

Английский ученый Д. Вернон Пьюрер еще в 1930-е годы провел системный анализ реальных причин столь масштабного международного конфликта⁸. Англия, по его мнению, была заинтересована в сбыте своих товаров на российский рынок, но несравненно больший интерес имела к турецкому рынку, на котором английский экспорт пользовался доминирующим положением. По торговой конвенции 1838 г. Турция стала открытым рынком для европейских фабрикантов, что губительно сказалось на ее экономике, но было очень выгодно английскому капиталу. По сути, это обстоятельство оказалось точкой пересечения торговых интересов России и Великобритании. Претензии Николая I на дунайские и черноморские пути, равно как предложение о разделе важнейшего рынка сбыта и сырья для английского капитала могло быть расценено британским кабинетом только как «вызов», который мог перерасти в прямую угрозу восточным экономическим интересам Лондона⁹.

Фактически все исследователи истории Крымской войны сходятся во мнении, что явной необходимости в военных действиях не было, как и не было дипломатического тупика в переговорном процессе. Войны можно было бы избежать дипломатическими методами. Тогда возникает вопрос, почему все-таки была развернута эта крупномасштабная операция на Кавказе, русском Севере, Крыму, когда Франция, Англия, Турция, Сардиния, Австрия выступили единым фронтом против России, а союзная Пруссия предпочла нейтралитет? Основные причины, связанные с опасностью слишком активной политики России на Балканах, подробно исследованы в историографии¹⁰.

Но не стоит забывать, что углубление российско-английского конфликта пришлось на небывалый экономический подъем 1847–1857 гг., который иллюстрирует следующая таблица¹¹.

Показатели по странам	Годы предкризисных максимумов	Прирост в%	Отставание от Англии в 1847 г.	Отставание от Англии в 1857 г.
Добыча угля (в млн т.)				
Англия	1846–1856	52		
США	1847–1856	156	39,9	55,8
Германские государства	1847–1856	123	39,9	57,4
Франция	1847–1856	52	39,5	60,2
Выплавка чугуна (в тыс. т.)				
Англия	1847–1857	83		
США	1847–1856	10	1219	2820
Германские государства	1847–1857	123	1797	3193
Франция	1847–1857	68	1440	2726
Россия	1846–1856	21	1817	3459
Потребление хлопка (в тыс. т.)				
Англия	1846–1856	45		
США	1849–1857	30	152	239
Германские государства	1845–1856	206	262	352
Франция	1846–1856	31	215	320
Россия	1845–1859	269	266	356
Экспорт				
Англия	1845–1857	103		
США	1847–1857	85		
Германские государства	1845–1856	98		
Франция	1847–1856	113		
Россия	1847–1857	15		

Из нее видно, что подъем 1850-х годов демонстрирует рекорд основных показателей и одновременно глубокую неравномерность. Темпы роста промышленности имели активную динамику в Англии и германских государствах, но снизились в ряде основных отраслях США. В период подъема возросло превосходство английской промышленности, а отставание других стран сильно увеличилось. Особенно заметен рост прибыльности английского экспорта. Англия больше всех выигрывала от расширения мирового рынка, ее доля внешних рынков заметно возросла. Расширение экспорта поглощало около 33–40% общего промышленного прироста¹². Именно в середине 1850-х годов внешние рынки под флагом фритредерства становятся мощным инструментом промышленного подъема. В 1853 г., накануне Крымской войны, сырье и полуфабрикаты были полностью освобождены от ввозных пошлин, а пошлины на промышленные товары снижены до уровня, не превышавшего 10% их цены.

Россия, как видно из таблицы, пока еще слабо участвовала в этом подъеме. Только в одной сфере был достигнут прорыв европейского уровня – это хлопкопрядильная промышленность, которая с самого начала создавалась на максимально концентрированной основе. По размерам потребления хлопка Россия приблизилась к Германии, но еще сильно отставала от Англии, Франции, США. Тем не менее, стремясь защитить своих производителей, она продолжала удерживать высокую пошлину на импортную пряжу, составлявшую почти 50% надбавку к цене. Это затрудняло конкуренцию английских фабрик на российском рынке и было еще одним предметом разногласий между Лондоном и Петербургом.

Промышленное превосходство, огромное повышение удельного веса фабричного производства в экономике, абсолютное преобладание в морской торговле и судоходстве, финансовая мощь, беспрецедентный экспорт капитала – все это делало Великобританию не просто одной из великих держав, но ведущей великой державой, крепко державшей в своих руках основные нити мировой политики и экономики. В любом уголке Европы и колониального мира, где появлялась реальная или фиктивная перспектива удачных спекуляций, на сцену вступали английские капиталы, накопившиеся в период промышленной монополии Великобритании. Им просто не хватало достаточно прибыльных сфер приложения внутри страны. К середине века континентальная Европа, и прежде всего Англия, достигли «беспрецедентного уровня изобилия»¹³.

Посол России в Лондоне Ф.И. Бруннов внимательно следил за дебатами в английском парламенте и статьями в ведущих журналах о целесообразности войны с Россией. Он докладывал в октяб-

ре 1853 г. в Петербург о «неясной смеси коммерческих спекуляций, распространении железных дорог, политического влияния и протестантской пропаганды», которые играют здесь серьезную роль при возбуждении общественного мнения¹⁴. Напротив, английский истеблишмент имел прагматичные соображения относительно необходимости устранения не в меру амбициозного конкурента на восточном направлении. Тем более что достаточными ресурсами для такой активной политики Россия не располагала. Решившись на столь масштабный конфликт, Англия не только содействовала своим экономическим приоритетам, но, по сути, рискнула провести ревизию базовых принципов международной системы, установившихся на европейском континенте после наполеоновских войн. Консервативный статус-кво и союз исторических монархий уходили в прошлое. Требовался новый формат международных процессов, более соответствовавший интересам ведущей мировой державы.

Крымская война, рожденная геополитическими и геоэкономическими противоречиями России с самой мощной державой, была инициирована и поддержана европейскими деловыми кругами. Коалиционная война против России, которую возглавила Англия, должна была создать европейскому (прежде всего – английскому) экспорту благоприятные условия на дунайских и черноморских торговых путях, сохранить выгодный рынок сбыта и сырья в ослабленной Турции, а также обеспечить не зависящий от России транзитный путь для английской торговли со странами Персидского залива. Этот крупный военный конфликт вырос из динамичного экономического подъема начала 1850-х годов. Более того, он стал его мощнейшим рычагом, продлив на несколько лет фазу экономического процветания. Данные экономической статистики показывают, что в этом цикле дважды – в 1851 г. и в последнем квартале 1853 г. проявлялись признаки экономических трудностей в Великобритании и Франции¹⁵. Но Крымская война, в которую Англия и Франция вступили в марте 1854 г., по сути сдержала падение производства и торговли. Она создавала значительный дополнительный спрос для металлической, шерстяной, судостроительной и других отраслей промышленности. Даже в США война вызвала подъем судостроения и торговли судами.

Военные действия с 1853 по 1856 г. велись не только на Балтике, Черном и Азовском морях, в Закавказье и Крыму, но и на Белом море и Тихом океане. Это была единственная война, которую Россия вела без единого союзника. Военные расходы воюющих составили (в млн фунтов по курсу периода войны)¹⁶:

Страны	1852 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.
Россия	15,6	19,9	31,3	39,8	37,9
Франция	17,2	17,5	30,3	43,8	36,3
Великобритания	10,1	9,1	76,3	36,5	32,3
Турция	2,8	?	?	3,0	?
Сардиния	1,4	1,4	1,4	2,2	2,5

В России общая сумма военных дефицитов привела к тому, что государство дважды вынуждено было прибегать к внешним займам у немецких банков по 50 млн рублей под 5% годовых¹⁷. Но основным ресурсом военного финансирования оставались внутренние заимствования. Правительство увеличило выпуск кредитных билетов к 1855 г. на сумму, превышавшую 215 млн рублей. В результате в начале 1856 г. общая сумма внутренних и внешних долгов составила более 533 млн рублей. В целом, сумма формального долга государства, включая довоенные внешние заимствования и разного рода внутренние долги, достигла фантастической суммы в 1,5 млрд рублей серебром¹⁸.

С одной стороны, война чрезвычайно ухудшила экономическую ситуацию в стране, уничтожила примерно на 1 млрд рублей ценностей, вызвала инфляцию. Размен кредитных билетов был приостановлен. За несколько лет в обращение была брошена огромная сумма – в 400–450 млн рублей. С другой стороны, она стала источником обогащения огромного количества интендантов – промышленников, военных поставщиков, государственных чиновников, обратившихся к биржевым спекуляциям. Экономист академик В.П. Безобразов описывает современные ему события: «... из опустошенного Крыма, из-под огнедышащих укреплений Севастополя воротились в Россию люди с огромными состояниями; внезапное промышленное оживление увлекло эти состояния; многие бросились на новые пути, которые, как всем казалось, открывались перед Россией. О сбережении накопленного, о благонадежном помещении капиталов никто не думал; все только и хлопотали о том, чтобы нажиться и обогатиться. Здесь следует упомянуть об акционерной лихорадке и о вызванном ею биржевом ажиотаже в столице». Высший пик биржевых спекуляций в России пришелся на 1857 и 1858 гг.¹⁹ Несравненно больший размах в период Крымской войны приобрели банковские и биржевые спекуляции в странах антирусской коалиции и Пруссии, воздержавшейся от военных действий.

Не стоит, конечно, приписывать этот значительный спекулятивный рост только военным заказам и поставкам. В 1850-е годы в европейские банки хлынул большой поток дешевого калифорнийского и австралийского золота, который стимулировал биржевую игру и грюндерство²⁰. Главным центром различных финансовых операций стала Франция. Государственные расчеты по военным поставкам проходили в основном через банк *Crédit Mobilier*, созданный близким кругом императора Наполеона III. Этот банк вообще стал одним из основных действующих лиц экономического подъема 1850-х годов. Он развил крупную финансовую деятельность, скупая акции и учреждая железнодорожные, промышленные, газовые, парходные компании во Франции и за границей, участвуя в реализации государственных, железнодорожных и иностранных займов. С 1852 по 1854 г. средний курс акций на парижской бирже утроился²¹. Страсть к биржевой игре охватила все слои населения. В европейских столицах особой популярностью пользовались биржевые газеты, печатавшие ежедневные котировки курсов акций и последние сводки деловых новостей.

Только за два года (1856 и 1857) было организовано более 700 акционерных обществ (из них 462 общества с акциями на предъявителя)²². На 1856 г. пришелся пик учреждения банков. Они создавались во всех крупных и малых городах. Капитал организованных в Пруссии в 1853–1857 гг. обществ был приблизительно равен 1 млрд 500 млн марок, наибольшая доля которых приходилась на банковский сектор (600 млн марок), затем – железнодорожный (420 млн марок)²³. Учетные операции Прусского банка выросли за период Крымской войны почти в 8 раз. На фоне финансовых пирамид широкое распространение получила система дутых векселей, при помощи которых банки предоставляли огромные суммы фирмам, капиталы которых ни в коей мере не соответствовали объему полученных кредитов. Одни дутые векселя оплачивались другими, в качестве акцептантов векселей использовались люди, не обладавшие никакими средствами. Победоносные реляции антирусской коалиции стимулировали биржевые котировки и грюндерский бум. Недаром исследователи иногда характеризуют этот период как «первую медийную войну». На полях сражений снова тысячи репортеров ведущих европейских и американских газет. В их изложении война превращалась в гигантский спектакль, культовое священное действо, пробуждавшее национализм и деловую активность²⁴.

Дополнительным источником паники стало падение хлебных цен и банкротство крупных хлеботорговых фирм в США, вызванное сокращением экспорта в Европу, которая собрала в 1857 г.

обильный урожай зерновых. Тем более после Крымской войны на европейских рынках вновь появилось русское зерно. В США в 1857 г. было зарегистрировано свыше 5 тыс. банкротств. События в США развязали банковский кризис в Англии, поскольку английский капитал имел значительные вложения в американскую экономику. Сначала рухнули фирмы и банки, имевшие огромные капиталы в Америке, затем волна банкротств перекинулась на финансовые и промышленные дома, которые вели торговлю с европейским континентом, Австралией и Индией. Жертвами пали крупнейшие банки – Western Bank of Scotland в Глазго, имевший сотни филиалов, City of Glasgow Bank с 96 филиалами и др. Началось массовое паническое изъятие вкладов из банков²⁵. Держатели ценных бумаг и обязательств обанкротившихся банков и фирм потеряли 80 млн ф. ст., а общие потери рынка ценных бумаг в Великобритании достигали 250–300 млн ф. ст. На европейском континенте кризис принес наибольшие разрушения в центре морской торговли – Гамбурге. Гамбургская биржа 17 октября 1857 г. оказалась в панике, все основные коммерческие бумаги были обесценены. Во Франции волна банкротств за период с 1856 по 1858 г. составила значительную цифру – 12 030²⁶.

В России этот кризис получил более глубокое отражение, чем все предыдущие. Он проявился в сокращении объема внешней торговли, в особенности экспорта, уменьшении промышленного производства, значительном падении цен на промышленные изделия. Русская экономика становилась все более чувствительной к тенденциям мирового экономического развития. Грюндерский ажиотаж 1856–1857 гг., стимулированный интендантскими «военными деньгами», послевоенная инфляция и быстрое расширение фабричного хлопкопрядения в период и после Крымской войны, – все это также подготовило почву для кризисных потрясений. Первый удар пришелся по русскому экспорту²⁷.

Вывоз	годы	максимум	минимум	падение (в %)
Общий вывоз	1857–1858	169,7	151,2	11
В том числе				
Хлеба	1856–1858	58,2	51,7	11
Леса	1857–1858	6,0	4,8	20
Льна	1857–1859	15,1	13,2	13

С началом фондового кризиса западноевропейские финансисты стали сбрасывать русские ценные бумаги. Их продажа стимули-

ровалась также ростом недоверия к падающему рублю. Ценные бумаги скупались агентами правительства, которое пыталось удерживать их курсы от падения, а также русскими капиталистами, поскольку в послевоенный период они давали больший доход, чем вклады в русские банки. Основные биржевые операции проходили в Париже, Лондоне и Берлине. Это вызвало большую утечку золота из России за границу. По подсчетам видного экономиста И.П. Шипова, работавшего в Государственном казначействе, всего из России было выкачано за 1857–1859 г. золота на 73 млн рублей. Отлив золота усилил затруднения на денежном рынке и привел к застою в торговле. За период с 1856 по 1857 г. выплавка чугуна сократилась на 17%; хлопчатобумажное производство упало на 14%; шерстоткацкое – на 10%²⁸.

Ситуация 1857–1859 гг. в исследовательской литературе определяется как «кризис нового типа», поскольку он был вызван не только перепроизводством, но и сильным рывком в развитии внешнеторговых операций и международных кредитов²⁹. Крымская война, спровоцированная динамикой английского капитала и амбициозными расчетами Николая I, имела свою экономическую мотивацию, неразрывно связанную с циклами европейского развития. Начавшись на волне подъема, она создала невероятное напряжение и ажиотаж на финансовых рынках, во внешней торговле и промышленности. Под давлением капиталов Венская система международных отношений, основанная на принципах традиционной имперской дипломатии и консервативных правилах политической конкуренции, начала ломаться. Стратегия расширения, исторически заложенная в капиталистическом развитии, требовала полной реализации как на евразийском континенте, так и за его пределами. В этом смысле Крымская война сыграла важную инструментальную роль, послужив, с одной стороны, мотором экономического подъема, с другой стороны, – военно-политическим средством борьбы с Россией, оплотом консервативного монархизма и одним из основных гарантов Венской системы.

Возникновение новых центров силы во время экономического подъема шестидесятых годов

Выход из кризиса растянулся примерно на три года, в течение которых началось медленное оживление в отдельных сегментах экономики. Таблица, составленная Л. Мендельсоном на основе годовой отчетности, недостаточно точно отражает динамику выхода из кризиса, но тем не менее дает отчетливое представление о нерав-

номерности отступления депрессии. В ней указаны годы, когда был превышен докризисный максимум³⁰:

Отрасли	Англия	США	Франция	Германия
Потребление хлопка	1858	1859	1860	1860
Выплавка чугуна	1859	1864	1862	–
Добыча угля	1859	1858	1860	–
Экспорт	1859	1860	1859	1860
Импорт	1860	1860	1861	1860

Как видно из таблицы, быстрее всех оправилась Англия. Она первая вступила в фазу нового промышленного и финансового подъема. Когда многочисленные банкротства расчистили пространство промышленного производства и торговли, а рыночные цены стабилизировались в соответствии со спросом, вновь стали оживать биржи. Английская внешняя торговля за это время расширила потоки товаров в Индию, Китай и Персию. Логика дальнейшего развития стала более понятной. Преодоление кризиса перепроизводства возможно через стимулирование внешней торговли и экспорта, прежде всего в собственные колонии. Англия наиболее активно вывозила товары в Китай, Индию, Японию, Австралию, Калифорнию и Ближний Восток.

Франция включилась в закабаление Китая, в опиумные войны, усиливая свое присутствие в Индокитае и Северной Африке. В январе 1860 г. между Англией и Францией был подписан договор о свободной торговле. Переговоры о его заключении вели крупный британский эксперт по экономической политике Ричард Гобден, а с французской стороны – Мишель Шевалье. Договор стал основой экономического и политического консенсуса двух крупнейших европейских государств, открыв простор для «торговли без границ». Наполеон III пошел на сближение с либеральным кабинетом Пальмерстона, стремясь обеспечить Франции положение ведущей континентальной индустриальной державы. Победа в Крымской войне, затем победа в войне против Австрии 1859 г. сформировали у французской политической и деловой элиты убеждение, что мировая политика действительно делается в Париже. В начале 1860-х годов Наполеон III объявил, что во главу угла большой политики будет поставлен «национальный вопрос».

Своеобразным апофеозом бурного экономического развития 1860-х годов и одновременно ярким отражением «эпохи национализма» (по выражению Эрнста Геллнера) стали Всемирные вы-

ставки. Первая была организована в Лондоне в 1851 г., через четыре года в Париже прошла вторая. В рассматриваемый период состоялись сразу три международных выставки – в 1862 г. (Лондон); 1867 г. (Париж); 1873 г. (Вена). Такого размаха за короткий период больше не наблюдалось. Эти выставки, с каждым разом включавшие все большее количество павильонов, стали своеобразным отражением проектов коллективных идентичностей, с которыми выступили все ведущие европейские государства. Индустриальное развитие становилось мерилom эффективности национального развития. На выставках 1855 и 1867 гг. Наполеон III презентовал Францию как «ведущую экономическую державу европейского континента», а Париж как «мировой город»³¹. Стремясь переписать карту Европы, он поддержал сначала итальянский ирредентизм, затем – польское восстание 1863 г. Это вызвало серьезное охлаждение между Россией и Францией с Великобританией, подтолкнуло Петербург и Вену к идеям реставрации Священного союза. В годы экономического подъема завязывались новые узлы политических противоречий. Франко-английское сближение поставило германскую, русскую и австрийскую дипломатии перед необходимостью искать пути к возобновлению прежнего союза.

Экономический подъем 1860-х годов имел динамику, которая определила новую расстановку сил в мировой политике. Ритмы экономического развития выдвинули вперед два государства по разные стороны Атлантики. Оба смогли осуществить государственное объединение военным путем. Благодаря этому в США и Германии сформировались условия для экономического роста. Вновь, как и в период Крымской войны, инструментальную роль в этих параллельных процессах сыграли войны. Они имели противоречивый эффект. С одной стороны, Гражданская война между индустриальным американским Севером и латифундистским Югом принесла инфляцию, расстройство финансов, отток английских капиталов и в целом сокращение европейских инвестиций. Но с другой стороны, дала мощный импульс индустриальному развитию на качественно новом уровне. В несколько раз выросла мощность военных заводов, расширился парк механических двигателей. Столь интенсивное развитие напрямую стимулировалось военными заказами. Налоговая политика военных лет также способствовала концентрации производства³². Около четверти промышленного производства шло непосредственно для нужд войны, которая закрепила также протекционистскую политику. В шестидесятые годы в США начался быстрый рост швейных и обувных фабрик, тяжелой промышленности, машиностроения, увеличение добычи угля и чугуна.

Прусская армия, модернизированная Бисмарком, в 1864 г. при поддержке Австрии разгромила Данию, а в 1866 г., используя нейтралитет Франции, нанесла решающее поражение Австрии, отодвинув ее на второй план в европейской и германской политике. Третья победоносная франко-прусская (или франко-германская) война в 1871 г. открыла новую веху в истории Германской империи. Все шестидесятые годы Пруссия шла навстречу этой цели. Она смогла догнать и даже опередить Францию, которая раньше прочно держала первенство на европейском континенте. До Англии оставался еще один рывок. В германских землях организовывались металлургические заводы, домны, рудники, химические заводы, станкостроительные заводы, судостроительные, угольные шахты.

Война с Францией подвела черту под индустриальным и политическим соперничеством двух крупнейших государств на европейском континенте в 1860-е годы. Она дала импульс не только германскому, но и общеевропейскому экономическому развитию. Под влиянием войн в шестидесятые годы начался огромный рост вооружений. Модернизация военных флотов, строительство бронированных судов, массовое производство нарезных ружей, новшества в артиллерии, – эти потребности, вызванные войнами, перезапустили новые механизмы экономического цикла. На первый план стали выдвигаться перспективные секторы производства, требовавшие увеличения продукции угольной и металлургической промышленности. Но их развитие было обусловлено не только военным фактором.

Мощнейшим двигателем роста европейских экономик стало железнодорожное строительство. Во всех крупных городах стали возводиться величественные здания вокзалов, на фасадах которых эклектичные аллегории символизировали национальное и государственное величие. В них устраивались самые фешенебельные и модные рестораны, а залы ожидания для пассажиров первого класса превращались в подобие светских салонов. Субботние и воскресные прогулки вдоль перронов становились самым популярным развлечением буржуазной публики, особенно в провинциальных городах. Таблица показывает темпы наращивания железных дорог (в тыс. км)³³:

Годы	Всего в мире	США	Европа	Англия	Германия	Франция	Россия	Индия
Прирост за 1847–1857 гг.	57,7	31,0	25,4	8,9	4,7	5,7	0,8	0,3
Прирост за 1857–1867 гг.	74,8	22,4	44,2	7,6	6,7	8,2	3,9	5,1

Если в 1840-е годы железнодорожная горячка охватила Англию, а в следующее десятилетие – США, то в этот циклический подъем наибольший прирост пришелся на США и Францию. Даже Россия смогла значительно увеличить свой железнодорожный потенциал, совершить прорыв в этой сфере³⁴. Железнодорожное строительство в США стало самым эффективным средством преодоления кризисных ситуаций после окончания Гражданской войны. Под него отводились огромные массивы дешевой земли. Государство щедро предоставляло субсидии. Все это обеспечило высокую курсовую стоимость американских железнодорожных ценных бумаг, которые пользовались доверием и большой популярностью на европейских биржах. За период с 1863 по 1873 г. США разместили своих акций за границей на 1300 млн долл. Экспорт британских капиталов после Гражданской войны снова принял значительные объемы и попутно расчистил дорогу товарному потоку из Англии в США³⁵.

Из сырьевых материалов наиболее востребованными для этого цикла стали не хлопок, а каменный уголь и металлы. Хотя эпоха стали наступила несколько позже – в 1870–1880-е годы, уже к 1867 г. две страны вырвались вперед. В Англии выплавлялось более 50% всей стали, в Германии – 25%. Прирост угольной промышленности составил 126% в США, 104% – в Германии, 57% – в Англии³⁶. Такой стремительный рост угольной промышленности объяснялся ростом числа паровых машин на железнодорожном и водном транспорте.

Еще одной приметой времени стал беспрецедентный строительный бум, захвативший европейские столицы. По примеру Парижа с его новыми линиями бульваров, широкими проспектами и домами в несколько этажей с роскошными фасадами и парадными, стали перестраиваться многие столицы. Австрийский император Франц-Иосиф начал полную реконструкцию Вены, чтобы, по его выражению, австрийцы не в Париже, а в Вене смогли увидеть мировую столицу. Города покрывались строительными лесами, перерывались узкие средневековые улочки, ветхие дворцы безжалостно сносились, прокладывались широкие проспекты, вдоль которых возводились новые дома, в которых причудливо смешивались аристократические и буржуазные пристрастия. Городское строительство развернулось с небывалой силой. Интенсивное приложение капиталов в разные сферы способствовало ускоренному процессу их концентрации. Повсюду создавались общества с ограниченной ответственностью, которые вбирали в себя банки, транспортные, промышленные и строительные кампании, отделения биржевых маклеров и торговые сети³⁷.

Мобилизация капиталов была возможна только путем эмиссии ценных бумаг. На европейских биржах после войн в США и Центральной Европе скопилась значительная масса ценных бумаг австрийского, венгерского, турецкого, русского происхождения. В основном это были бумаги железнодорожных концессий. Германский капитал активно инвестировал в австрийские и венгерские ценные бумаги, которые после австро-прусской войны были значительно обесценены. Также активно вкладывались средства в русские займы. После франко-прусской войны часть ценных бумаг перешла от Франции к Германии в качестве уплаты контрибуции. В результате помимо Лондона, признанного финансового мирового центра, усилился Берлин. Хотя Англия продолжала доминировать, крупные операции осуществлялись на биржах Амстердама, Берлина, Парижа. Если американские ценные бумаги выпускались в Лондоне по цене выше номинала, то русские эмитировались с понижением вплоть до минус 40%. Из-за низкой кредитоспособности России английские финансисты получали огромные доходы на эмиссии русских займов³⁸.

В эти годы в Германии возникли такие в будущем финансовые гиганты, как Deutsche Bank, Dresdner Bank, Kommerz-und Privatbank. Но финансовый бум неизбежно порождал невиданный размах жульничества и денежных афер в Лондоне, Париже, Берлине, Вене, США – повсюду, где создавались условия для проведения крупной биржевой игры. На финансовых рынках размещалось огромное количество государственных и муниципальных займов, на долю которых приходилось три пятых из 39 млрд фр. мировой эмиссии ценных бумаг в 1871–1873 гг.

Несмотря на динамичный рост новых центров, особенно Германии и США, сила британских миллионов пока еще оставалась непоколебимой. Но в шестидесятые годы проявились первые симптомы внутреннего торможения роста самой мощной державы мира. Англия продолжала успешно наращивать торговые обороты, заниматься масштабными инвестиционными проектами и реэкспортной торговлей в США, Германию, Испанию, Италию, Россию. Но в 1866 г. разразился первый серьезный кризис доверия к прочности британского фунта стерлинга. Настоящая паника захлестнула Лондонский Сити 11 мая 1866 г., когда в «черную пятницу» обанкротился крупнейший банковский дом Overend and Co. Он занимал ведущее положение, проводил широкие операции по финансированию строительства железных дорог и имел капитал в 10 млн ф. ст. Ломбарт-стрит быстро запрудили толпы людей, осаждавших двери самых почтенных банков, пытавшихся заполучить назад свои вклады. Остро, как и в период кризиса 1857 г., стал

ощущаться дефицит ликвидности. Поиски платежных средств спровоцировали массовый сброс ценных бумаг и катастрофическое падение курсов. Паника в Лондонском Сити была настолько сильной, что министр иностранных дел вынужден был обратиться ко всем послам с циркуляром, в котором им предписывалось укреплять веру в прочность британского кредита. Тем не менее, майская паника в Англии не вызвала в других странах значимых финансовых потрясений. Характеризуя течение этого кризиса, М.И. Туган-Барановский отмечал его финансово-кредитный характер³⁹. Этот чисто английский кризис вызвал замедление темпов роста экономики Великобритании.

Таким образом, экономический подъем впервые был обусловлен не столько оживлением английской промышленности, сколько ростом активности новых центров – Германии и США. В Англии же последствия кризиса 1866 г. оказались довольно тяжелыми. Оживление наступило несколько позднее, и импульс был дан не столько внутренними резервами, сколько внешним фактором – прогрессом американской индустрии, в которую были вложены английские капиталы. Стержень английской экономики – хлопчатобумажная промышленность – долго не смогла стабилизировать резко скакнувшие вверх цены на сырье. Только в 1876 г. цены на хлопок вернулись к уровню 1860 г. Это был один из факторов, затянувший депрессивную фазу английского экономического цикла.

Если в США и Германии подъем был обеспечен иностранными инвестициями, то в Англии, напротив, экспортом капитала. За десятилетие, с 1867 по 1876 г., она разместила в иностранные ценные бумаги около полумиллиарда фунтов стерлингов. В знаменитой работе Джона Гобсона «Империализм», поставившей в свое время диагноз динамике и качеству мирового роста, отмечалось, что с начала 1860-х годов за двадцать лет общая сумма английских капиталов, инвестированных за рубеж, увеличилась более чем в шесть раз⁴⁰. Россия более активно участвовала в этом подъеме, чем в предшествовавшие периоды. Но первая половина 1860-х годов сопровождалась серьезным расстройством финансовой системы. Страна вступила в эпоху Великих реформ, тяжело подавая модернизационным новшествам. Если в европейской геополитике Россия выступала как крупный игрок, обладавший армией, сильный не столько своим снаряжением, сколько волей к победе, то в развернувшейся индустриальной схватке ведущих держав она не смогла пока составить конкуренцию.

Польское восстание 1863 г. вызвало резкий отток иностранных капиталов и обострение отношений с Англией и Францией. Хотя Россия смогла сильно увеличить темпы наращивания железно-

дорожного полотна, это не вызвало, как в европейских странах, подъема сопредельных отраслей производства. Ведь рельсы, паровозы, вагоны и все другие составляющие ввозились из-за границы. Черные металлы, составлявшие 90% внутреннего производства чугуна, ввозились в страну беспошлинно. Ввоз угля также был почти в два раза выше внутренней добычи⁴¹. Широкое железнодорожное строительство в России подпитывало западноевропейскую тяжелую индустрию, поскольку ей направлялись все основные заказы и поставки. Русская индустрия в этот период развивалась медленными темпами и оставалась отсталой и слабо конкурентной. Для дальнейшей модернизации стране требовались огромные иностранные инвестиции. В 1867 г. Россия продала Аляску Соединенным Штатам за 7,2 млн американских долларов. Великобритания также хотела участвовать в этом торге, но Петербург предпочел соседство с США.

Мировой экономический кризис 1873 года

Гигантские финансовые комбинации обострили спрос на ликвидность. В Австрии средняя ставка по репортным операциям составляла 16–24%, доходя даже до 60%, как сообщает современник этих явлений⁴². Венская биржа в начале 1870-х годов работала на повышенных оборотах. Огромный ажиотаж был вызван реконструкцией Вены и спекуляциями вокруг земельных участков под застройку. В 1872 г. среднее количество сделок на венской бирже оценивалось в 50 тыс. флоринов в день. В игре по-крупному принимали участие германские и английские капиталы.

С лета 1873 г. кризисные процессы стали развертываться стремительными темпами не только в Центральной Европе, но и в США. Американский рынок оказался переполнен иностранными товарами, что стало вызывать периодические сбои в их реализации. Параллельно с этим американские железнодорожные бумаги начали испытывать трудности с размещением. Сжатие железнодорожного строительства и металлургического производства в США сначала воспринималось как временный спад. Но затем новости из Европы нанесли по всей американской экономике ощутимый удар.

С весны 1873 г. венскую биржу стало лихорадить. 9 мая в «черную пятницу» акции серьезно обесценились. В течение суток даже первоклассные уважаемые бумаги потеряли доверие. Кредитные операции были парализованы. Первая волна банкротства накрыла 300 фирм. Шлюзы, сдерживавшие панику, открылись.

Финансовые рынки захлестнула волна страха и массовых банкротств. За период с марта по октябрь 1873 г. курсовая стоимость акций банков на венской бирже упала на 58%, транспортных предприятий – на 20%, строительных обществ – на 74%, промышленных предприятий – на 49%⁴³. Негативная динамика усиливалась от месяца к месяцу. В мае кризис обрушился на Австро-Венгрию, с конца августа по ноябрь резкий спад ощутила Германия, в США основной удар пришелся на сентябрь и декабрь. До Англии кризис добрался в ноябре. Позже всех в эту полосу вступила Франция.

Осенью крах крупнейшей финансовой немецкой группы – Quistorp'sche Vereinsbank in Berlin породил всеобщий кризис доверия к финансовым инструментам. За обрушением банковского сектора последовала череда резкого спада в железнодорожном, строительном, судостроительном производстве. Разорались крупные промышленные предприятия. На Уолл-стрит в Нью-Йорке банки и брокерские конторы трещали под напором вкладчиков, пытавшихся спасти свои депозиты. Впервые биржа в Нью-Йорке была закрыта на 10 дней. Этот кризис имел выраженный двойной характер. Он растянулся на шесть–семь лет. Тяжелее всех пришлось английской экономике⁴⁴.

Резкий спад обозначился сначала в 1873–1874 гг. После затяжной рецессии в 1878 г. все с надеждой констатировали признаки оживления. Но именно тогда европейские экономики вновь испытали резкий спад. Дважды – в 1873 и в 1878 гг. – на финансовых рынках происходило резкое обрушение курсовых цен, дважды волны банкротств «расчищали» экономическое пространство. Этот затяжной кризис пришелся на предельную фазу развития свободной торговли и дал мощный импульс зарождению картелей. Он охватил Австро-Венгрию, Германию, США и Англию, Францию, Россию, Италию и Швецию, Бельгию, Голландию, растянулся вплоть до Египта и Аргентины. Исследователи этого кризиса констатируют, что именно он создал «Великую депрессию как международное явление»⁴⁵.

В условиях экономического кризиса обострились политические взаимоотношения между великими державами. В октябре 1873 г. по инициативе Бисмарка был заключен Тройственный союз между Германией, Австро-Венгрией и Россией. Он стал своеобразной реакцией консервативных держав на британские и французские стратегии расширения. Впоследствии германская внешняя политика постоянно использовала блоковую дипломатию, чтобы сохранять баланс сил на континенте в свою пользу и лишить Францию свободы рук в европейской политике. Но стремление Германии к реставрации Священного Союза отражало еще одну новую

тенденцию – наметившееся противостояние британских и германских капиталов.

В России первое частичное падение производства и торговли было отмечено в 1872, второе – в 1876 г.⁴⁶ «Биржевые Ведомости» в 1873 г. сообщали об «эпидемии банкротств» в Москве, Казани, Новочеркасске и Одессе, вызванном венским финансовым кризисом⁴⁷. Но Россия смогла раньше других европейских государств выйти из него. Стимулирующую роль вновь сыграл фактор войны. Правительство готовилось к войне с Турцией, а предвоенные мобилизационные мероприятия повлекли за собой крупные промышленные заказы, что вызвало оживление отечественной промышленности. Подготовка к войне сопровождалась мощной идеологической кампанией с панславистскими мотивами. Общество было настроено решительно.

Итак, на протяжении почти тридцатилетнего периода, который был рассмотрен в статье, можно выделить ряд тенденций, необходимых, на мой взгляд, для понимания эволюции внешней политики европейских государств. Во-первых, наступившая с середины XIX в. «индустриальная лихорадка» в значительной степени изменила логику мировой политики. Территориально-политический масштаб конкуренции ведущих держав постепенно заменялся геоэкономическими стратегиями расширения. Их экзистенциальное значение для государственной политики было обусловлено общим представлением, что только усиление экспортных потоков способствует «рассасыванию» рецессии. Расширение зоны сбыта отечественной продукции, привлечение иностранных инвестиций, стимулирование финансового рынка путем размещения государственных обязательств, создание условий для концентрации производства и капиталов, – все эти векторы государственной политики имели внешнеполитический смысл. Во-вторых, войны приобрели новое качество. По сути, они стали мощным рычагом расширения национального производства и подъема биржевых котировок. В ритмах экономического развития эти «войны нового типа» были способны либо отсрочить наступление кризиса, либо содействовать его быстрому преодолению. Остается открытым вопрос – можно ли говорить о совпадении экономических циклов с фазами международного развития? Поиск ответов требует больших системных исследований. Тем не менее индустриальная эпоха, неизбежно ускорившая течение жизни европейских обществ, привнесла свою динамику и во внешнеполитическую реальность. Участвовавшие со второй половины XIX в. национальные и международные экономические кризисы ставили правительства перед необходимостью пересмотра прежних ценностных ориентиров и

базовых установок в международных отношениях. Резко возросший фактор индустриальной конкуренции менял линии противостояний и политических союзов.

Примечания

- 1 *Brentano L.* Die klassische Nationaloekonomie. Leipzig, 1888; *Брентано Л.* Причины экономического расстройтва в Европе. Одесса, 1894, первое издание – в 1889 г.; *Бернштейн Э.* Социальные проблемы. М., 1901.
- 2 *Митчелль У.* Экономические циклы / Пер. с англ. М., 1930. С. 391–392.
- 3 Экономические показатели зафиксированы в огромном количестве экономико-статистических материалов. Можно указать отдельные из них: *Rosenberg H.* Die Weltwirtschaftskrisis von 1857–1859. Stuttgart; Berlin, 1934; *Porter G.R.* Statistical Abstract for the United Kingdom 1853–1867. L., 1884. P. 54; *Guetter F.J.* Statistical Tables relating to the Economic Growth of the United States. Philadelphia, 1924; *Manegold K., Treue W.* Quellen zur Geschichte der industriellen Revolution. Goettingen, 1979; Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / Под ред. В. Покровского. Т. 1. СПб., 1902. С. 277. В СССР огромный интерес к экономическим циклам и кризисам был вызван Великой депрессией в США, поскольку это вписывалось в советскую концепцию «загнивания капитализма». Серьезный детальный анализ с привлечением исследований и статистических данных наиболее авторитетных западных центров был сделан в исследовании: Мировые экономические кризисы. Т. 1–3. М., 1937–1939. Статистические таблицы см. также: *Мендельсон Л.* Экономические циклы и кризисы XIX века. М., 1949.
- 4 *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Изб. труды. М., 2002; *Он же.* Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. М., 1991. См. о теории Н. Кондратьева: *Абалкин Л.И.* Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность. Доклад на международной конференции. М., 1992. 16 с.; В.И. Вернадский и Н.Д. Кондратьев: великий синтез творческих наследий (через цикличность и моделирование будущего). СПб., 1997.
- 5 Существуют различные модели экономического развития. Долговременные тенденции циклической эволюции нашли отражение в крупных исследованиях: *North D.* Economic Performance Through Time // *American Economic Review.* 1994. June. № 84. No. 3; *Fogel R.* Economic Growth, Population Theory, and Physiology: The Bearing of Long-Term Processes on the Making Economic Policy // *American Economic Review.* 1994. June. № 84. No. 3; *Kirchner W.* Die Deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands 1815–1914. St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, 1986. Модели экономического развития с их циклическими ритмами описаны также в фундаментальных трудах: *Kuznets S.* Modern Economic Growth. New Haven: Yale University Press, 1966;

- Borchardt K.* Wachstum, Krisen, Handlungsspielraume der Wirtschaftspolitik. Studien zur Wirtschaftsgeschichte des 19. und 20. Jh. Goettingen, 1982. *Зомбарт В.* Современный капитализм. Том первый. Полутом первый. Л., 1924. Серьезный интерес представляет работа известного американского специалиста по экономической истории России Пола Грегори: *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки / Пер. с англ. М., 2003. Особо стоит отметить фундаментальные российские исследования: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века. М., 1974; *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). М., 1985; *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений. М., 1988.
- 6 Грюндерство – термин XIX в., определяющий основание акционерных обществ.
- 7 Как отмечает Е.В. Тарле, в начале 1853 г. Николай I в разговоре с британским послом в Петербурге Дж. Сеймуром вернулся к теме, которую поднимал еще в 1844 г. в беседе с Робертом Пилем. Судьба Константинополя не была решена, но Николай заявлял, что не планирует захвата этого города, но не допустит, чтобы он достался Англии или Франции (*Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1. М., 2003. С. 144).
- 8 *Puryear V.J.* International economics and diplomacy in the Near East. A study of British commercial policy in the Levant, 1834–1853. Stanford, 1935. Эта же точка зрения впоследствии была поддержана в серии исследований: *Anderson O.* A Liberal state at war. English politics and economics during the Crimean war. L., 1967; *Hughes J.R.T.* Fluctuations in trade, industry and finance. A study of British economic development, 1850–1860. Oxford, 1960. В советских исследованиях в 1940-е годы также утвердилось представление о ключевом значении русско-английских экономических противоречий. Е.В. Тарле в фундаментальном исследовании по истории Крымской войны на основе огромного массива дипломатического архива показал, что экономическая мотивация значительно преобладала над идеологией. Он проследил разрастание экономических конфликтов между Англией и Россией к середине XIX в. (*Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1. М.; Л., 1941 (второе издание – М.; Л., 1950)). К этому же выводу пришел А.Г. Аполлов в своем труде: *Аполлов И.Г.* Развитие торговых отношений между Россией и Англией после Крымской войны (1856–1858) // Исторические науки: научные доклады высшей школы. 1959. № 4; *Золотов В.А.* Внешняя торговля южной России в первой половине XIX века. Ростов н/Д, 1963; *Нифонтов А.С.* Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853–1856 // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. В этих исследованиях анализируется существенное значение рынка России для внешней торговли Англии.
- 9 В 1846–1850 гг. Россия вывозила приблизительно 5% собранного хлеба, в основном – высококачественную пшеницу. В российском экспорте зерновые составляли 35% и основным его потребителем была Англия – 37%, затем шли

германские государства – 11%, Франция – 10%. (*Высочков Л.В.* Николай I. М., 2003. С. 243; *Тарле Е.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 53; *Stavrianos L.S.* The Balkan since 1453. L., 2002. P. 321–327; *Айранетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 183–188). Россия в начале 1850-х годов расширяла свой хлебный импорт в Англию. Но все же до четверти всего зерна, поступавшего в Англию, приходилось на турецкие владения – Дунайские княжества и Египет. Дунайские княжества и проливы занимали важнейшее положение в морских торговых путях Великобритании. До трети всего судоходства по Дунаю шло под британским флагом.

- 10 Особый интерес при изучении российско-европейских отношений имеет обзор: *Жомини А.Г.* Россия и Европа в эпоху Крымской войны // Вестник Европы. 1886. № 2–10. Этот материал был составлен по поручению министра иностранных дел России, канцлера А.М. Горчакова. А.Г. Жомини был его ближайшим соратником в 1863 г., доверенным человеком и дипломатом. Этот труд был впервые опубликован анонимно в Париже: *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, 1852–1856. Par ancien diplomate, 2 t. P., 1874.* (*Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 195–196). См. также издания важнейших дипломатических материалов по истории Крымской войны: *Akten zur Geschichte des Krimkriegs.* München, 1980 (ser.1: österreichische Akten zur Geschichte des Krimkrieges. Bd. 1: 27. Dec. 1852 bis 25. März 1854; Bd. 2: 30. März 1854 bis 9. September 1855) (такие же английские, прусские дипломатические документы периода Крымской войны) *The Crimean war: Living history /* Huntington: ELM, 1991; *Oesterreichische Akten zur Geschichte des Krimkrieges /* Bearb. Von A.M. Schop-Soler. München, Wien, 1980; *Preussische Akten zur Geschichte des Krimkrieges /* Bearb. Von W. Baumgart et al. München: Oldenburg, 1990 (*Akten zur Geschichte des Krimkrieges /...*); *The Crimean War.* Ed. By P. Kerr, G. Pye. L.: Voxtree, 1997. 192 p. Обострение дипломатических отношений между Англией и Россией относится к 1849–1850 гг., когда после спада революционной волны в Европе обострился восточный вопрос. Конфликтные ситуации следовали одна за другой. Вхождение английской эскадры в Дарданелльский пролив осенью 1849 г. и блокада Греции английским флотом в начале 1850-х годов вызвали резкий протест в Петербурге.
- 11 См. подробнее: *Мендельсон Л.* Экономические кризисы и циклы XIX века. М., 1949. С. 308. Экономические показатели на этот период нередко существенно расходятся. Это объясняется слабым развитием в середине XIX в. экономической статистики и методов исчисления индексов роста. Но они отражают основные тенденции. Сравнительный анализ экономических показателей и коэффициенты их корреляции см., к примеру: *Грегори П.* Экономический рост Российской империи. С. 16–20, 37–55.
- 12 *Mulhall M.G.* The Dictionary of Statistics. L., 1909. P. 369.
- 13 *Грегори П.* Указ. соч. С. 20.
- 14 Цит. по: *Тарле Е.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 348; Бруннов Ф.И. – Нессельроде 9/21 октября 1853.

- 15 Annuaire de l'économie politique et de la statistique. P., 1855. P. 593.
- 16 *Kennedy P.* The rise and fall of the Great Power. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 1900. L., 1989. P. 168–169.
- 17 *Блюх И.С.* Финансы России XIX столетия. История – статистика. СПб., 1882. Т. 2 С. 17–28.
- 18 *Безобразов В.П.* О некоторых влияниях денежного обращения в России. М., 1863. С. 34.
- 19 Там же. С. 32.
- 20 Erste Weltwirtschaftskrise // Chronik des 19. Jahrhunderts. Geiss I. (Hrg.) Weltbild Verlag, 1996. S. 446.
- 21 *Ormesson W.* La Grande crise mondiale de 1857. P., 1933. P. 109.
- 22 *Block N.* Statistique de la France comparée avec les autres états de l'Europe. Vol. II. 1860. P. 250.
- 23 *Wirth M.* Geschichte der Handelskrisen. Frankfurt am Main, 1883. S. 310; *Waltershausen A. Sartorius von.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte 1815–1914. Berlin, 1920. S. 184–185.
- 24 См. подробнее: *Павленко О.В.* Преодоление исторической травмы в общественной памяти России во второй половине XIX – начале XX в.: на примере Крымской войны // Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. М.: РГГУ, 2009.
- 25 *Evans A.* The History of the Commercial Crisis 1857–1858. L., 1859. P. 34, 51.
- 26 *Мендельсон Л.* Указ. соч. С. 353.
- 27 Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / Под ред. В. Покровского. Т. 1. СПб., 1902. С. 105, 109, 115.
- 28 *Шипов И.П.* Куда и отчего исчезли у нас деньги? СПб., 1860. С. 33–34.
- 29 Erste Weltwirtschaftskrise // Chronik des 19. Jahrhunderts. Geiss Imanuel (Hrg.) Weltbild Verlag, 1996. S. 446–447.
- 30 *Мендельсон Л.* Указ. соч. С. 364.
- 31 Chronik des 19. Jahrhunderts. S. 422.
- 32 *Clark V.* History of Manufactories in the United States. N. Y., 1929. Vol. 2. P. II.
- 33 *Мендельсон Л.* Указ. соч. С. 379; *Koenig W., Weber W.* Netzwerke – Stahl und Strom 1840–1914. Bd. 4. Berlin, 1990. S. 78.
- 34 *Гливиц И.П.* Железная промышленность России. СПб., 1911. Статистическое приложение. С. 41.
- 35 *Partington R.* Railroad Purchasing and the Business Cycle. Washington, 1929. P. 43; *Treue W.* Eisenbahnen und Industrialisierung. Dothmund, 1987.
- 36 *Bolles A.* Industrial History of the United States. Boston, 1881. P. 201–202.
- 37 *Kroll F.-L.* Industrialisierung und Imperialismus // Chronik des 19. Jh. S. 575–576. В Англии было создано за период с 1869 по 1873 г. более 4000 акционерных обществ, во Франции – 1170; в Германии – 928; в Австро-Венгрии – 642; в России – 301.
- 38 *Мендельсон Л.* Указ. соч. С. 437.
- 39 *Туган-Барановский М.И.* Периодические помышленные кризисы. СПб., 1914.

- С. 128; *Лескюр Ж.* Общие и периодические промышленные кризисы / Пер. с фр. СПб., 1908. С. 89–90, 102. Но сам финансовый кризис был тесно связан с общим кризисом хлопчатобумажной промышленности, вызванным резким падением экспорта из США в связи с Гражданской войной. «Хлопковый голод» привел к закрытию крупнейших фабричных центров, тысячи рабочих были выброшены на улицы без средств к существованию. Если в предшествовавшие циклы именно ткацкое производство было мощным рычагом экономического подъема, вокруг него аккумулировались основные капиталы, то в шестидесятые годы оно было вытеснено тяжелой металлургией и машиностроением.
- 40 *Гобсон Д.* Империализм / Пер. с англ. Л., 1927. С. 61; *Jenks L.H.* The Migration of British Capital to 1875. N. Y.; L., 1927. P. 281.
- 41 *Блюх И.С.* Указ. соч. С. 88–98; Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / Под ред. В. Покровского. СПб., 1902. Т. 1. С. 232; Статистическое приложение. С. 131.
- 42 *Neuwirth J.* Die Spekulationskrisis von 1873. Leipzig, 1874. В. 1. S. 10; В. 2. S. 18–19; 66–67. *Rauchberg H.* Oesterreichs Bank- und Creditinstitute in den 1872–1883 // Statistische Monatschrift. 1885. № 11. S. 108–111.
- 43 Ibid. S. 87; *Wirth N.* Geschichte der Handelskrisen. Frankfurt a/M, 1890. S. 539; 569. См. также: *Oechelhaeuser R.* Der wirtschaftliche Krisis. Berlin, 1876. S. 40–42, 51.
- 44 *Wysocki J.* Die oesterreichische Finanzpolitik // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. В. 1. Wien, 1973.
- 45 «Grosse Depression» bremst Aufschwung // Chronik des 19. Jh. S. 601.
- 46 См. по: Мировые экономические кризисы. Т. 1. М., 1937. *Блюх И.С.* Указ. соч. С. 230.
- 47 Биржевые Ведомости. 1873. № 137.

ПЕРВЫЙ КРИЗИС
В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ:
ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

В период первого кризиса в истории российско-американских отношений (1902–1905) во внешнюю политику Соединенных Штатов впервые, хотя и на непродолжительный срок, интегрировался образ русского как «Другого», что способствовало ее дезориентации. Именно в это время со всей очевидностью обозначились и были визуализированы те изменения в восприятии Российской империи, которые возникли в американском обществе еще на рубеже 1880–1890-х годов. Американцы (начиная с президента, госсекретаря, дипломатов, экспертов по «русскому вопросу» и заканчивая бизнесменами, общественными и религиозными деятелями, журналистами и карикатуристами) использовали образ русского «Другого» с целью актуализировать идею об особой ответственности Соединенных Штатов за проведение реформ в России, представить международный конфликт на Дальнем Востоке, равно как и российско-американские отношения в целом, посредством концептуальных оппозиций «Свет–Тьма», «Цивилизация–Варварство», «Современность–Средневековье», «Демократия–Деспотизм», «Свобода–Рабство», «Запад–Азия/Восток».

Проведенное автором исследование позволяет: (1) объяснить возникновение долгосрочных американских мифов о России; (2) обратить внимание на «циклы надежд и разочарований», переживаемые американцами в связи с их видением модернизации России и связанные не столько с познанием российской действительности, сколько с их собственными экономическими амбициями, политическими идеалами, религиозным вдохновением и филантропическим альтруизмом; (3) рассмотреть внешнюю политику США как механизм конструирования национальной идентичности, представить ее анализ в рамках имагологии международных отношений, нацеленной на изучение межкультурных представлений, образов и стереотипов восприятия.

© Журавлёва В.И., 2009.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант 07-01-02002а «Восприятие российской модернизации в США в XIX–XX вв.»).

Ключевые слова: российско-американские отношения, внешняя политика США, американская идентичность, имагология международных отношений.

В начале XX в. Россия и США пережили первый в истории двусторонних отношений кризис, который, несмотря на свой краткосрочный характер, имел долгосрочные имагологические последствия. На протяжении нескольких лет – с 1902 по 1905 г. – два образа России глубоко интегрировались в американский общественный и официальный дискурсы: «демонический» (Россия – «Империя Тьмы», страна деспотизма и произвола, тюрьма для представителей национальных и религиозных меньшинств) и «романтический» (Россия – страна, народ которой хочет и может следовать западной модели развития, готов совершить политическую революцию американского образца и ждет помощи из-за океана в реализации своего стремления создать «Соединенные Штаты России»). Более того, именно в это время произошла подлинная визуализация американских долгосрочных мифов о России, сохранивших свое значение вплоть до настоящего времени.

Возникновение первого кризиса было связано как с изменениями в системе международных отношений, обретавшей свое глобальное измерение, так и с внутренней повесткой дня двух стран, продиктованной требованиями модернизации рубежа XIX–XX вв.

Три события формировали различные грани этого кризиса. Во-первых, международный конфликт на Дальнем Востоке, где впервые столкнулись экономические амбиции, экспансионистские устремления и геополитические интересы Российской империи и Соединенных Штатов Америки и где возникало «предощущение» будущего противостояния XX в. В связи с обострением противоречий в дальневосточном регионе со всей очевидностью обозначилось не только изменение внешнеполитических приоритетов США, которые сделали ставку на Японию и завершили процесс сближения с Великобританией, тем самым исключив из «уравнения российско-американской дружбы» одну из важнейших составляющих, но и стремление использовать идеологический фактор для обоснования антирусского курса, задействовать русского «Другого» в процессе выстраивания внешней политики. Начиная с рубежа XIX–XX вв. Россия выполняла роль одного из значимых «Других» Соединенных Штатов, при том что их международная политика, по справедливому замечанию Д. Кэмпбелла, вообще выстраивалась как ряд взаимодействий с «Другими», как постоянное подыскивание «Других», противопологаемых американской

Я-концепции, и превращалась в механизм конструирования национальной идентичности¹. Во-вторых, Кишиневский погром 1903 г. Реакция в США на антиеврейское насилие в Российской империи стимулировала нарастание антирусских чувств в американском обществе и способствовала закреплению дихотомического, манихейского видения политики России на Дальнем Востоке и происходящих в ней процессов в целом. В-третьих, Первая русская революция, в ходе которой достиг своей кульминации и первый «крестовый поход» американцев за демократизацию России, инициированный на рубеже 1880–1890-х годов благодаря выступлениям либерального журналиста Дж. Кеннана, деятельности «друзей русской свободы» в США, а также российских политэмигрантов и связанный со стремлением граждан Североамериканской республики переустроить Российскую империю, превращавшуюся в один из объектов их миссии по реформированию мира². Причем позиция Вашингтонской администрации накануне и в ходе Русско-японской войны, а также японофильские настроения, получившие распространение в США, вызвали негативную реакцию в российских правительственных кругах и среди патриотически настроенной части русского общества, а эйфория универсализма, охватившая американцев в связи с начавшейся в 1905 г. революцией, оскорбила в лучших чувствах Россию официальную и, в итоге, обманула ожидания России революционной.

На пути к кризису:
Англосакс vs. Славянин, Запад vs. Восток,
Цивилизация vs. Варварство

Первые серьезные противоречия между Российской империей и Соединенными Штатами наметились в Восточной Азии еще в середине 1890-х годов.

Японо-китайская война 1894–1895 гг. обострила ситуацию в регионе, продемонстрировав значимость Транссибирской железной дороги, сооружение которой началось в 1891 г., и русского Дальнего Востока в общей расстановке сил. Именно в это время Великобритания в условиях обострения отношений с Германией начала прилагать усилия, направленные на поиск союза с США для противодействия политике России в Китае. Еще в 1893 г. Великобритания первой из великих держав преобразовала свою миссию в Вашингтоне в посольство, тем самым продемонстрировав признание нового статуса Соединенных Штатов в «международной табели о рангах». А вот С.-Петербург, занятый европейской

политикой и формированием русско-французского союза, лишь в 1898 г. последовал примеру Лондона в столь чувствительном для национального самолюбия американцев вопросе³. Однако, несмотря на то, что уже в начале 1890-х годов Великобритания заявила о готовности выполнять ту роль по поддержанию международного статуса США, которая ранее принадлежала России, сближению англоязычных стран помешал Венесуэльский кризис, а также вдохновение американских предпринимателей и бизнесменов по поводу сооружения Транссиба и заманчивые перспективы освоения азиатского рынка Российской империи⁴.

Подписание в 1896 г. Союзного договора между Россией и Китаем, а также согласие китайского правительства на прокладку Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) укрепляли надежды на то, что политика «мирной экономической экспансии», предложенная министром финансов С.Ю. Витте, принесет большие выгоды как для развития отечественной индустрии, так и для обеспечения привилегированного статуса страны в Китае. Однако, получив в 1898 г. в аренду на 25 лет Квантунский полуостров с Порт-Артуром и Тяньванем, Россия не только решила проблему приобретения незамерзающего порта на Тихом океане, но и продемонстрировала готовность перейти от политики экономического проникновения к территориальным приращениям. Это произошло в период восстания ихэтуаней, когда русские войска оккупировали север Маньчжурии⁵. Так во второй половине 1890-х годов начиналась «эпоха дальневосточной политики» России. На время внимание правительства, общества, публицистов и прессы оказалось приковано не к западным, а к юго-восточным за рубежам⁶. Дальневосточная программа Российской империи, нацеленная на решение экономических и геополитических задач, имела свое идеологическое обоснование. Причем Витте черпал аргументы из двух прямо противоположных доктрин мессианского толка: автором одной из них был идеолог «дальневосточной эпопеи» князь Э.Э. Ухтомский (Россия в отличие от стран Запада шла в «желтую» Азию не как ее захватчик, а как союзник и спаситель), второй – философ В.С. Соловьев, а затем С.Н. Трубецкой (Россия создавала барьер на пути «желтой опасности»). Каждая из вышеназванных доктрин, как замечает Б.В. Мижухев, «базируется на своеобразном представлении о культурной и геополитической идентичности империи и, соответственно, о характере ее миссии на Востоке». Обращение к идеологии движения в Восточную Азию, к реконструкции мировидения тех, кто связывал с ним будущее Российской империи, позволяет понять идейную мотивацию смещения ее интересов с Запада на Восток, увидеть за сознательной сменой геополитичес-

ких координат «бессознательную» культурную доминанту национального интереса⁷.

Если говорить о позиции Соединенных Штатов, то по итогам Испано-американской войны 1898 г. они обзавелись колониальной империей в Атлантическом и Тихом океанах и оказались втянуты в глобальный конфликт на Дальнем Востоке.

Одним из важнейших международных последствий войны стало окончательное сближение Соединенных Штатов и Великобритании, вышедшей из состояния «блестящей изоляции» и искусно воспользовавшейся испано-американским конфликтом с целью продемонстрировать особую поддержку политике заокеанского партнера. Это встречное движение вписывалось в англосаксонскую идеологию с характерной для нее иерархией рас, а теория социал-дарвинизма лишь укрепляла веру в превосходство англосаксов и необходимость их совместной борьбы против различных проявлений варварства не только на Дальнем Востоке, но и в других регионах мира.

Сторонники внешнеполитической экспансии в Соединенных Штатах рассматривали Китай как своеобразный тест на способность осуществлять мировую политику, а Россию (по крайней мере, до окончания Русско-японской войны) в качестве главного препятствия для его успешного прохождения. Уже в конце 1890-х годов бывший консул США в Китайской империи Ч. Денби, сторонник активного продвижения американцев в Восточную Азию и превращения ее в огромный рынок для продукции американского массового производства, писал о том, что железнодорожное строительство приведет к преобладанию России в Пекине, захвату Маньчжурии и всего Северного Китая⁸. Его беспокойство разделяли все те, кто в Соединенных Штатах делал основную ставку не на азиатский рынок Российской империи, и, следовательно, не на сотрудничество с ней и сохранение дружественного статус-кво в регионе, а на «экономическое вторжение» в Поднебесную. Именно это, по их мнению, могло защитить американских производителей от повторения эксцессов экономического кризиса начала 1890-х годов.

Экспансионисты были сторонниками динамичной республики, подкрепляя свои установки рассуждениями о ключевой позиции США в общечеловеческом развитии. Вся история, как им представлялось, демонстрировала смещение центра цивилизации на Запад. В итоге в связи с упадком Британской империи американцам предстояло замкнуть «цивилизационный круг», распространив свое влияние на Азию, где на заре человечества происходило зарождение цивилизации. Президент У. Маккинли, обосновывая аннексию Пуэрто-Рико, Гуама и Филиппинских островов, призы-

вал американцев оправдать доверие, возложенное на них цивилизованным сообществом. Герой Испано-американской войны Т. Рузвельт, ставший вскоре президентом США, и его друг, глава консервативной «старой гвардии» Республиканской партии Г.К. Лодж подчеркивали, что Маккинли идет путем, намеченным Т. Джефферсоном, ибо первый сделал для Филиппин то же, что последний для Луизианы. Так призыв к свободе и величию выкристаллизовывался в концепцию национальной миссии. Величие Америки вне ее пределов должно было способствовать укреплению свободы внутри нее. Для американского общества эта риторика устанавливала связь с мифическим истоком: нация, рожденная в борьбе против тирании, все еще верна идеалам отцов-основателей и следует своей миссии по переустройству мира. Дж. Стронг, Дж. Фиске и Дж. Барджесс предложили развернутое обоснование цивилизаторского империализма Соединенных Штатов. Первый, объединив требование социальной справедливости с призывом к всемирной экспансии и американизации мира посредством его протестантизации, последние – вписав роль американцев во всемирную борьбу между цивилизацией и варварством. Причем один из основателей современной политологии в США, последователь идей англосаксонской школы и преподаватель Рузвельта в Колумбийском университете Барджесс считал Россию основным врагом наций, принадлежавших к «тевтонской расе», – США, Великобритании, Германии. Они, по его мнению, являлись носителями «высшего политического гения», знаменосцами прогресса и цивилизации⁹.

Наиболее четко задачи Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе были сформулированы А. Мэхэном и Б. Адамсом, оказавшими прямое влияние на формирование «интернационалистского» курса администрации Т. Рузвельта. Они подчеркивали, что для поддержания превосходства США необходима внешняя экспансия, нацеленная на Китай, и положение держав в мире будет зависеть в конечном итоге от исхода борьбы за господство на его рынках. Ведущего идеолога военно-морского могущества Соединенных Штатов и одного из родоначальников геополитики А. Мэхэна русские волновали в первую очередь, так как, согласно его мнению, они совмещали безжалостную варварскую энергию славян с лживостью, присущей азиатам. В свою очередь, Б. Адамс, известный американский историк и общественный деятель, считал оценку реальных возможностей Российской империи самой насущной задачей с учетом англо-американского противостояния русской экспансии в Азии, где у Соединенных Штатов вырисовывались особые интересы в связи с их ролью в процессе создания нового миропорядка. Брукс Адамс, подобно Генри Лоджу,

конструировал образ России посредством использования концептуальных пар «Средневековье–Современность», «Восток/Азия–Запад», «русский–американец/англосакс», формируя представления о стране, живущей по азиатским стандартам, наследующей традиции Византии и наряду с Османской империей находящейся на периферии мирового развития эпохи индустриализации. Русская цивилизация выступала в качестве антипода англо-американской. И причина этих принципиальных расхождений крылась, по мнению Б. Адамса, Г. Лоджа, А. Мэхэна, Дж. Барджесса и других творцов консервативно-пессимистического дискурса о России в США, в неизменных особенностях национального характера русских, народа абсолютно некоммерциализированного, не умеющего аккумулировать свою энергию и использовать экономические ресурсы. Таким образом, Российская империя с ее «деспотизмом и военным социализмом» выпадала из универсального процесса модернизации, а реализацией своего «особого пути» создавала угрозу интересам Соединенных Штатов, осуществлявших миссию по американизации мира посредством его капитализации¹⁰.

Инструментом воплощения в жизнь американской программы на Дальнем Востоке стала «доктрина открытых дверей и равных возможностей», выдвинутая в 1899 г. госсекретарем Дж. Хэем. Ее фактическим автором по праву считается «крестный отец» дальневосточной политики США, дипломат и востоковед У.В. Рокхилл, усматривавший в данной политике не столько коммерческое, сколько политическое содержание. Аннексия Соединенными Штатами островных владений по итогам Испано-американской войны, доктрина «открытых дверей», участие в международной интервенции в Китай в 1900 г., осуществленной для подавления восстания ихэтуаней, наконец, поддержка, оказанная Т. Рузвельтом в 1903 г. сторонникам отделения Панамы от Колумбии с целью приобретения США суверенитета над Зоной панамского канала, – вот основные этапы реализации плана, о котором давно писали американские публицисты и который имел три составляющие: торговое процветание, территориальная экспансия и военная безопасность.

Вашингтон искал теперь союзников в Лондоне и Токио, тем более что благодаря назначениям, сделанным президентом У. Маккинли, в администрации получила преобладание пробританская группа во главе с известным англофилом Дж. Хэем.

Именно Япония, с точки зрения Т. Рузвельта, Дж. Хэя, Брукса и Генри Адамсов, А. Мэхэна, У. Рокхилла и тех, кто их поддерживал, могла создать реальный барьер для распространения русского влияния в Китае, так как Страна Восходящего Солнца, по известному выражению Рузвельта, «вела американскую игру». К тому же

Япония встала на путь обновленческих реформ и, по мнению большинства делателей мировой политики в Вашингтоне, превратилась в новый центр модернизации на Дальнем Востоке, в проводника западного влияния в данном регионе. Одним словом, она представляла как олицетворение прогресса по сравнению с отсталой Россией, а модернизация теряла свою жесткую расовую характеристику. А это, в свою очередь, лишь укрепляло веру американцев в возможность распространения демократических идеалов по всему миру.

В целом в иерархии рас, существовавшей в рамках англосаксонской идеологии, жители Востока занимали более низкую ступень по сравнению со славянами, хотя те и позиционировались как наполовину европейцы, наполовину азиаты¹¹. Отношение к китайцам отличалось двойственностью. С одной стороны, Соединенные Штаты, подобно России, выполняли в Поднебесной роль «защитника и друга китайцев» (и здесь происходило столкновение мессианских установок), с другой, выступали с программой цивилизаторского империализма, наказывая варваров-азиатов за непослушание, как было в период восстания ихэтуаней (и в этих «цивилизаторских претензиях» русские и американцы также совпадали). Расовые характеристики стали преобладающими в отношении к китайцам в связи с нарастанием их иммиграции в Соединенные Штаты и принятием в 1882 г. первого «исключительного» закона против китайских иммигрантов, означавшего радикальный поворот в иммиграционной политике вашингтонской администрации. В то же время отношение к японцам было иным. Уже в 1890-е годы в американском обществе преобладал их образ как нации активно вестернизирующейся, темпы развития которой и восхищали, и пугали одновременно. Будучи открыта для контактов с остальным миром благодаря экспедиции во главе с коммодором М.К. Перри, Япония воспринималась как талантливый ученик Запада в целом и США в частности, как реальная сила, способная гарантировать интересы американцев на Дальнем Востоке. Президент Т. Рузвельт, по своим внешнеполитическим взглядам социал-дарвинист, воспринимавший мир в категориях борьбы цивилизованных рас и варварских, а по религиозным предпочтениям англиканин, делавший ставку на его протестантизацию, в начале XX в. «переболел японофильством» в тяжелой форме. Он уповал на исключительную роль Японии по модернизации Азии, с увлечением читал книгу И. Нитобэ «Бусидо. Дух Японии», изданную в 1900 г. в Филадельфии и подаренную ему японским послом в США К. Такахира, принимал в Белом доме бывшего министра юстиции Японии и своего сокурсника по Гарварду Канэко Кентаро, когда тот приехал в США для пропагандистской кампании, и в 1904 г. пи-

сал: «Я не верю в будущее нации до тех пор, пока она живет в условиях все подавляющего деспотизма. Японцы – не арийцы и не христиане, но они не находятся под властью такого деспотизма как русские... Люди, которые испытывают чувства, подобные нашим, были бы гораздо более счастливы не в России, а в Японии»¹².

Потребуется смещение баланса сил на Дальнем Востоке после Русско-японской войны и наплыв японских иммигрантов на Тихоокеанское побережье США, чтобы этот «романтический» образ Японии негативизировался и приобрел ярко выраженные расовые характеристики, а Рузвельт задумался о «желтой угрозе», пришедшей на смену «угрозе москвитов».

Однако стоит особо подчеркнуть, что конфликтная составляющая российско-американских отношений в дальневосточном регионе станет определяющей не ранее 1902 г. Во второй половине 1890-х годов, несмотря на ощущение тревоги по поводу усиления позиции России в Восточной Азии в связи со строительством Транссибирской дороги, большинство американских наблюдателей было терпимо к русской экспансии на Дальнем Востоке. Более того, сооружение КВЖД, вызывавшее определенное беспокойство в Вашингтоне в связи с активизацией дальневосточного направления российской внешней политики и превращением Маньчжурии в сферу русского влияния, тем не менее способствовало началу подлинного американского «коммерческого вторжения» в Россию. Поставки материалов и оборудования для железнодорожного строительства развернулись в полном объеме как раз после 1896 г. К тому же курс вашингтонской администрации на мировую политику, приводивший к столкновению интересов двух стран на Дальнем Востоке, вызвал напряженные дискуссии в самом американском обществе. В 1898 г. к созданной в Бостоне Антиимпериалистической лиге примкнуло 70 000 влиятельных политических деятелей из обеих партий. Участники антиимпериалистического движения, игравшего важную роль на протяжении всей Прогрессивной эры (1895–1920), выступали против строительства колониальной империи США в Тихом океане, используя для обоснования своей позиции широкий набор аргументов: рассуждения об угрозе для внутреннего рынка рабочей силы, негативные последствия роста ассигнований на военные расходы, социал-дарвинистские размышления о размывании англосаксонского ядра американской нации вследствие интеграции цветного населения, наконец, опасность ревизии конституционных основ государственности¹³.

Важно не забывать и о том, что основным вектором внешней политики России вплоть до 1902 г. был европейский, а не дальневосточный, так как в условиях начавшейся глобализации системы

международных отношений блоковый механизм поддержания ее стабильности тем не менее формировался в Европе. Правительство Николая II оказалось пока не готово к пересмотру тактики на Дальнем Востоке, о чем со всей очевидностью свидетельствует состоявшееся в начале 1900 г. обсуждение всеподданнейшей записки министра иностранных дел М.Н. Муравьева с военным министром А.Н. Куропаткиным, управляющим морским министерством П.П. Тыртовым и министром финансов С.Ю. Витте¹⁴. Кроме того, Российская империя признала аннексию Филиппинских островов и присоединилась, хотя и с неохотой, к доктрине «открытых дверей» в Китае, которая лишь по мере ухудшения двусторонних отношений в Маньчжурии в первые годы XX в. стала приобретать антирусскую направленность. И даже в 1901 г. госсекретарь Хэй еще заявлял о готовности Соединенных Штатов признать действия России по защите ее интересов в Маньчжурии правомерными при условии сохранения «дверей открытыми»¹⁵. Вот почему сложно согласиться с мнением американского авторитетного историка Т. Бейли датировавшего серьезное обострение противоречий между двумя странами на Дальнем Востоке в первой половине 1890-х годов.¹⁶

Ситуация начала меняться в 1902 г., когда Российская империя сделала ставку на реализацию «нового курса» на Дальнем Востоке, ориентированного в конечном итоге на территориальные расширения за счет присоединения Кореи. И здесь интересы России неизбежно сталкивались с японскими. Япония уже с мая 1898 г. осуществляла программу «мирного проникновения» в Корею, как и в другие стратегически важные и географически близкие к ней территории (Китай, Индокитай, русский Дальний Восток). Несмотря на противодействие со стороны С.Ю. Витте, вскоре отправленного в отставку, а также министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, в 1903 г. Российская империя отказалась от собственного варианта доктрины «открытых дверей» в Китае и объявила о продлении оккупации русскими войсками Маньчжурии. Группа во главе с А.М. Безобразовым одержала верх в дальневосточной политике, в результате чего экспансионистские планы России пересеклись с имперскими амбициями Японии.

Реакция госдепартамента США, а вслед за ним и американской прессы, действия России в Маньчжурии в 1903 г. оказалась столь негативной, что посол А.П. Кассини получил с берегов Невы указание дать подробное интервью журналистам с целью заверить вашингтонскую администрацию и американский народ в «традиционной дружбе, существовавшей между двумя странами», в стремлении развивать торгово-экономическое сотрудничество и соблюдать принцип «открытых дверей» в Китае¹⁷.

На это событие наложилось еще одно – антиеврейский погром в Кишиневе в 1903 г., – получившее мощный резонанс в США и ставшее причиной своеобразной «варваризации» образа России. В результате начавшейся кампании протеста произошло возрождение деятельности Американского общества друзей русской свободы, к которому теперь примкнули лидеры американско-еврейской общины, и актуализировалась мессианская идея. Под давлением общественности и лидеров «Независимого ордена Б'ней Б'рит», посетивших Белый Дом, в условиях кризиса в российско-американских отношениях и учитывая влияние еврейской общины на результаты предстоящих президентских выборов, Т. Рузвельт решил представить Николаю II петицию протеста против преследований евреев в Российской империи, подписанную видными политическими и общественными деятелями страны. Она так и не была передана в С.-Петербург ввиду категорического отказа царского правительства от интернационализации «еврейского вопроса», хотя в прессе тиражировались сообщения о том, что Николай II отклонил гуманную петицию американского народа в защиту прав дискриминируемого еврейского меньшинства. В декабре 1904 г. Рузвельт заявил о возможности действий для борьбы с подобными актами насилия и произвола¹⁸. Выступления такого рода демонстрировали кажущуюся готовность вашингтонской администрации перенести проблему прав человека в сферу международных отношений и подпитывали мессианские настроения, получившие распространение в американском обществе и в полной мере проявившиеся в период Первой русской революции.

Значимым для американцев последствием Кишиневского погрома стал второй массовый исход евреев из России за океан. Причем переселенческий поток будет нарастать в дальнейшем как результат антиеврейских погромов периода Первой революции. Русско-еврейские эмигранты вливались в состав «новой иммиграции» и оказывались в центре общественно-политической борьбы между нейтивистами, требовавшими ограничений для въезда «новых иммигрантов» и сторонниками либерального иммиграционного законодательства. В более широком плане речь шла о столкновении двух ассимиляционных теорий – англоконформизма и «плавильного котла»¹⁹.

В целом 1903 г. стал переломным в российско-американских отношениях, а его события имели долгосрочные последствия.

Во-первых, произошла интеграция идеологической составляющей в политику США по отношению к России. В итоге ее действия в рамках системы международных отношений позиционировались не как следование национальному интересу, а как проекция внутривнутриполитического режима.

Во-вторых, началось планомерное разрушение образа России – исторического друга США. Причем тон кампании по ревизии «истории российско-американской дружбы» задал один из лидеров американо-еврейской общины О. Штраус²⁰.

В-третьих, с 1903 г. «русская тема» превратилась в одну из центральных в американской прессе, причем не только в вербальных, но и в графических текстах. Журнальная и газетная карикатуристика Соединенных Штатов переживала на рубеже XIX–XX вв. свой подлинный расцвет, способствуя визуализации как «демонического», так и «романтического» образов России в общественном сознании американцев и закреплению долгосрочных мифов о ней. Более того, именно с 1903 г. журналисты и карикатуристы начинают активно обыгрывать в своих текстах использование русского «Другого» для обоснования нового внешнеполитического курса США, а также для укрепления веры американцев в особые преимущества в то время, когда они сами переживали период расовых смут и социальных разочарований (погромы vs. линчевания, Маньчжурия vs. Панама). В то время, когда США переживали пик расового противостояния, публицисты и журналисты, религиозные и общественные деятели заговорили о том, что не Юг, а Российская империя является теперь полем для миссионерской деятельности²¹. Параллельно в американском общественно-политическом дискурсе о России неизменно присутствовала и метафора «стеклянного дома». Сторонники прогрессивных реформ, антиимпериалисты, темнокожие американцы, русофилы призывали сограждан не терять из виду проблемы в самих Соединенных Штатах и их неоднозначную внешнюю политику в различных регионах мира²².

Благодаря выступлениям представителей политического и интеллектуального истеблишмента, ратовавших за реализацию «интернационалистского» курса, усилиям карикатуристов, журналистов и публицистов «варварская Россия» лишалась права на осуществление цивилизаторской миссии на Дальнем Востоке, а международный конфликт в регионе и Русско-японская война осмысливались посредством дихотомий Цивилизация vs. Варварство, Запад vs. Восток, «японский Давид vs. русский Голиаф».

«Давид vs. Голиаф», или «имиджевая война» США против России

В ходе Русско-японской войны симпатии американцев оказались на стороне «маленькой модернизированной Японии», которая имела мужество напасть на «огромную отсталую Российскую

империю» для защиты собственных интересов и прогрессивного развития Азии.

В сентябре 1904 г. посол России в США А.П. Кассини писал министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу: «В самом начале войны Японию приравнивали здесь к “Давиду, дерзнувшему вступить в борьбу с гигантом Голиафом”, удивлялись ее решимости и смелости и высказывали пожелания победы слабому в борьбе с сильным. Известия о первых победах Японии были приняты значительной частью здешнего общества с неподдельным восторгом»²³. Сменивший Кассини на посту посла Р.Р. Розен резюмировал в сентябре 1905 г.: «На почве антирусских настроений в США зародилось и расцвело то широкое сочувствие Японии в ее конфликте с Россией, которое... послужило одним из самых важных факторов, побудивших японское правительство смело идти на риск войны с нами, которое ему служило все время могучей нравственной опорой и которое облегчило ему возможность добывать финансовые средства для ведения этой кровопролитной борьбы»²⁴. Не было сомнений, в том, что в период Русско-японской войны симпатии американцев, в том числе и американского русофила либеральных взглядов С. Харпера²⁵, оказались на стороне «маленькой Японии».

Лучшим подтверждением того, сколь прояпонским оказалось общественное мнение Соединенных Штатов накануне и в ходе Русско-японской войны, являются вербальные и графические материалы прессы. Безусловно, авторы статей по сравнению с карикатуристами занимали не столь однозначную позицию в интерпретации ситуации на Дальнем Востоке. И в вербальных текстах отражалась разногласия мнений, усиливавшаяся по мере приближения к Портсмутской конференции²⁶. А вот карикатуристы, вносящие важный вклад в «вестернизацию» образа Японии и «ориентализацию» образа России вплоть до подписания мирного договора в Портсмуте, значительно упрощали картину восприятия, играя важную роль в конструировании образа внешнего мира. Политическая карикатуристика – это одновременно и индикатор общественных настроений, и механизм формирования новых общественных предпочтений. Она позволяет выразить в простой и наглядной форме то, что не всегда поддается вербализации, и задействовать такое мощное оружие как сатира и юмор. Посредством карикатуры обретала видимые очертания ментальная картина мира, высказывались скрытые суждения американцев о прошлом и будущем других стран и народов, а также происходило ранжирование внешних «друзей» и «врагов». Тем самым карикатуристы принимали деятельное участие в формировании национальной идентичности и визуализации образа Я. Наряду с журналистами они способствовали разверты-

ванию в США своеобразной «имиджевой войны» против России в 1903–1905 гг., обеспечившей Японии моральную и финансовую поддержку американского общества.

В политической карикатуристике Российская империя представляла основной виновницей эскалации конфликта на Дальнем Востоке. Ярко и изобретательно выписывалась идея о лживости и лицемерии ее правителя и правительства, дававших пустые обещания по поводу эвакуации войск из Маньчжурии, об агрессивности ее намерений, угрожавших «закрыть двери» Китая для американской торговли. У аудитории-реципиента не возникало сомнений: Страна Восходящего Солнца – не виновник, а жертва агрессии (и это несмотря на экспансионистские настроения последней и нарушение норм международного права при нападении на Тихоокеанскую эскадру России). Такие нюансы интересовали авторов статейных публикаций, упоминавших, к примеру, о нарушении Японией нейтралитета Китая или об укреплении военной репутации командующего Маньчжурской армией А.Н. Куропаткина после наступления русских войск на реке Шахэ. Что же касается художников-карикатуристов, то в их графических текстах Русско-японская война была представлена как череда блестящих побед японского оружия без серьезных намеков на военные успехи России. Перед взором американцев прошла вереница непрофессиональных полководцев и флотоводцев, бездарных чиновников и продажных бюрократов. Не вызывало симпатий и изображение Николая II, зачастую просто отталкивающее по своему визуальному эффекту (чего стоит галерея «злых карликов» художника Ф. Моргана из «The Philadelphia Inquirer»). В то время как Россия исключалась из «клуба цивилизованных держав» и уподоблялась Османской империи, членство в нем получала Япония, являвшая пример военного искусства, экономического прогресса, политической модернизации и на время превращавшаяся в «янки Востока»²⁷.

Исследователи А.Е. Куланов и В.Э. Молодяков склонны объяснять распространение японофильских настроений в США, прежде всего, успехами масштабной пропагандистской кампании, организованной самими японцами и ориентированной на обоснование идеи о борьбе «цивилизованной» Японии против «нецивилизованной» России²⁸. Не умаляя успехов японской «имиджевой войны» против Российской империи на Западе, о чем убедительно рассказал на страницах своей книги Д.Б. Павлов²⁹, необходимо обратить внимание на три существенных момента. Во-первых, ставка на Страну Восходящего Солнца как на модернизационный центр на Дальнем Востоке была сделана теоретиками экспансии в США задолго до того, как Япония развернула полномасштабную пропа-

гандистскую кампанию. И в этом смысле японцы не просто внушали американцам определенную мысль, а говорили то, что последние уже сами озвучили и хотели слышать. Причем в Токио считали, будто Япония использует Великобританию и США в своих интересах, о чем, кстати сказать, рассуждали и критики американо-японского сближения по обе стороны Атлантики. В Вашингтоне, напротив, были убеждены, будто это Соединенные Штаты играют на экспансионистских амбициях империи микадо в выстраивании своей политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Во-вторых, отношение к Японии в американском обществе формировалось с учетом видения перспектив Первой русской революции, дифференциации образов России официальной («демонический») и России народной («романтический»), а также представлений о самой Японии как о двигателе революционных преобразований в Российской империи. Следовательно (и это в-третьих), не только американо-еврейское лобби, о чем упомянули Куланов и Молодяков, но и участники «движения друзей русской свободы» в США желали победы Японии в этой войне.

В период первого кризиса в российско-американских отношениях антирусские и японофильские настроения (а их необходимо рассматривать как взаимосвязанные тренды восприятия) получили развернутое идеологическое обоснование и были интегрированы во внешнюю политику вашингтонской администрации. С.Л. Гулик в публицистической работе «Белая угроза на Дальнем Востоке», подготовленной в ходе Русско-японской войны, изложил идейное кредо американского японофильства: «Япония выступает в защиту основополагающих принципов англосаксонской цивилизации. Она соблюдает индивидуальные права и свободы: свободу передвижения, свободу в выборе профессий, интеллектуальную свободу и свободу совести, поддерживает универсальные ценности просвещения и представительного правления... Япония выступает за свободу промышленности и торговли, за соблюдение принципа «открытых дверей». И, наконец, она отстаивает территориальную целостность Китая, создание условий для распространения там западного образа мыслей и предоставление Китаю права выбора в развитии природных ресурсов»³⁰.

В 1904 г. Дж. Кеннан, в то время корреспондент журнала «Outlook» на Дальнем Востоке, представил развернутое сравнение «цивилизованной, современной Японии» и «средневековой полуварварской России». Он писал о готовности сделать выбор в пользу Японии, если бы ему пришлось выбирать между мировым господством той или другой страны³¹. Кеннан, по сути, мыслил в унисон с Рузвельтом и подобно другим участникам «крестового по-

хода» за демократизацию России преодолевал свои сомнения в достаточной просвещенности русских и их готовности к представительной форме правления. Он уповал на победу Японии в надежде, что это ускорит падение самодержавия в Российской империи.

Не только экспансионисты, но и «друзья русской свободы» в США интерпретировали внешнюю политику России как проекцию внутренней, а не как следование национальному интересу. У.Д. Фульк, сенатор из Индианы, который в конце XIX в. принимал активное участие в борьбе против русско-американской конвенции о взаимной выдаче преступников, а в 1903 г. возглавил возрожденное Американское общество друзей русской свободы, конструировал образ русского народа – способного ученика Запада и усматривал угрозу, исходящую от Российской империи, в режиме военного абсолютизма, ставшего анахронизмом среди великих держав. Агрессивная внешняя политика России на Дальнем Востоке виделась сенатору следствием внутреннего деспотизма. Следовательно, противостояние англосакса и славянина могло, по его мнению, исчезнуть лишь тогда, когда многострадальный народ России обретет свободу и начнет, подобно американцам и англичанам, реализовывать свой потенциал. Победа Японии рассматривалась Фульком в качестве двигателя революции, открывающей новую эру в истории Российской империи. В письме Дж. Роперсу, одному из лидеров антиимпериалистического движения в Соединенных Штатах, Фульк, ссылаясь на собственную книгу, рассуждал об освободительной миссии американцев на Филиппинах и проводил аналогии с борьбой между славянином и саксом на Дальнем Востоке, в которую Америке предстояло внести особый вклад³². Так русские оказывались в одном ряду с филиппинцами, превращаясь в один из объектов миссионерской деятельности Соединенных Штатов по реформированию мира.

У представителей американско-еврейской общины оказались свои резоны желать поражения России в войне с Японией. Дж. Шифф, возглавлявший один из крупнейших банкирских домов «Kuhn, Loeb & Co», обеспечил размещение четырех военных займов Японии в Соединенных Штатах, причем последнего накануне переговоров в Портсмуте³³. Шифф объяснял свою позицию стремлением ослабить царский режим, дискриминирующий русских евреев, и тем самым способствовать либерализации политического строя Российской империи.

Безусловно, прояпонская позиция была не единственной из существовавших на официальном и общественном уровнях, хотя и стала преобладающей. Деятельность так называемых интернационалистов во главе с Т. Рузвельтом подвергалась критике последова-

тельных изоляционистов, осуждавших американо-англо-японское сближение, чреватое осложнениями в отдаленных от Соединенных Штатов регионах и отвлекавшее их силы от дел на Американском континенте. Например, банкир, публицист и общественно-политический деятель из Филадельфии Уартон Баркер, будучи сторонником доктрины Монро, рассматривал правительство Николая II в качестве союзника в борьбе с новым внешнеполитическим курсом Вашингтонской администрации. На рубеже XIX–XX вв. Баркер предложил С.-Петербургу организовать масштабную прорусскую кампанию в американском обществе в противовес англо- и японофильской. Кстати, этот русофил, гордо именовавший себя другом России, стал основным оппонентом О. Штрауса в общественно-политических дебатах, нацеленных на ревизию образа России – исторического друга США, и внес вклад в закрепление «романтической легенды» о визите русского флота в Нью-Йорк и Сан-Франциско в период Гражданской войны 1861–1865 гг.³⁴

Среди критиков позиции, занятой Вашингтоном в период Русско-японской войны, оказались и такие сторонники мировой политики, как сенатор А. Беверидж, ошибочно причисленный известным американским историком В. Уильямсом к антирусской группе³⁵. Отстаивая продвижение США в Азиатско-Тихоокеанский регион и рассуждая об ответственности американцев за возрождение мира, Беверидж видел в России не промышленного конкурента, а доминирующую силу и проводника цивилизации в Восточной Азии. Сенатор призывал к поиску соглашения с царским правительством в целях обеспечения доступа американских товаров в Маньчжурию и Сибирь³⁶. На взаимодействие с Россией для реализации «Manifest Destiny» в Китае рассчитывали генерал и предприниматель Дж. Вильсон и известный адвокат из Нью-Йорка Дж. Маккук, занимавший влиятельные позиции в рядах Республиканской партии³⁷. В свою очередь посланник США в Корею Г. Аллен (1901–1905) пытался убедить госдепартамент и лично президента отказаться от прояпонской политики, чреватой в будущем столкновением с Японией, и настаивал на расширении сотрудничества с Россией³⁸.

Последовательно прорусскую позицию занимал директор «Associated Press» М. Стоун, который в результате поездки в С.-Петербург в начале 1904 г. добился аккредитации в России собственных корреспондентов³⁹. План Стоуна нашел самую горячую поддержку у бизнесмена, дипломата и филантропа Чарльза Крейна. Он, как и все американские русофилы, выступал с критикой прояпонской позиции США и негодовал по поводу антирусских настроений в обществе. Не оправдывая оккупацию Маньчжурии

Россией, Крейн тем не менее выставлял в невыгодном свете близорукую политику вашингтонской администрации и прессы. В Азии, убеждал он своих соотечественников, Российская империя не только выполняет цивилизаторскую миссию, осуществляя экспансию, подобную движению американцев на Запад, но и создает условия для развития американской коммерции и предпринимательства. Россия – наш друг, делал вывод Крейн, и от нас будет зависеть, сколь долго она им останется⁴⁰.

На имя госсекретаря Хэя и президента Рузвельта приходили письма от общественных деятелей и бизнесменов с выражением недовольства по поводу вмешательства США в конфликт на Дальнем Востоке на стороне Японии, а автор одной из публикаций, обеспокоенный всплеском русофобии, писал: «Многие американцы лишь желают того, чтобы Россия реформировала и либерализовала свои институты, прекратив притеснения финнов, евреев, поляков, армян, наделив всех жителей равными правами, и твердо верят в великое будущее славянской нации. Они также с интересом и удовлетворением наблюдают за прекрасной цивилизаторской работой по замирению Средней Азии и по освоению сибирских владений. Желание России достичь Тихого океана с его незамерзающими портами понятно жителям такой континентальной империи, как наша, более чем другим. Подавляющее большинство американцев не делают ставку на то, что Россия будет сломлена или отброшена назад в результате войны»⁴¹. В данном случае, как мы видим, критика внутренней политики не приводила к «демонизации» внешней, а право на реализацию Россией особого пути не воспринималось в качестве угрозы интересам Соединенных Штатов.

Список тех, кто выступал с критикой американо-японского сближения, можно, конечно, продолжать⁴². Однако, не стоит увлекаться и забывать о возобладавшей, причем с внушительным перевесом, позиции тех, кто выступал в поддержку Японии и желал ей победы в войне с Россией. Среди них в США по разным причинам оказались представители политического и интеллектуального истеблишмента, деятели политики в Вашингтоне, участники движения за создание Свободной России и лидеры американо-еврейской общины. Их аргументы, широко тиражированные в прессе и визуализированные карикатуристами, оказались востребованы с учетом новой международной и внутренней повестки дня.

Ярким доказательством симпатий и антипатий американцев в период Русско-японской войны стала работа Всемирной выставки в Сент-Луисе летом 1904 г. Здесь развернулось настоящее соперничество за награды между Россией и Японией. И хотя экспозиция произведений русской живописи была самой представительной и

впечатляющей, американские судьи продемонстрировали, что искусство тесно связано с политикой, присудив Японии в общей сложности 35 золотых, серебряных и бронзовых медалей (всего был представлен 91 экспонат), а России – 30 (всего было представлено 533 экспоната). 1 июня 1904 г. японцы устроили грандиозный прием в своем павильоне в честь одержанных ими военных побед над Российской империей, на котором присутствовало 2000 приглашенных лиц, в том числе дочь президента Алиса Рузвельт. В роли хозяина приема выступал посол Японии в США К. Такахира, а его особым гостем оказался Кентаро Канеко, приехавший зимой 1904 г. для организации пропагандистской кампании в США. Кроме того, в ноябре 1904 г. официальным посетителем выставки в Сент-Луисе стал принц Фушими, прибывший в сопровождении многочисленной свиты с пропагандистскими целями и принятый в Вашингтоне на высшем уровне⁴³.

Всплеск японофильских настроений в США, антирусская кампания в американской прессе и «демонизация» образа России в карикатуристике вызвали ответную негативную реакцию официального С.-Петербурга и проправительственной прессы. Образы Дяди Сэма и Джона Булла использовались русскими карикатуристами с целью объяснить поражения и разочарования в период Русско-японской войны. Авторами публикаций выражалось недоумение по поводу позиции американцев, которые вместо того, чтобы воспринимать войну как противостояние «белой» и «желтой» расы, христианства и язычества, встали на сторону Японии, объявив ее защитницей западных принципов в Азии. Обеспокоенный посол А.П. Кассини слал тревожные депеши в МИД и давал интервью американской прессе с целью оказать влияние на общественное мнение в Соединенных Штатах. В свою очередь русские либералы и радикалы, а также все те, кто в России рассчитывал на ослабление правящего политического режима с целью его модернизации, не испытывали враждебности к американцам за их японофильство, тем более что активные усилия сатирической печати и лубочных изданий, обыгрывавших идею превосходства «русских над япошками», «русского гиганта над японскими карликами», не смогли помешать неуклонному снижению популярности войны в российском обществе⁴⁴.

В США вестернизированный образ Страны Восходящего Солнца оставался преобладающим вплоть до разгрома эскадры вице-адмирала З.П. Рожественского японским флотом под командованием вице-адмирала Х. Того в Цусимском проливе в мае 1905 г. И это несмотря на определенные успехи русской агентуры, сумевшей, например, сделать деятельным союзником России бывшего

морского офицера Дж. Арчибальда, корреспондента еженедельника «Commerce Weekly» и одного из трех иностранных журналистов, прикомандированных к армии А.Н. Куропаткина. Арчибальд читал публичные лекции и печатал статьи в лос-анджелесских газетах. Однако сложно согласиться с выводом Д.Б. Павлова о том, что к осени 1904 г. в глазах мирового сообщества имидж Японии оказался разрушен⁴⁵. В данном случае публикации в русской прессе, использованные исследователем, – не совсем надежный источник, так как информация из американских периодических изданий перепечатывалась в них выборочно.

Отказ от романтизации образа Японии будет происходить в Соединенных Штатах постепенно. Он, безусловно, наметился после Цусимы, которая произвела отрезвляющее впечатление на Т. Рузвельта⁴⁶. Параллельно на поддержание японофильских настроений и «демонического» образа официальной России оказывало влияние увлечение русской революцией в США, а рост опасений по поводу реализации японского варианта «Доктрины Монро» в Азии и развития «паназиатизма» соседствовал с надеждами на то, что эта политика имела не столько антиамериканский, сколько антиевропейский характер. Более того, в начале и даже в ходе работы конференции в Портсмуте не наблюдалось кардинальной смены одних общественных предпочтений на другие: японофильские настроения оставались преобладавшими, а образ России по-прежнему сохранял свои негативные характеристики, несмотря на расширение диапазона мнений в периодических изданиях. И президент США, и пресса не смогли адекватно оценить кризис ресурсов, который к концу войны переживала Япония. В ее репрезентациях продолжали преобладать светлые тона. Она оставалась страной, одержавшей победу потому, что смогла воспользоваться плодами модернизации/вестернизации, и имевшей все основания диктовать условия мира побежденной отсталой России. Это нашло наглядное отражение в американской карикатуристике.

Среди решающих факторов, оказавших влияние на спад японофильских настроений и, как следствие, смягчение образа России можно назвать: ощущение опасного для интересов США нарушения баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе в пользу Японии; нарастание беспокойства Вашингтона по поводу сохранения целостности Китая и антиамериканских демонстраций в Токио; умелое поведение главы русской делегации С.Ю. Витте на переговорах в Портсмуте, сумевшего наладить контакты с американской прессой и использовать свой имидж реформатора; просчеты членов японской делегации, угрожавшей своими действиями сорвать успех миссии президента Т. Рузвельта по установлению мира на

Дальнем Востоке, той самой, за которую он вскоре получит Нобелевскую премию.

Параллельно, уже с конца 1904 г., внимание граждан Североамериканской республики оказалось приковано к борьбе за свободу, разворачивавшуюся по другую сторону Атлантики, где русские проходили тест на способность совершить революцию, подлинную с точки зрения американцев. Возникшая в американском обществе эйфория по поводу перспектив модернизации Российской империи, равно как и постепенно нараставшее опасение того, что революция перерастает в социальный бунт, кровавый и беспощадный, оказывали влияние на видение итогов Русско-японской войны. В то же время закрепление представлений о сокрушительном поражении русского оружия вносило свои коррективы в «демонизацию» образа правителя/правительства – деспотичного и продажного, толкавшего страну в пучину войны, разорения, неграмотности, и «романтизацию» образа русского народа, рвущегося из «тьмы варварства и произвола» к «свету свободы, прогресса и процветания»⁴⁷.

«Welcome, Russia». Революция 1905–1907 гг.:
от эйфории универсализма
к мифу об «извечной Руси»

Отношение к заграничным революциям превратилось в важную составляющую политической культуры Соединенных Штатов, будучи сформировано элитой, закреплено через систему образования, с помощью церкви и прессы. Революционные события в России вписывались в Третью волну революций (1890–1910-е годы), которая происходила в то время, когда Соединенные Штаты выходили из состояния изоляции, «новые иммигранты» несли радикальные идеи на их территорию, а общественное мнение пыталось оказывать реальное влияние на выработку внешней политики. Именно с этого периода ответственность за делание революций за пределами США начинала осознаваться в качестве одной из ее составляющих, чего не было прежде, хотя американцы с неизменным энтузиазмом приветствовали борьбу за свободу в других странах. Видение зарубежных революций становилось проекцией понимания американским обществом смысла его собственного революционного эксперимента. Причем в невозможности других народов этот эксперимент повторить граждане Соединенных Штатов находили веское подтверждение своего особого права на мировое лидерство. Франция в конце XVIII в. проходила тест на способность первой совершить революцию, истинную с точки зрения американцев.

И ее неудачный опыт оказался для них наиболее травматическим, дважды затем повторившись в XIX в. Жители Латинской Америки вообще подтвердили худшие опасения своих северных соседей⁴⁸.

В начале XX в. настала очередь России. В ходе Первой русской революции проведение параллелей с Американской и Французской революциями XVIII в. свидетельствовало о стремлении американцев вписать революционный опыт русских в политические движения западного типа. При этом американская модель превращалась в референтную (не случайно среди делателей революции авторы публикаций стремились найти «отцов-основателей», которыми становились то земцы, то П.Н. Милюков, то С.Ю. Витте), а французская – была призвана напомнить об опасностях социального хаоса, анархии и террора, характерных для масштабного разрушения «старого порядка». В этом контексте образ Людовика XVI, широко тиражированный карикатуристами в 1905–1907 гг., играл роль послания, адресованного Николаю II, предостерегая его от совершения ошибок, стоивших французскому королю головы⁴⁹.

Тема «Русской революции» заняла прочное место в прессе Соединенных Штатов с ноября 1904 г., когда в С.-Петербурге начал свою работу первый съезд представителей земств, воспринятый по обе стороны Атлантики как «подлинная весна» либерализма в России, а излюбленным приемом американских карикатуристов стала игра на образах «Тьмы» и «Света». Эта коммуникативная стратегия была нацелена на «демонизацию» представлений о России как о стране, пребывающей в Средневековье («темных веках»), как о тюрьме для политических диссидентов, религиозных и национальных меньшинств, а также на поддержание мессианских настроений в обществе (Америка как источник «Света Свободы» для «Империи Тьмы»). Обе эти идеи актуализировались в графических и вербальных текстах еще в ходе реакции на Кишиневский погром, чему также способствовал религиозный фактор. Манихейское миропонимание, предполагавшее столкновение двух царств – Тьмы и Света, оказывало непосредственное влияние на формирование представлений о России. В то время как участники «первого крестового» похода за ее демократизацию рассуждали о религиозной реформации и распространении рациональной веры как неотъемлемой составляющей движения по обновлению политического режима, американские миссионеры-протестанты проникали на территорию Российской империи с надеждой осуществить евангелизацию русского народа⁵⁰.

Представления о России официальной реакционной и народной революционной становятся двумя параллельными реальностями в репрезентациях заокеанских наблюдателей, а

после «Кровавого воскресенья» в США происходит своеобразная «варваризация» образа Николая II.

По другую сторону Атлантики начиналось подлинное увлечение русской революцией, смысл которой американцы видели в проведении политических реформ и установлении конституционного строя, делая основную ставку на либеральное движение. Под влиянием эйфории универсализма уходило на задний план сомнения по поводу достаточной просвещенности русского народа и его готовности к участию в управлении государством, одолевавшие либералов-универсалистов, а также представления об «извечной Руси», характерные для консерваторов и русофобов с их стремлением подчеркнуть ее «чужеродность» и «восточность». Им на смену приходил романтический образ России – страны, готовой следовать западной модели развития, народ которой ждет помощи из-за океана в своей борьбе за дело Свободы. Эти общественные настроения были связаны не только и не столько с реальными событиями, происходившими в Российской империи, сколько с собственными представлениями американцев об «истинной революции», с их мессианским энтузиазмом, идеологическим рвением и политическими идеалами. Причем изрядное количество дров в костер американского универсального либерализма подбросили русские либералы и радикалы, приезжавшие в США в начале XX в., дабы поведать о том, сколь похожей на Американскую будет революция, грядущая в России⁵¹.

На страницах газет и журналов, в клубах и на многочисленных митингах всерьез обсуждались планы об оказании реальной помощи русскому народу в его борьбе за свободу. Для этого предлагалось снарядить пароходы с оружием, продовольствием, медикаментами, а главное – литературой, разъясняющей принципы американской демократии, или вообще осуществить «гуманитарную интервенцию», подобную кампании на Кубе. В итоге в мессианских помыслах журналистов и публицистов, религиозных и общественных деятелей русские оказались в одном ряду с кубинцами. Мессианская идея закреплялась в общественном сознании в связи с миротворческой деятельностью президента Теодора Рузвельта в период Русско-японской войны. Он представлял в облике «крестоносца» мира, человека, способствующего гармонизации международных отношений, дающего шанс Николаю II не только завершить бесславную войну, но и пресечь сползание России в хаос социальной анархии и деструктивного революционного мятежа.

На волне очарования Русской революцией в американской прессе, пусть и на короткий срок, произошла легитимация политического убийства. В конечном итоге Николай II, обманывая рус-

ский народ пустыми обещаниями, играл с огнем. А генерал-губернатор Москвы вел. кн. Сергей Александрович, погибший в результате покушения, вообще был печально известен как ярый реакционер и противник реформ. Так закладывалось представление американцев о том, что насилие могло быть оправдано по отношению к правителям, которые вставали на пути прогресса в отсталых странах. Квинтэссенцией подобных настроений стал «Монолог царя», опубликованный в мартовском номере журнала «North American Review» за 1905 г. Марком Твенем, давним участником движения «друзей русской свободы» в США⁵².

И тем не менее, авторы отдельных публикаций увидели в покушениях на высших сановников Российской империи опасные тенденции, предупреждая читателей о жестокости разворачивающейся революции и обращая внимание на необходимость постепенного постижения основ парламентаризма. В консервативной «The Los Angeles Times» появилась карикатура под названием «Это – ошибка», на которой одетый в сюртук крестьянин, олицетворявший простой народ, с осуждением взирал на анархиста, вооруженного бомбой и кинжалом, и с горечью констатировал: «А весь мир думает, будто он представляет нас». Таким образом, в политической карикатуристике закреплялось представление о «нигилистической революции», навязываемой степенному и здравомыслящему русскому народу, – подход, характерный для американских русофилов консервативного толка⁵³. В то же время журнал «Арена», известный своей прогрессивной направленностью, не терял оптимизма и убеждал американцев в том, что народ России в состоянии совершить политическую революцию и готов к самоуправлению, а среди деятелей революции не будет недостатка в мудрых и высокоинтеллектуальных лидерах, подобных Т. Джефферсону, Б. Франклину и Дж. Вашингтону⁵⁴.

Однако американцы симпатизировали Русской революции до тех пор, пока она не произошла. Когда же она случилась и нарушила заранее известный сценарий, то стала вызывать беспокойство и разочарование своими «опасными тенденциями»: ростом социальной напряженности, восстаниями в армии и на флоте, забастовками и стачками, созданием Советов рабочих депутатов, не прекращающимися антиеврейскими погромами, следствием чего становилась массовая русско-еврейская эмиграция в США. Анализ политической карикатуристики свидетельствует о том, что реальные изменения в восприятии Русской революции обозначились уже в середине лета, причем не только в консервативных изданиях, хотя прежде всего в них⁵⁵.

Манифест 17 октября 1905 г., которому предшествовала всеобщая стачка, внес серьезные коррективы в восприятие американцами борьбы за свободу в России. Авторы публикаций, в особенности в либерально-прогрессистских изданиях, не забывали напоминать о том, что действия Николая II были «вынужденной уступкой», вырванной силой. Тем не менее, манифест, провозглашавший основные гражданские свободы, а также расширявший избирательные права и полномочия будущей Думы, был воспринят как начало новой эры внутриполитического развития России, как возможность для дальнейшей эволюции политического строя. В американской прессе был тиражирован возникший еще в конце Портсмутской конференции «романтический» образ С.Ю. Витте, назначенного в октябре 1905 г. на пост Председателя Совета министров. О нем писали как о сильной личности, проводнике западного влияния, человеке, вызывающем доверие всего цивилизованного сообщества и наиболее подходящего для того, чтобы провести реформы и направить революцию в мирное русло.

Уже в осенние-зимние месяцы 1905 г. ведущие печатные издания Соединенных Штатов за немногими исключениями заявили о необходимости восстановить закон и порядок, коль скоро революционеры не могут достичь реальных политических результатов. Новая серия еврейских погромов, в том числе с участием крестьян, волна аграрных беспорядков, бесчинства черносотенцев и, наконец, декабрьское вооруженное восстание привели к разочарованию в Русской революции, превращавшейся, по мнению большинства американских наблюдателей, в бунт «бесмысленный и беспощадный», в кровавую схватку не на жизнь, а на смерть, в «беспредельный нигилизм, крестьян и рабочих».

И это значительно остудило пыл тех, кто в США рассчитывал на демократизацию России, и привело к спаду миссионерской лихорадки в американском обществе в целом. Официальный Вашингтон, несмотря на достаточно сильный общественный резонанс, вызванный в Соединенных Штатах известиями о еврейских погромах осени 1905 г. и погроме в Белостоке в 1906 г., не предпринял никакого демарша в духе «гуманитарной дипломатии». В письмах к Д. Шиффу, О. Штраусу, Э. Карнеги президент Т. Рузвельт заявлял о том, что бесполезно и вредно тратить слова на угрозы, коль скоро правила международной этики не предусматривают возможность для эффективной защиты прав армян в Турции, евреев, финнов, поляков в России, ибо для великих свободных народов губительна демонстрация собственного бессилия, укрепляющая деспотизм и варварство в других странах⁵⁶. Так Рузвельт, будучи уверен в бесперспективности русской революции, продемонстри-

ровал тесную взаимосвязь между гуманитарными причинами вмешательства и политическими.

Последний всплеск интереса американцев к Русской революции оказался связан с созывом Первой Думы в апреле 1906 г. Ее деятельность, по их мнению, могла стать выходом из социального хаоса и базой для мирной трансформации автократического режима в конституционный, началом реальной борьбы за свободу путем реформ. Однако при всей симпатии к народному представительству радикальные требования депутатов не вызвали поддержки общественного мнения в заокеанской республике, а русские либералы, на которых делалась ставка, не смогли направить революционное движение в русло парламентской борьбы, отказавшись от постепенных реформ и сотрудничества с правительством. И хотя роспуск Думы в июле 1906 г. вызвал негативную реакцию в прессе и был назван глупейшей ошибкой царя, и хотя реформистские журналы акцентировали внимание на политическом возмужании русской нации, в целом надежды на превращение революции в эволюцию сменились предсказаниями смут с последующим ужесточением реакции. На страницах газет и журналов печатались сообщения о борьбе поляков за свою независимость, звучали призывы предоставить автономию Финляндии, осуждались репрессии и правительственный террор. Либералы-прогрессисты и прежде всего участники первого «крестового похода» за демократизацию России рассуждали о приобретении бесценного опыта парламентаризма, американские радикалы восхищались «социальным очистительным ураганом» в Российской империи, где могло возникнуть общество, отличное от западного, и вдохновлялись «русским революционным посланием человечеству». Однако в целом на смену энтузиазма по поводу перспектив революции пришло разочарование ее итогами, свидетельством чему стало резкое сокращение карикатур по «русской теме», практически их полное исчезновение.

На первое место вышел миф об «извечной Руси», прогорклая русофобия, рассуждения о неготовности русской нации к представительному правлению в силу особенностей национального характера, образ «Революции по-русски», когда ее делатели предпочитали террористические акты в качестве механизма решения политических проблем. На фоне этой смены настроений приветствовалась политика П.А. Столыпина по наведению порядка в стране и осуществлению программы правительственной модернизации. Увы, но таков был особый путь развития России, неспособность народа которой выдержать тест на обретение свободы объяснялась теперь посредством знакомых концептов расового восприятия.

Первый «цикл надежд и разочарований» американцев по поводу перспектив модернизации России завершился. Закончился и их первый «крестовый поход» за ее обновление.

* * *

Надежды на либерализацию политического строя Российской империи и вера в особую миссию Соединенных Штатов по ее обновлению, страхи по поводу агрессии царского правительства в Китае и окончательная ревизия образа России – исторического друга США, вдохновение в связи с «вестернизацией Японии» и актуализация враждебного «ориентализма» в видении характера русской цивилизации стали фоном первого в истории российско-американских отношений кризиса.

Поворот, наметившийся в них в эти годы, предвосхищал будущее идеологическое противостояние XX в. Русский «Другой» впервые интегрировался в идеологию внешней политики Соединенных Штатов и был задействован представителями политического и интеллектуального истеблишмента, религиозными и общественными деятелями, журналистами и карикатуристами для обоснования новых внешнеполитических приоритетов и нового мировидения.

В годы кризиса впервые не только на общественном (этот процесс со всей очевидностью уже обозначился в конце XIX в.), но и на официальном уровне тиражировалась идея о том, что источником внешнеполитического поведения России являются не национальные интересы, а характер ее политической системы. В итоге впервые в межгосударственные отношения двух стран было интегрировано одно из базовых представлений американского общества о самом себе, предполагавшее объяснение действий США на мировой арене исходя из демократического характера их политического строя.

Именно в этот период благодаря особому вниманию к событиям в России в Соединенных Штатах окончательно оформились основные дискурсы о ней – либерально-универсалистский, консервативно-пессимистический, русофильский и радикальный, с характерным для них видением природы национального характера русских и перспектив модернизации России. Более того, вследствие подлинной визуализации ее образа в карикатуристике произошло закрепление долгосрочных трендов восприятия, сохранивших свое значение вплоть до настоящего времени⁵⁷. Впервые, установка на упрощенное, дихотомическое видение процессов, происходивших в России, на прогнозирование ее заранее известного будущего, готовность легко перейти от вдохновения

по поводу ее переустройства к разочарованию в связи с результатами очередного этапа ее модернизации. Во-вторых, достигшее своего пика во время Первой русской революции стремление к переделыванию России окончательно превратило ее в один из объектов миссии США по реформированию мира, укрепляя веру американцев в их особые преимущества в период социальных смут, расовой напряженности и переоценки ценностей. В-третьих, русский «Другой» как элемент внешней политики начал выполнять роль конституирующего в выстраивании американской Я-концепции не только на общественном, но и на официальном уровне. И хотя этот фактор превратился в постоянно действующий после 1917 г., в короткий период первого кризиса он впервые актуализировался со всей очевидностью. Видение процессов, происходивших по другую сторону Атлантики, становилось проекцией мессианских настроений, идеологического рвения, политического энтузиазма и религиозного вдохновения самих американцев. Они конструировали «демонический» образа официальной России с ее ксенофобствующим и ретроградным правительством и «романтический» образ России народной, открытой для американского влияния, готовой при помощи американцев создавать «Соединенные Штаты России» и ждущей от них помощи в этом нелегком деле.

Первый «крестовый поход» за демократизацию России, организованный в США «друзьями русской свободы» еще в конце XIX в. и достигший своей высшей точки в период Первой русской революции, стал прообразом последующих кампаний за либерализацию Российской империи в 1917 г., России Советской и постсоветской. Тогда, как и в начале XX в., американцы были склонны выстраивать свое видение процессов, исходя из реальности воображаемой, а не реальной, легко переходя от эйфории универсализма к разочарованию и пессимизму.

Так в период первого кризиса в двусторонних отношениях был окончательно закреплен как один из основных имагологических трендов тот уровень восприятия, который франко-болгарский ученый Ц. Тодоров назвал праксеологическим (сравнение себя с «Другим»), отделив его от аксиологического (оценочно-констатационного) и эпистемологического (не знакомство-узнавание, а изучение-познание)⁵⁸. А это способствовало поддержанию стереотипов восприятия России и долгосрочных мифов о ней в американском обществе.

- 1 *Campbell D.* Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis, 1998. По мнению Кэмпбелла, иммиграция, игравшая принципиально значимую роль в историческом опыте Соединенных Штатов, усиливала необходимость признания и развития его репрезентационных практик, способствуя постоянному подыскиванию новых коллективов с целью сделать их «Другими». Однако, на мой взгляд, критическое отношение к конструируемому «Другому» являлось не только продуктом кризиса национальной идентичности. Оно также диктовалось общей матрицей культурных символов, а также менявшейся внутренней и международной повесткой дня.
- 2 Об изменении образа России в США на рубеже XIX–XX вв. и возникновении «новой мессианской идеи» подробнее см.: *Журавлёва В.И., Фоглесонг Д.С.* Русский «Другой»: формирование образа России в Соединенных Штатах Америки (1881–1917) // Американский ежегодник, 2004. М., 2006. С. 233–281; *Журавлёва В.И.* Свет американской свободы и «Империя Тьмы»: образ России в контексте мессианской идеи в США // Новый исторический вестник. 2008. № 1(17). С. 63–75; *Foglesong D.S.* The American Mission and the «Evil Empire». The Crusade for a «Free Russia» since 1881. Cambridge University Press, 2007. P. 7–46.
- 3 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. Д. 101. 1893 г. Л. 26–28, 64–65об.
- 4 Там же. Д. 114. 1895 г. Л. 112–114об. См. также: No American Alliance with England // The Mail and Express. 1895. Sept. 25.
- 5 История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. М., 1997. С. 133–147.
- 6 Анализ идеологии движения России на Дальний Восток, получившей определенную поддержку в российском обществе см.: *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. Northern Illinois University Press, 2001.
- 7 *Мижухев Б.В.* Моделирование понятия «национальный интерес». На примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века // Русский Архипелаг [Электронный ресурс] URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/east/> (дата обращения: 19.04.09).
- 8 *Denby Ch.* America's Opportunity in Asia // North American Review. 1898. Vol. 166. Jan. P. 32–39; *Ibid.* Chinese Railroad and Mining Concession // Forum. 1899. Vol. 28. Nov. P. 341, 345.
- 9 *Hunt M.H.* Ideology and U.S. Foreign Policy. New Haven; L., 1987. P. 31, 38, 40–42; *Stephanson A.* Manifest Destiny. American Expansion and the Empire of Right. N.Y., 1995. P. 74–100, 104–111; История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918. М., 1997. С. 194–206; *LaFeber W.* The Turn of the Russian-American Relations, 1889–1905 // Русское открытие Америки. М., 2002. С. 283–285; *Мальков В.Л.* Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 32–35.

- 10 *Mahan A.* Problem of Asia. L., 1900; *Adams B.* America's Economic Supremacy. N.Y.; L., 1947 (1st edition 1900). P. 175–193; *Adams B.* The New Empire. N.Y., 1902. P. 186, 194–195, 203; *Lodge H.C.* Some Impressions of Russia // Scribner's Magazine. 1902. May. P. 570–580; *The American Image of Russia. 1775–1917.* Ed by E. Anschel. N.Y., 1974. P. 173–174. Об образе России в репрезентациях американских консерваторов подробнее см.: *Журавлёва В.И.* Конструирование образа русского «Другого» в консервативной идеологии США на рубеже XIX–XX вв. // Консервативная традиция в американском обществе. Истоки, эволюция, современное состояние. М., 2006. С. 287–308.
- 11 При анализе данного аспекта восприятия необходимо брать в расчет специфику трактовки понятия раса в общественно-политической мысли того времени. Американцы соотносили его не только с цветом кожи, но и со специфическим набором культурных характеристик, носителями которых были отдельные этнические общности. *DeConde A.* Ethnicity, Race, and American Foreign Policy: A History. Boston, 1992. Ch. 5.
- 12 *The Letters of Theodore Roosevelt (LTR)* In 8 Vols. Cambridge, 1951–1954. Vol. 4. Cambridge, 1951. P. 760; *Hunt M.H.* Op. cit. P. 69–77, 126–135; *Куланов А., Молодяков В.* Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007. С. 90–91.
- 13 *Small M.* Democracy and Diplomacy: The Impact of Domestic Politics on US Foreign Policy, 1789–1994. Baltimore, 1996. P. 30–32; *Stephanson A.* Op. cit. P. 100–104.
- 14 Задачи внешней политики России по отношению к Турции, Персии, Афганистану и на Дальнем Востоке. 25 января 1900 г. (старый стиль) // АВПРИ. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 191/187. Л. 24–26; Отзывы министров // Там же. Л. 17об.–18, 20–21, 25–26об. Поводом стала «Записка вице-адмирала Алексеева о занятии или приобретении Россией о. Каргодо» (архипелаг близ Кореи) // Там же. Л. 29–34.
- 15 *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л., 1928. С. 304–305.
- 16 *Bailey T.A.* America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Day. Ithaca, 1950. P. 149.
- 17 A Defense of Russian Diplomacy // Literary Digest. 1903. Vol. 26. May 16. P. 710.
- 18 *Schoenberg P.E.* The American Reaction to the Kishinev Pogrom of 1903 // American Jewish Historical Quarterly (AJHQ). 1974. Vol. 63. March. P. 263–283; *Best G.D.* To Free a People. American Jewish Leaders and the Jewish Problem in Eastern Europe, 1890–1914. Westport, London, 1982. P. 64–90; *Шлезингер А.М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 139.
- 19 Об этом подробнее см.: *Журавлёва В.И.* «Новые еврейские иммигранты» и американское общество на рубеже XIX–XX вв. // Американский ежегодник, 2000. М., 2002. С. 137–164.
- 20 *Straus O.S.* Russia's Attitude Toward America // The New York Times. 1904. Feb. 14. См. также: *Straus O.S.* The United States and Russia: Their Historical Relations // North American Review. 1905. Vol. 181. Aug. P. 237–250. См. также: *The United States and Russia: A Reexamination of the Traditional Friendship*

- between Them in the Light of the Past and Present History // Public Opinion. 1903. Vol. 34. May 21. P. 680.
- 21 На этот факт первым обратил внимание в своих публикациях Д.С. Фоглсонг.
- 22 См., например, карикатуры Дж. Маккатчеона в «The Chicago Daily Tribune»: 1903. Dec. 22; 1904. Jan. 9, March 11, а также карикатуры К. Мейбелла в «Brooklyn Daily Eagle» и Т. Мэя в «Detroit Journal» // Literary Digest. 1903. Vol. 26. May 16. P. 711; 1905. May 20. Vol. 30. P. 732.
- 23 Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. Документы. Составители: Ю.В. Басенко, В.И. Журавлёва, Е.Ю. Сергеев. М., 1999 (далее – Россия и США). С. 64–65. См. также: С. 52–53, 365.
- 24 Там же. С. 102.
- 25 *Харпер С.* Россия, в которую я верю. Мемуары. 1902–1914. Вып. 1. М., 1962. С. 32.
- 26 См., например, обзоры прессы: Literary Digest. 1903. May 16. Vol. 26. P. 711; 1904. Jan. 23. March 12, Vol. 28. P. 101–102, 354–356; 1904. Sept. 17. Oct. 29, Nov. 12, Vol. 29. P. 241–242, 556–557, 635; Aug. 19, 26, Sept. 9, 1905. Vol. 31. P. 233–234, 270, 333–335.
- 27 Подробнее см.: *Журавлёва В.И.* «Давид против Голиафа»: образ России в американской политической карикатуре периода Русско-японской войны // США и Канада: Экономика – Политика – Культура. 2007. № 10. С. 66–84.
- 28 *Кулаинов А., Молодяков В.* Указ. соч. С. 85–89.
- 29 *Павлов Д.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С. 325–334.
- 30 *Gulick S.L.* The White Peril in the Far East. An Interpretation of the Significance of the Russo-Japanese War. N.Y.; Chicago, 1905. P. 155–156.
- 31 *Kennan G.* Which is the Civilized Power? // Outlook. 1904. Vol. 78. Oct. 29. P. 515–523.
- 32 *Foulke W.D.* Slav or Saxon. A Study of the Growth and Tendencies of Russian Civilization. N.Y., London, 1899 (1st edition – 1887). P. 7–8, 13–14, 18, 21, 23–25, 30, 37, 69–74, 90, 126–127; УД. Фульк – Дж. Роперсу, 12 мая 1899 г. // Library of Congress (LC). Manuscript Division (MD.) William Dudley Foulke Papers. Box 3.
- 33 Участвуя совместно с Великобританией (50 на 50) в трех военных займах Японии и совместно с Великобританией и Германией (в трех равных долях) в четвертом займе, банковский синдикат Д. Шиффа предоставил Японии 180 млн долл. См.: *Best G.D.* Financing a Foreign War: Jacob H. Schiff and Japan, 1904–1905 // AJHQ. 1972. Vol. 61. June. P. 314–320.
- 34 LC. MD. The Papers of Wharton Barker. Box 9, 10, 11; Barker W. The Secret of Russia's Friendship // Independent. 1904. Vol. 56. Feb. P. 645–649; New Testimony to Russia's Friendship // Literary Digest. 1903. April 16. P. 543–544.
- 35 *Williams W.A.* American-Russian Relations 1781–1947. N.Y., 1952. P. 44.
- 36 А. Беверидж обосновал свой взгляд в работе «The Russian Advance» (N.Y., L., 1904), написанной после путешествия на Дальний Восток в 1901 г.

- 37 The Settlement of Political Affairs in the Far East [December, 1903] // LC. MD. Papers of James Harrison Wilson. Box 52 See also: J. Wilson to G. Kennan, December 21, 1903 // Ibid. Box 12.
- 38 *Harrington F.H.* God, Mammon, and the Japanese: Dr. Horace N. Allen and Korean-American Relations, 1884–1905. N.Y., 1922.
- 39 Charles Richard Crane Memoirs // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. *Charles R. Crane Papers*. R. 3. P. 73–76. *Stone M.* Fifty Years a Journalist. N.Y., 1921. P. 261–278.
- 40 См., например, статью Ч. Крейна в «New York Times» от 2 августа 1903 г., которая появилась в ответ на передовицу в номере от 1 августа 1903 г.
- 41 См., например: Ф.У. Холлс – Т. Рузвельту, 6 июля 1903 г. // LC. MD. The Papers of Theodore Roosevelt. R. 34; Р. Макензи – Дж. Хэю, 3 июля 1903 г. // Ibid. The Papers of John Hay. P. 17; No Hostility to Russia // Review of Reviews. 1904. Vol. 29. April. P. 406; Russia and the United States // World's Work. 1905. Vol. 9. March. P. 5894.
- 42 Н. Сол в своей монографии как раз уделил основное внимание позиции тех, кто выступал за сотрудничество с Россией. В итоге определенного смещения акцентов возникает ощущение того, что в США преобладала не прояпонская, а прорусская позиция. *Saul N.E.* Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914. Lawrence, 1996. P. 478–480, 482–483, 485–487.
- 43 Л. Гриском – Дж. Хэю, 23 февраля 1904 г. // LC. MD. The Papers of John Hay. P. 8; А.П. Кассини – В.Н. Ламздорфу, 20 октября; 2 ноября 1904 г. // Россия и США. С. 66–67; *Williams R. Ch.* Russian Art and American Money, 1900–1940. Cambridge, 1980. P. 50–52.
- 44 *Laserson M.M.* The American Impact on Russia, 1784–1917: Diplomatic and Ideological. N.Y., 1950. P. 320–340.
- 45 *Павлов Д.* Указ. соч. С. 341–346.
- 46 Историки единодушны в этом выводе. Из последних работ см.: *Saul N.E.* The Kittery Peace // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden-Boston, 2005. P. 493.
- 47 О наложении образов и визуализации представлений о России в период первого кризиса в целом см.: *Журавлёва В.И.* Образ России в репрезентациях американских карикатуристов в начале XX века // Диалог со временем. Вып. 25(1). 2008. С. 237–270.
- 48 О восприятии зарубежных революций в американском обществе см.: *Hunt M.H.* Op. cit. Ch. 4.
- 49 См. карикатуры: The Chicago Daily Tribune. 1905. Jan. 24; Puck. 1905. Feb. 8. (обложка).
- 50 О значении религиозного фактора в формировании представлений американцев о России в XX в. см.: *Foglesong D.S.* Conversion and Condemnation: Religious Influences on American Images of Late Tsarist, Soviet, and Post-Soviet Russia // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность. Редактор-составитель В.И. Журавлёва. М., 2007. С. 256–272.

- 51 О восприятии американцами революции 1905 г. см.: *Журавлёва В.И.* Предел допустимого в революции: 1905 г. в России в восприятии американцев // Русское открытие Америки. М., 2002. С. 292–301; *Она же.* Образ Русской революции в американской политической карикатуристке // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. С. 157–186; *Thompson A.W., Hart R.A.* The Uncertain Crusade: America and the Russian Revolution of 1905. Amherst, 1970; *Saul N.* Op. cit. P. 488–527.
- 52 Марк Твен. Монолог Царя // Собр. соч. М., 1961. Т. 11. С. 545–549. См. также: *Харпер С.* Указ. соч. С. 46. См. карикатуры в: The Chicago Daily Tribune. 1905. Feb. 18; The Philadelphia Inquirer. 1905. Feb. 18, 20. The New York World. 1905. Feb. 19. 1905. Life. March 9.
- 53 О взглядах русофилов см.: *Журавлёва В.И.* «Soul for export»: американское русофильство рубежа XIX–XX вв. // Americana. Вып. 8. Волгоград, 2006. С. 105–128.
- 54 The Los Angeles Times. March 18, 1905; Living Age. 1905. Vol. 244. March. P. 695–697; Independent. 1905. Vol. 58. Feb. P. 349–350, 441–443; The New York Times. Jan. 30, Feb. 18, 23, 1905; North American Review. 1905. Vol. 180. Jan. P. 19–20, Feb. P. 300; Arena. 1905. Vol. 33. Feb. 1905. P. 210–213.
- 55 В то время как Томпсон и Харт делают вывод, что увлечение русской революцией не ослабевало до конца лета 1905 г. См.: *Thompson A.W., Hart R.A.* Op. cit. P. 69.
- 56 LTR. Vol. 5. P. 112–113, 207–208, 336, 345.
- 57 О преемственности коммуникативных стратегий см.: *Журавлёва В.И., Фоглессонг Д.С.* Конструирование образа России в американской политической карикатуре XX века // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. М., 2008. С. 189–262.
- 58 *Todorov T.* The Conquest of America: The Question of the Other. N.Y., 1982. P. 185–186.

ЭВОЛЮЦИЯ АНТАНТЫ КАК ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА (1891–1923)

Статья посвящена истории Антанты – военно-политического блока конца XIX – начала XX в. Автор анализирует динамику развития данного объединения, выделяет ключевые этапы в его деятельности с 1891 по 1923 г. Особое внимание уделяется особенностям структуры Антанты как военно-политического союза, принципам взаимоотношений участников в разные периоды его деятельности.

Ключевые слова: военно-политический союз, Сердечное Соглашение, Тройственный Союз, Агадирский кризис, соглашение Грея–Камбона.

В истории международных отношений конца XIX – начала XX в. важное место занимает военно-политический союз, получивший название «Антанта». Начав свое существование в качестве традиционной для международных отношений XVIII–XIX вв. антигерманской «сделки по интересам» между Россией и Францией, к которой в дальнейшем примкнула Великобритания, в дальнейшем Антанта превратилась в военно-политическое объединение, включающее в себя большинство стран Запада. Одновременно этот союз претерпел кардинальную внутреннюю трансформацию: из закрытого клуба двух-трех великих держав, каждая из которых преследовала собственные эгоистические интересы, он превратился в объединение стран «западной цивилизации», провозгласивших своей целью принципы «открытой дипломатии».

В связи с этим представляется весьма интересным проследить эволюцию Антанты на всем хронологическом отрезке ее существования, охватывающем 32 года (1891–1923). При этом, на взгляд автора данной статьи, можно выделить четыре основных

этапа, на каждом из которых этот союз видоизменялся и приобретал новые черты.

Первый этап в существовании Антанты охватывает хронологический отрезок 1891–1907 гг. и его условно можно назвать периодом формирования данного военно-политического союза.

К началу 1890-х годов стремительно усиливающаяся Германия превратилась в важнейший фактор, определяющий ситуацию в Европе. Растущие аппетиты молодой и динамичной державы потребовали от других ключевых игроков сосредоточить свое внимание на нейтрализации этой угрозы.

Наиболее жесткая позиция в данном вопросе была характерна для французской политической элиты. Поражение во франко-прусской войне 1870–1871 гг., выплата унижительной контрибуции в 5 млрд франков и утрата Эльзаса и Лотарингии создавали во Франции благоприятную почву для реваншистских настроений. Однако при этом Франция нуждалась в сильном союзнике, способном уравновесить германское превосходство. Единственной страной, подходящей на эту роль, в последней трети XIX в. была Россия.

Российские правящие круги изначально занимали далеко не столь однозначную позицию в «германском вопросе». Среди них сохранялись сильные прогерманские настроения¹. В конечном итоге, опасения перед чрезмерным усилением Германии взяли верх и привели к сближению между Россией и Францией, вылившемуся в создание военно-политического союза. В 1891 г. стороны подписали политическую декларацию о сотрудничестве. Ее логическим развитием стала военная конвенция 1893 г., предусматривавшая взаимную поддержку на случай германского нападения. С подписанием конвенции военно-политический союз России и Франции, заложивший основу для будущего развития Антанты, стал реальностью. Оформление русско-французского союза привело к размежеванию европейских государств на две примерно равные группировки, взаимно уравновешивавшие друг друга.

Особую позицию по отношению к русско-французскому союзу занимала Великобритания. Британская политика в отношении Франции и России в 90-е годы XIX в. отличалась значительной сдержанностью, связанной с сохранением острых противоречий на почве колониального соперничества. При этом в Лондоне учитывали примерный паритет сил, сложившийся между русско-французским и Тройственным союзами и предпочитали проводить внешнеполитический курс, за которым закрепилось название «блестящая изоляция». Сущность данной политики заключалась в неприсоединении Англии к каким-либо военно-политическим союзам, что позволяло стране сохранять свободу рук и, гибко реагируя на воз-

никающие конфликты, поддерживать в своих интересах баланс сил в Европе, удерживать свое ведущее положение в системе международных отношений?

С началом первого десятилетия XX в. ситуация стала меняться. Динамичное усиление Германии, ее политика, направленная на разобщение потенциальных соперников, нарушили сложившийся баланс сил. Результатом стала переориентация Великобритании на более тесное сотрудничество с Россией и Францией. Формальным выражением этого процесса стало заключение англо-французского (8 апреля 1904 г.) и англо-русского (31 августа 1907 г.) соглашений по колониальным вопросам. При этом Foreign Office сознательно избегал принятия на себя каких-либо формальных союзнических обязательств, добиваясь превращения Антанты в орудие, обслуживавшее в первую очередь английские интересы.

С присоединением в 1904–1907 гг. к франко-русскому союзу Великобритании определяется расстановка сил на международной арене, завершается период формирования Тройственного Соглашения. Тогда же по отношению к новой коалиции входит в общественно-употребительную практику термин «Антанта»³. Оформившийся трехсторонний альянс изначально приобрел асимметричный характер: взаимные обязательства Франции и России при неопределенном статусе Великобритании. Подобные военно-политические комбинации были не редкостью в XVIII–XIX вв., хотя и не отличались долговечностью, поскольку в их основе лежал ситуативный интерес. Каждая сторона ставила во главу угла собственные интересы в том виде, как она сама их понимала. В той мере, в которой эти интересы совпадали с интересами других держав, она готова была их учитывать. Сохранявшиеся острые противоречия между участниками Сердечного Соглашения постоянно давали о себе знать и таили в себе перманентную угрозу распада коалиции под влиянием внутренних противоречий.

Следующий, **второй этап** в развитии Антанты (1907–1914 гг.) ознаменовался появлением новых черт, нехарактерных для традиционной «концертной» европейской дипломатии. Наиболее существенным моментом стала постепенная утрата странами-участницами данной коалиции свободы в принятии внешнеполитических решений. Из тактического «союза по интересам» Антанта постепенно превращается в политическое объединение, накладывающее на своих участников определенные обязательства. Решающим обстоятельством при этом стала агрессивная политика Германии.

Образование антигерманской Антанты с неизбежностью породило устойчивое стремление Берлина изменить в свою пользу возникший неблагоприятный для нее расклад сил, расколоть Тройственное

Согласие и достичь гегемонии в Европе. Соответственно, германская дипломатия инициировала конфликты или стремилась использовать возникающие противоречия с целью развала данного союза. Возникавшие кризисные ситуации вели к неуклонному нарастанию напряженности в отношениях между противостоящими европейскими группировками, постепенно сужая возможности для дипломатического маневра и вынуждая великие державы стремиться к получению четких гарантий от своих партнеров по коалициям.

Чтобы изменить в свою пользу баланс сил, Берлину было достаточно вывести из Антанты любого из ее участников. В ходе трех Марокканских кризисов (1905–1906, 1908, 1911 гг.) удар наносился по Франции. По мнению германских дипломатов, лишив Францию односторонних преимуществ, приобретенных ею в Марокко по соглашению с Англией, они могли обесценить преимущества Антанты в глазах Парижа⁴.

Другой конфликтной зоной, угрожавшей существованию Сердечного Соглашения, были Балканы – зона преимущественных интересов России. Провоцируя столкновения и выдвигая ультиматумы Петербургу (Боснийский кризис 1908–1909 гг., Балканские войны 1912–1913 гг.), Берлин стремился продемонстрировать бесполезность Антанты в деле защиты российских интересов в этом регионе и убедить царское правительство переориентировать свою политику в направлении Германии.

Промежутки времени между вспыхивающими международными конфликтами также не были спокойным временем для Тройственного Соглашения. В эти моменты посткризисного урегулирования продолжалась подковерная борьба, в ходе которой дипломатия Центральных держав стремилась перетянуть на свою сторону одного из участников Антанты. Главные усилия в этой «спокойной фазе» направлялись на «обработку» не связанной никакими формальными союзническими обязательствами Великобритании.

В этих условиях, под влиянием роста международных противоречий и опасности, исходившей со стороны Тройственного Союза, намечилось формирование военно-политического союза «нового типа», отличного от «ситуационных коалиций» XIX в.

Отечественные исследователи расходятся во мнениях относительно момента, когда царская Россия утратила свободу дипломатического маневра. П.Н. Ефремов утверждает, что переориентация страны в сторону Германии полностью исключалась уже после заключения соглашения с Англией 1907 г.⁵ В противоположность ему И.В. Бестужев относит этот момент к Потсдамскому соглашению 1910 г.⁶ В любом случае, к 1911 г. Россия фактически стала заложницей своих партнеров по Антанте.

Для Франции поворотным пунктом стал Агадирский кризис 1911 г. До этого момента еще сохранялись сильные позиции политических группировок, склонных прийти к соглашению с Германией⁷. С избранием на президентских выборах (январь 1912 г.) резко антигермански настроенного Р. Пуанкаре Франция окончательно отказывается от всяких сделок с Германией и делает однозначную ставку на Антанту.

Наиболее сложно и неоднозначно развивался процесс включения Великобритании в систему взаимных обязательств участников Тройственного Соглашения. Перестраивая свою линию поведения перед лицом меняющейся международной обстановки, Великобритания взяла курс на асимметричное партнерство, блокируясь с более «удобной» Францией против сравнительно слабой и изолированной России. Наиболее зримым свидетельством сближения по линии Лондон–Париж стали соглашение Грея–Камбона 22–23 ноября 1912 г. и связанная с ним передислокация английского и французского флотов. По сути дела, это был первый документ, в котором фиксировались особые отношения, существовавшие начиная с 1904 года между Англией и Францией⁸.

Противоречивые тенденции в развитии Тройственного Соглашения, наблюдавшиеся в 1907–1914 гг., в конечном счете, привели к рождению нового качества. Под влиянием роста международных противоречий и опасности, исходившей со стороны Тройственного Союза, наметилось формирование военно-политического союза «нового типа», отличного от «ситуационных коалиций» XIX в. Процесс этот шел по нарастающей и достиг своего пика на рубеже 1911–1912 гг., ознаменованном сразу несколькими острыми международными конфликтами (Агадирский кризис, итало-турецкая и первая балканская войны). Достигнутая в этот период степень координации действий участников и уровень взаимных обязательств фактически исключили возможность их выхода из состава Антанты и переориентацию внешней политики в сторону Германии.

Третий этап в развитии Антанты как военно-политического союза относится к периоду Первой мировой войны 1914–1918 гг. Июльский кризис 1914 г., приведший к разрыванию данного конфликта, стал отправной точкой в перерастании Антанты из закрытого клуба трех великих держав, объединившихся в борьбе с гегемонистскими устремлениями Германии, в новую, неизвестную доселе форму открытого многостороннего военно-политического союза с устойчивыми организационными формами.

По мере того как обозначались истинные масштабы и продолжительность войны, для держав Антанты возникла необходимость отказаться от сепаратной политики и пойти на принятие опреде-

ленных обязательств перед своими партнерами. Первым таким соглашением стала договоренность России, Англии и Франции о будущем разделе Османской империи, заключенная путем обмена меморандумами в марте–апреле 1915 г. По оценке современных исследователей, «...фактически тайное соглашение о Проливах явилось первой масштабной сделкой империалистического плана между державами Антанты»⁹. В мае следующего, 1916 г., был подписан договор Сайкс–Пико, распределявший между Англией и Францией почти все страны Арабского Востока. К 1917 г. стороны зафиксировали совместные политические цели в ведущейся мировой войне. Таким образом, Антанта достигла высшей степени развития, характерной для традиционных военно-политических союзов XVIII–XIX вв.

Первая мировая война, принявшая тотальный характер, резко активизировала значение идеологического фактора. Уже начало войны, сопровождавшееся взрывом националистических чувств и появлением устойчивых «фобий» в массовом сознании («германофобия» в странах Антанты, «руссофобия» в Германии и т. д.), стало отправной точкой в формировании разделительных линий, расколовших некогда единое пространство Европы. Огромные военные жертвы, неимоверная тяжесть финансовых затрат, ломка всего традиционного экономического уклада довершили крах «старого порядка». Рубежом в переходе к новому качеству стали конец 1917 – начало 1918 г., ознаменовавшиеся Октябрьской революцией в России и знаменитыми «14 пунктами» В. Вильсона.

Быстрый рост числа участников Антанты и необходимость согласования их противоречивых интересов вынуждали ставить вопрос о новой идеологии данного союза, отличной от примитивно империалистических целей, характерных для предшествующего времени. Придание гласности большевиками секретных договоров, заключенных в рамках Антанты царским правительством¹⁰ и массовое разочарование западного общества в прежней секретной «старой дипломатии», сделавшей возможной мировую войну, определили переход к «новой дипломатии», делающей ставку (во всяком случае, официально) на открытость и публичность провозглашаемых целей.

В новых условиях на рубеже 1917–1918 гг. в умах политической элиты стран – членов Антанты начинает формироваться новое видение этого альянса не просто как военно-политического союза государств, объединившихся для решения своих эгоистических интересов, но как единой мироцелостности, от успеха действий которой зависит существование всей западной цивилизации. Хотя основой участия в Антанте ведущих стран-лидеров оставались им-

периалистические интересы, их теперь дополняли стремления к созданию нового «справедливого» мироустройства, основанного на «открытой» дипломатии и защите западных ценностей и образа жизни. При этом, чем труднее становилась обстановка на фронтах, тем большую склонность к сотрудничеству и компромиссу в рамках Антанты проявляли ее участницы.

Подводя итоги периода Первой мировой войны, можно заключить, что эти годы, особенно 1917–1918, оказались переломными с точки зрения развития Антанты, решающим образом трансформировав ее структуру и характер. Во-первых, она значительно усложнилась ввиду быстрого количественного роста рядов блока. Из трехстороннего Антанта превратилась в многосторонний союз. Во-вторых, обновился состав «ведущей тройки» – из рядов коалиции выбыла Россия, а ее место заняли США, сразу же начавшие претендовать на роль нового лидера. Результатом стало исчезновение прежней иерархии и ожесточенное соперничество, которое удавалось сдерживать лишь в силу чрезвычайных обстоятельств военного времени. В-третьих, появляется новый элемент – организационное оформление военно-политического союза в виде объединения военных командований держав Антанты, состоявшегося 6–7 ноября 1917 г. на конференции в Рапалло. Тем самым был сделан шаг к качественно иной форме военно-политических союзов с постоянной организацией, ставшей традиционной во второй половине XX в.

Последний, **четвертый этап** в существовании Антанты приходится на 1919–1923 гг. Этот период характеризуется движением по нисходящей линии, в направлении постепенной дезинтеграции данного военно-политического союза. При этом на эволюцию отношений в рамках Соглашения оказывают воздействие две противоречивые тенденции. С одной стороны, это стремление придать Антанте статус постоянно действующего и в мирных условиях военно-политического союза, сохранить ее как новый инструмент международной политики, призванный осуществлять защиту коллективных интересов западной цивилизации. С другой стороны, это усиление внутривлокового соперничества, борьба за лидерство между США, Англией и Францией и все более откровенно проявляющееся нежелание всех стран-участниц поступаться национальными интересами ради единства союза.

На Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. страны Антанты первоначально стремились выступать единым фронтом, совместно вырабатывая условия мирных договоров с побежденными. При этом предпринимались попытки увязать существование Сердечного Соглашения и проектируемой новой универсальной меж-

дународной организации – Лиги Наций. В конечном итоге на результатах переговорного процесса сказался ряд обстоятельств.

Во-первых, исчез фактор внешнего принуждения. Военный противник – Германия – был повержен, а идеологический враг в лице большевистской России – маргинализован и устранен на периферию мировой политики. Непосредственная угроза западным формам общественного устройства и существующим политическим режимам была устранена. В этих условиях в политике стран-участниц все большее значение приобретали эгоистически понимаемые государственные интересы. Во-вторых, сказывалось отсутствие ярко выраженного лидера, обладающего подавляющим превосходством в ресурсах и способного принудить соперников к подчинению. Неразрешенная проблема лидерства, временно приглушенная чрезвычайными обстоятельствами военного времени, встала в полный рост на Парижской мирной конференции. Наконец, в-третьих, отсутствовал опыт блокостроительства в мирных условиях, не существовало наработанных механизмов такого сотрудничества. Военно-политический союз, выросший в условиях войны, начинал восприниматься обществом и растущей частью политической элиты как ненужная обуза на фоне бурного роста пацифистских настроений. Завершившаяся Великая война воспринималась как «последняя», после которой войн не будет, а значит, и военно-политические союзы не нужны.

В ходе бурных обсуждений условий мирных договоров на Парижской конференции единство стран Антанты постепенно утрачивалось, разногласия стали брать верх. Решающий удар по существованию Согласия нанес фактический выход из его состава США, отказавшихся от ратификации Версальского мирного договора и участия в Лиге Наций.

Какое-то время Англия и Франция пытались сохранить Антанту как военно-политический союз, однако в послеверсальский период разногласия продолжали усиливаться. Камнем преткновения, как и прежде, оставался «германский вопрос». В конечном счете, несовместимость позиций сторон¹¹ привела к открытому столкновению в ходе Рурского кризиса 1923 г. Англо-французское единство, игравшее важнейшую роль в жизнедеятельности Согласия начиная с 1912 г., распалось, а с ним прекратила существование и прошедшая длительный исторический путь развития Антанта.

Заключение. Изучение эволюции Антанты в 1891–1923 гг. позволяет сделать следующие выводы. На начальном этапе своего развития (до 1907 г.) Сердечное Согласие сформировалось как традиционная для XIX в. дипломатическая комбинация, в рамках которой были возможны легкая смена конфигурации и измене-

ние состава участников. В 1907–1914 гг. происходит формирование более прочной и устойчивой конструкции в виде «дипломатического треугольника», в котором прекрасно изучившие друг друга партнеры взаимодействовали по четко выверенным правилам. При этом растущая опасность войны значительно сузила для них пространство маневра, потребовав предоставления, в той или иной форме, взаимных гарантий поддержки в противостоянии с Германией. В годы Первой мировой войны, с подключением все новых участников, Антанта перерастает в открытый многосторонний военно-политический союз. Возникает неустойчивая, постоянно эволюционирующая конструкция, в рамках которой выделялись ведущие государства (среди которых Англия, Франция и США претендовали на лидерство) и второстепенные участники (например, Бельгия или Италия). Последние не имели значительного веса, но и их мнение приходилось учитывать при ведении коалиционной войны.

В ходе Первой мировой войны и непосредственно после нее включаются новые факторы, воздействующие на динамику развития отношений в рамках Антанты: а) идеологический фактор («свободный мир» против деспотизма), особенно усиливающийся после фактического выхода из союза России в конце 1917 – начале 1918 г. и превращения Антанты де-факто в союз «западных демократий»; б) рождение «новой дипломатии», попытки создать систему коллективной безопасности, увязать существование Антанты и Лиги Наций, сделать Антанту постоянным многосторонним военно-политическим союзом, действующим и в мирное время. Однако попытки стран – участниц данной коалиции выстроить инфраструктуру сотрудничества в области безопасности на новых условиях потерпели неудачу. Причинами этого стали: отсутствие опыта блокостроительства в условиях мирного времени, различные представления участников о собственных государственных интересах и путях их обеспечения, борьба за лидерство.

Распад Антанты под влиянием обострившихся противоречий между ее участниками пришелся на послевоенный период 1919–1923 гг. Однако опыт взаимодействия большинства западных стран в рамках одного военно-политического союза с фиксированной организацией не прошел бесследно. Уроки участия в совместной коалиции наложили глубокий отпечаток на политику ведущих западных стран: Англии, Франции, США. В новых условиях он оказался востребован уже во второй четверти XX в.: в годы Второй мировой войны и после нее, при создании Североатлантического альянса.

- 1 Глубокий и содержательный анализ причин франко-русского сближения конца XIX в. содержится в целом ряде работ отечественных и зарубежных авторов. См., напр.: *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. *Ротштейн Ф.А.* Международные отношения в конце XIX века. М.; Л., 1960. *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. *Хвостов В.М.* История дипломатии. Т. II. М., 1970. *Bartlett J.* The Global Conflict 1880–1970: The International Rivalry of the Great Powers. L., 1984. *Hughes M.* Diplomacy before the Russian Revolution: Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894–1917. N.Y., 2000.
- 2 *Nicolson H.* Diplomacy. L., 1940. P. 137.
- 3 Употребление термина «Антанта» (Entente Cordial или «Сердечное Соглашение») в дипломатической практике начинается с момента подписания англо-французской конвенции 1904 г. Происхождение данного словосочетания ведет свою родословную еще с начала 40-х годов XIX в., когда произошло непродолжительное сближение Англии и Франции. Таким образом, «Антанта» в контексте двусторонних отношений призвана была обозначать взаимную доброжелательность и координацию действий без каких-либо взаимных обязательств. После 1907 г. словосочетание «Тройственная Антанта» употреблялось в отношении коалиции Великобритании, Франции и России.
- 4 *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 г. М., 1961. С. 317.
- 5 *Ефремов П.Н.* Внешняя политика России 1907–1914. М., 1961. С. 113.
- 6 *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1911. М., 1959. С. 31–32.
- 7 *Taylor A.J.P.* The Struggle for Mastery in Europe, 1848–1918. Oxford, 1954. P. 464–465.
- 8 *Williamson S.R.* The Politics of Grand Strategy. Britain and France Prepare for War, 1904–1914. Cambridge, 1969. P. 297.
- 9 Мировые войны XX века. Т. 1. С. 238.
- 10 Имеется в виду Декрет НКВД от 22 ноября 1917 г. об опубликовании секретных договоров и соглашений царского и Временного правительств.
- 11 Более подробно о разногласиях между Англией, Францией и США по «германскому вопросу» см.: *Горохов В.Н.* История международных отношений 1918–1939 гг. М., 2004.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА НАЧАЛА XX ВЕКА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена характеристике положения российской экономики начала XX в. в системе международных отношений данного периода. Автор представляет основные проблемы, становившиеся объектом дискуссии в рамках данной темы в советской исторической науке. В статье показана актуальность проблемы международной интеграции для современной экономической системы России.

Ключевые слова: российская экономика, капитализм, международные отношения, историография, внешняя политика.

Проблема интегрированности российской экономики в систему мирового развития является одной из наиболее актуальных для представителей различных отраслей знания на протяжении последнего столетия.

Она широко обсуждалась и в момент ее возникновения, обусловленный интенсивной модернизацией отечественной хозяйственной системы последней трети XIX – начала XX в., в русле определения места Российской Империи среди активно развивавшихся в индустриальном отношении стран мира. Ее актуальность не утратилась и в десятилетия, последовавшие за революционными событиями 1917 г. Временами обсуждение данной проблемы переходило на политический уровень, что с позиций характерного для большей части XX в. восприятия истории, как идеологической и даже политической науки, было вполне естественным явлением. Несомненно, значимым остается обсуждение вопроса о месте и роли российской экономики в системе международных хозяйственных и политических отношений в настоящее время, когда

внимание значительного числа государственных деятелей, бизнесменов и ученых сконцентрировано на изучении сущности и перспектив преодоления глобальных кризисных тенденций.

Иными словами, обозначенная исследовательская проблема, как и другие объекты целенаправленного анализа, находится на стыке истории и современности, охватывая тем самым важные закономерности общественного развития. Этим определяется ее актуальность и практическая значимость.

Необходимо отметить, что интерпретация роли российской экономики в организации системы международных отношений применительно к периоду начала XX в. нуждается в настоящее время в новом историографическом освещении. Подход к ее исследованию, заложенный в рамках ленинской концепции экономической истории России¹, опирался на систему факторов линейного освещения исторического процесса, представленную за несколько десятилетий до этого в исследованиях К. Маркса и Ф. Энгельса. В нее входили трактовавшиеся в русле позитивистской методологии историзм и объективность, а также социально-классовый подход к оценке человеческой деятельности. Далее, после осуществленного в ходе октябрьской революции 1917 г. переломного изменения системы социальных отношений, состояние экономической и других сфер общественной жизни применительно к периоду начала XX в. стало оцениваться с мировоззренческих позиций победившей части политической элиты.

Поэтому на основании классового подхода был сформирован новый для существовавшей историографической практики принцип партийности. Идеология полностью совпала с историческим знанием на концептуальном уровне, расходясь с ней лишь на уровне пути к получению знания о прошлом. Подобная тенденция, которая в свете популярной в настоящее время концепции когнитивной – культурно-феноменологической – истории² вполне может показаться антинаучной, нисколько не отрицалась учеными советской интеллектуальной формации. Более того, в ряде основополагающих методологических трудов³ она была абсолютизирована и по существу признана безальтернативной с точки зрения получения приближающихся к уровню достоверности исторических знаний.

Предпринятый краткий дискурс в сторону общетеоретической проблематики важен применительно к теме положения российской экономики в системе международных отношений начала XX в. потому, что ее исследование на уровне концептуальных обобщений было даже в большей мере, чем по отношению к другим исследовательским сюжетам, детерминировано распространенной в сознании специалистов идеологической парадигмой. Стоявшая перед

представителями исторической науки задача была, в сущности, достаточно простой. Им было необходимо в свете полученного от политической элиты информационного заказа выявить сложившиеся предпосылки Октябрьской революции 1917 г. и последующего строительства общества с органически присущим ему материальным равенством.

Даже в 1920-е годы, когда руководители советского государства во главе со И.В. Сталиным еще не взялись за руководство развитием исторической науки и исторического образования в стране, приоритетная значимость этой задачи не вызывала ни у кого из оставшихся в СССР и при этом на свободе исследователей никаких сомнений. К этому времени сосуществование консервативной, либеральной и революционно-демократической интерпретаций социально-экономических явлений уже ушло в прошлое. Возникло новое разделение на левое (представленное в особенности Л.Д. Троцким) и правое (возглавлявшееся Н.И. Бухариным) течения монополизировавшей свое положение социалистической мысли.

Важно подчеркнуть, что идеологические основоположники советской историографии экономической истории России начала XX в. были хорошо знакомы не только с оппозиционными для европейской интеллектуальной традиции толкованиями процессов капиталистической модернизации, но и с самими реалиями характерных для этой модернизации сущностных тенденций. Практически все они имели опыт жизни в эмиграции и видели, с одной стороны, технологические достижения, а с другой стороны, социальные издержки развития мирового капитализма. Поэтому при рассмотрении проблемы места российской экономики дооктябрьского и послеоктябрьского периодов в системе международных отношений ими предлагались различные сценарии преодоления обозначенного, казавшегося с точки зрения политической конъюнктуры роковым противоречия в рамках существовавшего способа производства.

Один из таких сценариев закрепился в рамках левой социалистической концепции и был наиболее отчетливо сформулирован Л.Д. Троцким⁴. Он предполагал максимально возможную интеграцию осуществлявшихся в России революционных социально-экономических преобразований в практику международных отношений. Цель этой стратегии заключалась в осуществлении изложенной им концепции «мировой перманентной революции».

Второй сценарий стал продуктом правой социалистической концепции, которая имела практическую популярность в России в течение сравнительно небольшого периода – от начала проведения

курса новой экономической политики во второй половине 1921 до конца 1925 г., когда по всему направлению хозяйственного развития СССР начал внедряться план «сталинской модернизации». Суть этого сценария, содержавшегося в послеоктябрьских работах В.И. Ленина⁵ и Н.И. Бухарина⁶, заключалась в необходимости сосредоточения общественных и политических усилий на повышении продуктивного потенциала российской экономики за счет внутренних организационных резервов – прежде всего, кооперативной формы ведения хозяйства и повышения производительности труда на предприятиях. Однако данный сценарий развития не имел сугубо изоляционистской направленности – он предполагал рациональное внедрение в отечественную экономическую среду технологических достижений ведущих европейских государств.

Однако существование левой и правой социалистических концепций сохранялось в России недолго. В рамках принятого в конце 1920-х годов курса на построение социализма в отдельно взятой стране и официального заявления об антипартийности и, следовательно, о политической враждебности всех остальных стратегических предложений⁷ экономическое развитие СССР стало основываться на чертах сформировавшейся самобытности исторического развития страны. Так, в виде колхозного строя материализовались некоторые очертания общинной организации производственных отношений, а государство, как это уже было в период форсированной индустриализации 1870–1880-х годов, установило тотальный регулирующий и, с другой стороны, инвестиционный контроль функционирования наиболее важных в плане достижения экономической рентабельности объектов.

Дополнением к этой, имевшей очевидные исторические корни ситуации хозяйственного развития были, пожалуй, только официально утвержденные коммунистические ориентиры, путь к которым определяла проникающая во все структуры общественной жизни большевистская партия.

Изменившаяся практика развития страны привела к существенным сдвигам в историографическом понимании проблемы интегрированности российской экономики начала XX в. в систему международных отношений. Поиск нового концептуального подхода осуществлялся, несмотря на интеллектуальную и организационно-идеологическую поддержку со стороны самого высшего политического руководства и лично И.В. Сталина, достаточно долго. При этом наиболее легко шел процесс разоблачения оппозиционных по отношению к официальной концепции подходов и гораздо сложнее происходило формирование созидательных творческих предложений. Накладывало свой отпечаток на интеллекту-

альную активность ученых и внедренное в массовое сознание опасение сделать любой, даже малозначительный шаг в сторону от обозначенного курса развития страны.

Однако результат, связанный с созданием нового концептуального понимания российской социально-экономической истории и международного контекста ее развития в начале XX в., был достигнут. Сформулированные теоретико-методологические подходы к осмыслению данной проблематики укоренились в недрах отечественной историографии на период до конца 1980-х годов. На наш взгляд, правы были те ученые⁸, которые писали о том, что все дискуссии периода 1960–1970-х годов по вопросу о многоукладности российской хозяйственной системы и соотношении в ней феодальных и капиталистических черт имели по своей результативности частный характер в сравнении с утвердившимся в конце 1930-х годов пониманием главной в идеологическом отношении проблемы – сформированности предпосылок социалистической революции в России.

Суть сложившейся интерпретации ее международного аспекта заключалась в том, что к началу XX в. в рамках отечественной историко-экономической практики сложился особый тип политико-хозяйственного устройства. Он был своеобразным гибридом архаичных черт организации социальных институтов и сложной по структуре системы производственных отношений, в которой получал свое место и высокоразвитый сектор. При анализе свойств этого типа ученые опирались на отдельные положения работ В.И. Ленина, в которых он обосновывал закономерность и неизбежную продуктивность Октябрьской революции 1917 г. В результате в качестве объектов изучения были определены и стали целенаправленно изучаться два интеллектуально моделированных понятия – «военно-феодальный империализм» и «государственно-монополистический капитализм»⁹.

Термин «военно-феодальный империализм» был призван отразить отвлеченность административной позиции правящей элиты российского государства от реальных потребностей и задач экономического развития России. Он характеризовал историко-хозяйственную ситуацию, при которой страна стремится любыми средствами добиться полноценной конкуренции в сфере международных отношений с теми мировыми державами, которые уже добились более высокого уровня производственного потенциала и вступили между собой в активную борьбу за раздел сфер геополитического влияния. Россия, во многом утратившая свои конкурентные возможности в середине XIX в., могла добиться усиления своих внешних позиций только за счет укрепления оборонно-производ-

ственного сектора. По крайней мере, можно с большой долей уверенности утверждать, что этот путь являлся наиболее коротким и продуктивным на непродолжительном – начальном – промежутке модернизации.

Применительно к российской социально-экономической системе движение по нему могло иметь как минимум три значимых результата. Во-первых, оно позволяло выявить круг отраслей оборонного комплекса (например, металлургию и оружейное производство), которые могли бы достигнуть верхней, сопоставимой с ведущими западноевропейскими государствами планки высокоразвитого капитализма, способного при наличии некоторых дополнительных признаков – прежде всего, экспортных рынков – преобразоваться в ту производственную форму, которая называется империализмом. Во-вторых, развитие военно-промышленного сектора всегда предполагает достижение определенных сдвигов в инфраструктуре экономики. Помимо строительства ценностных ресурсов, которое неизменно ускоряется в условиях форсированной модернизации, необходимым и последовательно реализующимся средством для развития оборонного производства и успешной доставки его продукции всегда является создание разветвленной системы железнодорожного сообщения, способной в перспективе приносить прибыль и другим экономическим отраслям. В-третьих, милитаризация хозяйственного развития и обеспечиваемое ею сохранение или даже увеличение численности вооруженных сил служат средствами укрепления безопасности государства. При этом речь идет не только о возможно необходимой нейтрализации внешнего противника, но и о поддержке боевой готовности воинских частей для подавления массовых протестных явлений.

Все обозначенные результаты милитаризации экономики к началу XX в., конечно, могли усилить ее авторитет и престиж в системе международных отношений. Однако эта цель не была достигнута. Причинами неудачи стали недостаточность внутреннего финансового потенциала государства и поверхностный характер состоявшейся модернизации.

Данные явления имели вполне предсказуемый характер. Стремясь сохранить свою социальную опору и не расширять ее за счет инициативных представителей предпринимательского класса, государство было вынуждено постоянно перераспределять значительную часть своих бюджетных средств в пользу поддержки не способных добиться прибыльности своих хозяйств представителей дворянского сословия. В первую очередь, подобное инвестирование было нацелено на сохранение в феодальной собственности

крупных земельных участков, а не на внедрение рациональных и совершенных средств их агротехнического освоения. Как правило, для решения этой второй – модернизационной – задачи наиболее успешные владельцы изыскивали средства самостоятельно.

Поскольку нуждавшихся в сохранении земельных поместий на территории России особенно в малоурожайной нечерноземной зоне было довольно много, государство испытывало постоянную нехватку средств на развитие исторически передового сектора индустриального производства. В подобной ситуации, как показывают многочисленные исследования¹⁰, оно балансировало в поисках финансовых ресурсов между зарубежными и отечественными банковскими учреждениями. Однако рынок потенциальной фондоотдачи для отечественных кредитных структур был крайне ограниченным, поскольку наиболее прибыльные объекты промышленного развития, связанные с металлообработкой, добывающими отраслями и частично с транспортно-машиностроительными сферами экономики, уже были освоены и использовались иностранными инвесторами в период форсированной индустриализации 1870–1880-х годов. Даже при теоретически возможных ограничительных, протекционистских усилиях их вытеснение с занятых в российской экономике позиций было крайне затруднительным.

Причиной трудностей являлась целая совокупность факторов, среди которых фактическая роль России в организации международных отношений была одной из основных. После серии неудач, связанных с обсуждением вопроса о статусе причерноморских проливов Босфор и Дарданеллы; поражения в Крымской войне, вызванного фактической блокадой российских морских границ иностранными флотами; неудавшейся попытки получить существенные геополитические преимущества на Берлинском конгрессе 1878 г. внешнеполитическое положение страны было достаточно тяжелым и стесненным. Следует признать, что и в рамках окончательно сформированной в 1907 г. Антанты Россия оказалась в состоянии слабого, зависимо от своих основных партнеров – Англии и Франции – звена, привлекательного только с точки зрения значительности территории, большой численности боеспособного населения и возможности выгодного вложения капиталов в добычу и первичную переработку сырьевых ресурсов. Мы далеки от популярной в советской историографии первой половины 1950-х годов¹¹ мысли о том, что в конце XIX – начале XX в. в рамках мировой экономической системы Россия занимала полуколониальное положение. Однако этот, устоявшийся в течение определенного периода в исследовательской практике тезис был опровергнут только тем, что у стра-

ны имелся и собственный, хотя и не слишком быстро развивавшийся хозяйственный потенциал.

Этот потенциал обнаруживался в наличии особого типа организации промышленно-торгового развития, получившего название государственно-монополистического капитализма. Разумеется, что при его обозначении и описании ученые руководствовались рекомендациями В.И. Ленина, считавшего возможным формирование под патронажем бюрократических институтов высокоразвитого промышленного сектора, аккумулирующего ресурсы российского и иностранного капиталов, при наличии медленно переходившего на полуфеодальный путь сельскохозяйственного производства¹². Представлявшие практическую ценность суждения теоретического основоположника советской историографии по данной проблеме были систематизированы советскими учеными¹³, после чего они приступили к обсуждению специфики государственно-монополистического капитализма в России¹⁴. К числу дискуссионных относился, в первую очередь, вопрос о том, подчиняли ли представители крупных предприятий и обладатели значительных капиталов российский политический режим своему влиянию или к началу XX в. они сумели сформировать между собой взаимовыгодный альянс¹⁵.

Между тем применительно к рассматриваемой нами проблеме места российской экономики начала XX в. в системе международных отношений рассмотренные представления о явлениях военно-феодального империализма и государственно-монополистического капитализма имеют скорее эмпирическое, нежели теоретическое значение. Вполне естественно, что при достаточно мощном потенциале национального производства и финансового сектора Россия вряд ли оказалась бы к моменту начала Первой мировой войны в состоянии такой кредитной зависимости и задолженности от своих внешних партнеров, что ей уже не удавалось самостоятельно планировать свои военные намерения и приходилось предпринимать стратегически заведомо невыгодные для себя действия по типу известного «Брусиловского прорыва».

Конечно, многие созданные советской историографией концептуальные положения о способности замкнутой российской экономической системы начала XX в. успешно конкурировать с индустриально ведущими в то время мировыми державами и о конечной жизнеспособности еще более замкнутой советской системы выглядят в наше время достаточно архаичными и наивными. Однако вместе с тем следует признать, что современная российская экономика, так же как и столетие назад, все еще продолжает искать свое прочное положение в практике международных политических и торгово-производственных отношений.

В этом смысле изучение в том числе во внешнеполитическом контексте существовавших в России начала XX в. хозяйственных реалий представляется весьма актуальным. Его результаты показывают, что только концентрация основных инвестиционных и организационных ресурсов на развитии национального производства в его перерабатывающей сфере способна стать необходимой гарантией экономической устойчивости. Более того, при обладании подобным потенциалом государство может продуктивнее для себя участвовать в действующей системе международных отношений, представляя собой по отношению к тем или иным странам сильно-го партнера или, напротив, конкурента.

Также обладание высокими показателями производства валового национального и в его рамках валового внутреннего продукта дает возможность для осуществления превентивных антикризисных мероприятий, так как обеспечивает меньшую зависимость от внешнеполитических и внешнеэкономических факторов. Именно такой запас прочности отсутствовал у российского капитализма в начале XX в. Вызванный значительными и не всегда оправданными геополитическими амбициями рост оборонных расходов, осуществление сомнительных по своей перспективности экспансионистских действий в виде попытки колониального освоения Маньчжурии, сохранение изжившего себя крупного феодального землевладения – все эти обстоятельства истощали резервы отечественной экономики накануне решающих для ее состояния событий – Первой мировой войны, революционных событий 1917 г. и Гражданской войны.

Можно вести начавшийся еще в 1920-х годах спор о том, какая из использовавшихся в отечественной практике форм хозяйственного развития – нэповская или этатистская – была более плодотворной. Однако в любом случае очевидно, что в настоящее время Россия в своей внешней политике и собственном экономическом развитии не является вполне самодостаточной именно в хозяйственной сфере, так как для достижения этой цели еще нужны дополнительные, намечаемые в том числе представителями политического руководства страны структурные, системные по содержанию преобразования.

Примечания

- 1 См.: *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк) // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 27. С. 299–426 и др. работы.
- 2 См.: *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

- 3 См.: *Иванов В.В.* Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973; *Волобуев П.В.* Выбор путей общественного развития: теория, метод, современность. М., 1987.
- 4 См.: *Троцкий Л.Д.* Уроки Октября // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 247–283.
- 5 См.: *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 36. С. 165–208.
- 6 См.: *Бухарин Н.И.* К вопросу о закономерностях переходного периода // Бухарин Н.И. Путь к социализму. М., 1988. С. 116–152.
- 7 Об этом см.: *Сталин И.В.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) (июнь–июль 1930 г.). М., 1930.
- 8 См., напр.: *Маслов Н.Н.* «Краткий курс истории ВКП (б)» – энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 гг. // Советская историография. М., 1996. С. 240–273.
- 9 См.: *Погребинский А.И.* Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959; *Сидоров А.Л.* В.И. Ленин о русском военно-феодалном империализме // История СССР. 1961. № 3. С. 47–70; Об особенностях империализма в России: Сб. статей. М., 1963.
- 10 См., напр.: *Бовыкин В.И.* Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; *Бовыкин В.И., Петров Ю.А.* Коммерческие банки Российской Империи. М., 1994.
- 11 См., напр.: *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР: В 3 т. Т. 2: Капитализм. Изд. 4-е. М., 1956.
- 12 См.: *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России (процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности) // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 3. С. 1–636.
- 13 См.: *Бовыкин В.И., Гиндин И.Ф., Тарновский К.Н.* Государственно-монополистический капитализм в России (к вопросу о предпосылках социалистической революции) // История СССР. 1959. № 3. С. 83–117.
- 14 Напр., *Погребинский А.И.* Спорные вопросы изучения государственно-монополистического капитализма в дореволюционной России // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 124–162.
- 15 См.: *Тарновский К.Н.* Еще раз о «сращивании» и «подчинении» // Там же. С. 420–438.

ГОЛОД 1932–1933 ГОДОВ В РОССИИ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Статья посвящена трагической истории голода 1932–1933 гг. и роли этой проблемы в современных международных отношениях. Автор рассматривает географию распространения голода, дает оценку численности потерь населения, показывает демографические последствия голода. Особое внимание уделено численности людских потерь от голода на территории современной Российской Федерации. В статье на конкретных статистических материалах доказывается, что голод был бедствием всего многонационального населения страны.

Ключевые слова: голод 1932–1933 гг., современные международные отношения, география распространения, людские потери, демографические последствия, трагедия многонационального населения.

Число жертв голода 1932–1933 гг. в последние десятилетия привлекает внимание исследователей и имеет обширную историографию¹.

В настоящее время обсуждение причин голода в России и его последствий приобрело остро политический характер и вышло на международный уровень, играя активную роль в системе межгосударственных отношений.

Дело в том, что с 2005 г. Правительство Украины ведет кампанию по признанию голодомора 1932–1933 гг. геноцидом («этноцидом») украинской нации. Апеллируя к правительствам различных стран и международным организациям, президент Украины В. Ющенко добивается официального признания голодомора как геноцида украинского народа со стороны сталинского режима. Законодательные органы некоторых стран – Австралии, Италии,

---

© Жиромская В.Б., 2009.

Канады, Испании, Польши, США, Литвы, Эстонии, Чехии, Венгрии, Аргентины, Грузии, Перу, Колумбии – поддержали версию украинского президента.

В самой Украине в 2006 г. Верховной радой был принят закон «О голодоморе 1932–1933 годов в Украине», в котором голодомор признан геноцидом украинского народа. Согласно этому закону сверхсмертность населения Украины была вызвана сознательными и целенаправленными действиями сталинского руководства против украинской нации. Эти заявления украинского правительства используются как им самим, так и некоторыми государствами на Западе для создания международной напряженности в отношениях с Россией и провоцирования дипломатического противостояния России и Украины.

В Киеве поставлен мемориал памяти жертв голодомора. 22 ноября 2008 г. состоялась Всеукраинская акция «33 минуты» – зачитывание имен жертв «геноцида». Жителям Киева, пережившим голод 1932–1933 гг. и давшим показания по этому поводу, была предоставлена одноразовая адресная материальная помощь в размере 200 грн на человека. На эти цели был выделен 1 млн 383 тыс. грн в расчете на 6,5 тыс. человек.

Жертвы голода, безусловно, заслужили память потомков. В Украине создаются «Национальные книги памяти жертв голодомора», уголки памяти жертв голодомора в школах, проводятся мероприятия «почтения памяти» погибших от голода.

Однако документы и факты свидетельствуют о том, что голод 1932–1933 гг. не был геноцидом украинского народа, а являлся общей трагедией для всех народов СССР. Голод являлся непредусмотренным следствием проведения форсированной индустриализации и насильственной коллективизации, сопровождавшейся выселением раскулаченных. Сталинское правительство не захотело считаться с неурожаем 1932 г. и заставило выполнить и колхозы, и единоличников завышенные нормы хлебозаготовок, следствием чего и явился голодомор.

Население всех республик Советского Союза, в том числе и Украины, было полиэтничным. Все народы жестоко пострадали от голода. Голодомор никак не мог являться и не являлся геноцидом украинского народа.

Российские ученые собрали убедительный документальный материал (более 6 тыс. документов), который будет опубликован в специальном сборнике. Представляя этот сборник, руководитель Федерального архивного агентства России В. Козлов заявил, что «Голод явился результатом ошибок и просчетов политического курса тогдашнего руководства страны в осуществлении коллекти-

визации»². Документы свидетельствуют, что никто ни в центре, ни на местах не планировал никакого голода, в них нет положений, указывающих на этнические мотивы случившегося. Не этнический, а классовый принцип определял политику сталинского руководства. Эта оценка голодомора была высказана Российским Правительством на международном уровне.

19 декабря 2008 г. на Генеральной Ассамблее ООН В. Ющенко добивался резолюции о признании голодомора геноцидом украинского народа. Однако позиция России была поддержана подавляющим большинством стран, и резолюция такого рода не была принята.

Еще раньше, в октябре 2008 г., Европейский парламент признал голодомор преступлением против человечества и выразил сожаление украинскому народу, не квалифицируя при этом голод как этногеноцид.

34-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, 1 ноября 2008 г. единогласно приняв резолюцию об увековечивании памяти жертв голодомора 1932–1933 гг. на Украине, также не употребила понятия «геноцид».

Позиция Правительства Ющенко относительно геноцида подверглась критике со стороны Президента России Д. Медведева, который направил Президенту Украины послание по этому вопросу 22 ноября 2008 г.

В настоящее время ведется широкомасштабная работа по выявлению жертв голода на территории России. Во многих исследованиях даются оценки численности людских потерь от голода. Однако эта работа еще не завершена.

Выявление пораженных голодом регионов идет до настоящего времени, так же как не названо еще окончательно число погибших во всех советских республиках. Однако ясно, что людские жертвы огромны настолько, что сопоставимы по численности с потерями кровопролитной войны, и «демографическое эхо» голода ощущается до сегодняшнего дня.

Голод 1932–1933 гг. поразил практически все зерновые районы СССР – Украину, Россию, Казахстан, Киргизию, затронул некоторые районы Таджикистана.

В вышедших в последнее время работах украинских исследователей подробно показаны наиболее пострадавшие от голода области Украины³.

Демографические последствия голода в Украине рассматриваются С.В. Кульчицким, Г.Е. Ефименко, А.Л. Перковским и другими⁴.

Людские потери в Казахстане и Киргизии, тогда входивших в состав РСФСР, исследовались Ж.Б. Абылхожиным, М.К. Козыбаевым, М.Б. Татимовым, А.Н. Алексеенко, Ш. Батырбаевой⁵.

Исследования последних лет внесли уточнения в **географию голода** на территории собственно России.

Следует отметить, что для выявления пораженных голодом районов на территории России весьма плодотворным является использование материалов местных архивов. Региональные исследования ведутся В.В. Кондрашиным по Поволжью, Е.Н. Осколковым – по Северному Кавказу, В.А. Исуповым – по Сибири, Г.Е. Корниловым – по Уралу⁶.

В РСФСР голод охватил обширную территорию: Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, значительную часть Центрально-Черноземной области, некоторые районы Центрально-Промышленной и Западной областей, Южный Урал, Западную Сибирь, часть Восточной Сибири, Дальний Восток.

Значительные потери от голода понесли районы Кубани, Дона и Ставрополя.

В Поволжье наиболее высокие показатели смертности от голода фиксировались в Саратовской и Самарской (Куйбышевской) областях, Автономной Республике Немцев Поволжья.

От голода пострадало население Сталинградской (Волгоградской), Оренбургской, Пензенской, Курской, Орловской, Ярославской областей.

Голод охватывал часть Уральской области – территорию современной Курганской области, юг современной Свердловской области и часть Челябинской области.

В Западно-Сибирском крае от голода пострадало население современного Алтайского края, а также юг современной Новосибирской области, южная часть Омской области.

Пострадали от голода Восточная Сибирь и Дальний Восток.

Оценка численности жертв голода давалась неоднократно и разница в цифрах была очень большой. Только по Украине оценки колебались от 2,5 до 10 млн. В настоящее время по более взвешенным и устоявшимся оценкам в Украине людские потери составляли около 3 млн (С.В. Кульчицкий)⁷, в Казахстане и Киргизии – около 2 млн человек (Ж.Б. Абылхожин, М.К. Козыбаев, М.Б. Татимов⁸, А.Н. Алексеенко⁹, Ш. Батырбаева¹⁰), в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) – 2,8 млн человек (Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харьковская¹¹, В.Б. Жиромская¹²).

От голода 1932–1933 гг. погибло в СССР около 8 млн человек.

Абсолютно точными эти оценки быть не могут, так как учет в это время был неполным, далеко не все смерти были зарегистрированы, особенно среди беженцев из голодных районов.

Статистические данные показывают отрицательный прирост населения как городского, так и сельского по Европейской России.

Отмечена в них и очень высокая – свыше 260‰¹³ – младенческая смертность. Потери по областям очень значительны. Так, отрицательный естественный прирост в 1933 г. составил:

- в Саратовском крае – 45‰,
- в Сталинградском – 18,4‰,
- в Северо-Кавказском крае – 38,5‰,
- в Азово-Черноморском – 35,5‰,
- в АССР Немцев Поволжья – 74,5‰¹⁴.

В ряде областей численность потерь была несколько меньше, однако все же наблюдается убыль населения. Так, население Курской области сократилось на 8‰, Воронежской – на 4‰, Челябинской – на 5‰, в Западной Сибири – также на 5‰¹⁵.

Убыль является как результатом значительного роста смертности, так и резкого снижения рождаемости.

Рождаемость колебалась в 1933 г. в сельской местности в пределах 22–25‰, а в городе – 14% (Азово-Черноморский край), 12‰ (Саратовская область), 17‰ (Сталинградская)¹⁶. В национальных автономиях рождаемость была несколько выше, даже в городах – 28‰, в деревне – 36‰. Между тем на рубеже 1930-х годов рождаемость по России в целом достигала 40‰. В 1933 г. рождаемость даже сельского населения тех национальных автономий, которые оказались вне основного «голодного фронта», была ниже этого уровня.

Показатели же смертности в 1933 г. чрезвычайно высоки по всей России. Если они во второй половине 1920-х годов не превышают 27–28‰, то в 1933 г. они поднимаются до 60‰, а в некоторых случаях – 70‰. В Саратовском крае уровень смертности сельского населения достигает 70‰, городского – 64‰; в Азово-Черноморском крае – соответственно – 60 и 42‰; в Северо-Кавказском крае – 68 и 36‰; в Сталинградском крае – 38 и 64‰¹⁷.

В Центрально-Черноземном районе показатели смертности несколько ниже – например, в Курской области для сельского населения они составляют 33‰, зато для городского – 44‰¹⁸.

Примерно на таком же уровне держатся показатели смертности в Западно-Сибирском крае – 35‰¹⁹. Повышение показателей смертности отмечалось в Уральском регионе и т. д.

Статистические данные свидетельствуют об убыли населения в голодные годы в Западной области и Северном крае. Эти районы ранее не рассматривались в качестве пострадавших от голода, однако людские потери в 1933 г. отмечены и там. Так, в Западной области отмечается в 1933 г. отрицательная величина естественного прироста населения в 1933 г. – 2‰²⁰.

Как следует из приведенных архивных материалов, потери населения в голодные годы охватывают и город, и село. Причем в

некоторых регионах – например, в Азово-Черноморском крае, в Северо-Кавказском крае, в некоторых областях Поволжья отрицательный прирост населения выше в селе, в других – в городе. В некоторых же регионах на фоне положительного прироста населения в сельской местности сохраняется отрицательный в городах: например, в Татарии, в ряде городов Западной Сибири.

В городах, как мы видели, нередко фиксировался более высокий по сравнению с деревней уровень смертности на фоне очень низкой рождаемости. Следует учитывать, что статистика смертности городского населения была более точна, чем в деревне. Однако высокие показатели смертности в городах объясняются не только полнотой учета. В города, особенно крупные, прибывали многочисленные беженцы из голодающих районов – как деревень, так и малых городов. Многие из беженцев были физически ослаблены, смертность среди них была чрезвычайно велика. От голода погибало и коренное население городов. Снабжение городов продовольствием было нарушено, выдавались явно недостаточные нормы питания по карточкам. Сверх карточек приобрести продукты питания было трудно, практически невозможно. Особенно страдали от недостатка питания дети и беременные женщины. Но и среди взрослого и мужского, и женского населения от голодного истощения и сопутствующих ему заболеваний многие погибали, поскольку, несмотря на слабость и недостаточность питания, вынуждены были работать на производстве с полной нагрузкой.

Таким образом, встречавшийся в научной и научно-популярной литературе тезис о городах как островах райского благополучия среди стихии голода не подтверждается архивными статистическими материалами. От голода погибало не только сельское, но и городское население, не только прибывавшие в города беженцы, но и коренные горожане.

В 1934 г. сохраняются крупные очаги людских потерь от голода. Причем отрицательный прирост населения чаще фиксируется именно в городах, где высокая смертность сохраняется из-за плохого снабжения, антисанитарии, вспышек остроинфекционных заболеваний, на фоне устойчиво более низкой, чем в селе, рождаемости. Демографическая компенсация в городах начинается позже и реализуется медленнее.

Так, в 1934 г. естественный прирост населения характеризовался отрицательным значением в городах Куйбышевского края и составлял $-12,5\%$, Саратовского края – -3% , Азово-Черноморского края – $-2,2\%$, Воронежской области – $-2,4\%$ ²¹.

Сельское население уже, как правило, имеет положительный естественный прирост.

Все названные районы, как и пострадавшие области Украины, были многонациональны. Статистические данные доказывают, что жертвами голода стали люди разных национальностей, что уже само по себе опровергает идею этнического геноцида какого-либо народа. Так, в 1934 г. в городах Саратовского края отмечается убыль русского, еврейского, немецкого населения²², в Воронежской области – убыль русского и немецкого, еврейского населения на фоне небольшого увеличения украинского и белорусского²³, в Сталинградском крае также зафиксирована убыль русских, немцев, евреев, татар, мордвы²⁴, в Курской области – убыль русских на фоне небольшого увеличения украинцев²⁵ и т. д.

Таким образом, голод поразил огромные массы населения разной этнической принадлежности на территории Украины, России, Казахстана, Киргизии.

Последствия голода имели долгосрочный характер. Они прослеживаются, в частности, по переписям 1937 и 1939 гг., хотя после голода прошло уже несколько лет. Голод оказал значительное влияние на численность населения, на его состояние здоровья, сократил и ослабил целый ряд возрастных групп всего населения СССР, в том числе и в Российской Федерации. Убыль населения видна отчетливо в пострадавших от голода районах, не успевших восстановить численность потерянного населения, несмотря на высокую рождаемость после запрещения аборт. В Саратовской области от 1926 к 1937 г. число жителей убыло на 23%, в Республике Немцев Поволжья – на 14,4%, в Куйбышевской области – на 7,7%, в Курской области количество жителей убыло на 14,3%. и т. д. (см. табл. 1). Прежде всего, следы потерь видны на сельском населении. Отток мигрантов в города не объясняет этой убыли, тем более что часть промышленных объектов строилась вне городской черты и там же размещались строители и промышленные рабочие. Не стоит при этом забывать, что именно голод и разорение хозяйства привели к тому, что крестьяне бросали деревни и уходили на строящиеся промышленные объекты.

Символично, что при подведении итогов переписи 1939 г. правительством было указано «замаскировать» убыль населения в этих регионах. Теперь уже известно, что в рамках переписей 1937 и 1939 гг. были проведены секретные спецпереписи заключенных. В 1939 г. было предписано переписные листы без адресной части (то есть на заключенных) «мелкими пачками» перераспределить из мест заключения в районы, пострадавшие от голода. Таким образом, из лагерей, расположенных в Приморско-Хабаровском крае, Бурят-Монгольской, Карельской и Коми АССР, Архангельской, Новосибирской, Свердловской областях, было переслано в ЦУНХУ для перераспределения 759,7 тыс. переписных листов на

Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения заключенных. Сохранились и адреса, по которым перераспределялись переписные листы с указанием их количества. Эти материалы частично опубликованы нами. Для районов, где не было особо экстремальных условий, средняя величина приписки была равна 2,1%

Таблица 1

Убыль населения в 1937 по сравнению с 1926 г. (%)

Район	Все население	В том числе сельское население
РСФСР, в том числе		
Саратовская обл.	–23,0	–40,5
Немцев Поволжья АССР	–14,4	–26,0
Курская обл.	–14,3	–17,6
Воронежская обл.	–2,1	–10,4
Куйбышевская (Самарская) обл.	–7,8	–10,3
Сталинградская обл.	+2,8	–18,4
Татарская АССР	+5,8	–6,0
Кировская обл.	–0,3	–8,8
Мордовская АССР	–5,4	–9,0
Северо-Кавказский край	–4,1	–15,3
Азово-Черноморский край	–0,7	–20,8
Челябинская обл.	+8,0	–27,7
Казахстан	–15,8	–31,9
Украина	–1,9	–20,4

Рассчитано по: Всесоюзная перепись 1937 года: Краткие итоги. М., 1991. С. 54–61. (В. Жиромская).

В районах же массового выселения, голодного вымирания (Среднее Поволжье, Северный Кавказ, некоторые районы Нижнего Поволжья Центрального Черноземья) процент приписки значительно увеличивался, превышая порой 10%²⁶. В период репрессий потери мужского населения были выше, чем женского, равно как и во время коллективизации и форсированной индустриализации мужская смертность возросла значительно больше, чем женская, соответственно и приписка к

мужскому населению была большей. Так, в целом по РСФСР приписка к мужскому населению составляла 2,8%, а к женскому – 1%²⁷.

Как мы видим, от голода пострадало все многонациональное население охваченных бедствием районов. Причиной столь огромных жертв было осуществление форсированной индустриализации любой ценой, стремление подавить сопротивляющихся коллективизации крестьян и изъять у них средства для индустриализации, в частности поставки зерна на экспорт для закупки западной машиностроительной продукции, не считаясь с жизнеобеспечением крестьянства в неурожайный год. Голод поразил не только сельское, но и городское население.

Примечания

- 1 См. например: Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 3. 1930–1933 М., 2001; *Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осолков Е.Н.* О голоде 1932–1933 годов и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6; *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 годов и демографическая катастрофа 30–40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3; *Данилов В.П., Зеленин И.Е.* Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; *Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У.* Кризис в советском сельском хозяйстве 1931–1933 // Отечественная история. 1998. № 6; *Wheatcroft S.G., Davies R.W.* In the Mirror of the Soviet Statistics // Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G. (eds.). The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge, 1994; *Максудов С.* Потери населения в годы коллективизации // Звенья. 1991. № 1; *Он же.* Потери населения СССР. Вермонт, 1989; *Конквест Д.* Жатва скорби: советская деревня и террор голодом. Лондон, 1988 и ряд других.
- 2 Россия начала кампанию по отрицанию Голодомора как геноцида [Электронный ресурс]. URL: <http://focus.in.ua/article/60650.html> (дата обращения: 31.03.2009).
- 3 См.: Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки. К., 2003. С. 512–513.
- 4 Там же; *Кульчицький С.В.* Трагічна статистика голодомору // Минуле України. Відновленні сторінки. Київ, 1991; *Он же.* Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Философская и социологическая мысль. 1989. № 6; *Він же.* Україна між двома війнами (1921–1939 рр.) Київ, 1999; *Перковський А.Л., Пирожков С.И.* К истории демографического развития 30–40-х годов (на примере Украинской ССР) // Экономика. Демография. Статистика. М., 1990.
- 5 *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Казахская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7; *Алексеев А.Н.* Голод начала 30-х годов в Казахстане (методика определения числа пострадавших) // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. М., 1992; *Батырбаева Ш.* Население Кыргыз-

- стана в 20–50-е годы XX века: историко-демографический анализ. Бишкек, 2003.
- 6 *Осколков Е.Н.* Голод 1932–1933 гг. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991; *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6; *Кондрашин В. Пеннер Д.* Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара; Пенза, 2002; *Баранов Е.Ю.* Симптомы и масштабы голода начала 1930-х годов в Уральской области // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках. Оренбург, 2006; *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война. (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993; Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг. Т. 1. Сб. док. и мат-лов. Оренбург, 2005; *Исупов В.А.* Демографические последствия голода 1932–1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири. 30-е–80-е гг. (Ист. опыт и совр. пробл.). Новосибирск, 1991; *Он же.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.
- 7 См.: Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки... С. 503.
- 8 *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Указ. соч. С. 65–67.
- 9 *Алексеев А.Н.* Указ. соч. С. 76–78.
- 10 *Батырбаева Ш.* Указ. соч. С. 222–226.
- 11 *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л.* Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998. С. 83.
- 12 См.: *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг.: Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 31. В расчетах учтены новые данные, в основном, региональные, о жертвах голода.
- 13 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 17. Л. 28–28 об. (подсчеты автора).
- 14 Там же. Л. 77–77 об.; 137–137 об.; 143–143 об.; 140–140 об.; 134–134 об. (подсчеты автора).
- 15 Там же. Л. 50–50 об.; 53–53 об.; 122–122 об.; 47–47 об. (подсчеты автора).
- 16 Там же. Л. 75–76; 141–142; 138–139 (подсчеты автора).
- 17 Там же. Л. 75–75 об.; 76–76 об.; 135–135 об.; 136–136 об.; 141–141 об.; 142–142 об.; 138–138 об.; 139–139 об. (подсчеты автора).
- 18 Там же. Л. 48–48 об.; 49–49 об. (подсчеты автора).
- 19 Там же. Л. 47–47 об. (подсчеты автора).
- 20 Там же. Л. 73–73 об.; 99–99 об. (подсчеты автора).
- 21 РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д. 52. Л. 95–95 об.; 96–96 об.; 81–81 об.; 113–113 об. (подсчеты автора).
- 22 Там же. Л. 70.
- 23 Там же. Л. 52–52 об.
- 24 Там же. Л. 65.
- 25 Там же. Л. 67.
- 26 *Жиромская В.Б.* Указ. соч. С. 52–53.
- 27 Там же.

КОРЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

В статье анализируется советская и российская политика на Корейском полуострове, отношения России с двумя корейскими государствами. Автор рассматривает роль РФ в урегулировании корейского ядерного кризиса, политику России по проблеме корейского объединения. Автор предлагает ряд идей, направленных на укрепление позиций России на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом.

Ключевые слова: внешняя политика России, внешняя политика СССР, КНДР, Южная Корея, корейский ядерный кризис, Корейский полуостров.

В июле 2009 г. исполняется 125 лет с момента установления дипломатических отношений между Российской Империей и Королевством Корея. Как известно, Россия не была в числе первых, кто «открыл» Корею и установил с ней официальные связи. Однако Россия была единственной страной, которая на протяжении многих десятилетий настойчиво боролась за сохранение независимости Кореи, корейской государственности. Поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. в значительной степени предопределило печальную судьбу Кореи – потерю самостоятельности, а затем и государственности, превращение ее в провинцию Японской империи.

Сорокалетнее колониальное правление Японии в Корее (1905–1945 гг.) было жестоким и кровавым. «Сабельный режим», политика «бархатной кошачьей лапы», насильственная ассимиляция были главными средствами угнетения и подавления корейской самоидентичности. Попытки корейцев самостоятельно освободиться от колониального угнетения (первомартовское движение

1919 г.) были жестоко подавлены. Не имела успеха и партизанская борьба 1930–1940-х годов. Японская регулярная армия разгромила корейское партизанское движение. В августе 1945 г. освобождение корейскому народу принесла Красная армия, разгромившая квантунскую группировку на Корейском полуострове и открывшая народу Кореи перспективы строительства независимого корейского государства. Исторически ситуация сложилась таким образом, что в 1948 г. на полуострове было создано не единое корейское государство, а две Кореи – Республика Корея на Юге и Корейская Народно-Демократическая Республика на Севере. Раскол Кореи – это один из итогов военно-политического и идеологического противостояния бывших союзников по антигитлеровской коалиции – СССР и США.

Более 40 лет СССР не признавал южнокорейское государство, исходя прежде всего из идеологических соображений. Советская политика на Корейском полуострове была ориентирована на всестороннюю поддержку Северной Кореи, режима, созданного по советскому образцу и подобию. На основе американских рецептов и при полной поддержке и участии США был построен южнокорейский режим во главе с американской креатурой Ли Сын Маном.

Советская политика в Корее: ее минусы и плюсы

Корейская политика СССР вплоть до конца 1980-х годов носила односторонний, просеверокорейский характер, что отражало общую конфронтационную направленность отношений двух идеологически противоположных блоков. Односторонность политического курса Москвы на Корейском полуострове, естественно, наносила ущерб государственным интересам нашей страны, ослабляла позиции СССР в Северо-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Известный российский специалист по корейской проблематике Ф.И. Шабшина в этой связи отмечала, что «длительное, очень длительное время национальные интересы в корейской политике СССР не учитывались. Собственно, своей политики у нас не было, мы только автоматически поддерживали курс нашей союзницы – КНДР, даже по вопросам, выходящим за пределы чисто внутрикорейских»¹.

Во второй половине 1980-х годов обстановка в мире стала меняться в сторону разрядки. Позитивные процессы появились и в США, на Корейском полуострове. Северная и Южная Корея налаживали межкорейские контакты и диалог на правительственном уровне. СССР и США предприняли серьезные усилия по ограни-

чению гонки вооружений, сокращению ракет малой и средней дальности. Советский Союз значительно сократил свою военную группировку на Дальнем Востоке. Активно шел процесс нормализации советско-китайских отношений. Естественно, требовались новации и в корейской политике СССР, учет растущей экономической и международной значимости южнокорейского фактора. Республика Корея в 1980-е годы демонстрировала серьезные достижения в сфере экономики, постепенно избавлялась от наследия военных диктатур, вставала на путь демократических реформ. Оставаясь в жесткой системе военно-политического альянса с Соединенными Штатами, Южная Корея вместе с тем выступала инициатором разрядки напряженности на Корейском полуострове, налаживания стабильного межкорейского диалога и сотрудничества.

В этих условиях руководство СССР принимает вполне логичное, хотя и запоздалое решение пойти на нормализацию советско-южнокорейских отношений, установление дипломатических связей с Сеулом (30 сентября 1990 г.). Этот нормальный с точки зрения международного права шаг вызвал резко негативную реакцию официальных властей КНДР, привел к заметному охлаждению отношений СССР с Северной Кореей, свертыванию связей практически по всем направлениям. Эта акция однако отвечала национальным интересам нашей страны, учитывала реалии ситуации, которая сложилась к тому времени в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая Корейский полуостров. Идя на установление дипломатических отношений с Сеулом, Москва ни в коей мере не собиралась свертывать связи с КНДР. Об этом было прямо и недвусмысленно заявлено северокорейской стороне в начале сентября 1990 г. во время визита в Пхеньян министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе. В Пхеньяне решение Советского руководства нормализовать отношения с Республикой Корея было воспринято резко негативно. Северокорейская сторона заявила, что действия Москвы направлены на «закрепление раскола Кореи, на международную изоляцию КНДР, свержение социалистического строя». Пхеньян заявил также, что руководство СССР фактически «отменило» корейско-советский союзный договор, что вынуждает КНДР «принять меры по созданию некоторых видов оружия собственными силами»². Здесь содержится явный намек на то, что северокорейские власти намерены приступить к осуществлению программы создания оружия массового уничтожения (ОМУ), что впоследствии спровоцировало ядерный кризис на Корейском полуострове.

Для корейской политики Москвы важнейшая задача состояла в том, чтобы не допустить силового сценария развития обстановки на полуострове. Именно с этой целью советское руководство по-

шло на заключение с КНДР в 1961 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Военная статья Договора была сформулирована таким образом, что вовлеченность СССР в военный конфликт на северокорейской стороне была практически автоматической. Категоричность союзного Договора в военной сфере отношений с КНДР не имела прецедентов в этот период³.

В Москве вызывала большое беспокойство тенденция к росту напряженности на Корейском полуострове в 1960–1970-е годы. Северокорейское руководство, провозгласив в 1962 г. курс на параллельное оборонное и экономическое строительство, приступило к осуществлению широких военных программ. На конференции Трудовой партии Кореи (ТПК) в октябре 1966 г. были конкретизированы задачи в области военного строительства: вооружение всего народа, превращение страны в крепость, модернизация вооруженных сил. На осуществление военных программ были направлены значительные материальные ресурсы. Более половины госбюджета расходовалось в эти годы на военные цели.

В области межкорейских отношений проводилась линия на форсирование процесса объединения Кореи. На V съезде ТПК в 1970 г. руководитель КНДР Ким Ир Сен провозгласил: «Мы (то есть Северная Корея – *В. Д.*) обязаны оказать активную поддержку южнокорейскому народу в его революционной борьбе»⁴. А это означало, что на полуострове может разразиться новый военный конфликт, в который будут втянуты союзники КНДР – СССР и КНР (Северная Корея также имела и союзный Договор с КНР, заключенный в 1961 г.).

В период 1960–1970-х годов серьезно обострилась военно-политическая обстановка на Корейском полуострове. Увеличилось количество вооруженных инцидентов в районе демилитаризованной зоны с 50 в 1966 г. до 829 в 1967 г. Весьма опасная ситуация на полуострове возникла в январе в 1968 г. Вначале северокорейский спецназ совершил рейд вплоть до президентского дворца в Сеуле с целью убить президента РК Пак Чжон Хи. Но северокорейцы были уничтожены. Затем военно-морские силы КНДР задержали в прибрежных водах Северной Кореи военный корабль США «Пуэбло». Эти инциденты привели ситуацию на Корейском полуострове к критической. Противоборствующие стороны (КНДР–США и РК) стояли на пороге новой корейской войны. Благодаря дипломатическим усилиям СССР, а также осознанию Соединенными Штатами опасности ядерного конфликта в Корею ситуацию удалось разрядить, опасный кризис ликвидировать.

Серьезные инциденты на Корейском полуострове заставили руководство Советского Союза изменить свою позицию и начать

проводить такую политику, которая отвечала нашим интересам, интересам безопасности и стабильности в Корее. Советская сторона твердо заявила северным корейцам, что Договор 1961 г. «носит оборонительный характер и по своему содержанию и смыслу призван служить инструментом мира на Дальнем Востоке»⁵. Этот политический шаг Москвы имел значимые последствия для советско-северокорейских отношений. Пхеньянское руководство получило четкий сигнал о том, что Советский Союз имеет собственный взгляд на толкование условий вступления в силу военной статьи Договора и не намерен потакать северокорейским амбициям, направленным на «поддержку южнокорейской революции». Отношения между СССР и КНДР после наших разъяснений заметно ухудшились. Пхеньян приступил к очередному этапу переоценки своего внешнеполитического курса. Северная Корея пошла на установление контактов с сеульской администрацией, итогом которых стало подписание 4 июля 1972 г. Совместного заявления Севера и Юга о принципах эвентуального воссоединения Кореи.

Следующим шагом во внешней политике КНДР стали настойчивые попытки добиться членства в движении неприсоединившихся государств. В 1975 г. КНДР становится участником движения неприсоединения (ДН), Пхеньян активно зондирует возможность денонсации советско-северокорейского союзного договора под предлогом того, что это будет способствовать созданию «благоприятной атмосферы для объединения Кореи». В дальнейшем северокорейские руководители не раз в неофициальном порядке ставили перед советскими представителями вопрос об аннулировании союзного договора 1961 г. Ким Ир Сен в своих публичных выступлениях также возвращался к идее расторжения Договора, правда, при этом призывал и к денонсации американско-южнокорейского договора о взаимной обороне 1953 года. С советской стороны по этому поводу подчеркивалось важное значение Договора 1961 г. для дальнейшего развития всего комплекса отношений СССР–КНДР, укрепления основ мира и безопасности на Корейском полуострове и во всей Северо-Восточной Азии.

Твердая позиция Москвы по вопросу толкования и смысла союзных отношений с Пхеньяном в 1960–1970-е годы не позволила северокорейскому руководству спровоцировать новый корейский конфликт и втянуть СССР в реализацию своих амбициозных планов на полуострове. На всех официальных встречах и форумах советские представители постоянно подчеркивали, что СССР выступает за поиск политического решения корейского вопроса, за мирное воссоединение Кореи.

В Советском Союзе нашли поддержку гуманитарные контакты между Севером и Югом Кореи, начавшиеся в 1971 г., межкорейский политический диалог, совместное заявление Севера и Юга 1972 г. В Москве поддержали «конструктивные элементы» политики Трудовой партии Кореи, одобренной на VI партийном форуме (1980 г.), подчеркнув при этом важность «совместных усилий» в обеспечении мира и безопасности в АТР. Широко разрекламированная программа создания конфедерации Севера и Юга, с которой на VI съезде партии выступил Ким Ир Сен, была воспринята советским руководством весьма прохладно. Высшая советская партийная номенклатура усмотрела в кимирсеновской конфедерации отсутствие «классового подхода», что, по ее мнению, могло привести к утрате социализма в Северной Корее.

В середине 1980-х годов в советском подходе к решению корейского вопроса произошел заметный крен в сторону еще более активной поддержки северокорейских инициатив, в том числе и программы создания конфедерации Севера и Юга, в целом политики Пхеньяна по корейскому урегулированию. В ходе переговоров М.С. Горбачев – Ким Ир Сен в Москве (октябрь 1986 г.), неоднократных встреч министров иностранных дел СССР и КНДР советская сторона полностью солидаризировалась с Пхеньяном по проблематике Корейского полуострова, «не замечая», что южнее 38-й параллели находится еще одно корейское государство с динамично развивающейся экономикой, растущим международным авторитетом, желающее иметь добрые отношения с нашей страной. В совместном советско-северокорейском коммюнике по итогам переговоров министров иностранных дел в Пхеньяне в декабре 1988 г. получили поддержку практически все северокорейские идеи по корейскому вопросу. В частности, советская сторона высказалась «против ведущих к закреплению раскола страны попыток США и южнокорейских властей создать ситуацию “двух Корей” путем так называемого “перекрестного признания” Севера и Юга Кореи, их одновременного или сепаратного приема в ООН». «Советский Союз, – подчеркивалось в коммюнике, – не имеет намерения официально признавать Южную Корею, устанавливая с ней политические и дипломатические отношения»⁶.

Такие формулировки содержались в официальных документах, подписанных советскими представителями, когда было уже провозглашено так называемое «новое мышление», подчеркивалось, что СССР строит свою внешнюю политику на основе существующих реальностей, нового подхода к урегулированию конфликтных

ситуаций в АТР, универсальности Организации Объединенных Наций и т. д. А реальность была такова, что Республика Корея (Южная Корея) к тому времени имела дипломатические отношения почти со 150 государствами мира, причем 80 государств поддерживали дипотношения с обеими Кореями. КНДР и РК имели статус постоянного наблюдателя при ООН. Пхеньян и Сеул были представлены в качестве полноправных членов одновременно в 20 международных организациях⁷.

В конечном итоге здравый смысл восторжествовал и 30 сентября 1990 г. СССР и РК нормализовали отношения. Надо сказать, что в советском руководстве по вопросу установления дипломатических отношений существовало по крайней мере две точки зрения, которые касались не столько сути проблемы, сколько сроков нормализации. Окружение Президента М.С. Горбачева, поддерживаемое академическими кругами, выступало за скорейшую нормализацию связей с РК, а руководство МИД СССР и лично Э.А. Шеварднадзе предлагали не спешить с официализацией отношений с Сеулом, надеясь, что это будет способствовать не столь болезненной реакции Пхеньяна. Присутствовал у Э.А. Шеварднадзе и личный момент по этому поводу. В разгар «личной братской дружбы» с северокорейским министром иностранных дел Ким Ен Намом он дал «слово коммуниста», что не пойдет на дипломатическое признание Южной Кореи.

Установление официальных отношений с РК вызвало гневную реакцию северокорейского руководства. Пхеньян развернул широкую антисоветскую кампанию. СМИ КНДР обрушились с резкими выпадами в адрес руководства СССР, политики нашей страны. Порою критика Советского Союза принимала оскорбительные формы. По инициативе КНДР стали сворачиваться советско-северокорейские связи и обмены в различных областях. Прекратились контакты между представителями общественных кругов, которые и до нормализации отношений с Сеулом были весьма скромными.

Советский Союз, со своей стороны, демонстрировал желание продолжать развитие дружественных отношений с КНДР, сотрудничество с ней на международной арене, поддержку мирному объединению Кореи.

Нормализация отношений СССР–РК несомненно стала позитивным фактором, отвечала национальным интересам Советского Союза, открывала дополнительные возможности для укрепления позиций нашей страны на Корейском полуострове и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Россия и две Кореи

Корейская политика России испытала на себе все перипетии бурного развития нашего государства начала 1990-х годов. Политическая нестабильность и экономический кризис, которые терзали российское общество в первые годы после провозглашения независимости, оказывали негативное воздействие на внешнюю политику России. Внешнеполитическая ориентация на Запад, проамериканская линия по ряду важных международных проблем привели к несамостоятельности РФ в международных делах. Эта несамостоятельность проявилась и на корейском направлении. В Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в 1993 г., было записано о «неизбежном отдалении» России от КНДР и развитии полномасштабных связей с РК⁸. Сложилась парадоксальная ситуация. Провозглашалась стратегическая установка на создание «пояса добрососедства» вокруг границ РФ и одновременно указывалось на полярность отношений России с двумя соседними корейскими государствами. «Неизбежное отдаление» Москвы от Пхеньяна на практике привело к заметному крену российской политики в сторону Сеула, то есть получилась новая односторонняя ориентация, как это было в советский период, но уже не на Север, а на Юг Корейского полуострова. Вместо того чтобы исправить линию поведения в корейских делах, сделать ее ровной, сбалансированной, Москва вновь наступила на те же грабли и сделала это сознательно, надеясь на то, что этот дипломатический шаг простимулирует приток южнокорейских инвестиций в российскую экономику. Но не тут-то было. Сеул не собирался «вытаскивать» из кризиса наше хозяйство, да и не смог бы этого сделать. Наши «демократические эксперты» переоценили возможности южнокорейской экономики и не понимали, да и не могли понять истинные намерения южных корейцев. Дипломатия РК стремилась, и в значительной степени это ей удалось, добиться ослабления российско-северокорейских отношений. Пхеньян усилил критические выпады против российских реформ, внешнеполитических акций РФ, замалчивал предложения Москвы, направленные на укрепление безопасности и стабильности в АТР, отвергал какую-либо роль России в корейском урегулировании. Публичные заявления российских политиков о том, что Москва способна оказать позитивное воздействие на Пхеньян по ядерной проблеме, обострение которой пришлось на 1993–1994 гг., были с раздражением восприняты в Северной Корее. Руководство КНДР однозначно дало понять, что решение этой проблемы оно будет искать в диалоге только с США. При этом Северная Корея согласилась на посредничество Китая в разрешении ядерного кризиса.

В начале 1990-х годов снова встал вопрос о судьбе советско-северокорейского союзного договора. Южная Корея оказывала постоянное политическое давление на Москву, требуя денонсации договора или изъятия его военной статьи. Северная Корея в принципе соглашалась с тем, что документ «не соответствует существующим реалиям». С российской стороны на высшем уровне последовал ряд высказываний о том, что «договор исыяк» и «подлежит аннулированию или очень серьезной корректировке»⁹. Однако официальный представитель МИД РФ до подобных заявлений подтвердил приверженность Москвы обязательствам по договору 1961 г., который, как отмечало российское внешнеполитическое ведомство, «в полном объеме сохраняет свое действие и продолжает оставаться важным элементом военной и политической стабильности на Корейском полуострове»¹⁰. Такие противоречивые заявления российских властей вызывали нескрываемое раздражение официального Пхеньяна и привносили дополнительную дозу негативизма в отношения РФ–КНДР, разрушали двусторонние связи практически во всех областях. В КНДР подвергали открытой критике как внутренние процессы в России, так и ее внешнеполитический курс.

С приходом к руководству Министерством иностранных дел России Е.М. Примакова изменился внешнеполитический вектор нашего государства. Приоритетным принципом внешней политики стал учет прежде всего национальных интересов России, строительство равноправных отношений со всеми государствами, ликвидация и недопущение конфликтов по периметру российских границ.

Постепенно начала выправляться и корейская политика Москвы. Российская сторона стала медленно, но верно избавляться от просеульского крена, налаживать нормальные отношения с Пхеньяном, поддерживая вместе с тем достаточно активные политические, экономические и иные связи с Южной Кореей. При этом Россия строго следовала принципу – развивать отношения с обоими корейскими государствами, не нанося ущерба нашим отношениям ни с одной из Корей. Проводить на практике такой политический курс было весьма непросто, учитывая сложный, периодически даже враждебный характер межкорейских отношений.

Москва и Пхеньян в 1995 г. приступили к политическим консультациям по вопросу заключения нового межгосударственного договора взамен союзного договора 1961 г. Переговоры по проекту нового договора продолжались более четырех лет и завершились его подписанием в феврале 2000 г. во время визита в Пхеньян министра иностранных дел РФ И.С. Иванова. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР 2000 г. заложил новую, неидеологическую базу двусторонних отношений. Он не со-

держит, в отличие от договора 1961 г., каких-либо военных обязательств и является сугубо политико-юридическим документом, регулирующим отношения двух соседних государств. Аналогичным по своим целям и задачам является также Договор об основах отношений России и Республики Корея, заключенный в 1992 г.

Россия развивает с обоими государствами Корейского полуострова корректные, добрые отношения в различных областях. Москва поддерживает высокий уровень политического диалога с КНДР и РК. В 2000 г. Президент РФ впервые в истории российско-северокорейских отношений нанес визит в КНДР. Дважды (в 2001 и 2002 гг.) руководитель Северной Кореи побывал в России. Президенты РК неоднократно посещали Москву. Президент Южной Кореи Ли Мен Бак в сентябре 2008 г. провел переговоры в российской столице.

Москва поддерживает с Пхеньяном и Сеулом активные связи и контакты по линии внешнеполитических ведомств, законодательных органов, между правоохранительными и другими ведомствами. Москва и Сеул в 2008 г. начали стратегический диалог по вопросам двусторонних отношений, региональных и международных проблем с акцентом на поиск эффективных средств преодоления мирового финансового кризиса. Обе стороны согласовали план мероприятий по случаю 20-летия установления дипломатических отношений (30 сентября 2010 г.) Укрепляется экономическое взаимодействие РФ и РК. Объем торговли между двумя странами в 2008 г. составил 20 млрд долл. Растут южнокорейские инвестиции в российскую экономику (3 млрд долл. в 2008 г.).

Экономическая составляющая российско-северокорейских отношений, к сожалению, весьма скромная (объем товарооборота в 2008 г. составил всего чуть более 100 млн долл.). КНДР должна России почти 9 млрд долл. Переговоры о реструктуризации северокорейского долга пока не завершены. Российская сторона оказывает КНДР ежегодную гуманитарную продовольственную помощь. Российский бизнес принимает участие в модернизации железных дорог КНДР, реконструкции порта Раджин и других проектах.

Москва предпринимает последовательные усилия в целях налаживания трехстороннего (РФ–КНДР–РК) экономического сотрудничества в реализации таких проектов, как соединение транскорейской железной дороги с Транссибом, модернизация энергетических объектов на территории КНДР. Осуществление этих масштабных проектов зависит прежде всего от состояния межкорейских отношений, которые испытывают сегодня немалые трудности, от политического урегулирования корейского ядерного кризиса, продолжающегося уже почти 20 лет, от общей разрядки

напряженности на полуострове. Во всяком случае, Россия со своей стороны делает все возможное, чтобы устранить очаг военного и политического напряжения в Корее, добиться укрепления здесь стабильности, добрососедства, взаимовыгодного сотрудничества. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной 12 июля 2008 г. Президентом РФ Д.А. Медведевым, записано, что усилия нашей страны «будут сосредоточены на поддержании конструктивных отношений с КНДР и Республикой Корея...»¹¹.

Россия и корейский ядерный кризис

Российская Федерация, являясь принципиальным противником ядерного распространения, на всех этапах корейского ядерного кризиса выступала и продолжает выступать за поиск дипломатических средств его разрешения. Во время первого ядерного кризиса 1993–1994 гг. российская сторона заняла однозначно негативную позицию в связи с объявленным КНДР 12 марта 1993 г. выходом из Договора о нераспространении ядерного оружия. Россия выразила по этому поводу глубокую озабоченность. МИД РФ в своем заявлении отметил, что «неукоснительное соблюдение ДНЯО отвечает интересам прежде всего северокорейской стороны, стабильности и безопасности на Корейском полуострове»¹². Реакция официального Пхеньяна на этот российский шаг была неадекватной. Москва была обвинена в попытках совместно с США «задушить КНДР»¹³. Российская сторона приостановила сотрудничество с КНДР в области мирного использования атомной энергии. Российские специалисты, принимавшие участие в сооружении на территории КНДР атомной станции, были отозваны на Родину. Были также прекращены подготовка в РФ северокорейских специалистов, делегационный обмен в этой области.

Несмотря на то, что Россию отстранили от участия в урегулировании первого ядерного кризиса (Пхеньян предпочел переговоры с США при китайском содействии), Москва в марте 1994 г. выступила с важной дипломатической инициативой (это был период очередного обострения северокорейского ядерного вопроса) созыва международной конференции по безопасности и безъядерному статусу Корейского полуострова. По мнению российских экспертов, предметом многосторонних договоренностей на этом форуме должны были стать вопросы денуклеаризации Корейского полуострова, гарантии безопасности обоих Корейских государств, нормализация обстановки на полуострове в целом.

Инициативный шаг российской дипломатии наряду с усилиями СБ ООН, МАГАТЭ оказал позитивное влияние на поиск путей выхода из ядерного кризиса, подстегнул Пхеньян и Вашингтон к продолжению переговорного процесса, что в итоге привело к подписанию между КНДР и США в октябре 1994 г. в Женеве Рамочного соглашения по урегулированию ядерного кризиса. Этот документ предоставлял хорошую возможность для решения ядерной проблемы Пхеньяна, однако американская администрация во главе с Дж. Бушем младшим отказалась от его выполнения. В начале 2003 г. разразился второй ядерный кризис.

В августе 2003 г. в Пекине начались шестисторонние переговоры (РФ, КНР, США, Япония, КНДР, РК) по урегулированию северокорейской ядерной проблемы, которые проходили достаточно сложно, часто прерывались и снова возобновлялись. Россия выступила с «пакетной инициативой» разрешения кризиса, которая включала следующие положения:

- провозглашение безъядерного статуса Корейского полуострова;
- строгое соблюдение ДНЯО;
- выполнение всеми сторонами своих обязательств;
- проведение конструктивного диалога между заинтересованными сторонами;
- гарантии безопасности КНДР;
- возобновление на Корейском полуострове гуманитарных и экономических программ¹⁴.

«Пакетные предложения» Москвы явились как никогда кстати. Интенсивные консультации между заинтересованными сторонами, челночные дипломатические усилия позволили в конечном итоге выработать компромиссные договоренности, которые были зафиксированы в Совместном заявлении «шестерки» 19 сентября 2005 г. Заложенные в этом документе принципы и меры по разрешению ядерного кризиса в ряде аспектов повторяют или перекликаются с российскими «пакетными предложениями». Совместное заявление стало базовым документом для дальнейшего продвижения вперед в урегулировании ядерного кризиса. Однако на пути его практической реализации встретилось немало очень сложных препятствий, которые удалось преодолеть и которые пока еще не преодолены. В частности, в 2006 г. в результате усилий российской стороны США были вынуждены разрешить перевод северокорейских денег (25 млн долл.) из банка «Дельта Азия» (Макао) через коммерческий банк России в КНДР. Это позволило разблокировать шестисторонние переговоры, которые были прерваны Пхеньяном из-за ареста его денежных средств в банке «Дельта Азия».

Важное значение для продвижения процесса денуклеаризации Корейского полуострова, ликвидации конфликтных ситуаций в Северо-Восточной Азии имеет учреждение в рамках пекинских переговоров рабочей группы по созданию механизма мира и безопасности в СВА, деятельность которой возглавляет российская сторона.

Серьезный виток напряженности на Корейском полуострове вызвало испытание Северной Кореей 9 октября 2006 г. ядерного устройства. Россия, как и подавляющее число государств мира, осудила действия Пхеньяна. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1718. Этот документ, в выработке которого российская сторона приняла самое активное участие, направлен на обуздание военного потенциала КНДР и на дипломатическое урегулирование кризиса. Осуждая действия Пхеньяна, Россия, тем не менее, считает, что любое государство должно чувствовать себя в безопасности, которая обеспечивается на основе международного права, международных гарантий безопасности. Нельзя загонять в угол те государства, которым не остается ничего иного, как использовать (в случае с КНДР) «ядерную карту». Попытки администрации Дж. Буша загнать северокорейский режим в тупик обернулись серьезным ядерным кризисом, решать который, как это очевидно, очень и очень непросто.

Начавшийся процесс ликвидации ядерных объектов КНДР идет трудно, с большими перебоями. Пхеньян представил декларацию о своей ядерной программе, однако пока не удается решить проблему методов проверки северокорейских сведений. По мнению российской стороны, меры верификации северокорейского ядерного досье должны соответствовать стандартам МАГАТЭ. К сожалению, не все участники шестисторонних переговоров выполняют свои обязательства по поставкам в КНДР энергоресурсов. Россия, как и обещала, поставила в Северную Корею 200 тыс. т. мазута.

Прогресс на шестисторонних переговорах в Пекине по урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове несомненен. Однако трудности «пекинского процесса» немалые и обусловлены они главным образом дефицитом доверия и сохраняющимися противоречиями между основными участниками переговоров – КНДР и США.

Шестисторонние переговоры являются наиболее оптимальным вариантом урегулирования корейского ядерного кризиса. Россия считает шестисторонний процесс важным средством решения не только ядерной проблемы КНДР, но и перспективным политическим механизмом для урегулирования конфликтных ситуаций во всей Северо-Восточной Азии.

Россия и проблема объединения Кореи

Прошло более 60 лет с момента раскола Корейского полуострова на два государства – КНДР и РК. Этот период изобилует трехлетним военным конфликтом (1950–1953 гг.), десятилетиями острой военно-политической и идеологической конфронтации, короткими промежутками разрядки и межкорейского мирного диалога. За годы диалога Пхеньяну и Сеулу удалось сформировать достаточно солидную правовую базу двусторонних отношений. Во-первых, это – Совместное заявление Севера и Юга от 4 июля 1972 г., в котором зафиксированы три принципа будущего воссоединения Кореи (мирное, самостоятельное, на основе консолидации). Во-вторых, это – Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах от 13 декабря 1991 года. Этот документ юридически признает наличие двух государств – КНДР и РК на территории Корейского полуострова. В-третьих, это – Декларация Севера и Юга о денуклеаризации Корейского полуострова от 20 января 1992 г., в которой изложены принципы создания на полуострове зоны, свободной от ядерного оружия. В-четвертых, это – Совместная декларация Севера и Юга от 15 июня 2000 г., подписанная руководителями КНДР и РК в ходе первого саммита в Пхеньяне. В документе зафиксированы намерения сторон развивать межкорейский диалог и сотрудничество на уровне властных структур. В-пятых, это – Декларация во имя развития отношений между Севером и Югом, мира и процветания от 4 октября 2007 г., принятая руководителями КНДР и РК во время второго саммита в Пхеньяне. В декларации изложены общие подходы сторон к развитию межгосударственных отношений, снижению напряженности на Корейском полуострове, расширению экономического, гуманитарного сотрудничества. Межкорейские документы и другие договоренности имеют большое значение для укрепления взаимопонимания и примирения корейских сторон, наращивания потенциала сотрудничества между Пхеньяном и Сеулом. К сожалению, новая южнокорейская администрация во главе с президентом Ли Мен Баком резко изменила прежний конструктивный подход к Северной Корее. Сам президент РК и его помощники выступили с рядом жестких заявлений и требований к Пхеньяну. В ответ северокорейские власти пошли на свертывание связей и контактов с официальными представителями РК, резко сократилось торгово-экономическое сотрудничество между корейскими сторонами. Наступил очередной период политической конфронтации.

Российская Федерация на всех этапах межкорейских отношений поддерживала и поддерживает межкорейский диалог. Все догово-

ренности, документы, подписанные Пхеньяном и Сеулом и направленные на укрепление стабильности, безопасности, мира и сотрудничества на Корейском полуострове, находят искреннее понимание и поддержку в России. Москва последовательно выступает за снижение военно-политической напряженности на полуострове, освобождение его от оружия массового уничтожения, создание безъядерной зоны и ракетное нераспространение в этом районе.

Весьма актуальным остается вопрос о мирном договоре на Корейском полуострове. Соглашение о перемирии, заключенное после окончания Корейской войны в июле 1953 г., хотя формально продолжает действовать и обе корейские стороны заявляют о приверженности этому документу, однако ситуация на полуострове и в мире в целом требует скорейшего подведения черты под корейским конфликтом и подписания мирного договора. Определенные подвижки в этом направлении есть. В рамках шестисторонних переговоров создана рабочая группа. КНДР официально отошла от прежней, весьма жесткой позиции – исключить Южную Корею из переговоров о мирном договоре на полуострове. Во время второго пхеньянского саммита в октябре 2007 г. Ким Чен Ир согласился на участие РК в трех-четырёхсторонних переговорах о мире в Корее. Настораживает, однако, то, что в числе потенциальных участников таких переговоров отсутствует Россия. Наша страна (СССР) формально не принимала участия в корейском конфликте 1950–1953 гг., но из рассекреченных в РФ архивных документов этого периода видно, какое место занимал Советский Союз в этой войне. Кроме того, есть предложение, исходящее от США, пригласить Японию к участию в переговорах по мирному договору в Корее. Как хорошо известно из истории отношений великих держав с Кореей, очень часто некоторые страны, соседствующие с Корейским полуостровом и находящиеся вдали от него, стремились к усилению своего влияния в Корее в ущерб интересам российского государства, его безопасности. Поэтому вполне понятно и логично стремление РФ быть участницей переговорного процесса по мирному договору в Корее.

Есть еще одна весьма важная проблема полуострова – это проблема объединения Кореи. России, российскому народу понятны чувства корейцев Севера и Юга, желание жить в единой стране. Советский Союз, Россия постоянно поддерживали и поддерживают мирное воссоединение Кореи, имея в виду, что единая Корея будет демократическим, миролюбивым государством, дружественно настроенным к России и другим соседям Корейского полуострова. Однако сегодня никто не может сказать, какой станет Корея в случае объединения, будет ли она демократической и миролюбивой или тоталитарной (авторитарной) и агрессивной. Мы видим, как жестко,

агрессивно ведут себя на шестисторонних переговорах северные корейцы, отстаивая свое право быть ядерным государством. Известны также намерения южных корейцев обзавестись ядерным оружием в период президентства Пак Чжон Хи (1970-е годы). Стали достоянием гласности секретные эксперименты по обогащению урана, проводившиеся в РК в 1982 и 2000 гг. У Северной и Южной Кореи есть претензии исторического и территориального характера к своим соседям – Японии и КНР. Не все понятно в поведении Пхеньяна и Сеула относительно российского Дальнего Востока. Историки и той, и другой Кореи активно эксплуатируют тезис о том, что в VIII–X веках корейское государство Пархэ занимало обширные пространства, включая часть нынешней территории Дальнего Востока России.

Все эти и другие факторы, как представляется, следует учитывать при формулировании политики России в отношении эвентуального объединения Кореи.

Наша политика на Корейском полуострове в последние десятилетия, как видно, была неоднозначной, достаточно противоречивой. В конце XX – начале XXI вв. Россия стала осуществлять прагматическую политику на корейском направлении, проводить ровную линию в отношении двух корейских государств, занимать конструктивную позицию в разрешении сложных проблем Корейского полуострова.

На ближайшую перспективу наши конкретные действия на корейском направлении видятся следующими:

- развитие широкого сотрудничества РФ с обоими корейскими государствами;
- активное участие в политическом разрешении корейского ядерного кризиса в рамках шестисторонних переговоров;
- участие в переговорах о замене Соглашения о перемирии мирным договором;
- налаживание трехстороннего (РФ–КНДР–РК) экономического взаимодействия;
- содействие продуктивному межкорейскому диалогу;
- недопущение попыток доминирования кого бы то ни было на Корейском полуострове;
- создание эффективного многостороннего механизма по безопасности и сотрудничеству в Северо-Восточной Азии, включая Корейский полуостров.

Россия как сосед государств Корейского полуострова намерена и впредь играть активную роль в корейских делах, добиваться мирного урегулирования проблем, что отвечает национальным интересам РФ и направлено на укрепление стабильности, безопасности и добрососедства в этом районе.

- 1 *Шабшина Ф.И.* Можно ли распутать «корейский узел» // Известия. 1989. 1 сентября.
- 2 Дипотношения – предмет купли-продажи за доллары // Минчжу Чосон. 1990. 5 сентября.
- 3 История Кореи (новое прочтение) / Под ред. проф. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 2003. С. 375.
- 4 *Ким Ир Сен.* Отчетный доклад ЦКТПК V съезду партии. Пхеньян: Изд-во литер. на иностр. яз., 1970. С. 119.
- 5 *В.П. Каченко.* Корейский полуостров и интересы России. М.: Изд. фирма «Восточная литература». РАН, 2000. С. 40.
- 6 О визите в Корейскую Народно-Демократическую Республику министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе // Правда. 1988. 24 декабря.
- 7 *Торкунов А.В., Уфимцев Е.П.* Корейская проблема: новый взгляд. М.: Изд. центр «АНКИЛ», 1995. С. 52–53.
- 8 Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. МИД РФ, спецвыпуск. 1993. январь. С. 15, 17.
- 9 Известия. 1992. 20 ноября.
- 10 Известия. 1992. 27 июля.
- 11 Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: www.mid.ru (дата обращения: 18.08.2008).
- 12 Российская газета. 1993. 13 марта.
- 13 Нодон синмун. 1993. 30 апреля.
- 14 *Денисов В.И.* Ядерный кризис на Корейском полуострове: возможные пути урегулирования // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке. М.: ИДВ РАН, 2003. С. 23.

II. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

О.А. Гринеvский

ПРО В ЕВРОПЕ: СИТУАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ситуация с ПРО в Европе сегодня одна из самых острых проблем в российско-американских отношениях. И тут мы сталкиваемся с парадоксом истории: США сегодня, взяв курс на создание ПРО, озвучивают прошлую позицию СССР, а Россия, которая выступает против, занимает по сути дела прежнюю позицию США. Автор, который был одним из участников заключения Договора по ПРО, анализирует эту ситуацию и показывает, как был найден компромисс, несмотря на эти кардинальные различия в позициях сторон, и заключен Договор по ПРО в 1972 г. Анализируя нынешнюю ситуацию, возможности Ирана создать ракетно-ядерное оружие и какую угрозу это могло бы представлять для Европы, он приходит к выводу, что и здесь возможен компромисс, так как у сторон есть общий интерес – противодействие терроризму и распространению ядерного оружия. И он пишет, каким мог бы быть этот компромисс.

Ключевые слова: ПРО, Европейская безопасность, Россия, США, Иран.

Создание ПРО в Европе – одна из главных проблем в российско-американском диалоге по европейской, да и международной безопасности. Возникла она совсем недавно – в начале 2007 г., когда США приступили к переговорам с Чехией и Польшей о размещении на их территории элементов ПРО: РЛС в Чехии и 10 ракет-перехватчиков в Польше.

Россия сразу же резко выступила против. Уже в феврале на Мюнхенской конференции президент Путин заявил, что появление этих элементов ПРО в Европе является одной из главных российских озабоченностей. И многие российские специалисты подтверждают: они могут угрожать безопасности нашей страны,

поскольку дают США потенциальную возможность поражения российских стратегических ракет на самом уязвимом – восходящем участке траектории полета ракет.

Но тут начался спор. Американское военное руководство и некоторые наши специалисты возражают: ПРО в Европе не может угрожать стратегическим ядерным силам России. Ведь она обладает многими сотнями МБР, а противоракет там будет всего 10¹. США создают этот третий позиционный район ПРО, чтобы противостоять ракетно-ядерной угрозе со стороны Ирана. И по мнению многих специалистов такая угроза действительно существует, а из-за политики США даже нарастает. Так что же представляет собой ракетное оружие Ирана?

В настоящее время Иран обладает ракетами Шехаб-3 дальностью полета до 2000 км. Пока они имеют лишь обычное оснащение, но могут нести и ядерные боезаряды, если и когда они появятся у Ирана. По некоторым данным, у него более 30 таких ракет и 10 мобильных пусковых установок для их запуска. И главнокомандующий Корпусом стражей исламской революции Али Джафари в начале 2009 года подтвердил: «Сегодня в Иране стоят на вооружении ракеты с дальностью более двух тысяч километров». Но главным противником назвал не Европу, а Израиль, подчеркнув: «Таким образом, вся территория Израиля, в том числе его ядерные объекты, находятся в зоне поражения наших ракет»².

Кроме того, в разработке находятся ракеты Шехаб-5 и 6 с дальностью стрельбы 3 тыс. и 5–6 тыс. км. Но некоторые специалисты относятся к этому скептически. Так, например, бывший начальник Главного штаба ракетных войск стратегического назначения генерал-полковник Виктор Есин считает, что только к 2015–2020 гг. Иран сможет создать баллистические ракеты дальностью в 3500–4000 километров³.

Но как бы там ни было, а официально объявленная цель этой американской ПРО – защитить Европу именно от иранских ракет. И тут сразу же возникает вопрос: если цель действительно такова, то почему администрация США ведет переговоры только с Польшей и Чехией, а не с Евросоюзом? Об этом совершенно справедливо напомнила Вашингтону еще в марте 2007 года канцлер ФРГ Ангела Меркель. И главное здесь то, что, по мнению многих специалистов, американские базы в Чехии и Польше едва ли смогут сколько-нибудь эффективно справиться с такой задачей. Да и прикрывать они смогут далеко не всю Европу, а только ее часть.

Тогда что это? Первый шаг к созданию глобальной стратегической ПРО, которая будет прикрывать в основном США, а также по возможности их ближайших союзников от любого ракетно-ядерно-

го удара? Или иными словами отказ от той стратегической стабильности, которая уже многие десятилетия худо-бедно, но оберегала мир от ядерной войны? А попросту говоря, возврат к пресловутой рейгановской СОИ, которая спровоцировала тогда очередной виток гонки вооружений?

И здесь мы сталкиваемся, пожалуй, с одним из величайших парадоксов в истории человечества. Ведь в отношениях Россия–США сейчас нет каких-либо рациональных причин для ядерной войны. Тем не менее обе державы продолжают обладать огромными ракетно-ядерными потенциалами, которые по своим размерам имеют только одно предназначение – уничтожать друг друга. По официальным данным, на январь 2009 г. у России было развернуто 814 стратегических ракет с 3909 боеголовками, а у США – 1198 ракет и 5576 боезарядов⁴. И для этого нет иных причин, кроме памяти о холодной войне.

Поэтому и в этих условиях паритет по стратегическим наступательным вооружения (СНВ) и отказ от создания глобальной, стратегической ПРО – это два столпа, на которых продолжает держаться стратегическая стабильность в современном мире. Они исключают возможность применения этих ядерных сил друг против друга, то есть делают ядерную войну невозможной из-за угрозы взаимного гарантированного уничтожения. А одностороннее разрушение одного из этих столпов может иметь катастрофические последствия: как минимум возврат к гонке ракетно-ядерных вооружений и возобновление холодной войны с новыми союзами и противостоянием.

Рассмотрим с этих позиций новую стратегическую политику США. В 2002 г. они вышли из Договора по ПРО – то есть развязали себе руки в отношении разрушения одного из столпов нынешней стратегической стабильности. Но этим дело не ограничилось. На сегодняшний день их система ПРО располагает помимо того, что есть в самих США, объектами еще в трех странах Западной Европы и Дальнего Востока:

- 16 противоракет наземного базирования GBI дальностью перехвата 1000–5000 км. Из них 14 на Аляске в Форт-Гриле и 2 на авиабазе Ванденберг в Калифорнии;

- 4 радара раннего предупреждения – в Кобра Деин на острове Шемия, (Алеутские острова) в 300 км. от границ с Россией; в Беале (Калифорния); в Файлингдейлс (Великобритания) и в Туле (Гренландия, Дания);

- радар морского базирования SBX, дислоцированный сейчас в Тихом океане, и радар передового базирования FBX-T на острове Хонсю в Японии;

– 16 крейсеров и эсминцев в Тихом океане и Средиземном море, оснащенных 18 противоракетами SM-3 для уничтожения ракет на среднем участке траектории.

А к 2013 г., согласно планам Пентагона, произойдет наращивание этой группировки, которое обойдется в 3,5 млрд долларов. Количество ракет, перехватчиков GBI увеличится до 54, причем 10 из них будут в Польше, и появится еще один радар раннего предупреждения в Чехии. Число противоракет SM-3 на кораблях увеличится до 132, и появится 4 комплекса THAAD с 96 противоракетами для уничтожения баллистических ракет на стадии снижения, то есть в течение последних минут их подлета к цели.

Если теперь посмотреть на глобус, где обозначены места размещения этих радаров и противоракет, то ясно видно, что их кольцо четко охватывает всю Юго-Восточную Азию, включая, конечно, Китай и Россию. Причем Китаю в этих планах явно отводится одно из первых мест. В свое время американцы предлагали нам даже построить радар на юге Сибири в Мешелевке, который охватывал бы Китай с севера. Им, разумеется, отказали.

Как нам оценивать эти планы? Сегодня, да и на ближайшую перспективу, непосредственной угрозы для России они не представляют. По расчетам специалистов для перехвата одной баллистической ракеты потребуется 4 противоракеты класса GBI, а в случае использования ложных целей – до 20 таких противоракет. А у нас сегодня 814 развернутых МБР с 3909 боеголовками, причем широко применяется использование также ложных боеголовок. Кроме того, у нас много ракет с разделяющимися головными частями, и есть ракеты, которые меняют траекторию полета. Да и много чего другого.

В общем, стратегическая стабильность, основанная на системе взаимного гарантированного уничтожения, сохраняется и по сей день. По мнению специалистов, если Вашингтон будет продолжать эту политику и пытаться создать глобальную ПРО, способную прикрыть США, потребуется 20–25 лет, прежде чем такая система сможет осуществлять перехват нескольких сотен боеголовок. И то только в том случае, если российские ракеты будут оставаться такими же, как и сегодня. Но их совершенствование, как известно, не стоит на месте. А значит, при наличии у России надежного потенциала ракетно-ядерного сдерживания эта стабильность продержится еще по крайней мере 10–15 лет. Хотя угрозы ей могут нарастать, если, конечно будет жива память о холодной войне.

В общем, все эти совершенно справедливые опасения основываются на необходимости сохранения структур стратегического баланса сил и памяти, доставшихся нам от холодной войны. Но по-

мимо них у России с США есть сейчас и общие стратегические интересы, причем весьма важные. Это – устранение опасности ядерной войны, предотвращение многосторонней гонки вооружений и распространения оружия массового поражения. И, наконец, главное – борьба с угрозой международного терроризма.

Все это при разумном подходе и должно определять разумную политику. Тогда проблемы с ПРО будут решаемы. Но для этого нужны не взаимные обвинения, а добрая воля и диалог. И он начался, хотя еще нельзя наверняка сказать, что стоит за ним – добрая воля к поиску взаимоприемлемого компромисса или дипломатическая игра с прицелом на то, чтобы потянуть время до того момента, когда новая система ПРО может быть развернута.

В конце марта 2007 г. президент Буш позвонил Владимиру Путину и, стараясь устранить озабоченность российской стороны, заговорил о создании «общей ПРО» с участием России. И как говорится в официальном сообщении об этой беседе двух президентов, такая позиция Вашингтона «была с удовлетворением воспринята российской стороной».

Поэтому 12–13 октября этого года в Москве были проведены переговоры в формате «2+2» – главы МИДов и Минобороны России и США по четырем главным вопросам, вызывающим комплекс разногласий – ПРО, ДОВСЕ, СНВ-1 и модернизация боеголовок американских ракет Трайдент. В их преддверии в Москве побывала госсекретарь США Кондолиза Райс, и на переговорах с ней тема ПРО была также одной из главных. Кроме того, что особенно важно, тема ПРО обсуждалась президентами Путиным и Бушем во время их приватной встречи 26 октября на саммите ЕС в Португалии.

Официальные сообщения обо всех этих переговорах не раскрывают, какие позиции были там изложены, и можно ли на их основе прийти к договоренности. Но вскоре поползли слухи и стали появляться сообщения, которые проливают некоторый свет на происшедшее на этих переговорах. Так, например, министр обороны США Роберт Гейтс публично заявил 24 октября, что в Москве они сделали два предложения, которые помогут снять недоверие.

Первое. США готовы отложить ввод в строй объекты ПРО в Польше и Чехии до получения четких доказательств наличия ракетной угрозы со стороны Ирана, например, испытания им соответствующих ракет. А Кондолиза Райс как бы обмолвилась, что отказ Ирана от создания ядерного оружия позволит не размещать ПРО в Европе.

Второе. США готовы «обеспечить для большей открытости российское присутствие на базе ПРО в Чехии»⁵.

Раскрывается позиция и с российской стороны. Перед началом переговоров в формате «2+2» министры были приняты президентом России Путиным, который предложил заморозить на какое-то время практические шаги с американской стороны по созданию элементов ПРО в Польше и Чехии и продолжить консультации. В том числе и в отношении совместного использования Габалинской РЛС и РЛС нового поколения «Воронеж», сооружаемой возле Армавира⁶. А в ходе приватной встречи с президентом Бушем на саммите ЕС в Португалии 26 октября Путин четко изложил российское видение повестки дня переговоров с США по проблемам ПРО. Это:

- определение угроз и возможности ракетного нападения;
- определение параметров общей системы ПРО;
- определение характера управления этой системой. Причем была особо подчеркнута необходимость равного доступа всех участников к управлению этой системой⁷.

Российский президент предложил также создать в Брюсселе Центр взаимной информации о пусках ракет.

Однако, как это нередко случается в переговорной дипломатической практике, вскоре начался откат. 22 ноября 2007 г. США передали российскому МИДу свои предложения по созданию ПРО в Европе в письменном виде. Их суть – создать единую систему ПРО для защиты США, России и стран НАТО от ракетных угроз. Для этого Вашингтон предлагает интегрировать в единую систему планируемые объекты ПРО в Польше и Чехии, разрабатываемую в НАТО ПРО театра военных действий и российские объекты – РЛС в Габале (Азербайджан) и строящуюся РЛС под Армавиром на Северном Кавказе.

При этом США готовы отсрочить ввод в строй объектов ПРО в Восточной Европе до появления четких и однозначных свидетельств наличия ракетной угрозы со стороны Ирана. Однако, по словам министра обороны Роберта Гейтса, США приступят к строительству этих объектов ПРО сразу же после подписания соответствующих соглашений с Польшей и Чехией и только отложат их введение в эксплуатацию. При этом США готовы предоставить российским военным регулярный доступ на эти объекты, но не постоянное присутствие, и то только с согласия польских и чешских властей. Правда те вроде бы не возражают.

В Москве, разумеется, этими предложениями остались недовольны, объявив их шагами назад по сравнению с тем, что говорилось американцами ранее. Наступила долгая пауза со взаимными обвинениями, которая продолжалась вплоть до января 2009 г., когда президентом в США стал Барак Обама.

* * *

Приход в Белый дом нового президента и его администрации вроде бы меняет эту мрачную картину. Речь теперь идет о восстановлении диалога, перезагрузке повестки дня российско-американских отношений, в которых одно из первых мест отводится проблеме создания ПРО в Европе. Но пока это лишь общие, хотя и хорошие слова. А вот конкретики – как новая администрация видит пути решения этой проблемы – пока немного.

В ходе избирательной кампании Барак Обама проявлял осторожность. Публично он не отказывался от размещения элементов ПРО в Европе, а только обещал изучить все «за» и «против» еще до их развертывания. А придя к власти, стал говорить о возможности продвижения по трем путям в этом непростом деле.

1. Уже в первом послании президенту Медведеву Обама предложил такой выход из создавшегося тупика: Россия поможет ликвидировать ракетно-ядерную угрозу со стороны Ирана, а взамен США остановят развертывание ПРО в Польше и Чехии.

2. Обама подтвердил готовность создать вместе с Россией «общую ПРО» в Европе.

3. Обама оповестил Иран о готовности начать двусторонний диалог относительно его ядерной программы, подчеркнув при этом, что наличие у Ирана ядерного оружия недопустимо.

Но если теперь сравнить эти объявленные позиции нового президента США по ПРО в Европе с тем, что уже предлагалось прежней администрацией, прежде чем был прерван диалог, то они, по сути дела, мало чем отличаются друг от друга. Единственная новизна – это сигнал Ирану о готовности начать с ним диалог по иранской ядерной программе. Однако на чем может строиться этот диалог – президент не пояснил. А вот мнения экспертов тут расходятся.

Так, например, министр обороны США Роберт Гейтс считает, что мировой кризис, падение цен на нефть и санкции ООН в значительной мере сокращают возможности Ирана по реализации его ядерной программы. А значит – это расширяет возможности для экономического и политического давления на Тегеран. С другой стороны, по мнению многих экспертов, США могут теперь предложить Ирану новый широкий пакет экономических преференций в обмен на его отказ от обогащения урана и возвращение инспекторов МАГАТЭ на иранские ядерные объекты.

Причем интерес США здесь не только в отказе Ирана от создания ядерного оружия. Иранская нефть и газ могли бы стать дополнительными и даже альтернативными источниками этой дефицитной энергии, столь необходимой США и Западу. Больше того, Иран мог бы дать Западу прямой доступ к углеводородам

Каспийского моря. А новые отношения с Тегераном могли бы повлиять на радикальных шиитов в Ираке, которые требуют создания своего государства по иранской модели.

И как бы в подтверждение этому уже в десятых числах марта появились многочисленные сообщения о готовности Турции стать посредником в ирано-американских переговорах. А Хиллари Клинтон в ходе своего визита в Анкару подтвердила: да, Вашингтон хотел бы видеть Анкару своим посредником в диалоге с Тегераном. И контакты между турецким и иранским руководством уже начались. Правда, пока не ясно, чего в них больше – решения проблем с ядерной программой Ирана или стремления Турции заполучить доступ к иранским и прикаспийским углеводородам, которые затем, через проект Набукко могли бы пойти в Европу. Но Иран явно заинтересован именно в этом.

В общем, пока трудно сказать, пойдет ли Иран на предлагаемый диалог с США по своей ядерной программе. Первая реакция Тегерана была весьма негативной: от обогащения урана они отказываться не будут – это их законное право, а ядерное оружие они создавать не намерены. Но это первая реакция, а в дипломатии все первые шаги к началу диалога бывают максимально жесткими. И скорее всего на переговоры Тегеран пойдет, используя свою прежнюю тактику – просто тянуть время, чтобы продолжать работы по обогащению урана, но с минимальным уроном в тяжбах с мировым сообществом.

И основания для таких выводов есть. Еще в феврале 2007 г. Тегеран объявил, что начинает установку в Натанзе каскада из 3000 центрифуг. При этом существуют серьезные опасения, что центрифуги в Натанзе не единственный действующий центрифужный каскад в Иране. А для превращения в ядерную державу Пакистану оказалось достаточно иметь 5000 центрифуг. Через 5 лет после их создания завод в Кахуте в 1984 г. был способен производить уже до 15 кг оружейного урана в год.

Таковы факты. Но, разумеется, они еще не доказательства. Иран прав, когда говорит, что МАГАТЭ не нашло свидетельств того, что мирная ядерная деятельность в стране переключена на военные цели. Но МАГАТЭ после более 4-х лет расследований не может доказать и обратного – в Иране не ведется скрытых военных ядерных программ.

Однако, судя по поведению иранского руководства и его амбициям, есть все основания полагать, что его стратегический курс – это превращение Ирана в полноценную ядерную державу, обладающую ядерным оружием. И тайные работы по его созданию уже ведутся. Еще в конце 2006 г. посол США при МАГАТЭ Грегори

Шульц предупредил, что по оценкам американских спецслужб Иран сможет произвести ядерное оружие к 2010–2015 г. Оценки российских специалистов, с которыми я беседовал в то время, были близки – для создания ядерного оружия Ирану потребуется от 5 до 10 лет.

Последние американские прогнозы также подтверждают это. 10 марта 2009 г. директор Национальной разведки США Деннис Блэр заявил: «Наша текущая оценка такова, что минимальный срок, за который Иран технически способен произвести достаточно высокообогащенного урана для одного ядерного боезаряда – это 2010–2015 год»⁸.

Высказываются и другие точки зрения. Так, например шеф военной разведки Израиля генерал Амос Ядлина считает, что Иран уже способен собрать ядерный боезаряд. Близки к этому и заключения экспертов Вашингтонского института ближневосточной политики. В опубликованном ими совсем недавно докладе утверждается, что Иран способен создать ядерное оружие в течение года и уже располагает расщепляющимися материалами для производства 50 боеголовок.

* * *

Так обстоят дела с иранской ядерной программой. И тут главный вопрос – есть ли у нас здесь общие интересы с США, и если да, то что нам делать?

Думаю, да – есть, и определяется она складывающейся ситуацией в мире. Ведь она такова, что безопасность России, США, Европы, да и многих других стран не может быть обеспечена вне глобального и регионального контекста. Еще в конце 2003 г. Збигнев Бжезинский пророчески предрек: «В течение следующих нескольких десятилетий самым нестабильным и опасным регионом планеты, готовым в любой момент взорваться и ввергнуть мир в пучину хаоса, будет часть Евразии между Европой и Дальним Востоком». Ее можно назвать «новыми Глобальными Балканами»⁹.

Действительно, регион Большого Ближнего Востока вступает сейчас в длительный период серьезной нестабильности. Его взрывные центры сегодня – Иран, Ирак, Афганистан. Обостряется ситуация в связи с возможностью создания Ираном ядерного оружия. Усугубляет положение непрекращающийся конфликт между Израилем и Палестиной. Становятся все более уязвимыми опорные прозападные режимы, в том числе – в Саудовской Аравии, Египте, Турции и даже в Пакистане, уже владеющим ядерным оружием, если там произойдет переворот и к власти придут исламские экс-

тремисты. Это делает Ближний Восток и район Персидского залива все менее надежным поставщиком нефти для США, Западной Европы, Китая и Японии.

Но в первую очередь дестабилизация района Большого Ближнего Востока грозит конфликтами и распространением исламского экстремизма и терроризма, что серьезно угрожает стабильности и безопасности как Европы, так и России. По всему их южному периметру проходит цепь слабеющих или даже «падающих» государств, в том числе в ряде республик бывшего СССР.

Поэтому здесь проявляется новые перспективы в отношениях Россия–США, которые не отменяют пока стратегию взаимного сдерживания, но позволяют повести дело к реальному стратегическому партнерству.

А нынешние споры вокруг ПРО во многом напоминают ситуацию, которая сложилась к 1972 г., когда СССР и США смогли заключить Договор по ПРО. Только позиции сторон тогда были диаметрально противоположными. Советский Союз занимал нынешнюю американскую позицию и утверждал, что запрещать ПРО нельзя ни в коем случае. А США озвучивали тогда нынешнюю российскую позицию и требовали запрещения ее создания, так как это может нарушить стратегический баланс и политику взаимного сдерживания. В общем, ирония судьбы.

Но кончился этот спор компромиссом. Его суть: стороны взяли на себя обязательство не создавать глобальной стратегической ПРО. Это главное. Но в то же время они могли создать у себя ограниченную систему ПРО для прикрытия двух объектов – столицы и одной из ракетных баз. При этом были четко обозначены размеры этих районов и число противоракет для их прикрытия. На этой основе и был заключен Договор по ПРО 26 мая 1972 г.

Каким мог бы быть компромисс сегодня, когда спор идет о создании «общей ПРО» с участием в ней России и США?

Прежде всего, эта «общая ПРО» не должна быть стратегической, а прикрывать Европу от одиночных, случайных или несанкционированных пусков ракет. Их число следует определить – скажем, 5–10. Больше из кипящего Большого Ближнего Востока ожидать нельзя, да и такое число на обозримое будущее нереально. И такая основа для будущего соглашения об «общей ПРО» в Европе, похоже, уже наметилась.

Проглядываются возможности для поиска компромисса и в отношении мест размещения РЛС и баз противоракет. Но главное, уже обозначились, хотя и в самых общих чертах, исходные позиции сторон, которые позволяют вести серьезные переговоры и искать пути решения остающихся разногласий.

1. Прежде всего, намечается понимание наличия и опасности общих угроз, хотя акценты здесь порой делаются разные.

2. Готовность к сотрудничеству для устранения этой угрозы путем обоюдного стремления убедить Иран прекратить обогащение урана и допустить инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты.

3. Готовность США отложить создание элементов ПРО в Польше и Чехии, пока идут переговоры с Ираном. При этом США заявляют о намерении вообще отказаться от создания ПРО в Европе, если Иран прекратит все работы по обогащению урана и инспекторы МАГАТЭ подтвердят это.

4. Готовность обеих сторон к ведению переговоров и сотрудничеству в деле создания «общей ПРО» в Европе, если Иран не прекратит работ, ведущих к созданию ядерного оружия.

В общем, все это создает неплохую площадку для сотрудничества, хотя многие вопросы еще требуют прояснения.

Прежде всего, **пункт три**. Позиция России излагается здесь прямо и без обиняков – «заморозить» практические шаги по созданию элементов ПРО в Польше и Чехии. Иными словами, – прекратить все работы по их созданию и вести переговоры.

Позиция новой администрации, похоже, близка теперь к российской – речь тоже идет о том, чтобы отложить или заморозить эти работы. Тем более, что в условиях экономического кризиса, который серьезно ударил по Соединенным Штатам, Вашингтону необходимо тратить деньги не на строительство этих объектов в далекой Польше и Чехии, а на спасение собственной экономики.

Но тут необходим четкий отказ от двусмысленной формулы прежней администрации США: отложить ввод в строй этих элементов ПРО. То есть США будут продолжать работы по созданию РЛС в Чехии и шахт базирования противоракет в Польше и только повременят с вводом их в строй. Ведь согласно опубликованным в США планам создания такой ПРО это может быть сделано не раньше 2013 г. Так что же получается? Ушлые переговорщики из Вашингтона просто предлагали превратить переговоры в простую ширму для продолжения этих работ? Мол, дело будет сделано, а там видно будет? Все это ставило под вопрос истинные цели Вашингтона и саму возможность переговоров о создании общей ПРО.

Что же касается **пункта два** – убедить Иран прекратить обогащение урана, то тут по-видимому особых трудностей ожидать не приходится. Обе стороны, судя по всему, готовы как к убеждению Ирана, так и к давлению на него в случае необходимости через ужесточение санкций, принимаемых по решению Совета Безопасности ООН. Хотя здесь Россия вместе с Китаем будут скорее всего по-

прежнему выступать за менее жесткие санкции, и для этого есть свои основания.

Наибольшие трудности следует ожидать по **пункту четыре** – создание общей ПРО для Европы, если в этом возникнет необходимость. И проблема здесь в том, что конкретной, разработанной позиции у России пока нет.

Еще в октябре 2007 г. президент Путин на встрече с президентом Бушем так изложил свое видение переговоров по созданию общей ПРО.

Прежде всего – это определение параметров общей системы ПРО. То есть возможностей обнаружения летящих на Европу ракет, слежения и наведения на них радиолокационными станциями противоракет и их последующего уничтожения этими противоракетами, что, естественно, означает необходимость создания в подходящих для этого местах баз РЛС и противоракет.

И во-вторых, что не менее важно – определить характер управления этой системой. То есть кто и как будет отдавать приказ сбить эту ракету. Причем Путин здесь особо подчеркнул необходимость равного доступа всех участников к управлению этой системой¹⁰.

У США позиции здесь излагаются четко и ясно: обнаружение, слежение и наведение осуществляет РЛС в Чехии, сбивают 10 противоракет, размещенных на базе в Польше. А наша позиция? Мы твердо заявляем о недопустимости появления этих объектов ПРО в Польше и Чехии, поскольку они могут угрожать нашей безопасности. Поэтому вместо радара в Чехии предлагаем использовать нашу РЛС в Габале (Азербайджан) и даже РЛС нового поколения «Воронеж», сооружаемую вблизи Армавира на Кубани. Американцы не возражают против использования этих объектов, но утверждают, что Габалинская РЛС не способна осуществлять наводку противоракет на цель, а потому настаивают на создании своей РЛС в Чехии.

Тут, конечно, можно спорить, но позиции сторон обозначены и решать надо специалистам. Но вот **кто будет сбивать ракеты, летящие на Европу?** Мы против того, чтобы это были американские противоракеты в Польше, но что предлагаем взамен? Тишина. Молчит уже много лет великая держава.

Между тем Вашингтон предлагает и альтернативные варианты как в отношении мест размещения РЛС, так и в отношении противоракет. В конце февраля этого года Бюджетное бюро Конгресса США опубликовало доклад на 80 страницах «Варианты размещения ПРО в Европе». РЛС в нем предлагаются размещать в Азербайджане и Катаре, а в отношении противоракет выдвигаются 3 альтернативы:

- 1) размещение противоракет SM-3 «Стандарт» на кораблях «Иджис» у побережья Румынии, Восточной Италии и Польши;
- 2) развертывание противоракет SM-3 на мобильных средствах доставки, базирующихся на уже существующих базах ВВС США «Рамштайн» (ФРГ) и Инджирлик (Турция);
- 3) оснащение мобильных средств доставки на базах ВВС США Рамштайн (ФРГ) и Инджирлик (Турция) кинетическими противоракетами.

И здесь есть над чем подумать. Так, например, размещение противоракет SM-3 на кораблях в Средиземном море, но не в Черном и не в Балтийском, могло бы не противоречить интересам нашей безопасности. Тем более что эти корабли и так могут находиться в Средиземном море. То же, по-видимому, можно сказать и в отношении размещения этих противоракет на уже существующих базах США в Турции и ФРГ, поскольку база Рамштайн находится достаточно далеко от России – в 220 километрах к Западу от бывшей границы ФРГ и ГДР.

Во всяком случае, нам уже давно пора иметь собственную позицию в отношении того, кто будет сбивать ракеты, летящие на Европу, если мы готовы участвовать в создании «общей ПРО» для этого континента.

То же самое нужно сказать и в отношении того, **кто и как будет принимать решение сбить ракету, летящую на Европу.**

У Вашингтона тут все ясно – решение принимает американское военное командование, причем может это сделать без согласования с президентом, поскольку времени для этого нет.

А что предлагает Москва? Опять туман: необходимо определить характер управления этой системой ПРО так, чтобы все участники имели равный доступ к этому управлению. Попробуем представить, что это может означать на практике. Допустим, радар в Азербайджане засек, что из Ливана, который не имеет ракет среднего радиуса действия, запущена ракета, которая летит в направлении Франции или Центральной Европы. И что, представители США, России, европейских стран – а их может быть более двух десятков – начинают обсуждать, сбивать или не сбивать эту ракету, советоваться со своими правительствами? Но ведь счет идет на минуты и даже секунды, и пока будут продолжаться эти переговоры, ракета уже может поразить цель.

Значит, тут нужны четкие, на грани автоматизма, правила, которые должны быть известны всем. Например, в Совете Безопасности ООН принимается резолюция, в которой указывается, что все государства без исключения имеют право проводить испытательные пуски ракет. Для этого они должны заранее, скажем, за две недели оповещать о времени запуска ракеты, месте ее запуска,

траектории ее полета и месте падения ракеты. Любая ракета – будь то американская, российская или любой другой страны, нарушившая эти правила или изменившая траекторию полета и летящая на Европу, будет автоматически сбиваться.

Разумеется, переговоры о такой ПРО должны идти в первую очередь также с Европой – заинтересована ли она в ней, и если да, то в какой именно. А там по отношению к американским планам царит размежевание, которое проходит в основном по линии старой и новой Европы. Почти у двух третей стран Евросоюза размещение американских систем ПРО в Польше и Чехии вызывает негативную реакцию. Из старой Европы – «за» высказались только Англия и Дания. А наиболее твердую и последовательную линию «против» проводит Германия.

Короче говоря, единства в Европе пока нет. Но постепенно складывается консенсус – без России нельзя решить проблем создания европейской ПРО.

Ясно и другое. Есть реальная перспектива создания общей ограниченной ПРО, которая отвечала бы интересам безопасности Европы, России и США. И рассматриваемый здесь вариант развязки возникшего узла противоречий может оказаться далеко не единственным. Но главное – создание такой ПРО должно перевести отношения России с США и Западом в русло не декларативного, а реального стратегического партнерства. Это будет первый шаг к созданию новой системы международных отношений, основанной на взаимной безопасности для всех. Россия, да и весь мир от этого только выиграют.

Примечания

- 1 См. например: *Финогенов М., Заикин С., Копылов А.* Что противопоставить ПРО? Военно-промышленный курьер. 2007. № 28. 25–31 июля.; *Арбатов А.* Пятый противоракетный кризис. Независимое военное обозрение. 2007. № 38. 2–8 ноября.
- 2 Независимая газета. 2009. 6 марта.
- 3 Независимое военное обозрение. 2009. № 5. 13–19 февраля; Коммерсант. 2009. 4 февраля.
- 4 Независимое военное обозрение. 2009. № 9. 13–19 марта.
- 5 Коммерсант. 2007. 24 октября.
- 6 Коммерсант. 2007. 13 октября; Аргументы недели. 2007. 18 октября.
- 7 Коммерсант. 2007. 21 ноября.
- 8 Независимая газета. 2009. 12 марта.
- 9 *Бжезинский Зб.* Зыбучие пески гегемонии // Россия в глобальной политике. Март–апрель 2004. № 2. С. 187.
- 10 Коммерсант. 2007. 21 ноября.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается взаимосвязь между глобализацией, международными отношениями и государством, его суверенитетом. Основное внимание уделяется государственному суверенитету. Подвергаются сомнению взгляды, утверждающие закат государства, размывание суверенитета в условиях глобализации. Новые факторы, появляющиеся в развитии международных отношений под влиянием глобализации, требуют всестороннего изучения применительно к роли современного государства в сфере международного общения. Атака неолибералов на государство требует защиты его суверенитета в международных отношениях в сочетании с изучением изменений в проявлениях суверенитета.

Ключевые слова: глобализация, международные отношения, современная трансформация, государство, суверенитет.

Международные отношения второй половины XX – начала XXI в. развиваются под мощным воздействием глобализации. Столь сильным, что некоторые политологи готовы объявить об исчезновении международных отношений как предмета исследований, о преобразовании внешней политики во внутреннюю. Глобализации, которая имеет, прежде всего, экономическую природу, придается безмерный и безграничный характер. Иными словами, глобализация меняет фундамент современного мироустройства, международных отношений. После окончания холодной войны глобализация приобретает второе дыхание, поскольку снимаются политические препоны для ее движущих сил, а трансформация охватывает страны, регионы, практически всю планету. Повальное увлечение глобализацией, ее гипертрофированное восприятие заслонили потребность в изучении реальных мировых процессов.

Действительно, вместе с глобализацией возникает целый ряд вопросов, ответы на которые имеют пока открытый и, можно сказать, предварительный характер. Например, каковы последствия глобализации рынков для политики, в том числе международной? Можно ли говорить о глобализации политики? В чем конкретно выражается влияние на международные отношения? Где границы глобализации? В создании мегаобщества? Вопросов, конечно же, больше. Несомненно одно: последствия глобализации для международных отношений нуждаются в тщательном и предметном изучении. Но нужно анализировать и другую сторону процесса: международные отношения играют далеко не пассивную роль и в свою очередь оказывают воздействие на глобализацию. Поскольку эта статья пишется, когда на дворе наблюдается, как утверждают, начальная фаза экономического кризиса, источником которого стал финансовый крах, охватившего практически всю мировую экономику, то можно ожидать, что взгляды на глобализацию подвергнутся коррекции. Вряд ли страны, ставшие безвинными жертвами глобального кризиса, будут и далее безропотно воспринимать глобализацию.

В рамках современной интерпретации глобализации наиболее мощной ревизии подверглись роль и значение национального государства, его суверенитета в международных отношениях. Воспользуюсь здесь результатами исследований, изложенными в книге «Глобальные трансформации». Ее авторы Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Д. Перратон определяют три школы, дающие собственные интерпретации процессам глобализации: гиперглобалисты, скептики, трансформисты¹. Согласно первым, глобализация означает начало новой эпохи человеческой истории, когда «традиционные национальные государства становятся неестественными и даже невозможными коммерческими единицами мировой экономики»². Речь идет о «денационализации» экономики в результате усиления транснациональных систем производства, торговли, финансов, предвосхищающей конец национального государства.

В этом устремлении гиперглобалисты смыкаются с течением мондиализма, отрицающим суверенитет и утверждающим формирование единой мировой территории с общим правовым, политическим и социально-экономическим режимом.

Скептики считают доводы гиперглобалистов несостоятельными и политически наивными, недооценивающими способность правительств национальных государств регулировать международную экономическую деятельность. Трансформисты же полагают, что рождается новый «режим суверенитета», что в условиях глобализации суверенитет, государственная власть и территориальность

входят в новые отношения между собой. И это отличает их от условий, когда формировалось современное национальное государство. В итоге трансформисты приходят к выводу, что глобализация порождает более сложные взаимосвязи между национальными государствами и новыми структурами мирового процесса. Государственная власть и мировая политика трансформируются. Позиция этой школы представляется конструктивной, позволяющей нащупать основные ориентиры тех преобразований, которые происходят на национальном и международном уровнях и которые в итоге создают новые базисные элементы международных отношений.

Сохранение национального государства в качестве основного субъекта международных отношений – это принципиальный вопрос современных международных отношений. Государство, его суверенитет имеет долгую историю: с вестфальских времен. Неолиберализм, выступающий идеологией глобализации, особенно ее наиболее экстремальных форм, утверждает отмирание суверенитета государства, а вместе с ним и вестфальских принципов международных отношений. Целый ряд российских политологов, не утруждая себя особенно предоставлением доводов, транслируя позиции англосаксонских либералов, также заявляет об отмирании этих принципов.

В этом контексте привлекает внимание компетентная позиция председателя Конституционного Суда РФ В. Зорькина, выступившего в защиту Вестфальской системы. Он напомнил тривиальный факт: государственный суверенитет остается основой конституционного строя большинства государств мира. «В отличие от ситуации, сложившейся после заключения Вестфальского мира в 1648 году, сегодня объем суверенитета демократических правовых государств существенно ограничен внутренними и внешними факторами, а также правовыми нормами. Однако положения, закрепленные вестфальскими мировыми договорами, остаются незыблемыми, в том числе и в Российской Федерации: верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти на территории государства, независимость в международном общении, обеспечение целостности и неприкосновенности территории»³.

В. Зорькин формулирует важный тезис: Организация Объединенных наций является наследницей Вестфальской политической системы. Он не согласен с утверждениями некоторых западных политологов об архаичности национального права, а посему не считает его необходимым защищать. Он выступает против позиции шведских ученых, считающих, что на смену верховной власти государства придет «сетевое государство». «Сегодняшняя опасная тенденция ведет к тому, что конкретные политические понятия

“государство” и “граница” вытесняются юридически неопределенными, не имеющими опоры ни в одном праве географическими и социально-экономическими терминами»⁴.

Эволюция международных отношений, особенно в условиях глобализации, характеризуется нарастанием зависимости государств друг от друга в решении самых различных внутренних и внешних проблем в своей деятельности. По этой причине довольно часто делается вывод, что «глобализация как таковая объективно уменьшает значение суверенитета»⁵. Подобное умозаключение можно отнести к заблуждениям. Сам факт нарастания сети зависимостей (экономических, научно-технических, технологических и пр.) как следствие формирования глобальных рынков означает не что иное, как изменение внешних условий проявления суверенитета, но никак не уменьшает его значения. Эти внешние условия становятся сложнее, весомее, и государство не может их не учитывать при реализации своих функций и обязательств как во внутренней, так и во внешней политике. И чем многообразнее отношения государства с внешним миром, тем значительнее для государства внешний фактор. Это постулат общего характера, хотя, разумеется, степень зависимости государства от внешней международной жизни является дифференцированной и в политическом, и экономическом, информационном, технологическом и других измерениях.

Современные международные отношения формируются на основе взаимозависимости. «Взаимная зависимость касается не только экономических отношений: торговли, финансов и организации производства в глобальных масштабах, но и политических и социальных взаимосвязей между организациями и частными лицами во всем мире. Экономика становится все более глобальной, однако социальные и политические институты в основном остаются национальными или региональными»⁶.

Обоюдная зависимость приобретает все более многосторонний, структурообразующий характер, что заставляет государства соответственно выстраивать свои отношения с внешним миром. Становится все более очевидной тенденция в международных отношениях, когда государства стремятся избежать односторонней зависимости, в том числе и в наиболее чувствительной сфере – в области обеспечения национальной безопасности. Можно ли на основании этого нового, исторически сформировавшегося мирового фона, говорить об отмирании независимости национального государства? Такого рода вывод был бы поспешным и неверным, задающим неправильные ориентиры в международных отношениях. Наличие независимости у национального государства явля-

ется необходимым объективным условием развития мирового сообщества, его существенным элементом. В этой новой ситуации мы имеем дело скорее с зависимой независимостью субъектов международных отношений. Государство сохраняет статус активного участника, формирующего мир на основе взаимозависимости. Уровень, степень участия разные, но эта разность имеет свои причины.

Ни глобализация, ни другие факторы не отменяют и такой признак государства, его суверенитета, как территория: пространство осуществления верховной власти государства. И даже в условиях интеграции, когда государство передает часть своих компетенций, своих функций общим органам управления интеграционной организации, территория не передается в их распоряжение. Неделимость и единство территории остается незыблемым принципом государственного суверенитета, если только государства добровольно не уступают друг другу право пользоваться частью этой территории на определенных условиях, что фиксируется, как правило, в соответствующих соглашениях и договорах, то есть оформляется на принципах международного права.

Весьма существенным фактором, влияющим на суверенитет, может выступать военно-политическая зависимость, особенно в сфере безопасности. Иллюстрацией подобного рода зависимости является зависимость стран Западной, Восточной, Юго-Восточной Европы, Японии, Австралии, Южной Кореи и ряда других стран от США.

Наиболее обширно и глубоко зависимость проявляется в экономической сфере. Выше уже говорилось, что глобализация имеет экономическую природу, которая видоизменяет другие области общественной деятельности. Мировая экономика, которая ранее представляла совокупность национальных хозяйств, относительно взаимосвязанных между собою через торговлю, формируется и функционирует в последние десятилетия на основе взаимопроникновения капиталов, технологий. Разделение труда приобретает глобальный характер. Каждая страна стремится использовать в конкурентной борьбе те преимущества, которыми их наделила природа или которые она развила в ходе своего исторического развития. Поэтому мировая экономика сегодня – это не только национальные хозяйства отдельных стран, но и развивающийся глобальный рынок. Степень участия в нем отдельных государств рассматривается как доступность, открытость национальной экономики международной экономике. Эта степень участия может определяться различными факторами (соотношение доли экспорта и общего объема промышленного производства, общее соотноше-

ние между экспортом и импортом, удельный вес иностранных инвестиций в общем объеме капиталовложений и другие показатели).

На этой платформе формируется взаимная зависимость на двустороннем, региональном, глобальном уровнях. При этом если ранее структурные составляющие экономических отношений выступали в тесной связке друг с другом, то в условиях глобализации они отпочковываются друг от друга и функционируют по собственным принципам, нередко довлея и направляя развитие производства. Типичной иллюстрацией выступают финансы, которые раньше обслуживали экономику, а теперь правят ею. Финансы, их банковская структура подчиняют себе и политические структуры отдельных государств. Кризис, начавшийся в 2008 г., имеет финансовую природу, поразившую весь экономический организм как отдельных стран, так и мировой экономики в целом. Финансовая сфера оказалась вне контроля, особенно на глобальном уровне, да нередко и на национальном. Поэтому поиск рецептов по выходу из кризиса сосредоточен прежде всего на банковско-финансовом секторе мировой экономики.

Глобализирующиеся международные экономические отношения постепенно меняли распределение ролей и функций экономических агентов на мировом рынке. Среди них на первый план выдвигались транснациональные корпорации, банки, финансовые компании. Роль государства, как представлялось, уходила в тень. Сами государства чувствовали себя неполноценными по сравнению с указанными игроками на экономическом пространстве, особенно за пределами национальных границ. В этих условиях суперглобалистами, а по сути теоретиками-экстремистами, были предприняты гигантские усилия по ниспровержению государства в качестве субъекта международных экономических отношений, и не только экономических, но и международных в целом.

Разумеется, глобализация планетарных экономических отношений выдвигает на повестку дня проблему нового соотношения между государством и экономическими агентами, действующими на мировом рынке. Транснациональные агенты имеют, как правило, определенное национальное происхождение. В 1998 г. насчитывалось 53 000 корпораций, из них более 36 000 в развитых странах⁷. На их долю приходится порядка 20% мирового промышленного производства и до 70% (оценка) торговли. Не все они действуют на глобальных рынках, есть те, что имеют региональный характер. Из этого следует, что регулирование деятельности этих корпораций можно и нужно осуществлять на всех уровнях. Нынешний финансово-экономический кризис открыл, наверное, многим теоретикам тот факт, что и в сфере экономических отношений

национальное государство остается основным субъектом этих отношений. Более того – требования к этому субъекту резко возрастают в условиях глобализации. Национальное государство несет ответственность перед населением своей страны за все, что происходит на его суверенной территории. Но поскольку национальное развитие во многом зависит от состояния окружающей экономической среды, то национальное государство не может игнорировать это состояние. Оно обязано – совместно с другими национальными государствами, другими участниками экономической жизни – осуществлять надзорные, регулирующие и другие функции. В контексте нынешнего финансово-экономического кризиса это представляется совершенно очевидно. Начинается новая фаза перестройки отношений между государством и рынком. Потрясения глобализации последним мировым кризисом ужесточают условия, определяющие поведение государств в экономической сфере во всех ее измерениях. Поэтому степень ответственности суверенного государства на международном уровне даже выше, чем на внутреннем уровне. Экономические явления в мире оказывают влияние не только на экономику страны, но и на обеспечение национальной безопасности, социальную и политическую стабильность.

Авторы работы «Глобальные трансформации» отмечают: «Сегодня глобализация сталкивается с абсолютно новой политической и нормативной проблемой, которая не имеет никаких реальных эквивалентов в предыдущие эпохи, а именно – как соединить систему демократического управления, укоренившегося на той или иной территории с межнациональной и глобальной организацией социальной и экономической жизни»⁸. Эта мысль требует корректировки: не безличная глобализация, а национальные государства столкнулись с этой вполне реальной проблемой. Бесконтрольная глобализация открыла путь к различного рода мошенничеству на глобальном уровне, обращенному против интересов отдельных государств. Достаточно напомнить о финансовых махинациях Сороса, спекулятивном капитале, объемы которого составляют уже триллионы долларов. Такие явления вынуждают государства вырабатывать защитные меры. Глобализация не должна быть направлена против государства, она должна служить его укреплению и способности регулировать глобальные процессы.

Между глобализацией и национально организованной общественной жизнью существует противоречие. Оно имеет объективный характер. Любое противоречие, в том числе и указанное, является источником движения, развития. Это противоречие между интересами участников глобальных рынков и национальными интересами государств. Они могут иметь и конфликтный характер. Неред-

ко ставится вопрос об адаптации, приспособлении национальных интересов к более глобальным интересам других участников международных отношений. Это неверная постановка вопроса: международная сфера должна также содействовать реализации национальных интересов государств, создавать условия для активного участия государств в регулировании глобальных процессов в различных формах. В рамках такого взаимодействия формируются возможности для снятия указанного противоречия.

Суверенитет – категория историческая, его содержание не может не меняться в результате развития самого общества, его внутренних преобразований и трансформации внешних условий, влияющих на деятельность государства, проявления суверенитета во внутренних и внешних делах. Эволюция международных отношений в сочетании с глобализацией приводит к тому, что суверенитет лишается абсолютного характера. Сегодня вряд ли кто осмелится утверждать, что «государство – это я». Ограничителями суверенитета выступают такие факторы, как взаимозависимость; усложнение структуры системы международных отношений, в частности, развитие в ней сети международных организаций, которые наделяются государствами соответствующими полномочиями; международное право, то есть система норм и правил, регулирующих поведение государств в международной сфере. Международное право суверенитет государств не отрицает, но выступает в роли регулятора международных отношений. Но государство функционирует на основе национального права. Вместе с тем «внутригосударственное право должно соответствовать международному, и в этом заключается смысл идеи примата международного права над государственным. С этой точки зрения, говорить о полной неограниченности государственной власти будет неправильно»⁹. В отличие от прошлого суверенитет находится в определенных отношениях с основополагающими, общепризнанными нормами международного и конституционного права¹⁰.

Среди отечественных правоведов нет единой точки зрения относительно абсолютного характера суверенитета государства. Некоторые считают такое понимание устаревшим, не соответствующим современным реалиям. Другие полагают, что «в настоящее время суверенитет как качественная категория носит абсолютный характер. Государственный суверенитет не имеет границ, он неделим, представляя собой единую волю народа – он либо есть, либо его нет. Наличие суверенитета служит признаком, отличающим государство от субъектов международного права»¹¹. И все же в последнем утверждении есть некоторая недоговоренность. Если речь идет о наличии суверенитета у государства, то это необходимый,

абсолютный признак государства, да и собственно всей системы международных отношений, и прежде, и сегодня, и в перспективе. Но если речь идет об абсолютном характере его проявлений, то здесь все же действуют ограничители объективного свойства. Они перечислены выше. И действуют они относительно всех государств – членов мирового сообщества. Это следствие взаимной зависимости: фактор взаимной обусловленности. И даже США, не считающиеся с приматом международного права, вынуждены возвращаться к признанию важности принципов международного права, их соблюдения.

Еще раз повторим: речь идет не об ограничении суверенитета государства, а об исчезновении в ходе исторического развития, под воздействием различных факторов абсолютного характера суверенитета национальных государств. В результате развития общества и системы международных отношений «традиционный институт государства претерпевает изменения»¹². Это верно. Но суверенитет остается неизблемым качеством государства, даже в условиях интеграции. И в этой связи представляется не совсем точным употребление термина «надгосударственность». Надгосударственность означает лишение государства его полномочий в интеграционном объединении. Но это не так. Если присмотреться к опыту Евросоюза, то там «надгосударственность» означает, скорее всего, наделение своих общих органов управления определенными, строго зафиксированными полномочиями. Эти полномочия предусматривают управление интеграционными процессами на совместной основе. То есть это форма совместного суверенитета, но никак не отказ от него в пользу того или иного «наднационального» органа. К тому же передача полномочий на правительственном уровне сопровождается усилением контрольных и других функций со стороны законодательных органов власти государств – участников интеграционных процессов. Тем самым суверенитет осуществляется на различных – национальном, международном, интеграционном уровнях, но в разных формах. И в этом смысле суверенитет остается неделимым (если наднациональность, то делимый). Таким образом, сущность суверенитета национального государства не может быть разложена «по полочкам», она едина, независимо от того, на каком уровне проявляется. Но формы этого проявления могут быть разными.

В контексте рассматриваемой темы необходима ясность в использовании таких категорий международных отношений, как «субъект» и «участник». Под «крышей» глобализации усилилась тенденция к расширительному толкованию этих понятий, стирая грани между ними с последствиями для интерпретации

международных отношений. Так, состав их субъектов пополняется за счет неправительственных организаций, транснациональных корпораций и физических лиц.

Отношения между обществом и государством всегда были простыми. Изменения в обществе сопровождаются постепенным вырыванием в нем новых структур и организаций. Само общество становится все более сложным организмом, в котором помимо административно-властных структур формируется то, что принято называть «гражданским обществом», отдельные структуры или организации которого становятся участниками международного общения. В связи с этим возникает необходимость оформления отношений между официальными органами государства и структурами гражданского общества, в том числе и относительно международной деятельности. Существует течение политологов и юристов, которое наделяет их правоспособностью. Однако ни неправительственные организации, ни транснациональные корпорации не могут обладать правосубъектностью, в том числе и в международной сфере.

Сегодня количество неправительственных организаций намного превышает количество государств, образующих международное сообщество, объединенное в ООН. Это только подчеркивает необходимость решения проблемы регулирования международных отношений: количество их участников уже весьма значительно и имеет тенденцию к увеличению. В усложняющейся конфигурации международных отношений государство остается единственным их субъектом, также как и субъектом правотворчества.

В мае 2000 г. Международный валютный фонд опубликовал «Обзор мировой экономики», в котором констатировал, что в XX столетии значительно усилилась роль государства и в индустриальных, и в развивающихся странах. Государство взяло на себя решение совершенно новых задач, прежде всего в социальной и образовательной сферах. В начале этого столетия доля государства в экономическом секторе составляла около 30% ВВП. Совершенно очевидно, что в условиях сегодняшнего финансово-экономического кризиса эта доля увеличится, причем немало. Возрастает роль государства как гаранта сохранения банковской, страховой систем, социально-экономической стабильности, выработки мер по преодолению кризиса, его последствий как в национальных рамках, так и на международном уровне. Таково фактическое состояние, которое резко расходится с неолиберальными теориями об отмирании государства, его суверенитета. Согласно им, следствием глобализации должна быть десоверенизация, сопровождаемая демократизацией внутривластных процессов¹³. Сфера между-

народных отношений открывает для бесконтрольных действий внесударственных акторов. Глобализация «без берегов», как свободная игра участников международных отношений на мировой и национальной сценах, противоречит национальным интересам государств. Авторы «Глобальных трансформаций», сопоставив различные взгляды, а их с реальными процессами в различных сферах, пришли к мнению, что «для современной глобализации характерны значимость ее политического регулирования, институционализация этого регулирования на всех уровнях»¹⁴. Они выражают серьезные сомнения в том, что в этих условиях национальные государства уходят в тень.

Завершить эти размышления хочется следующим. Современная трансформация международных отношений, переплетающаяся с глобализацией, вызывает необходимость всестороннего исследования роли государства, проявлений его суверенитета. Конструктивный диалог должен строиться на признании того факта, что государство остается ведущим, основополагающим структурным элементом системы международных отношений. Речь не идет об апологетике государства. Но необходимо преодолеть тот негативизм к нему, который утверждается некоторыми течениями либеральной и неолиберальной теорий. Конечно, нужно быть реалистами и понимать, что соотношение юридического и фактического состояния суверенитета зависит от экономической составляющей степени, экономической независимости государства¹⁵. Поле исследований остается здесь обширным, многоплановым. Перспективы нового мироустройства не могут быть увязаны с преобразованиями функций и задач государства, его суверенитета.

Примечания

- ¹ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации. М., 2004. С. 3–12.
- ² Там же. С. 3. Современные проблемы международных отношений. Учение записки / Дипакадемия МИД РФ. М., 2008. С. 72–83.
- ³ Зорькин В. Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. 2004. № 3. С. 18. (краткий вариант статьи опубликован в Российской газете от 22.09.2006).
- ⁴ Там же. С. 23.
- ⁵ Примаков Е. Россия: долговечно ли сближение с США // Международная жизнь. 2002. № 2. С. 112.
- ⁶ Моисеев А.А. Суверенитет государства в современном мире. М.: Научная книга, 2006. С. 69.

Л.Н. Клепацкий

- 7 *Хелд Д. и др.* Указ соч. С. 288.
- 8 Там же. С. 150.
- 9 *Моисеев А.А.* Указ. соч. С. 24–25.
- 10 *Кокошин А.* Реальный суверенитет. М.: Европа, 2006. С. 43.
- 11 *Моисеев А.А.* Указ. соч. С. 37–38.
- 12 Там же. С. 55.
- 13 *Кокошин А.* Указ. соч. С. 20.
- 14 *Хелд Д. и др.* Указ соч. С. 518.
- 15 *Сеидов А.В.* Международное право в эпоху глобализации. Эволюция концепции государственного суверенитета. М.: Научная книга, 2005. С. 6.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ПРОБЛЕМЫ КОНВЕРГЕНЦИИ, РАСШИРЕНИЯ И СОСЕДСТВА*

Мировой экономический кризис застал Европейский союз в достаточно сложной ситуации: без определенности по вопросу о политическом единстве, с так и не ратифицированным Лиссабонским договором, с отсутствием единства по косовскому вопросу, что в очередной раз поставило под сомнение способность ЕС к единой внешней политике и политике безопасности. С капризным окружением, блокирующим поставки газа в Евросоюз посреди зимы, с нарастающими трудностями экономического порядка, то и дело наводящими на мысль о том, что спастись придется в одиночку, забыв о многих ранее данных обязательствах. И, конечно же, со все более трудно скрываемым недовольством результатами расширения на восток и раздражением от неубывающего напора новых претендентов.

Наиболее тяжелый удар экономический кризис нанес по экономикам Венгрии и Латвии, что потребовало выделения этим странам дополнительной помощи. Большинству же новых членов ЕС помощь была либо заморожена, либо, как в случае с Болгарией, и вовсе отозвана. Ведущие страны ЕС в первую очередь озаботились спасением собственных экономик. Были передвинуты сроки приема новых членов и ужесточены сами критерии и подходы.

Новая экономическая ситуация позволяет реально взглянуть на расхождение интересов между членами ЕС, и не исключено, что и стать катализатором возникновения новой модели отношений в этой структуре и в ее отношениях с внешним миром.

Ключевые слова: Европейский союз, Восточная Европа, расширение, конвергенция, адаптация, политика соседства

© Шишелина Л.Н., 2009.

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 08-03-00301а «Системные трансформации в Восточной Европе и России...».

Мировой экономический кризис застал Европейский союз в достаточно сложной ситуации: без определенности по вопросу о политическом единстве, с так и не ратифицированным Лиссабонским договором, посягнувшим было на замену конституции. С отсутствием единства по косовскому вопросу, что в очередной раз поставило под сомнение способность ЕС к единой внешней политике и политике безопасности. С безответственными соседями, блокирующими поставки газа в Евросоюз посреди зимы, с нарастающими трудностями экономического порядка, то и дело наводящие на мысль о том, что спастись придется в одиночку, позабыв о многих ранее данных обязательствах. И с нарастающим пониманием того, что все же «расширению» Европейского союза на восток должно было предшествовать его «углубление».

Собственно, поведение западных государств в условиях угрозы их национальным экономикам еще в 2005 г. предсказал аналитик Дойче банка Норберт Вальтер¹. Правда, в то время он увязал эти действия с провалом европейской конституции на референдумах в Голландии и Франции. Он предсказал, в частности, что кризис политического единства в ЕС отразится в замедлении темпов конвергенции восточноевропейских стран, и, в первую очередь призвал обратить внимание на такой показатель, как введение общей европейской валюты. Немецкий аналитик допустил, что вследствие затяжного кризиса углубления ЕС страны Восточной Европы и Прибалтики (или некоторые из них) могут так никогда и не войти в зону евро. Уже в 2005 г. западные инвесторы начали изымать свои вложения из наиболее слабых экономик региона, а в условиях мирового экономического кризиса ЕС и вовсе отказался от многих крупных проектов по поддержанию экономик Восточной Европы и Прибалтики, в том числе, отказал и в просьбе восточноевропейских государств ускорить их прием в зону евро.

Неадекватность решения ЕС по восточному расширению проявилась уже хотя бы в том, что никогда еще перед ЕС не стояла столь сложная задача, как в 2004 г.: принять разом 10 новых государств, да еще столь отличающихся экономически, политически, культурологически.

Сегодня становится очевидно, что за почти 5 лет адаптации Европейский союз изрядно исчерпал свой потенциал и, не исключено, рассматривает нынешний кризис как удачный повод для внутренней реструктуризации, пересмотра конвергенционных критериев, параметров адаптации и расширения.

Попробуем обосновать наши выводы.

Пять лет членства восточноевропейских стран в Евросоюзе свидетельствуют о разбросе оценок эффективности их пребывания в этой структуре от существенного разочарования то есть до осторожного оптимизма.

В 2005 г., то есть год спустя после восточного расширения, в списке стран, негативно оценивающих членство в ЕС, первые места заняли Финляндия, Великобритания, Австрия, Венгрия и Латвия². Если прирожденный антиконтинентализм Великобритании можно считать скорее закономерным явлением, то позиция относительных новичков – Финляндии и Австрии, и совсем уж новичков – Венгрии и Латвии можно назвать сюрпризом. По итогам 2006 г. оптимизм по поводу своего будущего в ЕС наблюдался уже у только-только вступивших Румынии и Болгарии, да у балканских стран, все еще ожидающих своей очереди на прием в Евросоюз. Сегодня мы видим, что Латвия и Венгрия в условиях разразившегося кризиса пострадали более других членов Евросоюза, оказавшись практически на грани банкротства, страны-кандидаты стали осторожнее в прогнозах по поводу вступления, а программы соседства и иных ступеней взаимодействия с ЕС и вовсе погрузились в полную неопределенность.

На начальном этапе реформирования все страны имели одни цели – демократизацию и рыночные реформы в экономике. В руководстве этими процессами со стороны ЕС они видели определенные гарантии необратимости демократических процессов. Однако уже спустя десять лет после начала реформ различия и внутри региона, и между Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европой в целом стали гораздо больше, нежели они были в конце «советской эры». Структурные различия возникли в том числе, как считает известный венгерский ученый А. Инотай, и по причине ускоренного приспособления к нормам ЕС³. Естественно, что если ЕС предлагал реформы, слабо ориентируясь в особенностях местных экономик, то такие реформы вряд ли могли принести много пользы, притом что местные правительства в большинстве случаев слепо следовали рекомендациям.

Уже после проведения в восточноевропейских странах референдумов о присоединении к ЕС венгерский социолог профессор Йожеф Бёрёц⁴ предсказал, что результаты референдумов, ставшие свидетельством «несчастливого», «лишенного надежд и ожиданий» присоединения к ЕС, могут в будущем сказаться в самом непредвиденном, непредсказуемом и небезупречном поведении представителей этих стран при принятии тех или иных решений органами управления Евросоюза⁵. «Не исключается рост критических настроений, дистанцирования и обструкции со стороны

новых членов», – заметил Бёрёц⁶. Собственно всё это мы и наблюдаем сегодня.

Одновременно стало очевидным и то, что конвергенция в общий европейский рынок происходит исключительно с учетом интересов «старых членов», а не «новичков». Реально происходит процесс «асимметричной конвергенции» или, попросту говоря, поглощения восточноевропейских экономик. Об этом свидетельствует, в частности, сокращение ряда производств, традиционных для Восточной Европы и являющихся предметом спора в ЕС.

Так, по итогам трех лет на фоне общего роста доходов от сельского хозяйства, которые в Польше и Чехии возросли почти вдвое, в Венгрии, в 1,7 раза, а в Словакии – на четверть⁷, уменьшились конкретные показатели производства по отраслям. Это отразилось в существенном повышении цен на продукты питания. Во всех странах Вишеградской группы снизилось поголовье крупного рогатого скота, хотя в ценовых показателях по реализации мяса эти показатели возросли. В Венгрии уменьшились площади виноградников⁸. В количественных же показателях производство винограда существенно сократилось по всей Восточной Европе. Уже по сравнению с 2004 г. существенно снизилось производство зерна и других зерновых культур. Это несмотря на то, что ряду стран этот вид сельскохозяйственного производства был назначен Евросоюзом в качестве специализации. Во всех странах кроме Польши наметилось сокращение численности сельских хозяйств⁹.

Статистика ЕС не приводит данных о процентном соотношении мультинациональных предприятий-гигантов в странах Восточной Европы и Прибалтики, но номенклатура производства свидетельствует о том, что они становятся базовым сегментом производственной сферы стран Восточной Европы и Прибалтики, почти полностью вытеснив национальный сектор. И в этом, пожалуй, главная причина того, что основной удар нынешнего экономического кризиса пришелся как раз на восточноевропейский регион.

Оправдываются и неутешительные для этих стран прогнозы по поводу вступления в зону евро. Практически все страны кроме Словакии¹⁰ вынуждены были отсрочить дату вступления в еврозону. Чехия, например, по словам директора Чешского национального банка Зденека Тумы, – до 2019 г., что на 9 лет позже изначально запланированной даты.

В январе 2008 г. по результатам рассмотрения Европейской комиссией представленных странами – членами ЕС Программ стабилизации и конвергенции комиссия выразила обеспокоенность по поводу долгосрочной перспективы состояния дел в области государственных финансов в Венгрии¹¹.

Что касается Румынии, то Комиссия сочла нереальными представленные румынской стороной цифры бюджетного дефицита в 29% в 2008 г. и 2,4% в 2011¹². Румынии было предложено ввести меры по обузданию инфляции и другие жесткие меры для снижения негативных тенденций в бюджетной сфере.

Литва, еще в начале 2008 г. демонстрировавшая в целом настолько неплохие результаты, что могла рассматриваться как третья страна восточного расширения, претендующая на вступление в зону евро, за год утратила все свои преимущества и оказалась на грани банкротства.

Первые годы ЕС выделял значительные средства на региональные программы, совершенствование транспортных и банковских инфраструктур восточноевропейских стран, модернизацию ряда отраслей национального производства¹³. Если руководствоваться докризисными планами Евросоюза, то Польша на период 2007–2014 гг. должна была стать крупнейшим получателем инвестиций ЕС. Их размер должен был превысить 67 млрд евро из общей суммы в 347 млрд евро, выделенной на этот период всеми фондами ЕС на все страны. Таким образом, Польша должна была стать получателем практически пятой части всех инвестиций ЕС. Столь оптимистичная инвестиционная перспектива была поддержана на политическом уровне президентом Франции Н. Саркози, который во время своего официального визита в Варшаву 28 мая 2008 г. подписал Соглашение о стратегическом партнерстве с Польшей, выделив, таким образом, Варшаву как одного из своих главных партнеров на европейской арене.

Однако конец 2008 г. оказался сложным для всего Европейского Союза. Наиболее сложной оказалась экономическая ситуация в Венгрии и Латвии. В октябре венгерская национальная валюта обесценилась на 10%. Это еще больше усугубило экономическую ситуацию, несмотря на то, что в 2008 г. удалось на 3,6% снизить бюджетный дефицит (по сравнению с 9,2% в 2006 г.). В этих условиях Евросоюз выделил Венгрии кредит в размере 6,5 млрд евро. Латвии было обещано чуть менее половины этой суммы. Причем в случае Венгрии к сумме выделенной ЕС 12,5 млрд добавил МВФ и 1 млрд Мировой банк. Латвии была выделена помощь в размере 3,1 млрд евро. Вместе с кредитами, предоставленными МВФ (1,87 млрд), Скандинавскими странами (1,8 млрд) Мировым банком (0,4 млрд) и другими, его сумма выросла до 7,5 млрд евро. Кроме того, ранее Латвия получила кредит ЕС в 500 млн евро на инвестиции в социальную сферу и улучшение экономической инфраструктуры. 41% этих средств был предназначен малым и средним предприятиям. Еврокомиссия поддер-

жала усилия латвийского правительства по поддержке крупнейшего банка Латвии – Parex Banka. Здесь надо отметить, что именно практика поддержки правительствами крупных банков вызвала наибольшее недовольство населения Евросоюза. И это решение правительства стало одной из причин волны протестов, прокатившихся в январе по Латвии.

Вместе с тем кризис проявился в отказе ЕС от ранее обещанной поддержки ряда проектов в Болгарии. В ноябре было объявлено об отзыве ранее принятого решения о помощи в размере 220 млн евро в рамках программы PHARE. Это было мотивировано некорректным использованием средств. Надо отметить, что уже в июле ЕС отозвал помощь в рамках той же программы в размере 560 млн евро. Кроме того, по решению Еврокомиссии были лишены лицензий два болгарских агентства по распределению помощи ЕС.

Уже к концу 2008 г. спад промышленного производства в Литве, Болгарии и Словакии составил соответственно 4,5%, 4,2% и 3,9%. Если годовые показатели Польши оказались стабильными, то в Латвии год завершился спадом в 11%. Опубликованные в ноябре данные по годовой инфляции вывели в рекордсмены Латвию с 11,6%, в Литве инфляция составила 9,2%, и в Болгарии – 8,8%.

По опубликованным в ноябре статданным, наибольший дефицит бюджета обнаружился в Венгрии и Румынии. Венгрия также вошла в число государств с наибольшей задолженностью по внутреннему долгу, достигшей 65% ВВП, и заняла 4-е место по этому показателю в Евросоюзе после Италии, Греции и Бельгии.

Получается, что только две страны Восточной Европы смогут встретить пятилетие своего членства в Европейском союзе в праздничной атмосфере в основном сбывшихся ожиданий. Это успешные вступить в зону евро Словения и Словакия. И пусть эти страны пришли к своему нынешнему относительному благополучию разными путями, сегодня они единственные могут не сокрушаться хотя бы по поводу обесценения своих национальных валют по отношению к евро. Впрочем словаки, например, после введения евро предпочитают делать закупки у своих венгерских соседей: так получается дешевле. Граждане остальных стран Восточной Европы и Прибалтики с нарастающей тревогой следят за сообщениями о продолжающемся обесценении своих валют. А все вместе, жители Восточной Европы наблюдают за закрытием филиалов производств и филиалов банков. Из беды им, видимо, придется выбираться самостоятельно, возрождая разрушенные в процессе адаптации отрасли национального хозяйства. А как иначе, если Западная Европа бросилась спасать свою собственную экономику, отвергнув тщетные призывы попытавшейся объединиться Восточ-

ной Европы помочь выбраться из кризиса, хотя бы путем ускоренного включения в зону евро. Что это, как не новая, «виртуальная» Берлинская стена?

За пять лет действительно удалось подправить региональную инфраструктуру, но этого срока оказалось слишком мало для того, чтобы реально выйти на путь приближения к социально-экономическому уровню Западной Европы. Восточноевропейским странам до сих пор приходится совмещать внутренние политические и экономические реформы с процессом конвергенции. И не всегда рекомендации ЕС сочетаются с национальными особенностями региона. Реальные результаты объединения выразились пока лишь в том, что уже две страны из вступивших в ЕС в 2004 г. побывали во главе Совета Европейского союза. В январе 2008 г. впервые в истории Европейского союза пост председательствующего в Совете ЕС перешел к бывшей социалистической стране – Словении. С января 2009 г. на пост председателя заступила Чехия.

Однако Словения приняла бразды правления в Евросоюзе в весьма непростое для этой организации время, связанное с началом процесса ратификации Лиссабонского договора, заместившего собой проваленную конституцию Евросоюза. Если Венгрия, Словения и Мальта ратифицировали документ первыми, то в Польше и Чехии этот вопрос не нашел своего решения и к началу 2009 г., когда председательство после французского напора отошло к Чехии, так и не сумевшей разрешить противоречия между национальной конституцией и договором. Известный своим евроскептицизмом чешский президент Вацлав Клаус еще перед ирландским референдумом заявил о том, что Лиссабонский договор – это путь в ошибочном направлении. А польский президент Л. Качиньский уже после ирландского референдума отказался поставить свою подпись под ратифицированным парламентом документом, объявив, что теперь этот документ не имеет никакого значения.

Наиболее значимым событием 2008 г. стало снятие 30 марта всеми странами, вступившими в ЕС в 2004 г., последних ограничений по вхождению в Шенгенскую зону. Это касалось ликвидации специального контроля для граждан ЕС в аэропортах этих государств.

А под самый занавес председательства Словении наконец удалось запустить механизм разработки нового базового соглашения с Россией. Это было достигнуто после снятия претензий двух новых членов ЕС – Польши и Литвы, похоже, решивших опробовать действенность права вето. Если вопрос о поставках польской курятины на российский рынок решался преимущественно в режиме двусторонних переговоров, то с Литвой, предъявившей России

претензии скорее политического плана, пришлось договариваться всей европейской тройке с подключением Польши и Швеции.

Весной 2008 г. ЕС еще раз продемонстрировал некоторый прогресс в переговорах *со странами – кандидатами* на вступление в эту организацию. В первую очередь, это страны балканского полуострова. Сербия и ЕС весной пытались убедить друг друга в неизменности своих противоположных позиций по Косово. Одновременно президент Борис Тадич всячески подчеркивал первоочередность связей с ЕС и подтвердил намерение вступить в эту организацию к 2012–2014 гг. Представители Голландии и Бельгии в свою очередь неоднократно высказывали свою принципиальную позицию по поводу увязки прогресса на переговорах по вступлению Сербии в ЕС с готовностью официального Белграда сотрудничать с Гаагским трибуналом. 29 апреля Сербия и ЕС подписали Соглашение о стабилизации и ассоциации. Подписание соглашения до намеченных на 11 мая парламентских выборов было принципиально важно для сторонников Б. Тадича.

Оценивая в целом перспективы балканских государств, главы государств и правительств ЕС отметили в принятой в Брюсселе 20 июня 2008 г. совместной декларации, что условием вступления таких стран, как Сербия, Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Черногория и Косово, будет исключительно их «солидный прогресс на пути экономических и политических реформ». Всем Балканским странам были выдвинуты схожие требования Еврокомиссии по преодолению преступности и коррупции. Претензии к Боснии и Герцеговине расширились призывом к этнической консолидации. Черногория подала заявление на вступление 15 декабря 2008 г. в надежде на прием в члены ЕС в 2012 г. Македонии, помимо разрешения спора с Грецией по поводу своего названия, предстоит выполнить еще 9 требований ЕС. Сербии, по мнению датчан и голландцев, следует и дальше продолжить сотрудничество с Гаагским трибуналом. Но и наиболее близко подошедшей к моменту приема в члены Хорватии в 2009 г. предстоит урегулировать территориальные разногласия со Словенией. В 2008 г. Комиссия ЕС заявила о подготовке дорожной карты для намеченного на 2009 г. завершающего технического этапа по вступлению в ЕС Хорватии. Предполагается, что Хорватия станет 28-м членом этой организации в 2010–2011 гг.

Новые предложения были сформулированы и в области *Европейской политики соседства*. Президентом Словении было, в частности, заявлено о необходимости прояснения европейской

перспективы для таких стран, как Украина и Молдавия. В апреле 2008 г. комиссар по внешней политике Б. Ферреро-Вальднер заявила о значительном прогрессе, достигнутом Украиной со времени начала переговоров «об усиленном партнерстве». Одновременно были приняты меры по облегчению визового режима между ЕС, Украиной и Молдавией. Подчеркнута неизменная солидарность и активное участие Армении, Азербайджана, Грузии, Украины и Молдавии в Общей внешней политике и политике безопасности ЕС. В то же время как никогда ясно проявилась озабоченность ЕС перспективой взаимоотношений этих стран с ЕС.

В недрах Европейской народной партии родилось предложение об ужесточении критериев способности новых стран к интеграции, то есть пресловутых четырех «копенгагенских критериев». Представитель Германии Элмар Брок призвал оставить на время планы приема новых членов и перейти к консолидации в рамках ЕС. Европа разных скоростей, по мнению евродепутата, придет лишь к неуправляемости внутри ЕС, ослаблению его институтов и международного влияния. Во избежание подобного сценария Э. Брок предложил разработать для стран из числа бывших республик СССР, имеющих ныне статус объектов Европейской политики соседства, политику, подобную средиземноморской программе ЕС. Таким образом, на ближайшие 20 лет фракцией предлагается создание Восточноевропейского союза с участием Украины, Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджана в качестве «третьего пути», среднего между членством и соседством.

Это предложение было далее развито министрами иностранных дел Польши и Швеции, Радославом Сикорским и Карлом Бильдтом, которые 22 мая объявили о подготовке объединения пяти бывших республик СССР под названием «Восточное партнерство». По мнению инициаторов, при улучшении политической ситуации к ВП могла бы присоединиться Белоруссия, а в перспективе – и Калининградская область РФ.

В итоге Европейский совет призвал Комиссию к весне 2009 г. разработать предложения по «Восточному партнерству», увязав его с планами Черноморского союза и Северного измерения¹⁴.

В целом, политика расширения, очевидно с учетом опыта предыдущих этапов продвижения на восток, претерпела изменения в сторону ужесточения копенгагенских критериев соответствия стран-кандидатов и абсорбционных возможностей ЕС. Выступая в июле 2008 г. с докладом в Европарламенте, Эльмар Брок предложил принять еще 4 критерия соответствия стран-кандидатов. Во-первых, страны-кандидаты должны способствовать, а не препятствовать достижению Европейским союзом поставленных им

политических целей. Во-вторых, институциональная структура ЕС должна соответствовать целям эффективного руководства. В-третьих, ЕС должен располагать финансовыми ресурсами, адекватными требованиям адаптационной политики в социальной и экономической сферах, а также воплощению общей стратегии сообщества. В-четвертых, должна быть разработана коммуникационная политика, позволяющая более полно информировать общественность о процессе приема новых членов.

Новые поправки уже коснулись процесса приема Хорватии и других стран Балканского полуострова. Что касается Турции, то на пути вступления этой страны в ЕС серьезные препятствия выставила Франция. Национальная Ассамблея внесла законодательную поправку, в соответствии с которой, после приема Хорватии, позиция Франции по поводу приема новых членов будет определяться на общенациональном референдуме либо при голосовании в Парламенте страны. С учетом того, что такая процедура предусмотрена лишь в случае приема стран, население которых превышает 5% населения ЕС, то указание на Турцию становится более чем очевидным.

При обсуждении доклада Эльмара Брока о стратегии расширения ЕС Европарламент признал также необходимость большей диверсификации взаимоотношений между ЕС и окружающими странами, заполнения законодательных и концептуальных пробелов между политикой расширения и политикой соседства. Было акцентировано стремление ЕС к продвижению в сторону архитектуры концентрических кругов, разработки новых контрактных основ взаимоотношений со странами, остающимися вне процесса расширения. В целом, поддержав стратегию расширения ЕС, в первую очередь за счет стран Балканского полуострова, депутаты признали необходимость достижения баланса между политикой расширения и политикой соседства.

Было принято решение четко обозначить для очередников европейскую перспективу, но одновременно ужесточить подход к исполнению критериев ЕС, которые по-прежнему формулировались зафиксированным в декабре 2006 года принципом трех «К»: консолидацией обязательств, честной и жесткой кондициональностью, лучшей коммуникативностью.

Как видно, кризис заставил Евросоюз по-новому взглянуть на сочетание процессов расширения и углубления, убедил в разумности сконцентрироваться на последнем, поскольку от того, удастся ли сохранить сильным и сплоченным ядро ЕС, будет зависеть будущее Европы. Безусловно, что в процессе преодоления кризиса, Европейский союз видоизменится, иначе будут расстав-

лены приоритеты, изменится роль регионов, социальная и экономическая политика.

Сегодня, в условиях кризиса еще сложнее говорить о том, насколько завершенным будет процесс адаптации Восточной Европы и Прибалтики в Европейском Союзе. Не исключено, что Восточная Европа, уже пройдя значительную часть пути по сближению с Западной Европой и реформированию своей экономики, тем не менее остановится на более приемлемом для нее варианте. Такой сценарий еще раз подтвердит исторические переходные характеристики этого региона. И именно положение, в котором сегодня оказались страны Восточной Европы и Прибалтики, позволяет говорить не только о том, что после кризиса в мире установятся совершенно новые экономические отношения, но и о том, что другим может стать и Европейский союз, отношения между его членами и его отношения с окружением.

Примечания

- 1 Gazdasági válság fenyegeti Kelet-Európát? // Magyar Nemzet online [Электронный ресурс]. URL: www.mno.hu. 2005. április 12. (дата обращения: 12.04.2005).
- 2 Magyar Nemzet online // [Электронный ресурс]. URL: www.mno.hu. 2005. december 22. (дата обращения: 22.12.2005).
- 3 Inotai András The «Eastern Enlargements» of the European Union // Cremona Marise (Ed.), The Enlargement of the European Union / Academy of European Law, European University Institute. University Press, Oxford, 2003. P. 86.
- 4 Böröcz J. East European Entrants to EU: Diffidently Yours // The Polish Foreign Affairs Digest. 2003. Vol. 3. №. 4 (9). P. 57.
- 5 Ibid.
- 6 Ibid.
- 7 Eurostat. European Commission Bulletin [Электронный ресурс]. URL: <http://err.eurostat.ec.europa.eu> (дата обращения: 01.04.2009).
- 8 После трех лет пребывания в ЕС на 3 тыс. га.
- 9 Если в Венгрии в 2000 году насчитывалось 967 хозяйств площадью 1000 га, то уже в 2005 году их осталось только 715.
- 10 Словакия стала 16-м членом Еврозоны с 1 января 2009 г.
- 11 Будапешту было предложено снижение дефицита в 2009 г. до 3,2% и в 2010 – до 2,7%. В то же время, комиссия отметила завышенную амбициозность плана, представленного на рассмотрение Комиссии ЕС и выразила сомнения в его выполнимости. Государственный долг Венгрии продолжает оставаться очень высоким – 65% от ВВП. Комиссия призвала венгерские власти продолжать реформы и усилить фискальные меры.

- 12 По мнению комиссии, этот показатель может вырасти в 2009 г. до 3,9%. Отмечается также, что государственный долг к 2011 г. может вырасти до 14,9%.
- 13 Среди прочих программ Еврокомиссия приняла решение о поддержке в 2008–2013 гг. государственной программы модернизации чешского железнодорожного транспорта и реформы его управления, она также решила оказать поддержку словацкой программе развития экологичного транспорта и польской программе по созданию инфраструктуры аэропорта под Лодзью (свыше 11 млрд евро). Кроме того, Еврокомиссия сняла претензии к Варшаве по поводу использования гранта в 350 млн евро, предоставленного Польше на реструктуризацию угледобывающей отрасли в 2008–2010 гг. Также Комиссия решила пойти на уступки в сроках деконцентрации приватизационного пакета польских судостроительных заводов. К концу 2008 г. Польша, наконец, разрешила спор с Евросоюзом по поводу легитимности государственного субсидирования Гданьского и Щецинского судостроительных предприятий, согласившись выставить их на торги к маю 2009 г. Еврокомиссия также утвердила план помощи рыболовецкой отрасли Польши в 2007–2013 гг. в размере 979 млн евро.
- Евросоюз приветствовал выдачу Гаагскому трибуналу сербскими властями Радована Караджича и обещал вознаградить Белград размораживанием промежуточного соглашения.
- 14 Социалистическая фракция в июне выступила с собственной инициативой по укреплению восточного фланга ЕПС, а именно с планом создания Черноморского союза, куда вошли бы, наряду с Украиной, Молдавией, Грузией, Болгарией и Румынией также Россия и Турция. По мнению одного из авторов данного проекта, депутата от Нидерландов М. Виерсмы, участие России и Турции серьезно укрепило бы безопасность данного региона, а также удовлетворило бы амбиции Турции на пространстве ЕС.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И СМИ: ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена рассмотрению терроризма как особого типа политической коммуникации. Эволюция террористической деятельности увязывается с развитием средств массовой информации. Автор исследует терроризм как способ борьбы за власть в поле коммуникационных взаимодействий общества. Особое внимание уделено коммуникационным стратегиям террористов в Интернете.

Ключевые слова: международный терроризм, коммуникация, СМИ, телевидение, пресса, Интернет, коммуникационная стратегия.

За терроризмом прочно закрепилось понятие «оружие слабых». Только с помощью методов подпольно-диверсионной борьбы небольшая группка экстремистов в состоянии противостоять мощи государства и его правоохранительных органов. Но возможности террористической группы не идут ни в какое сравнение с силами государства до тех пор, пока в это уравнение власти не введен дополнительный коэффициент – деятельность СМИ. С самого начала публичность была одной из основ террористической деятельности. Религиозные секты древности совершали убийства на центральных площадях и оживленных улицах. Заявленное авторство совершенного теракта автоматически повышало рейтинг организации: как в глазах соратников по борьбе, так и среди противостоящих ей правоохранительных сил. Средства массовой информации – это тот механизм, с помощью которого самое незначительное событие можно превратить в явление вселенского масштаба. И именно эту особенность СМИ террористы всегда старались использовать.

Терроризм как коммуникация

Немаловажная особенность терроризма – его коммуникативная основа. Цель терроризма – добиться каких-либо изменений в существующем строе. Для этого необходимо как минимум артикулировать свое требование в системе политических коммуникаций. Маленькая группа подпольщиков вряд ли сможет добиться каких-либо перемен без как минимум нейтрального отношения общества к своей борьбе. Для этого его надо убедить в справедливости претензий террористов. «Предназначение теракта – передать определенное послание», – как отмечает известный исследователь терроризма Б. Хоффман¹. Именно это и делает терроризм формой коммуникации. Авторитетные эксперты в области изучения коммуникационной составляющей терроризма А. Шмид и Я. де Грааф пишут: «Без коммуникации терроризма не может существовать»².

Поскольку терроризм неразрывно связан с политическим действием, можно вслед за многими учеными, к примеру, Р. Крелинстеном, утверждать: «Терроризм – это форма политической коммуникации»³.

Власти неохотно допускают радикальные высказывания в СМИ, воспроизводящих основной дискурс власти о самой себе и окружающем мире. Террорист, таким образом, – это политический актер, который средствами угрозы и применения насилия, участвует в конкретном политическом дискурсе⁴. Властям невыгодны конкурирующие радикальные дискурсы еще и потому, что в современном информационном обществе глобальные информационные потоки и новые средства передачи сообщения (Интернет) все более размывают коммуникационную власть государства.

Вместе с тем средства массовой информации напрямую или косвенно зависят от государства и, как отмечает Филипп Шлезингер, «обычно СМИ выражают точку зрения властей во время освещения терроризма, независимо от типа политической системы государства, где они находятся, а мнения, отличные от правительственных, редко получают эфирное время»⁵.

Террористы стремятся достичь определенных целей, для чего им необходимо продемонстрировать свою власть, а власть невозможна без коммуникации. Как замечает Р. Крелинстен: «Если актер не имеет необходимого доступа к каналам коммуникации, он может создать новые каналы и новые институты»⁶. Именно этим, по сути, и занимаются террористы, поскольку власти в подавляющем большинстве случаев блокируют доступ радикальных групп к средствам массовой информации.

В итоге возникает следующая проблема: террористы могут получить доступ к каналам массовой коммуникации через СМИ, но лишь настолько, насколько это им позволяют сделать структурные особенности самих СМИ. «Террористы, – развивают свою мысль Р. Крелинстен, – создают параллельные каналы информации, которые вступают в противоречие с официальными заявлениями властей»⁷. Значение «феномена параллельных историй»⁸ усиливается в том случае, если существует (часто оправданная интересами контртеррористических действий) задержка с передачей информации. Таким образом, одно из основных направлений борьбы с терроризмом перемещается в коммуникационную сферу, на уровень риторики и дискурсов.

Наиболее полно эти особенности проявляются в условиях кризиса, когда прямо сталкиваются интересы правительств и структурные факторы, оказывающие влияние на деятельность СМИ. Именно в этот момент существующий порядок может быть нарушен «успешным вторжением альтернативных дискурсов в СМИ»⁹.

Средства массовой информации являются главным проводником коммуникации. Поэтому «те, кто чувствует себя исключенным из коммуникационной структуры, стремится привлечь внимание СМИ посредством потрясающих воображение актов»¹⁰, – делает вывод Р. Крелинстен.

В общем и целом терроризм может рассматриваться как тактика, включающая использование или угрозу использования насилия с целью коммуникации. В связи с этим необходимо рассмотреть терроризм как коммуникационный процесс, а именно: выявить участников и рассмотреть модели коммуникации, задействованные ими.

Для любого коммуникационного процесса необходим адресат, а в случае с массовой коммуникацией – аудитория.

Обобщенную идеальную коммуникационную модель успешного теракта можно представить себе следующим образом: акция в наиболее чувствительной точке [отправление сообщения] → сообщение об акции в СМИ (прежде всего электронных) [трансляция сообщения] → обсуждение акции «аудиторией террора» [декодирование сообщения] → давление «аудитории террора» на власть [передача декодированного сообщения адресату] → уступки власти, легитимизация терроризма в той или иной форме [обратная связь]¹¹.

Предполагаемая «аудитория» террористов меняется в зависимости от их целей, мотивов и задач. Это может быть правительство или политическая партия той или иной страны, конкурирующая этническая или религиозная группа, целая страна и ее граждане, наконец, международное общественное мнение. Теракт может со-

вершаться либо в расчете на определенный сегмент аудитории, либо с целью воздействия на многие группы сразу¹².

Аудиторию терроризма можно типологизировать в соответствии с разными критериями. По географическому принципу – местное население и мировое сообщество. По целевой установке – правительства (конечной целью терроризма является давление на власти стран), аудиторию, на которую непосредственно направлен теракт и собственно мировое сообщество. Причем необходимо заметить, что целевая аудитория может иметь двойное измерение. В случае с этнонациональным терроризмом адресатами сообщения, передаваемого с помощью теракта, являются как этнос, от лица которого выступают террористы, так и представители враждебной этнической группы. Первые террористы хотят убедить в правоте своего дела и побудить к поддержке, а последних – запугать и вынудить пойти на уступки.

Аудиторию терроризма также продуктивно разделять на инсайдеров и аутсайдеров. Инсайдеры это участники движения или люди, активно сочувствующие и разделяющие его ценности. Аутсайдеры – это целевая аудитория и мировое сообщество.

Терроризм, как мы увидели, обладает свойствами коммуникативного процесса. Для передачи сообщения террористы используют СМИ. Особенности средств передачи сообщения неизбежно влияют на само сообщение. В этом и заключается известная формула Маршалла Маклюэна: «Средство коммуникации есть сообщение» («The medium is the message»)¹³. Следовательно, нам необходимо рассмотреть, каким образом эволюционировал терроризм с учетом развития СМИ.

Средства массовой информации прошли в своем развитии несколько ступеней, которые почти полностью совпадают с этапами в развитии терроризма.

«Революции в СМИ» и эволюция терроризма

Терроризм напрямую зависит от коммуникации, а следовательно, и от средств передачи сообщения. Возникновение новых СМИ (связанное в первую очередь с научно-техническим прогрессом) вызывало пусть и не мгновенное, но кардинальное изменение в системе коммуникаций. Вследствие глубинного изменения структуры коммуникации, вызванного подобными событиями, разумным представляется назвать их «революциями в СМИ». Сразу оговоримся, что новый этап в развитии не отменял использования коммуникационных моделей предыдущих этапов, а дополнял и временами видоизменял их.

Первая «революция в СМИ» – это появление типографского печатного станка (поначалу парового), произошедшее в первых десятилетиях XIX в. Соответствующий этап терроризма связан с деятельностью народовольцев и Боевой организации Партии социалистов-революционеров в Российской Империи, а также с действиями анархистов по всему миру. Уже тогда террористы понимали необходимость коммуникации с помощью СМИ: выпускали собственные листовки, желали благоприятного освещения своих действий в других печатных органах. Они понимали, что простая пропаганда действием неэффективна без пропаганды словом.

Вторая «революция в СМИ» произошла в конце 1960-х годов с запуском в США первого телевизионного спутника. Вместе с изобретением портативной видеокамеры и передатчиков, позволявших транслировать материал через спутник, это кардинальным образом изменило способы поиска и подачи новостей. Появилась возможность вести репортаж в прямом эфире.

Началом современного терроризма, в свою очередь, можно считать появление еврейского терроризма, направленного против колониальной власти Великобритании, препятствующей возникновению государства Израиль. Как пишет Б. Хоффман, «Иргун» [еврейская террористическая группа] попытался обратиться к мировой аудитории, вынося локальный конфликт за пределы своей страны и даже метрополии¹⁴. С этого момента важное (зачастую первое) место в деятельности современных террористических групп занимает интернационализация своей проблемы. Этого террористы пытались добиться в основном с помощью освещения своих действий в интернациональных (западных) СМИ. Еврейский терроризм и вызванный им палестинский стали образцом для большинства антиколониальных и этносепаратистских движений. С появлением на арене палестинских террористических группировок новый этап в развитии терроризма, связанный со второй «революцией в СМИ», развернулся в полной мере.

На рубеже 60–70-х годов XX в. палестинские группировки сделали ставку на проведение терактов в сферах, олицетворяющих высокие технологии (например, авиаперевозки). Датой появления на свет террористов нового поколения считается 22 июля 1968 г. В этот день три палестинских террориста из Народного фронта освобождения Палестины захватили авиалайнер израильской компании Эл Ал, следовавший по маршруту Рим–Тель-Авив¹⁵. Этот теракт получил широкую огласку.

Именно стремление к интернационализации проблемы посредством крупных актов и их освещению в СМИ привело к успеху палестинцев. Как заявляет Зеди Лабиб Терзи, в свое время главный

наблюдатель Организации освобождения Палестины в ООН, «первые несколько случаев угона [самолетов] в большей степени оказали влияние на осознание проблемы, привлекая внимание СМИ и общественности всего мира, чем 20 лет выступлений в ООН»¹⁶.

В привлечении внимания мировой общественности палестинцы добились поразительных успехов. Как отмечает А. Глюксманн, «палестинская “поэзия”, темная и мятежная, завоевала СМИ всего мира»¹⁷. Палестинцы, как ранее и израильтяне, поняли, что главное в их борьбе – это создание образа: образа себя, как борцов за справедливость; образ своей борьбы, как движения к свободе.

Одним из пиков палестинского терроризма был теракт на Олимпийских играх 1972 г. в Мюнхене. Не вдаваясь в подробности и абстрагируясь от моральной и этической стороны вопроса, можно заметить, что этот теракт стал величайшим успехом палестинцев. Весь мир напряженно следил за событиями в Мюнхене. И даже тот, кто никогда не слышал о палестинцах, теперь узнал о них очень многое. В массовом сознании возник образ, в котором смешивались не только трагедия и шок, но и заинтересованность. Террористы добились того, что, несмотря на глобальное осуждение теракта, о них и их проблеме заговорили.

Теракт в Мюнхене некоторыми авторами признан началом нового этапа в развитии терроризма – ТВ-терроризма¹⁸. Однако более логично видеть в Мюнхене лишь продолжение тенденций предыдущих 5 лет, чем событие, ставшее водоразделом. Точно так же нельзя говорить о том, что третья «революция в СМИ», произошедшая в 1980 г. с появлением CNN (первого новостного канала формата 24 часа в день / 7 дней в неделю), оказала значимое влияние на развитие коммуникационной составляющей терроризма. Террористы лишь стали в большем масштабе эксплуатировать особенности СМИ, такие как погоня за сенсацией и рейтингами. Логика же коммуникации осталась прежней. Террористы теперь стремились привлечь внимание CNN, поскольку этот канал стал оказывать серьезное влияние на формирование образа окружающего мира у лиц, принимающих решения, во многих странах. Эта особенность получила название «эффект CNN».

Новые вещательные технологии привели к возможности мгновенной передачи информации в эфир из любой точки Земли. Но зачастую, выигрывая в оперативности, новости теряют в качестве. Это оказало немаловажное влияние на терроризм и его восприятие обществом. По справедливому замечанию Б. Хоффмана: «Неясность определения того, что такое терроризм, поддерживается в том числе и СМИ, чьи попытки передать сложную и запутанную информацию со всего света при наименьших затратах эфирного

времени привели к беспорядочному клеймлению словом “терроризм” проявлений насилия самого широкого спектра»¹⁹.

Кроме того, получив возможность практически мгновенной передачи информации, многие СМИ начали позиционировать себя как центр власти. Телерадиовещательные компании стали не только передавать новости, но и пытаться оказывать реальное влияние на политику властей, в частности в ситуации кризиса.

Теперь остановимся чуть подробнее на некоторых основных особенностях телевидения, которое на протяжении более полувека остается основным источником информации для большинства людей.

Несмотря на активное наступление Интернета, телевидение сохраняет свои позиции за счет большей доступности и дешевизны; более удобной для восприятия аудиовизуальной формы подачи информации; а также за счет большей структурированности в подаче основной информации. Газеты постепенно утрачивают свои позиции, однако их роль (в частности применительно к нашему анализу) в прошедшие десятилетия была чрезвычайно важной.

В качестве базовых характеристик телевидения в настоящее время можно выделить следующие. Во-первых, это акцент на развлекательный характер, а также на насилие и кровь. Во-вторых, выборочная передача новостей, которая определяется не только и не столько важностью передаваемой информации, сколько в том числе и такими соображениями, как стоимость освещения (комплексные затраты на производство медийного продукта), а также тем, «кто в данный момент находится на месте событий»²⁰. В-третьих, существование новостных телеканалов формата 24/7, нацеленных на постоянную «погоню» за новостями.

Кроме того, скорость передачи информации изменила характер ответственности за ее появление в эфире – если раньше она лежала на редакторе в студии, то теперь, в большей степени – на корреспонденте «в поле». Данная особенность современных СМИ привела к тому, что некоторые авторы напрямую ставят вопрос о необходимости усилить функцию «сторожа» (gatekeeper) в СМИ (редактора, отвечающего за отбор сообщений и форму представления новостей), поскольку в итоге именно они (редакторы) определяют то, каким образом и в каких выражениях будет передано сообщение о терроризме²¹.

В этих обстоятельствах подача новостей обусловлена, прежде всего, скоростью передачи информации в эфир или печать, а также поиском дополнительного материала для оправдания расходов и потраченного труда и последующего заполнения ниши в эфирном времени или печатной странице. Подобная ситуация, хоть и не-

преднамеренно, просто создана для манипуляций и замыслов террористов²².

С появлением Интернета связана четвертая «революция в СМИ», ставшая подлинной революцией в средствах массовой коммуникации. И одновременно с развитием Интернета шло становление «нового терроризма», которому присущи следующие черты:

1) преобладание в качестве основной организационной формы – сетевой;

2) первостепенное значение религиозного терроризма, в том числе радикально исламистского (джихадистского);

3) новое отношение к насилию – ориентация на акции террористов-смертников;

4) значительная роль информационных и коммуникационных технологий;

5) объединение посредством религиозно-мировоззренческих, а не конкретных политических установок;

6) меньшая зависимость от поддержки со стороны государств;

7) апелляция к глобальной аудитории единоверцев и единомышленников.

Появление сети Интернет привело к возникновению термина «новые СМИ», включающие в себя новые средства массовых коммуникаций (в первую очередь, сам Интернет). Также термин «новые СМИ» частично применим к интернет-сайтам телеканалов и газет. Вместе с тем логика построения новостных сообщений на сайтах газет, телеканалов и служб новостей осталась той же, что существовала до появления Интернета. Особенности «новых СМИ» тесно переплелись с характеристиками «нового терроризма» в наши дни.

«Новые СМИ» и «электронный джихад»

Три новые технологии 1990-х годов позволили террористам вырваться из мертвой хватки коммерческих и государственных СМИ в сфере массовых коммуникаций – это Интернет, дешевое и быстрое производство и размножение видеопродукции; возможность эксплуатации частных ТВ-станций террористами.

С развитием «новых СМИ» и распространением передовых технологий «традиционных СМИ» на весь мир, экстремистам уже не обязательно было обращаться к западным СМИ посредством тех каналов коммуникаций, которые они использовали в 1970–1990-е годы.

Среди «традиционных СМИ» особняком стоит канал «Аль-Джазира», чье влияние на формирование повестки дня в странах «Большого Ближнего Востока» оказалось столь велико, а представленный в эфире спектр мнений столь широк, что исследователи даже говорят о возникновении «эффекта Аль-Джазире»²³, названного по аналогии с «эффектом CNN».

Сеть Интернет стала кардинально новым средством массовой информации. Она – яркое проявление информационных сетей, которые опутывают весь мир, делая его все более «тесным».

Террористы активно эксплуатируют следующие особенности Интернета: легкий доступ; незначительные масштабы регулирования и цензуры со стороны государственных органов или полное отсутствие подобного контроля; потенциально огромные масштабы аудитории; анонимность коммуникации; быстрая передача информации; мультимедийность среды, позволяющая комбинировать различные типы информации: текстовую, графическую, аудио и видеоматериалы. Также Интернет позволяет преодолеть то, что Дороти Деннинг назвала «управление восприятием» («perception management») – то есть террористы могут позиционировать себя точно такими, какими хотят казаться, без фильтров, налагаемых традиционными СМИ. Интернет также позволяет создавать ажиотаж в сети относительно нужных террористам аспектов событий²⁴. При использовании Интернета террористы получают возможность еще больше влиять на освещение своей деятельности в традиционных СМИ, поскольку последние часто обращаются к сайтам террористических движений за информацией²⁵.

Однако использование Интернета террористами связано с рядом проблем. Предоставление текстовой информации и фотографий может происходить практически мгновенно. Размещение же видеокартинки сопоставимо по скорости с телевизионным освещением события. И дело здесь не в скорости загрузки видеоматериала на сайт, а в том, что любой видеоматериал, выпускаемый с серьезными целями, должен быть подвергнут монтажу.

В самом общем виде Интернет нужен террористам для следующих целей: получение информации; общение участников террористических организаций, обмен опытом и т. п.; пропаганда; рекрутирование; обучение новых рекрутов; сбор средств (от предложенной пожертвовать с помощью SMS до продажи атрибутики движений); планирование операций²⁶.

Использование исламистами (джихадистами) Интернета получило название «киберджихад» или «электронный джихад»²⁷.

Аксиома эпохи телевидения: «Если тебя нет на экране ТВ и на страницах газет – ты не существуешь», – во многом была заменена

в наши дни аксиомой эпохи Интернета: «Если ты не в сети, ты не существуешь»²⁸.

По мнению исследователей, «с момента потери Афганистана как физического убежища, Интернет стал для Аль-Каиды прибежищем виртуальным»²⁹.

На сайтах террористы часто используют изображения, которые вызывают в памяти ассоциации с другими известными событиями: так фотография палестинского подростка, кидающего камень в израильский танк, вызывает в памяти изображение одинокого китайского борца за демократию, который встал на пути танка на площади Тяньаньмынь в 1989 г.³⁰

Свободный характер Интернета привнес в дискурс террористов риторику свободы слова и проблем ее ограничения. Исследователь Б. Хоффман развивает эту идею: «Сайты Аль-Каиды и других движений предупреждают мусульман о том, что информация о джихаде контролируется, подавляется и подвергается цензуре на Западе или по указанию Запада в подконтрольных ему СМИ. “Наши враги, США, оказавшись неспособными победить моджахедов на поле боя, – гласит одно из заявлений, опубликованное в июне 2002 г., – с 11 сентября [2001 г.] пытаются заткнуть рот мировым СМИ. Чем сильнее Соединенные Штаты подавляют свободу слова, тем больше крепнет наша решимость нарушить тишину. Америка проиграет в свою очередь и медиа-войну”»³¹.

Проблемой, связанной с электронным джихадом, является масштаб влияния, оказываемого онлайн-СМИ террористов: их сайты регулярно закрываются, а информация доступна в первую очередь на арабском языке³². Только отдельные группы имеют Интернет-страницы на нескольких языках, апеллируя как к домашней, так и зарубежной аудитории.

Террористы не только создают собственные сайты и службы новостей, преодолевая уже упомянутый эффект «управления восприятием», но и идут дальше в плане использования новых информационных технологий. Хезболла даже выпустила компьютерную игру, которую Центральный Интернет-отдел разрабатывал два года³³.

Использование Интернета как средства коммуникации определенным образом изменило коммуникационные стратегии террористов. Основные отличия состоят в следующем.

Во-первых, интернет-сайты террористических организаций меньше внимания уделяют репрезентации насилия. Они выстроены по модели сайтов легитимных политических движений и партий, а основное внимание уделено описанию дела, за которое борются террористы, проблемам политзаключенных и свободы

слова. Таким образом, террористы пытаются завоевать симпатии либеральной публики и правозащитников в западных странах. Именно поэтому на многих сайтах не публикуются сведения об ответственности за организацию терактов.

Во-вторых, большая часть наполнения сайтов террористических организаций состоит из справочных материалов, в первую очередь, по истории движения. Именно недостаточность освещения контекста отличает медийные репрезентации терроризма в традиционных СМИ. С помощью Интернета террористы пытаются компенсировать данный недостаток.

В-третьих, именно с помощью Интернет-сайтов, террористы могут мобилизовать публику на свою поддержку. Они призывают оказывать помощь в виде денежных пожертвований или ретрансляции идей террористов. С другой стороны, на подобных сайтах нечасто встречаются прямые призывы к насилию.

Подобный «пацифизм» связан в том числе с аудиторией, на которую ориентированы Интернет-сайты террористов. С одной стороны, это сторонники движения, для которых существуют арабоязычные версии сайтов. С другой это представители враждебной группы. С третьей, это международное сообщество, ради которого создаются версии сайтов на английском языке. Наполнение страниц зачастую различно для третьей группы и первых двух. Точно так же отличается и риторика: она жестче на арабо-язычных версиях сайтов³⁴.

Выводы

Терроризм представляет собой форму коммуникации и пропаганды. Как коммуникационный процесс он обладает определенной аудиторией. Насилие в терроризме используется для передачи сообщения. Коммуникационная составляющая стала определяющей для любых политических действий, и терроризм здесь не исключение.

Терроризм и СМИ неразрывно связаны между собой. Терроризм развивался параллельно со средствами коммуникаций, и его формы менялись вместе с ними. Основное качественное изменение произошло с появлением современного телевидения (с возможностью выхода в прямой эфир через спутниковую связь) и новостных каналов формата 24/7. Эпоха телевидения была связана с революционным и этнонациональным терроризмом, а наступающая эпоха Интернета – с сетевыми радикальными исламистскими (джихадистскими) организациями.

Таким образом, эволюция средств коммуникации шла параллельно с развитием терроризма, а зачастую обуславливая его. Именно Интернет, как наиболее развитая и «чистая» форма коммуникации, в значительной мере соответствует целям террористов. С другой стороны, Интернет является средством «добровольного» потребления информации – никто не заставляет сознательно искать сайты радикальных движений или посещать экстремистские форумы. Именно поэтому появление «новых СМИ» не отменило использование «традиционных», а «киберджихад» не подменил собой стремление террористов получить освещение своих действий в «традиционных СМИ».

Примечания

- 1 Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М.: У-Фактория, 2003. С. 191.
- 2 Цит. по: *Hoffman B.* Inside Terrorism / Rev. and expanded ed. N.Y.: Columbia University Press, 2006. P. 225.
- 3 *Crelinsten R.D.* Terrorism as Political Communication: The relationship between the Controller and the Controlled // Contemporary research on terrorism / Ed. by Paul Wilkinson and Alasdair M. Stewart. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1987. P. 6. См. также: *Оганян Р.* Театр террора. М.: Грифон, 2006. С. 20; *Требун М.П.* Терроризм в XXI веке. Минск: Харвест, 2003. С. 19.
- 4 *Crelinsten R.D.* Power and Meaning: Terrorism as a Struggle over Access to the Communication Structure // Contemporary research on terrorism / Ed. by P. Wikinson and A.M. Stewart. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1987. P. 419.
- 5 *Picard R.J.* News Coverage as the Contagion of Terrorism: Dangerous Charges Backed by Dubious Science / Paper presented at the 69th Annual Meeting of the Association for Education in Journalism and Mass Communication. University of Oklahoma. 1986. August 3–6. 21 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eric.ed.gov/ERICDocs/data/ericdocs2sql/content_storage_01/0000019b/80/2f/59/32.pdf. P. 16. (дата обращения: 02.03.2009).
- 6 *Crelinsten R.D.* Power and Meaning. P. 420.
- 7 *Crelinsten R.D.* Op. cit. P. 424.
- 8 *Lukaszewski J.E.* The media and the terrorist: a dance of death. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e911.com/speeches/mediaandterrorists.html>. (дата обращения: 02.03.2009).
- 9 *Crelinsten R.D.* Op. cit. P. 421.
- 10 Ibid. P. 420.
- 11 *Weimann G.* Mass-media theater // Foreign Policy Agenda. 2007. May. Vol. 12. No. 5. P. 29; *Холмогоров Е.* Террор. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=4&article=224>. (дата обращения: 02.03.09).

- 12 Хоффман Б. Разновидность психологической войны. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.america.gov/st/peacesec-russian/2008/September/20081016115001SrenoD0.3957178.html>. (дата обращения: 02.03.2009).
- 13 См.: Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: Канон-пресс Ц, Кучково поле, 2003. С. 9–26.
- 14 Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри... С. 60.
- 15 Dittie T. Terrorism and the News Media. 77 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusi.ca/ns/Terrorism%20and%20the%20Media.pdf>. P. 9. (дата обращения: 02.03.2009).
- 16 Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри... С. 79.
- 17 Глюксманн А. Философия ненависти. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. С. 78.
- 18 Dittie T. Op. cit. P. 14.
- 19 Там же. С. 5.
- 20 Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри... С. 171–172.
- 21 См. напр.: Bowdish R.G. Cerberus to mind: media as sentinel in the fight against terrorism. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ccc.nps.navy.mil/si/2006/May/bowdishMay06.pdf>. (дата обращения: 02.03.2009).
- 22 Хоффман Б. Указ. соч. С. 172.
- 23 Dittie T. Op. cit. P. 32–33; Подробнее об этом см.: Sharp J.M. The Al-Jazeera news network: opportunity for challenge for U.S. foreign policy in the Middle East / CRS Report for Congress. RL 31889. 2003. 14 p.; Sharp J.M. The Middle East Television Network: An Overview // CRS Report for Congress. RS 21655. 2005. 6 p.
- 24 Цит. по: Hoffman B. Op. cit. P. 202.
- 25 Weimann G. www.terror.net: How Modern Terrorism Uses the Internet / Special Report. United States Institute of Peace. [Электронный ресурс]. www.usip.org/reports. (дата обращения: 02.03.2009).
- 26 См.: Thomas T.L. Al Qaeda and the Danger of «Cyberplanning» // Parameters. 2003. Spring. P. 112–123.
- 27 Подробнее см.: Bunt G.R. Islam in the digital age: e-jihad, online fatwas and cyber Islamic environments. L.; Sterling: Pluto Press, 2003. 246 p.; Corman S.R., Schiefelbein J.S. Communication and Media Strategy in the Jihadi War of Ideas / Consortium for Strategic Communication, Arizona State University. Arizona, 2006. 24 p.
- 28 Hoffman B. Op. cit. P. 206.
- 29 Ibid. P. 214.
- 30 Ibid. P. 211.
- 31 Ibid. P. 215.
- 32 Подробнее также см.: Rogan H. Abu Reuter and the E-Jihad // Georgetown Journal of International Affairs. Summer 2007. Fall. P. 89–96.
- 33 Hoffman B. Op. cit. P. 209.
- 34 См. Tsafte Y., Weimann G. www.terrorism.com: Terror on the Internet // Studies in Conflict & Terrorism. 2002. Vol. 25. P. 317–332.

Б.И. Шевченко, М.В. Савинова

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ: МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ

В статье рассмотрена сущность международной промышленной кооперации, определены основные тенденции ее дальнейшего развития в условиях глобализации мировой экономики. Анализируются проблемы и перспективы промышленной кооперации в России, возможность ее дальнейшего взаимодействия с ключевыми субъектами мирового рынка.

Ключевые слова: международная промышленная кооперация, объекты промышленной кооперации, особенности международной промышленной кооперации, конкурентоспособность российской промышленности, кооперация с зарубежными компаниями, «технический барьер», приоритеты промышленной политики, технологическая стратегия России.

В современной мировой экономике международная промышленная кооперация – это наиболее распространенный вид международных производственно-технических связей зарубежных фирм. Ее суть состоит в том, что самостоятельные производители разных стран (объединенные и не объединенные единым титулом собственности) в результате осуществления на договорной основе совместной деятельности создают отдельные виды продукции, имеющей строго адресное назначение и составляющей элементы конечной продукции.

Объектами промышленной кооперации могут быть технологические процессы, машиностроительная продукция, автоматизированные системы управления и др. При этом кооперация бывает трех видов: предметная (выпуск готовых машин одной отрасли – внутриотраслевая и выпуск машин разных отраслей – межотраслевая), подетальная (производство деталей, узлов, агрегатов), технологическая (выполнение отдельных технологических процессов).

© Шевченко Б.И., Савинова М.В., 2009.

Особенностью кооперационных соглашений является организация производства объекта новой техники совместно с партнером. Производственно-кооперационные отношения позволяют шире использовать преимущества прогресса, снижения издержек производства и повышения эффективности производственных процессов, устанавливать долговременные производственно-технические связи с ведущими промышленными предприятиями данной отрасли, выпускать конкурентоспособную продукцию.

Правовой основой промышленной кооперации является соглашение (или договор) о разработке нового вида продукции, его кооперированном производстве и согласованном сбыте, заключаемое обычно на 5-летний период, и контракты купли-продажи кооперированных узлов и деталей, а также кооперированной продукции.

Международная кооперация способствует увеличению производительности труда и освоению капиталоемкой продукции, требующей огромных финансовых затрат, тем самым позволяя реализовать крупные экономические задачи, что крайне сложно или вовсе невозможно решить без объединения усилий предприятий нескольких стран.

Предприятия в международной кооперации находят источник увеличения доходов от экспорта продукции, сокращения издержек производства. Общим интересом всех стран является развитие производственной инфраструктуры: шоссейных и железных дорог, каналов, водохранилищ, морских и авиационных портов, энергетического хозяйства, связи, водоснабжения, общего и профессионального образования, науки, здравоохранения.

Глобализация экономики и международной торговли все больше идет по пути производственно-технологической кооперации предприятий транснациональных компаний (ТНК) с использованием производственных факторов и конкурентных преимуществ предприятий других стран, особенно международной специализации производства (МСП) как наиболее динамичной и инновационной части бизнеса. Треть мировой торговли и 60% торговли готовой продукцией осуществляется сегодня на базе соглашений о специализации и промышленной кооперации, в первую очередь внутриотраслевой.

При этом роль международной торговли характеризуется уже не столько межстрановыми сделками на поставку энергоносителей, сырья и готовых изделий, сколько сферой обмена материалами, компонентами и узлами между участниками глобального производства.

Кооперация стала основой создания за последние десятилетия современной экономики во многих развивающихся странах, изве-

стных как новые индустриальные страны. Встраиваясь в эту систему, многие развивающиеся страны смогли в течение последних двух-трех десятилетий уйти от сырьевой зависимости и развить экспортно ориентированное производство товаров и услуг, в том числе высокотехнологичных, существенно увеличить свою долю в мировом экспорте и занять достойное место в международном сообществе.

Международная промышленная кооперация на фоне дальнейшего обособления и специализации отдельных производств, стадий технологических процессов и появления новых технологий, основанных на передовых достижениях науки, превратилась в последние десятилетия в один из важнейших видов внешнеэкономической деятельности, имеющий свои специфические особенности, формы развития и методы сотрудничества. Основные особенности международной промышленной кооперации:

- долгосрочность, стабильность и регулирование взаимоотношений между партнерами;

- наличие совместной производственной программы на основе применения единых технических норм и стандартов качества, согласования объема, ассортимента и ритмичности производства и поставок;

- договорная основа, регулирующая весь комплекс взаимоотношений кооперантов;

- тесное переплетение с другими формами внешнеэкономической деятельности, прежде всего с внешней торговлей, по каналам которой осуществляются связи кооперантов, а также с международным инвестиционным сотрудничеством, когда международная промышленная кооперация осуществляется в форме создания совместных предприятий.

Экономическая эффективность международной промышленной кооперации измеряется общей экономией издержек производства на единицу готовой продукции путем привлечения специализированных партнеров. Применение различных форм международной промышленной кооперации может давать фирмам-кооперантам экономические преимущества не только за счет удешевления конечного продукта на основе кооперации со специализированными партнерами. Выгодность использования кооперационного сотрудничества в современном производстве определяется также ролью кооперации как «новой производительной силы», порождаемой оптимальным сложением нескольких сил в единый комплекс. Одна, даже самая мощная фирма, не в состоянии решать в современных условиях научно-технической революции всю совокупность сложнейших задач по разработке и созданию в сжатые сроки принципов

ально новых видов продукции. Подобные задачи можно быстрее и эффективнее решать путем концентрации возможностей двух или нескольких специализированных фирм с учетом их производственного и научно-технического потенциала. Расчеты показывают, что международные соглашения о кооперации в среднем на 14–20 месяцев сокращают сроки налаживания производства по сравнению с организацией его собственными силами, на 50–70% снижают стоимость освоения производства.

Эффективность международных кооперационных поставок и их возрастающее применение и привлекательность связаны также с действием другого экономического фактора – высоким разрывом в уровне ввозных пошлин на комплектующие изделия и готовую продукцию во многих государствах. Этим обстоятельством объясняется наблюдаемый в последнее десятилетие бум на создание формальных кооперационных производств сборочного профиля, называемых «отверточной сборкой».

Для многочисленных мелких и средних фирм, вовлеченных в международную промышленную кооперацию в качестве субподрядчиков, существенным эффектом от кооперации является обеспечение долгосрочной загрузки производственных мощностей и устойчивого долговременного сбыта производимой продукции.

Западноевропейские страны, применяющие в своей экономике международную промышленную кооперацию как способ снижения издержек и повышения конкурентоспособности, достигли впечатляющих результатов, способствующих экономическому росту.

В СССР в 1970–1980-е годы предпринимались попытки использовать международную промышленную кооперацию для модернизации экономики и развития экспорта. Об этом свидетельствуют соответствующие долгосрочные соглашения и программы со странами СЭВ, с Финляндией, Германией, Францией, другими странами Запада. Так, с Финляндией была разработана специальная долгосрочная программа развития промышленной кооперации по 60 направлениям, причем взаимные поставки кооперируемой продукцией достигали сотен млн долларов. Самым большим ограничителем развития этих связей тогда считалось отсутствие заинтересованности предприятий, работавших в режиме Госплана.

С распадом СССР падение промышленного производства, крах многих его отраслей в результате непродуманной либерализации импорта и реформирования экономики привели к свертыванию участия России в международной промышленной кооперации, деиндустриализации ее экспорта и экономики в целом. Многочисленные производственно-технические связи между предприятиями бывших республик приобрели статус международных коопе-

рациональных связей, в основной массе в форме поставок комплектующих изделий.

В условиях хронического дефицита средств у российских предприятий их участие в международной промышленной кооперации является одним из наиболее эффективных средств технического перевооружения промышленности, расширения экспортной направленности производства, достижения международных стандартов по качеству продукции, обеспечения загрузки мощностей и повышения занятости населения. По сравнению с другими видами внешнеэкономической деятельности эта форма сотрудничества обеспечивает гарантии привлечения более передовых и современных технологий, так как в эффективной и рентабельной производственной деятельности заинтересованы все участники кооперации.

Одной из главных задач, стоящих сегодня перед руководителями отечественных промышленных предприятий, независимо от их масштаба, является задача создания в России экономики инновационного типа, опирающейся на современные достижения науки и техники, эффективное управление производственными процессами с помощью компьютерных и инфокоммуникационных технологий. В современной «информационной экономике» все отчетливее проявляется тенденция к созданию различными предприятиями коалиционных структур на принципах взаимовыгодного сотрудничества. Данный процесс имеет объективную основу, так как в условиях интеграции и глобализации экономики инновационные промышленные предприятия как крупные, так и малого и среднего бизнеса должны сохранять и развивать свои конкурентные позиции, строя взаимоотношения со своими партнерами на принципах кооперации. Недаром современное конкурентное поведение охарактеризовано западным экономистом П. Друкером как «объединение ради выживания и развития».

В последние годы происходят изменения в конкурентной ситуации на рынках высокотехнологичной продукции, во многом обусловленные повышением степени открытости и территориальной распределенности бизнеса с образованием различных коалиционных структур. Это требует поиска новых резервов повышения эффективности производства, основанных на развитии кооперационных связей и создания единых информационных каналов между партнерами, поставщиками и клиентами.

Из всех форм международной промышленной кооперации наибольшее распространение в России получили совместные предприятия. В отраслевом отношении крупные кооперационные проекты осуществляются в настоящее время в авиационной, космической, автомобильной, фармакологической, пищевой промышленности, в

производстве холодильников, подъемного оборудования, промышленности строительных материалов и ряде других отраслей.

Отечественная аэрокосмическая индустрия создавалась и длительное время развивалась в социальных, экономических и организационных условиях, коренным образом отличающихся от условий промышленно развитых стран. Резкая смена социально-экономической модели развития государства повлекла за собой ломку старых механизмов управления промышленностью и отраслевой наукой, а также бесконечные попытки по созданию новых. За это время произошла значительная деградация целого ряда направлений и целых отраслей отечественной индустрии наукоемкой продукции. В целом по своему научно-техническому потенциалу она остановилась на уровне Советского Союза середины 1980-х или промышленно развитых стран 1970-х годов, что само по себе представляет одну из главных угроз национальной безопасности.

В то же время в индустриально развитых странах Запада идет широкомасштабный процесс консолидации предприятий в области высоких технологий, в частности, авиационных.

Современные самолеты и двигатели по существу «потеряли национальность» и стали «общемировым» продуктом. Это особенно ярко проявилось на примере французского концерна Эйрбас Индустри (Airbus Industrie), использующего в оперативном режиме проектные и производственные ресурсы многих стран Европы, а также имеющего сотни поставщиков в США и странах Дальнего Востока.

С учетом этих глобальных тенденций можно утверждать, что единственный способ восстановления и конкурентоспособного развития российской промышленности лежит на пути ее полномасштабной интеграции в мировой рынок наукоемкой продукции через кооперацию с ведущими зарубежными изготовителями. Это очень сложный, длительный и трудоемкий путь, однако альтернативы ему нет.

Опыт показывает, что западные партнеры готовы к полномасштабному сотрудничеству с предприятиями российской аэрокосмической промышленности при выполнении ряда условий, в том числе:

- на отечественных предприятиях должны быть созданы сертифицированные системы управления элементами жизненного цикла изделий, соответствующие общепризнанным требованиям мировой аэрокосмической индустрии;
- процессы управления проектированием, изготовлением и послепродажным обслуживанием изделий и компонентов авиационной техники на российских предприятиях должны выполняться с использованием тех же бизнес-технологий и стандартов, в той же

системе взаимодействий, что и в западных компаниях с применением ERP-систем (Enterprise Resource Planning System – система планирования ресурсов предприятия). Например, такие ведущие компании в области авиационных технологий, как «Boeing», «Aerostructures Corporation»: (поставка комплектующих для авиационной и оборонной промышленности), «Defence Aviation Repair Agency DARA» (ремонт самолетов и вертолетов, включая комплектующие) для обеспечения наиболее эффективного управления проектами, используют в своей деятельности отраслевое решение КИС BAAN IV – Aerospace and Defense.

Кооперация с зарубежными компаниями может и должна рассматриваться не как конечная цель, а как средство по восстановлению и развитию потенциала российской промышленности и ее вхождению в мировой рынок на правах равноправного участника. И такой опыт кооперации отечественных и зарубежных предприятий на основе ERP-систем уже есть. Например, для управления предприятиями на Иркутском авиационном производственном объединении, приборостроительном заводе «Элара», Уфимском моторостроительном производственном объединении, КАМАЗе внедрена система BAAN IV. Только через такую систему отечественная промышленность может получить реальный доступ к современным западным бизнес-технологиям, шаг за шагом пройти путь от разовых контрактов стоимостью в несколько десятков тысяч долларов к полномасштабной кооперации, обеспечивающей ежегодный оборот в сотни миллионов и миллиарды долларов.

Ситуация на мировом рынке наукоемкой продукции развивается в сторону полного перехода на проектирование, изготовление, сбыт и послепродажное обслуживание в единой электронной среде. Консорциум Airbus Industrie полностью спроектировал свой новый 550-местный самолет A380 в CAD/CAM/CAE/PDM-системе¹. Министерство обороны США начиная с 2002 г. полностью перешло на цифровые технологии в проектировании, закупках и эксплуатации оборонных систем. По ряду прогнозов, в течение ближайших лет наличие интерактивной электронной эксплуатационной документации для сложной наукоемкой продукции станет стандартом де-факто – без такой документации продать эту продукцию будет невозможно.

Более того, ведущие западные компании рассматривают работы в области электронных технологий как действенный механизм ограничения доступа на глобальные рынки наукоемкой продукции для тех стран, которые не сумеют своевременно их освоить. Отсюда следует, что непременным условием развития кооперации отечественных предприятий с зарубежными партнерами является всемер-

ное развитие и внедрение современных информационных технологий на всех этапах жизненного цикла изделий. Если отечественные предприятия не сумеют воспользоваться пока еще благоприятной для налаживания кооперации ситуацией, через несколько лет это «окно» закроется. В результате Россия неизбежно перейдет в разряд стран-покупателей всей гаммы наукоемкой продукции, соответствующие отрасли отечественной промышленности прекратят свое существование, а потенциальные угрозы национальной безопасности превратятся в повседневную реальность.

Концепция комплексного информационного, организационного и нормативного обеспечения деятельности современной российской авиационной корпорации, способной к глубокой кооперации с западным партнером в объемах поставок в десятки млн долл. США в год, должна содержать:

- внешние и внутренние требования к облику и функциям корпорации. Определение методов и средств информационного и организационного обеспечения реализации этих требований;
- определение требований к нормативному обеспечению реализации;
- разработку укрупненного плана-графика реализации концепции (с ресурсным и финансовым обеспечением, используя в работе систему BMN IV).

Дальнейшее расширение участия российских фирм в международной промышленной кооперации, которая тесно связана с инвестиционным сотрудничеством, зависит от результативности проводимых экономических реформ и прежде всего создания благоприятных условий для развития промышленности и выработки соответствующей промышленной политики.

Главным тормозом участия России в международной промышленной кооперации следует считать продолжающуюся топливно-сырьевую ориентацию ее хозяйства, когда добыча и вывоз необработанного топлива и сырья гораздо прибыльнее и проще, чем их переработка и развитие обрабатывающей промышленности. Все еще господствующая неолиберальная рыночная идеология («рынок все регулирует») и отсутствие существенной государственной поддержки обрабатывающей промышленности делают ее отрасли, за редким исключением, все более неконкурентоспособными и все менее подходящими для налаживания промышленной кооперации с иностранными компаниями: низкое качество продукции, устаревшие технологии, устаревшая производственная база, недостаточно привлекательный инвестиционный климат, недоработка таможенного и налогового законодательства, устаревшая транспортная, таможенная и информа-

ционная логистика, различия техусловий и стандартов, межведомственная бюрократия.

«Техническим барьером» (по терминологии ВТО) на пути промышленного сотрудничества является также разница в российских и международных технических условиях, стандартах и процедурах соответствия, которые пока не удалось устранить даже в Федеральном законе «О техническом регулировании», который регулируется пока очень медленно. Главные трудности здесь все те же: неизжитое пренебрежение промышленной политикой, важной составной частью которой является система технического регулирования, отсутствие средств, бюрократия.

С тем чтобы изменить ситуацию, необходима продуманная система мер государственной промышленной, экспортно-ориентированной политики (хотя бы по примеру развивающихся стран), в первую очередь, налоговой, стимулирующей перелив капиталов из топливно-сырьевых отраслей в те отрасли обрабатывающей промышленности, у которых есть реальные перспективы занять свою нишу на мировом рынке.

Так как большое влияние на экономику промышленных предприятий, разрабатывающих новую продукцию или изделия новой техники, оказывают начальные стадии жизненного цикла изделий, то на первый план выходит проблема создания методологии и инструментария формирования эффективной промышленной политики. Промышленная политика в области производства высокотехнологичной продукции должна основываться на применении производственно-технологического аутсорсинга для ускоренной подготовки производства, снижения производственных издержек и повышения конкурентоспособности отечественных производителей.

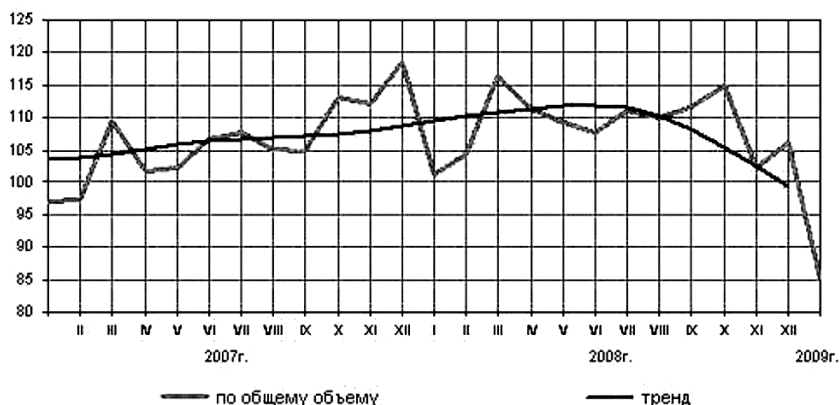
В последнее время в России наблюдается заметная реанимация интереса к проблемам промышленной политики (которая оставалась в достаточной степени табуированной), по крайней мере, на уровне правительства и его экономических министерств. Это объясняется рядом причин. Прежде всего, сложившееся положение в российской экономике характеризуется наличием серьезных проблем, решение которых не под силу лишь представителям бизнес-сообщества и которые требуют поэтому новых подходов к государственной промышленной политике.

Несмотря на устойчивый рост индексов промышленного производства в 2006–2008 гг. (см. график)², негативное влияние на российскую экономику оказывают такие факторы, как низкий уровень накопления и интенсивное старение вследствие этого основных фондов экономики, особенно в социальной и производственной инфраструктуре; усиление структурных деформаций в

экономике вследствие опережающего развития нефтегазового сектора; низкий уровень технологического развития; усиление межрегиональных и внутрирегиональных диспропорций; нарастающий дефицит квалифицированной рабочей силы.

Индексы промышленного производства

в % к среднемесячному значению 2006г.

Стратегия повышения международной конкурентоспособности промышленной продукции России должна опираться на исторический опыт стран с развитой рыночной экономикой и одновременно учитывать современные особенности экономического, социального и политического состояния страны.

Для современной промышленной политики экономически развитых стран характерно отсутствие жестких отраслевых приоритетов, что стало следствием прежде всего высокодиверсифицированной структуры бизнеса. Поэтому в качестве главного *адресата* промышленной политики все чаще выступают сформировавшиеся в той или иной стране корпоративные структуры. Именно здесь во все возрастающей степени концентрируются ресурсы общенационального развития: профессиональные кадры (маркетологи, топ-менеджеры), управленческая компетенция, передовые технологии и финансовые ресурсы.

Важным элементом национальной промышленной политики становится повышение значения не вещных инвестиций. Инвестиции играют ключевую роль в адаптации и долговременном росте промышленности. Структура инвестиций в современных условиях претерпевает существенные изменения. Возрастающее значение в

эффективной деятельности фирм приобретают новые технологии, знания, профессиональная подготовка сотрудников, организация бизнеса и программное обеспечение.

Эволюция от государственной отраслевой к национальной промышленной политике конкурентоспособности есть тот ориентир, к которому стремится в настоящее время большинство стран. Национальная промышленная политика осуществляется на основе стратегического взаимодействия государства и бизнеса как равноправных партнеров.

В этих условиях в странах Европейского союза получила развитие «новая промышленная политика», которая призвана обеспечить долговременный стабильный экономический рост, повышение конкурентоспособности и обеспечение социальной стабильности. Инструментами для достижения этих целей служит создание условий для роста компаний, усиления их конкурентных позиций и инновационной активности (1), интенсификации инвестиций (2) и появления новых рабочих мест (3)³.

В целях повышения конкурентоспособности государство обычно *определяет* конкретные технологические и рыночные ниши. Данный процесс осуществляется *совместно с представителями бизнеса* и с учетом его интересов и возможностей. Этому предшествует *масштабная инвентаризация имеющихся активов*, определение сильных и слабых мест, конкурентоспособных сегментов экономики.

Согласно последним данным Мирового экономического форума, в 2008 г. Россия находилась по общему индексу глобальной конкурентоспособности (которая оценивается по девяти основным критериям: институты, инфраструктура, здравоохранение, образование, эффективность рынка, технологическая готовность, эффективность бизнеса, инновации) на 51-м месте (из 134 стран), позади Эстонии, Литвы, Словакии, Китая, не говоря уже о ведущих экономиках мира. Ниже – только Венгрия, Румыния, Польша, Болгария и ряд стран Латинской Америки⁴.

В то же время опросы промышленных предприятий России, проведенные «Российским экономическим барометром» совместно с Центром промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, показали, что большинство предприятий (свыше 80%) считает свою продукцию конкурентоспособной. Схожие данные публикует Центр экономической конъюнктуры при Правительстве РФ. Причина расхождений в оценках в следующем:

Во-первых, международные организации и отечественные предприятия оценивают конкурентоспособность России по разным критериям. Большую роль играет, между тем, вопрос о том, на каких рынках российская продукция оказывается конкурентоспо-

собной. На рынках России и стран СНГ конкурентоспособна продукция 80% российских предприятий, на рынках стран Западной Европы – 5%, стран Северной Америки – 3%.

Во-вторых, среди факторов, мешающих конкурентоспособности, российские предприятия традиционно ставят на первые места наличие старого оборудования, нехватку финансовых средств, износ основных фондов. На последних местах оказываются такие факторы, как ограниченность НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), неэффективный менеджмент, низкая квалификация рабочей силы. Глобальная конкурентоспособность оценивается в рыночной экономике совершенно по другим параметрам: действенность государственной политики, эффективность финансовой системы, качество управления и главное – качество институциональной среды.

Прежде всего это относится к институту фирмы или в более широком смысле к корпоративному сектору как части институциональной структуры рыночной экономики. В случаях, когда подобные элементы институциональной среды отсутствуют или функционируют недостаточно эффективно, повышение конкурентоспособности, стабильный экономический рост становятся невозможны, даже при наличии достаточных запасов накопленного человеческого капитала, ресурсов и технологий.

В развитии корпоративного сектора в глобальном экономическом пространстве можно отметить две тенденции. Первая – *интенсивное формирование «новых компаний», в которых человеческий капитал становится главным элементом активов*. Эта тенденция характерна для ведущих индустриальных стран с развитой институциональной средой и финансовыми рынками. В новом типе активов все большую долю занимают нематериальные элементы: бренды, патенты, стратегические соглашения, ноу-хау по организации производства и т. п. Более гибкими становятся контракты с сотрудниками, партнерами по бизнесу, другими структурными подразделениями корпорации. Происходит отказ от жесткого контроля за поставщиками и потребителями, границы компании становятся более размытыми и изменчивыми.

Вторая тенденция – *усиление процессов диверсификации и создание многоотраслевых холдингов и финансово-промышленных групп, то есть корпораций традиционного типа*. Эта тенденция характерна для стран с возникающими рыночными системами (Индия, Чили, Бразилия, Малайзия) и особенно для России. В Российской Федерации многоотраслевые холдинги оказались единственными институциональными структурами, пережившими острый финансово-экономический кризис августа 1998 г.

Россия находится на этапе коренной модернизации – производственной, институциональной, социальной систем. Сначала роль государства будет, по всей вероятности, ограничиваться завершением формирования корпоративных структур, созданием рыночных институтов, накоплением финансовых резервов, обеспечением условий работы нормальных рыночных сигналов, с помощью которых можно определять ниши и отбор перспективных направлений бизнеса. На этом этапе главная роль должна принадлежать крупному бизнесу. Его задача – вовлечение в рыночный оборот и повышение конкурентоспособности уже имеющихся производственных активов.

На втором этапе будет происходить накопление финансовых ресурсов у государства и повышение эффективности рыночных институтов. Это повлечет за собой переход к активной промышленной политике, созданию принципиально новых, конкурентоспособных активов на основе выявленных рынком приоритетов и постепенное сближение принципов национальной промышленной политики с общемировыми.

Таким образом, главной задачей новой промышленной политики России является завершение процесса формирования полноценного корпоративного сектора во всех сегментах экономики и начало формирования компаний нового типа, способных конкурировать с ведущими мировыми производителями.

Что касается крупных корпораций, то государство заинтересовано в увеличении их доли на мировом рынке, расширении объема участия в международном разделении труда и превращении в полноценные транснациональные компании. Государство нуждается в поддержке региональных промышленных компаний для постоянного увеличения их доли на внутреннем рынке, превращения их в национальные промышленные структуры, а затем обеспечения выхода на мировой рынок с конкурентной продукцией. Наконец, малый и средний бизнес должен подпитывать крупный и региональный бизнес инновациями, новыми видами продукции и кадровыми ресурсами.

Например, в странах Европейского союза к важнейшим направлениям так называемой «новой промышленной политики» отнесены⁵:

- повышение конкурентоспособности за счет выхода на новые рынки и рыночные ниши;
- усиление инновационной активности, развитие наукоемкого бизнеса;
- ускорение процесса реструктуризации компаний и отраслей;
- совершенствование институциональной и законодательной среды;

- защита прав интеллектуальной и промышленной собственности;
- повышение качества и квалификации рабочей силы.

Конкретные технологические и рыночные ниши государство обычно определяет совместно с представителями бизнеса и учитывает его интересы и возможности. Этому предшествуют масштабная инвентаризация имеющихся активов, определение сильных и слабых мест, конкурентоспособных сегментов экономики.

В целях повышения эффективности и качества реализации промышленной политики, определения перспективных рыночных ниш, разработка долгосрочных прогнозов экономического развития, а также стратегий развития отдельных отраслей и межотраслевых комплексов и отдельных мероприятий увязываются со стратегией развития крупнейших компаний в соответствующих сегментах экономики. Это позволяет значительно сократить риски и увеличить горизонт инвестиционного планирования компаний. Система государственного прогнозирования ищет точки прорыва, определяет будущие наиболее выгодные рынки, перспективы развития спроса и технологий, проводит анализ рисков и т. п. Такая система фактически подсказывает бизнесу, где нужно концентрировать инвестиционные и интеллектуальные ресурсы.

Отличие от развитых и ряда развивающихся стран Россия страдает не только от отсутствия эффективных крупных компаний мирового уровня, но в еще большей степени *от нехватки растущих, перспективных компаний в новых высокотехнологичных отраслях*.

По данным газеты The Financial Times (500 крупнейших компаний Европы) в число 20 ведущих компаний по объемам продаж в 2008 г. входили: 3 – компании банковской сферы, 1 – фармацевтическая, 8 – нефтегазовых, 1 – в розничной торговле, 1 – в пищевой промышленности, 4 – в телекоммуникациях, 2 – в электротехнической промышленности⁶.

Известно, что крупнейшими компаниями по абсолютным расходам на НИОКР являются ведущие мировые автомобильные корпорации. Страны, которые хотят пробиться в технологическую элиту, создают свою национальную автомобильную промышленность. Наиболее значимыми в этом отношении являются такие страны, как Китай и Корея.

Правительством Китая предъявлялись жесткие требования к уровню локализации производства: автомобиль, производимый на территории КНР, через три года должен был не менее чем на 80% состоять из комплектующих местного производства. Организация сборки из готовых импортных машинокомплектов, которая является основной стратегией развития российского автопрома, в Китае не допускалась⁷. Государство оказывает активное со-

действие крупным национальным автосборочным предприятиям: 80% совокупных государственных капиталовложений в отрасль приходится на долю 13 крупнейших автомобильных компаний, обеспечивающих свыше 90% национального производства автомобилей.

В результате, в 2008 г. объем производства и продаж автомобилей в Китае превысил 10 млн единиц, в то время как в 2006 в Китае производилось около 7 млн автомобилей, а в 1997 г. – только 1,5 млн. До настоящего времени только США и Япония были способны производить более 10 млн автомобилей в год⁸.

В Южной Корее развитие собственного автопрома началось с 1974 г. Государство способствовало формированию крупных компаний в этой отрасли, предоставляя поддержку тем компаниям, которые соответствовали определенному набору критериев. В число таких параметров входили удельный вес расходов на НИОКР, качество менеджмента, наличие четкой стратегии развития фирмы и т. п. Государство и крупные компании совместно определяли механизмы, закрепляющие за лидерами бизнеса их специализацию.

Частью комплекса мер по развитию автомобилестроения в этой стране был откровенный протекционизм. После того как правительство решило, что Корея станет экспортером автомобилей, был введен высокий запретительный тариф (до 200%), который сделал ввоз в страну иномарок практически невозможным. Более того, в 1975 г. был ограничен и ввоз комплектующих. В результате Южная Корея превратилась в одного из лидеров мирового автомобилестроения. В ноябре 2008 г. общий объем выпущенных в Южной Корее автомашин составил 328 тысяч 178 единиц⁹.

Мировая практика свидетельствует, что технологические и финансовые риски создания нововведений являются традиционной сферой ответственности крупных корпораций. В странах ОЭСР крупные компании финансируют в среднем до 70% общенациональных вложений в НИОКР. В Южной Корее на крупные промышленные группы приходится 45% национальных расходов на фундаментальные исследования, в Японии – 30%¹⁰.

Общая тенденция развития мировой автомобильной промышленности особенно четко проявляется сейчас в России, где зарубежные производители практически каждый год открывают свои представительства и строят автосборочные заводы, предлагая на выбор российскому потребителю передовые разработки расширенного модельного ряда автомобилей различного класса и комплектации, не забывая создавать условия доступности по ценовым параметрам, способствуя продвижению своих брендов на российском рынке.

Почти не осталось в мире автогигантов, которые бы не имели своих заводов в России. Если зарубежные компании запустят все проекты, к 2009–2010 г. россияне получат 1 млн иномарок¹¹.

Эксперты считают, что основную роль в выводе российского автопрома на мировой уровень должны сыграть крупные российские компании, например «АвтоВАЗ».

«АвтоВАЗ» – по-прежнему автогигант, равного которому нет не только в России, но и в мире: единый комплекс со штатом более 110 тысяч человек, занятый помимо собственно сборки автомобилей их разработкой и производством комплектующих.

Руководство «АвтоВАЗа» во многом рассчитывает на государственную поддержку: принятие Федеральной целевой программы по развитию автомобильной промышленности, возможность использования средств Инвестиционного фонда для создания автомобильной техники нового поколения, предоставление государственных гарантий по кредитам, налоговых льгот для импорта технологического оборудования и т. д.

В связи с этим в рамках новой промышленной политики необходимо стимулировать не просто увеличение объема иностранных инвестиций в Россию, которые часто приходят в форме репатриации прибыли от наших же сограждан. Необходимо привлечение инвестиций высокотехнологичных транснациональных компаний, при этом не в «отверточную» сборку, а в полноценные СП при жестких условиях передачи передовых технологий. Целесообразно стимулировать импорт нового оборудования преимущественно в рамках технологической кооперации: например, между иностранной материнской компанией и ее филиалом на территории страны.

Особое значение в промышленной политике имеет совместное с бизнесом создание и финансирование специальных институтов передачи технологий. Такие институты могут способствовать более быстрой и эффективной коммерциализации научных исследований, ускорению распространения новых технологий, совершенствованию управления интеллектуальной собственностью и процессом исследований в научно-исследовательских центрах, идентификации специфических потребностей в исследованиях и разработках посредством постоянного диалога с предприятиями и компаниями.

На фоне общего экономического роста и развития российского фондового рынка все большее количество компаний задумывается о необходимости повышения рыночной стоимости своего бизнеса. Собственники понимают, что сейчас можно заработать гораздо больше, наращивая капитализацию, а не получая краткосрочную прибыль.

Производство автомобилей в России¹²

п/п	Наименование компании	Место-нахождение	Модели автомобилей, страна	Создаваемые мощности, тыс. шт. в год	Год начала производства
1.	ЗАО «Автотор»	г. Калининград	Chevrolet Lacetti, Aveo, Rezzo, Epica Chery Amulet, Tiggo, Fora Kia Cee'd, Magentis, Carnival (Южная Корея), BMW (Германия), GM: Cadillac, Hummer (США)	100	1999
2.	ООО «ТагАЗ»	г. Таганрог	Hyundai Accent, Sonata, Sante Fe, Elantra (Южная Корея)	120	2001
3.	ЗАО «Джи Эм-АВТОВАЗ»	г. Тольятти	Chevrolet Viva, Chevrolet Niva GM (США)	100	2002
4.	ЗАО «Форд Мотор Компани»	Ленинградская область, г. Всеволожск	Ford Focus (США)	100	2002
5.	ОАО «Иж-Авто»	г. Ижевск	Kia Spectra, Rio, Sorento (Южная Корея)	62	2004
6.	ОАО «Автофрамос»	г. Москва	Renault Logan (Франция)	80	2005
7.	ООО «Тойота Мотор Мануфэчуринг Россия»	Ленинградская область, пос. Шушары	Toyota Camry (Япония)	50	2005
8.	ОАО «Северсталь-авто»	г. Набережные Челны	Ssang Young Rexton, Kyron, Actyon (Южная Корея) Fiat Palio, Albea, Doblo (Италия) Isuzu	80	2006

9.	ООО «Фольксваген Рус»	г. Калуга	Volkswagen Passat, Jetta (Германия) Skoda Octavia, Tour	115	2007
10.	ООО «Дженерал Моторз Авто»	Ленинградская область, пос. Шушары	Chevrolet Captiva Opel Antara, Astra, Corsa, Zafira, Insignia GM (США)	Проектная мощность от 25 до 70	Планируемый запуск завода – осень 2008
11.	ООО «Ниссан Мотор РУС»	Ленинградская область, пос. Каменка	Nissan Teana, X-Trail (Япония)	Проектная мощность 50	Планируемый запуск завода – 2009

В силу того, что российские компании стремятся укрепить свои позиции не только на внутреннем, но и на мировом рынке, в ближайшее время процесс реструктуризации ускорится. В ходе этих преобразований компании будут вынуждены сосредоточить свои усилия на тех направлениях бизнеса, которые позволят успешно конкурировать с ведущими мировыми производителями.

Успех процесса реструктуризации будет в значительной степени определяться эффективностью государственной политики, устанавливающей приоритеты этого процесса, выявляющей слабости рынка, осуществляющей изменения в юридической и налоговой системах и, что, возможно, самое главное, разрешающей конфликтные интересы различных лоббирующих групп.

Для создания стимулов для компаний по реструктуризации и максимизации их стоимости необходимым условием выступает совершенствование корпоративного управления в соответствии с международными стандартами. Особенностью промышленной политики в России является синхронизация процесса формирования корпоративных структур, реструктуризация корпоративного сектора с переходом компаний от защитной реструктуризации к стратегической (включающей в себя переход к новым продуктам, рынкам, управленческим технологиям, новым структурам собственности, финансов и корпоративного управления).

В сфере институционального развития меры промышленной политики в развитых странах сосредотачиваются на упрощении корпоративного законодательства и его межстрановой гармониза-

ции в целях стимулирования процесса слияний и поглощений компаний и концентрации капитала. В западной практике слияния и поглощения рассматриваются главным образом в качестве важного механизма эффективной корпоративной реструктуризации. В то же время они являются одновременно важным инструментом разрешения конфликта интересов между менеджментом компании, ее акционерами и стейкхолдерами. В этом качестве механизм слияний и поглощений выступает ключевым элементом системы корпоративного управления.

Разработка стратегий развития отдельных отраслей и межотраслевых комплексов увязывается со стратегией развития крупнейших компаний в соответствующих сегментах экономики. Такое согласование стратегий позволяет повысить эффективность и качество реализации промышленной политики, определить перспективные рыночные ниши, долгосрочные прогнозы экономического развития. Это позволяет значительно сократить риски и увеличить горизонт инвестиционного планирования компаний. Система государственного прогнозирования ищет точки прорыва, определяет будущие наиболее выгодные рынки, перспективы развития спроса и технологий, проводит анализ рисков. Такая система фактически подсказывает бизнесу, где нужно концентрировать инвестиционные и интеллектуальные ресурсы.

Важнейшим приоритетом промышленной политики становится поддержка экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью. Для этого в зарубежной практике активно использовался механизм государственных гарантий. Неудачный опыт покупки объединением «Северсталь» компании «Arcelor», а также ряда других более мелких компаний за рубежом свидетельствует о том, что в России назрела необходимость в *политической поддержке* экспорта капитала и приобретения иностранных активов в целях достраивания цепочек добавленной стоимости и превращения российских «национальных экономических лидеров» в транснациональные компании.

В качестве важного инструмента промышленной политики в зарубежных странах активно используется техническое регулирование – совершенствование технических регламентов в целях обеспечения в них приемлемого уровня обязательных требований по безопасности продукции и эксплуатации производственных комплексов, для технологического обновления промышленности и повышения конкурентоспособности товаров.

В отличие от развитых и ряда развивающихся стран Россия страдает не только от отсутствия эффективных крупных компаний мирового уровня, но еще в большей степени – от отсутствия расту-

щих, перспективных компаний в новых высокотехнологичных отраслях.

Мировая практика свидетельствует, что технологические и финансовые риски, возникающие вследствие создания нововведений, – традиционная сфера ответственности крупных корпораций. В странах Организации экономического сотрудничества и развития крупные компании финансируют в среднем до 70% общенациональных вложений в НИОКР. В Южной Корее крупные промышленные группы аккумулируют 45% национальных расходов на фундаментальные исследования, в Японии – 30%¹³.

Сейчас ясно, что основной технологической стратегией России может стать не производство и экспорт наукоемких потребительских товаров (эта ниша уже занята Китаем и восточноазиатскими «тиграми»), а производство высокотехнологичных инвестиционных товаров. Исторически сложившиеся в России высокие издержки производства создают условия для производства товаров не массового, а эксклюзивного наукоемкого спроса – таких как буровые платформы для газонефтедобычи, сложное медицинское оборудование или космический туризм¹⁴.

Таким образом, мировой опыт показывает, что международная промышленная кооперация – объективный исторический процесс, который присущ всем способам производства, странам с любым социально-экономическим строем. В кооперации производства объединяются и материализуются передовые идеи, достижения в отраслях фундаментальной науки, НИОКР, производственных, конструкторских, управленческих и информационных технологиях. Кооперация в современном мире становится воспроизводственной базой социально-экономического и научно-технического прогресса стран мира, сердцевинной мирохозяйственных процессов, региональной экономической интеграции, транснационализации (производства, НИОКР, информационно-финансовой сферы и т. п.), международного промышленного сотрудничества, глобализации мировой экономики.

Примечания

- 1 САМ – комплексная система автоматизированного проектирования, САД – технологической подготовки производства, САЕ – инженерного анализа, включающая в себя передовой инструментарий трехмерного моделирования, подсистемы программной имитации сложных технологических процессов, развитые средства анализа и единую базу данных текстовой и графической информации, PDM – технология для управления всеми данными об изделии и

информационными процессами изделия, создающими и использующими эти данные.

- 2 См. ФСТС.
- 3 New Industrial Policy, Business Updated. 23.11.2005.
- 4 Global Competitiveness Report 2007–2008.
- 5 A New Industrial Policy: Making the EU a More Attractive Place for Industry, Brussels, 5 October, 2005.
- 6 Рассчитано на основе FT-500 на ft.com.
- 7 Global Automotive Financial Review 2005, PriceWaterhouseCoopers, 2006.
- 8 В 2008 г. объем производства и продаж автомобилей в Китае превысит 10 млн единиц [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china-hongkong-business.ru/content/view/3742/2/>, (дата обращения: 3.03.09).
- 9 Южная Корея резко снижает производство автомобилей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bfm.ru/news/2008/12/04/juzhnaja-koreja-rezko-snizhaet-proizvodstvo-avtomobilej.html>, (дата обращения: 3.03.09).
- 10 *Kaplan J. V.* Managing Next Generation IT Infrastructure. McKinsey Quarterly, 2004. Winter. P. 2–9.
- 11 Известия. 2008. февраль.
- 12 Таблица составлена по данным НП «Объединение автопроизводителей России» (член Международной организации производителей автомобилей – OICA), <http://www.oar-info.ru/>, 2008 год.
- 13 *Kaplan J. V.* Op. cit. P. 2–9.
- 14 OECD Science. Technology and Industry Outlook. OECD 2004.

III. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А.А. Городов

ПРОБЛЕМА ТРАНЗИТНОГО ПРОТОКОЛА ДЭХ В КОНТЕКСТЕ ЭНЕРГОДИАЛОГА РОССИЯ–ЕС

В статье рассматривается история и современное состояние переговорного процесса о присоединении России к Договору к Энергетической Хартии и Транзитному Протоколу к нему. Тема транзита нефти и газа имеет огромное значение не только в контексте энергодиалога Россия–ЕС, но и оказывает непосредственное влияние на характер российско-европейских отношений в целом.

Автором анализируются политико-экономические интересы России и ЕС в вопросах транзита энергоносителей, а также комплекс противоречий, возникающий из-за конфликта этих интересов.

Особое внимание уделено спорным статьям договора, которые наиболее ярко иллюстрируют различия в подходах к трактовке понятия «энергобезопасность» у стран-импортеров и стран-экспортеров энергоносителей, таким как статья о «едином транспортном пространстве» ЕС, статья о «праве первого отказа», вопрос о принципах установления тарифов.

Ключевые слова: международные отношения, энергетическая политика, энергодиалог Россия–ЕС, Транзитный протокол.

Роль и значение «проблемы транзита» в отношениях Россия–ЕС. Практически на каждом саммите Россия–ЕС лидеры подчеркивают стратегическую важность сотрудничества в области энергетики и необходимость расширения двусторонних отношений в данной области. В совместном (девятом) обобщающем докладе, представленном в октябре 2008 г., например, говорится о необходимости укреплять взаимное доверие и сближать позиции России и ЕС по широкому кругу вопросов в области энергетики в целях повышения энергетической безопасности¹.

Однако в реальности этого как раз не происходит. Более того, события последних лет отчетливо демонстрируют не только отсутствие поступательного движения на сближение позиций Россией и ЕС в энергетической сфере, но и потерю еще недавно имевшегося уровня доверия и взаимопонимания. Конфликт с Украиной в начале 2006 г. стал первым фактором нарастания напряженности в отношениях, проблемообразующим звеном которого стал вопрос о транзите и разграничении транзитных поставок через территорию Украины в ЕС и прямых поставок энергоносителей для нужд украинской экономики. Характерно, что ответственность и основные претензии за собой поставок Евросоюз предъявил не Киеву, а именно Москве. В западной прессе началась активная кампания, направленная на формирование образа России как «ненадежного» поставщика энергоресурсов².

Демонстрируя беспокойство по поводу растущей энергетической зависимости от «ненадежного» поставщика, Брюссель вновь выдвинул Москве требования о ратификации Договора к Энергетической хартии и подписания транзитного протокола к договору об Энергетической хартии.

Актуальность и значимость проблемы транзита энергоносителей и ее влияние на характер российско-европейских отношений в целом ярко показывает развернувшаяся в марте 2009 г. острая дискуссия вокруг Брюссельской декларации.

Украина и Евросоюз подписали 23 марта 2009 г. в Брюсселе декларацию о модернизации украинской газотранспортной системы. Декларация не предусматривает участия России, несмотря на то, что она является основным поставщиком газа в ЕС и выступает за трехстороннее соглашение о модернизации ГТС.

Россия резко осудила этот шаг. «Украинская газотранспортная система, через которую осуществляется до 80 процентов объема транзита российского природного газа в Европу, технологически взаимосвязана с газотранспортной системой России. Поэтому любые несогласованные с российской стороной действия по ее модернизации приведут к росту технологических рисков и возможным сбоям в поставках природного газа на Украину и в Европу³», – говорится в комментарии официального представителя МИД России Андрея Нестеренко.

Еще лаконичней высказался премьер-министр РФ Владимир Путин, который назвал декларацию, принятую в Брюсселе Украиной и Евросоюзом, «непродуманной и непрофессиональной». В. Путин подчеркнул, что обсуждать вопросы увеличения прокачки газа через территорию Украины без основного поставщика – России – просто несерьезно⁴.

Не будет преувеличением сказать, что именно разногласия, касающиеся проблем транзита и Транзитного Протокола, в значительной степени затруднили **энергодиалог Россия–ЕС**.

Началом энергетического диалога между ЕС и Россией принято считать саммит, проведенный в октябре 2000 г. в Париже. На нем была одобрена инициатива председателя Европейской Комиссии Романо Проди, предложившего вести с Россией диалог о существенном увеличении поставок российских энергоносителей в Европейский Союз в обмен на инвестиции и технологии. На последующих саммитах России и ЕС были определены важные принципы практической реализации стратегического партнерства. Диалог сосредоточен на нефти и природном газе, на сотрудничестве по объединению электросетей ЕС и России и на торговле ядерными материалами.

Энергодиалог призван обеспечить прозрачность энергетического рынка и устойчивые цены. В ходе энергетического диалога предполагается определить сферы, где энергетические рынки обеих сторон будут взаимодополняемыми, найти потенциал для сотрудничества в энергообеспечении. Стороны обязались снижать неустойчивость и повышать предсказуемость мировых энергетических рынков, а также повышать надежность мировых поставок энергоресурсов. Они договорились содействовать коммерческому сотрудничеству в энергетическом секторе, увеличивая взаимодействие между компаниями в области разведки, производства, переработки, транспортировки, сбыта энергоносителей, а также реализации совместных проектов, в том числе, и в третьих странах⁵.

Ключевым звеном энергодиалога Россия–ЕС является газовая отрасль. Во-первых, Европа демонстрирует постоянный рост доли потребления газа в общем энергопотреблении. Во-вторых, именно поставка природного газа из-за системных ограничений на механизмы транспортировки наиболее жестко привязывает друг к другу потребителей и поставщиков, способствуя созданию региональных альянсов. Энергодиалог России и ЕС на ближайшие годы следует рассматривать как борьбу за определение параметров этого вынужденного альянса⁶.

Стороны определили ключевые области, представляющие взаимный интерес. Их четыре: торговля энергоресурсами, инвестиции, энергетическая инфраструктура и энергетическая безопасность.

Цель энергетического диалога России и ЕС – развитие долгосрочного энергетического партнерства в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Он направлен на утверждение общих интересов России и ЕС в энергетическом секторе, способ-

ствуует практическому развитию общего европейского экономического пространства между Россией и ЕС.

Но из-за обострившихся отношений между Россией и странами Европы в период с 2004 по 2008 г., где одной из причин стала именно проблема транзита, под угрозой оказался сам основополагающий базовый договор между Россией и Евросоюзом. Польша, недовольная запретом на ввоз отдельных видов ее сельхозпродукции в Россию, заблокировала утверждение переговорного мандата Еврокомиссии и активно выступала за введение в основную часть новой версии соглашения о партнерстве и сотрудничестве положений ДЭХ и транзитного протокола к нему. Однако Россия, заявляя, что транзитный протокол в существующем виде не соответствует ее интересам, настаивала на его доработке⁷.

В итоге в ноябре 2006 г. на очередном саммите «Россия–ЕС» по этой причине было заблокировано принятие решения по новому соглашению о партнерстве и сотрудничестве. Надо отметить, что старое соглашение, истекшее в 2007 г., во многом устарело и уже не отражает современного уровня развития двусторонних отношений⁸. Таким образом, Евросоюз фактически отказался создавать новую основу для дальнейшего сотрудничества до тех пор, пока Россия не пойдет на уступки в энергетике, в первую очередь, касающиеся регламентации транзита энергоносителей, такие как ратификация ДЭХ и присоединение к транзитному протоколу к нему.

ДЭХ: история подписания и общая характеристика.

Прообразом Энергетической хартии была Европейская энергетическая хартия (ЕЭХ), первоначально предложенная премьер-министром Нидерландов Любберсом в июне 1990 г. как инструмент общеевропейского сотрудничества в области энергетики. Впоследствии формат документа был интернационализирован и 17 декабря 1991 г. ЕЭХ была подписана в Гааге, официально принята 48 государствами, включая все республики бывшего Советского Союза и страны Европейского сообщества. Подписавшие ЕЭХ страны затем получили мандат разработать Договор к Энергетической хартии (ДЭХ), носящий в отличие от ЕЭХ юридически обязательный характер⁹, и Протокол к Энергетической хартии по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам, которые были подписаны в декабре 1994 г. и вступили в силу в апреле 1998 г.

По состоянию на март 2009 г. ДЭХ и Протокол по эффективности подписали 52 страны и ЕС, 22 страны и 10 международных организаций имеют статус наблюдателя¹⁰.

Подписали, но не ратифицировали его пять государств: Россия, Беларусь, Исландия, Австралия, Норвегия. Для России ДЭХ и

Протокол по эффективности действуют на временной основе, то есть применяются в той степени, в какой они не противоречат отечественному законодательству.

ДЭХ представляет собой многосторонний международно-правовой документ, специально посвященный межгосударственному сотрудничеству в энергетическом секторе и охватывающий всю энергетическую производственно-сбытовую цепочку от разведки до конечного использования энергоресурсов и связанного с энергетикой оборудования. Он является инвестиционно-торговым, а также транзитным документом и устанавливает единые для всех принявших его государств правила, нормы и гарантии в таких сферах, как инвестиции, торговля, транзитные операции, передача технологий, доступ к капиталам, экология, а также урегулирование споров¹¹.

ДЭХ базируется на пяти ключевых элементах: поощрение капиталовложений в энергетику, государственный суверенитет над природными ресурсами, свобода доступа к энергетическим рынкам, свобода транзита энергоресурсов, свобода движения капиталов, связанных с инвестированием в энергетику¹².

Текстуально Договор содержит обязательства сторон принимать необходимые меры для облегчения транзита в соответствии с принципом свободы транзита и без различия в отношении происхождения, места назначения или владельца энергоресурсов, без дискриминационных тарифов или чрезмерных задержек, ограничений и сборов. Стороны обязаны также сотрудничать в модернизации сооружений, обеспечивающих транзит, строительстве их новых мощностей, ликвидации последствий перебоев в транзите, а также не сокращать в течение до 16 месяцев транзитируемые потоки энергоресурсов в случае возникновения спора до завершения процедуры разрешения этого спора.

Переговоры по Транзитному протоколу. В сентябре 1999 г. было принято решение о разработке специального Протокола по транзиту для обеспечения детальной расшифровки и уточнения положений ДЭХ, касающихся вопросов транзита, о которых шла речь выше. Однако проект этого Протокола до сих пор не согласован по причине принципиальных разногласий сторон.

Возражения Москвы относительно Транзитного протокола основаны на том, что ряд его положений допускают расширительную интерпретацию, не отвечающую интересам России.

В течение 2001 г. в Госдуме РФ шли дебаты по вопросу ратификации ДЭХ. В рекомендациях по итогам слушаний в Государственной Думе РФ в 2001 г. одним из ключевых условий ратификации ДЭХ Россией было признано принятие приемлемого для России Протокола по транзиту к Энергетической хартии¹³.

В ходе неформальных консультаций между делегациями России и Евросоюза в течение 2005–2006 гг. были практически согласованы спорные статьи Протокола. Однако в мае 2006 г. европейцы неожиданно вернулись на исходные позиции жесткого продавливания собственных интересов, по сути выводя территорию Евросоюза из зоны действия Протокола. Таким образом, переговоры фактически зашли в тупик, что стало неприятным сюрпризом как для России, так и для других стран – участниц ДЭХ, годами терпеливо дожидавшихся достижения Россией и Евросоюзом компромисса для общей пользы всех государств – участников энергетической цепочки. Но, к сожалению, сложившаяся вокруг проекта Протокола ситуация объективно отодвигает возможность рассмотрения вопроса о ратификации Россией ДЭХ на неопределенную перспективу, и дело здесь не в чем-то злом умысле, а в объективной необходимости защиты национальных интересов в области энергетики¹⁴.

Наиболее непримиримые споры идут по трем ключевым статьям протокола.

1. Статья о транзите через территорию Евросоюза, которая объявлена Брюсселем «единым транспортным пространством»¹⁵ ЕС, что позволяет относить к транзиту только перемещение товара через эту территорию в третьи страны. Таким образом, транзит через ЕС выводится из-под действия Протокола, хотя энергооператоры Евросоюза сохраняли бы свое право пользоваться его льготами на территории других стран ДЭХ.

Это положение Транзитного протокола Энергетической хартии можно интерпретировать как разрешение независимым поставщикам других стран (в первую очередь стран Средней Азии) использовать газотранспортную систему российского «Газпрома» и поставлять свой газ непосредственно в Европу, минуя посредника в лице России. Россия же рассматривает наличие у нее уникальной системы трубопроводов как конкурентное преимущество, полученное в результате многолетних колоссальных инвестиций в нефтегазовый сектор, которые должны окупаться. И отказывается предоставлять свободный доступ другим поставщикам к своей системе трубопроводов.

По мнению идеологов либерализации газового рынка, это означает, что Россия перекрывает прямой доступ среднеазиатскому газу на европейские рынки, тем самым препятствуя диверсификации источников снабжения Евросоюза. То есть без права прямого доступа к российским газопроводам европейские потребители не могут получать более дешевый среднеазиатский газ¹⁶.

Применение к России этого положения означало бы прежде всего свободный транзит через нашу территорию в ЕС среднеази-

атских и каспийских энергоносителей с возможностью демпингового подрыва ими ценообразования на наши нефть и газ в Европе. При этом Россия лишалась бы прав на эквивалентный режим транзита своего газа внутри ЕС. Более того, та же статья требует предоставлять иностранным инвесторам право строить на территории стран ДЭХ дополнительные трубопроводы, если существующие национальные сети не обеспечивают необходимых объемов транзитной прокачки. Это, в свою очередь, в корне подрывало бы существующую систему одноканального экспорта газа из России с тем же, в итоге, подрывом экспортных цен.

Так, при ратификации ДЭХ Россия будет обязана предоставлять зарубежным компаниям равные права с Газпромом на транспортировку любых объемов газа по российской территории, что задевает интересы РФ, ее производителей и Газпром в том числе.

В этом случае создается возможность выкачать весь газ из России и оставить ее ни с чем, дав ей в случае ратификации ДЭХ лишь некоторые налоговые преференции и поступления. В результате газ транснациональных корпораций вытеснит российский газ, что является для РФ серьезным риском¹⁷.

2. Статья о так называемом «праве первого отказа»; Евросоюз выступает против применения преимущественного права на транзит (иначе: «право первого отказа») так как оно противоречит правилам равной конкуренции ЕС. Российская сторона считает, что первоочередное право транзита должно быть предоставлено экспортеру, имеющему долгосрочный контракт на поставку, и подчеркивает, что отрицание «права первого отказа» способно подорвать институт долгосрочных контрактов и всю систему сбыта российского сетевого газа в Европе¹⁸. ЕС, наоборот, требует гарантировать такое право только владельцам краткосрочных транзитных контрактов.

3. Вопрос о принципах установления тарифов¹⁹ в случае перегрузки передающих мощностей при транзите. Евросоюз предлагает определять транзитные тарифы на аукционной основе, в то время как российская сторона допускает использование аукционов для прокачки газа по краткосрочным контрактам, однако настаивает на том, что для долгосрочных контрактов должна применяться формула «издержки плюс разумная норма прибыли». Здесь был найден рабочий компромисс, предусматривающий для таких случаев применение системы аукционов с последующим использованием получаемых при этом дополнительных доходов для расширения пропускной способности трубопроводов и компенсации экспортеру за его дополнительные расходы. Однако этот компромисс пока не формализован²⁰.

Оценивая результаты проведенных переговоров, автор данной статьи согласен с теми российскими экспертами, которые полагают, что ресурс договоренностей на них практически исчерпан, и потому Россия воздерживается ныне и от ратификации ДЭХ, и от одобрения текста Протокола, как не отвечающих интересам России и ее корпоративного сектора²¹.

Рассматривая же не только транзитный протокол к ДЭХ, но и договор в целом, необходимо отметить, что за внешним формальным юридическим равенством сторон в ДЭХ при его практическом применении для России скрыты весьма серьезные риски.

При ратификации ДЭХ Россия оказалась бы в нем одним из немногих производителей энергии в клубе ее потребителей. При современном членстве в Договоре страны-потребители имеют в нем 40 голосов из 57, другими словами, больше любого квалифицированного большинства²². Это ставит Россию в ДЭХ в положение заложника чужой системы голосования. Видимо, по тем же основаниям от ратификации Договора воздерживается и Норвегия.

В свое время ДЭХ был нужен российским энергетическим компаниям в качестве доступа к торговым льготам ВТО, которые дает ст. 29 Договора странам, не состоящим в ВТО. Однако, после официального присоединения России к ВТО, которое, по мнению российского руководства, должно состояться в ближайшее время, необходимость в таком косвенном (и неполном) доступе отпадает²³.

ДЭХ уже показал себя достаточно малоэффективным на практике. Так, хотя его уже ратифицировала Украина и ссылка на Договор фигурирует в ряде российско-украинских двусторонних энергетических документов, механизмы ДЭХ никак не сработали, например, в ходе российско-украинского газового конфликта.

«Украинская сторона, – констатировал участник этих переговоров В. Фейгин, – сочла для себя невыгодным применение здесь механизмов ДЭХ», и в частности «украинские политики были резко против определяющего принципа ДЭХ о разделе условий поставок газа и условий его транзита»²⁴, а Секретариат Энергохартии предпочел занять в этом споре отсутствующую позицию.

Не отказываясь ратифицировать ДЭХ как таковой, Россия требует привести ряд важных для нее норм и формулировок в тот вид, который исключил бы ущемление российских интересов. Очевидно, что Договор в его современном виде уже существенно отстал от реалий жизни. В нем, в частности, не находят отражения выдвигаемый Россией в энергоинвестировании принцип «активы в обмен на активы». «Мягкий», а не «твердый» характер носят в нем многие обязательства по доступу к источникам финансирования, распределительным сетям, складскому хозяйству в портах и НПЗ стран-

потребителей для стран-производителей, что лишь усиливает имидж ДЭХ как «картеля потребителей»²⁵.

В заключение необходимо отметить главные недостающие элементы ДЭХ, отсутствие которых не позволяет придти к компромиссу, а именно – необходимость обеспечения не только безопасности (гарантий) предложения, но и безопасности (гарантий) спроса. Формирование баланса интересов производителей, потребителей и транзитеров, нахождение разумного сочетания между либерализацией рынков и признанием роли института долгосрочных контрактов – главные условия превращения ДЭХ в эффективный инструмент общеевропейского сотрудничества в энергетической сфере.

Как выход из сложившейся ситуации для России и ЕС, на долю которых приходится основная часть транзитных грузопотоков, мог бы стать вариант перенесения данного переговорного процесса на двусторонний уровень. Однако, на данный момент политическая практика показывает, что Евросоюз избрал для себя политику давления на Россию с целью ратификации ДЭХ и Транзитного протокола в их нынешнем виде.

Примечания

- 1 Энергодиалог Россия–ЕС. Обобщающий доклад. Париж, 2008. С. 2. [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/energy/russia/joint_progress/doc/progress9_ru.pdf (дата обращения: 01.03.09).
- 2 *Луков В.Б.* Россия не занимается «энергетическим шантажом» // Энергополис. 2007. Ноябрь. № 3.
- 3 Комментарий официального представителя МИД России А.А. Нестеренко в связи с Международной конференцией ЕС–Украина по инвестициям для модернизации украинской газотранспортной системы // Сайт МИД РФ. [Электронный ресурс] URL: http://www.in.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/DA667E9F82DFE932C3257582005A6199?OpenDocument (дата обращения: 25.03.09).
- 4 Путин считает «газовую» декларацию Украина–ЕС непрофессиональной // Сайт РИА Новости [Электронный ресурс] URL: <http://www.gian.ru/economy/20090323/165812848.html> (дата обращения: 25.03.09).
- 5 Сайт Европейской Комиссии. [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/energy/russia/overview/index_en.htm (дата обращения: 01.03.09).
- 6 *Карнеев А.* Энергодиалог: Новые зоны особого внимания // Мировая энергетика. 2005. № 4.
- 7 *Чижов В.А.* Диалог без давления // Независимая газета. 05.02.2007.
- 8 *Энтин М.* Коренная модернизация Соглашения о партнерстве и сотрудничестве: политический аспект // Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества. М., 2007. С. 22.

- 9 Интернет-портал Энергетическая хартия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.encharter.org/index.php?id=22&L=1> (дата обращения: 01.03.09).
- 10 Члены и наблюдатели // Интернет-портал Энергетическая хартия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.encharter.org/index.php?id=61&L=1> (дата обращения: 01.03.09).
- 11 *Ершов Ю.* Договор к Энергетической хартии: быть или не быть – таков вопрос // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 10. С. 24
- 12 *Буякевич М.* «Троянский конь» по имени ДЭХ // Мировая энергетика. 2007. № 9. [Электронный ресурс] URL: http://worldenergy.ru/index.php?id=20_40_2088 (дата обращения: 14.03.09).
- 13 *Маслов О.* Глобальная энергетическая Хартия и новая российская энергетическая доктрина // Независимое аналитическое обозрение. 19.01.2009.
- 14 *Буякевич М.* Троянский конь по имени ДЭХ...
- 15 См. статью 20 Заключительного акта конференции по энергетической хартии в отношении проекта протокола к энергетической хартии по транзиту [Электронный ресурс] URL: http://www.encharter.org/fileadmin/user_upload/document/CC251ru.pdf (дата обращения: 1.03.09).
- 16 *Томберг И.* Россия–Европа: серьезные трудности энергодиалога // электронное издание «Фонд стратегической культуры» [Электронный ресурс] URL: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=371> (дата обращения: 01.03.09).
- 17 *Язев В.А.* Россия без ТЭК просто замерзнет // Мировая энергетика. 2004. Март. № 3. С. 12.
- 18 См. выступление зампреда правления «Газпрома» Александра Медведева. Газовая опека // Коммерсантъ. № 94. 29.05.2006.
- 19 См. статью 10 Заключительного акта конференции по энергетической хартии в отношении проекта протокола к энергетической хартии по транзиту [Электронный ресурс] URL: http://www.encharter.org/fileadmin/user_upload/document/CC251ru.pdf (дата обращения: 02.03.09).
- 20 *Конопляник А.* Три вопроса по протоколу // Нефтегазовая вертикаль. 2002. № 16. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ngv.ru/article.aspx?articleID=22852> (дата обращения: 2.03.09).
- 21 Политическая экспертная сеть «Кремль.org». [Электронный ресурс] URL: <http://www.kreml.org/topics/94600258>
- 22 *Буякевич М.* Перемены давно назрели // Мировая энергетика. 2008. № 7. [Электронный ресурс] URL: http://www.worldenergy.ru/doc_20_50_2665.html (дата обращения: 02.03.09).
- 23 *Он же.* «Троянский конь» по имени ДЭХ...
- 24 *Фейгин В.И., Белова М.А.* Украинский газовый кризис и Договор к энергетической хартии (ДЭХ) // «ИЭФ Экономическое обозрение». 2006. № 3. С. 45.
- 25 *Романова Т.А.* Россия и ЕС: диалог на разных языках // Россия в глобальной политике. 2006. № 6, Ноябрь – Декабрь. [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/23/6689.html> (дата обращения: 01.03.09).

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
СОТРУДНИЧЕСТВО НА ФОНЕ КРИТИКИ
ФРАНЦУЗСКИХ СМИ

Статья посвящена анализу российско-французских отношений в энергетической сфере в начале XXI века. Автор сопоставляет официальный контекст российско-французского энергетического диалога с медийным дискурсом, формирующимся на страницах двух крупнейших французских газет – «Le Monde» и «Le Figaro».

Ключевые слова: энергетическое сотрудничество, энергетическая политика ЕС, «Газпром», «Total», «GDF Suez», «газовые войны», «нефтяная война», «энергетическое оружие».

Энергетика всегда была и остается одним из основных направлений российско-французского сотрудничества. На протяжении последних тридцати лет между двумя странами развивались прочные и надежные связи в трех основных областях энергетики: нефть, природный газ и атомная энергия. В начале XXI в., несмотря на многие пессимистические оценки, которые звучат как у нас в стране, так и во Франции, сотрудничество продолжает развиваться, чему существует немало свидетельств. Сколько бы ни критиковалась энергетическая политика России в различных академических, аналитических или журналистских кругах во Франции, власти предрежащие в Париже исходят в первую очередь из принципов экономической и политической целесообразности.

На сегодняшний день наиболее популярной и, как считается, наиболее аргументированной стала точка зрения, согласно которой средства массовой информации не являются независимыми и, так или иначе, выражают взгляды определенных политических или связанных с ними экономических кругов. Признавая это, мы по-

следовательно приходим к выводу о том, что тот дискурс, который формируется в средствах массовой информации по той или иной проблематике, может стать ключом к пониманию официальной политики властей. На примере российско-французского энергетического сотрудничества мы хотели бы показать, что этот вывод не всегда является правомерным. Для этого мы сравним публикации двух ведущих французских газет – «Le Monde» и «Le Figaro», – посвященные российской энергетической политике, с официальным дискурсом российско-французских отношений в рассматриваемой сфере.

Официальный дискурс

На официальном уровне в последние годы наблюдается интенсификация российско-французского сотрудничества в энергетической сфере. Самым ярким тому подтверждением является подписание в июле 2007 года «Газпромом», «Севморнефтегазом» и французской компанией «Total» рамочного Соглашения по основным условиям сотрудничества при разработке первой фазы Штокмановского газоконденсатного месторождения, предусматривающего ежегодный объем добычи около 70 млрд куб. м. природного газа и 0,6 млн т. газового конденсата. 21 февраля 2008 г. «Газпром», «Total» и норвежская «Statoil Hydro» подписали Соглашение акционеров о создании компании специального назначения Shtokman Development AG, держателем 25% капитала которой стал «Total»¹. Очевидно, что подобного рода соглашения являются следствием серьезных переговоров на самом высоком уровне. В связи с этим ссылка на телефонный разговор между Владимиром Путиным и Николя Саркози накануне принятого «Газпромом» решения предоставить французской компании «Total» право участия в разработке Штокмановского месторождения представляется оправданной, так как тем самым мы делаем основной акцент на политической составляющей сделанного выбора, что, как нам кажется, позволяет лучше понять эволюцию развития российско-французского энергетического диалога.

В первых программных заявлениях Саркози, посвященных внешней политике, Россия упоминалась в основном лишь в связи с критикой гуманитарных издержек чеченской войны и авторитарной эволюцией ее режима². Признание законности прав России на статус великой державы, не противоречащее французскому видению концепции многополюсного мира, сопровождалось упреками в «грубости» методов борьбы за его утверждение с использованием

энергетического фактора. «Газовая» и «нефтяная» войны начала 2006 г. – с Украиной и Белоруссией соответственно – стали основными катализаторами подобного рода критики, ярко отразившейся во французских средствах массовой информации.

Однако события не замедлили внести в пессимистические прогнозы о будущем развитии российско-французского сотрудничества существенные поправки. С окончанием предвыборной лихорадки во Франции реальность все более расходилась с ожиданиями. Личная встреча Владимира Путина и Николя Саркози на сессии G8 в Хайлигендамме (Германия) в июне 2007 г., рабочие визиты Кушнера, а затем и самого Саркози в Москву прошли в деловой и конструктивной атмосфере. Франция действительно продолжала критиковать российскую политику в энергетической сфере. Но, являясь лидером процесса европейской политической интеграции, Париж просто не мог позволить себе поступать иначе. Статус обязывал и обязывает заботиться об интересах своих партнеров по ЕС, пусть даже это иногда и выражается лишь на уровне публичных заявлений.

При анализе российско-французских отношений в области энергетического сотрудничества необходимо иметь в виду, что в отличие от стран Восточной и некоторых стран Западной Европы Франция не столь зависима от российских энергоресурсов. 39% всей потребляемой в стране энергии приходится на АЭС³. Что же касается нефти и газа, на которые приходится 36 и 16% соответственно⁴, то здесь Россия уступает пальму первенства Норвегии, являющейся основным поставщиком энергоресурсов во Францию. Таким образом, в случае ухудшения отношений с Москвой или в условиях непредвиденных обстоятельств (например, «энергетических войн» на постсоветском пространстве), Париж всегда может рассчитывать на альтернативные источники. Но, как показывает практика, на сегодняшний день Франция не видит в этом необходимости и продолжает развивать российский вектор своей энергетической политики. Total остается одним из основных покупателей российской нефти и нефтепродуктов; продолжается эксплуатация Харьгинского месторождения в Тимано-Печорском бассейне на территории Ненецкого автономного округа. Напомним, что договор, ставший основой для реализации этого проекта, является первым примером СРП (Соглашение о разделе продукции) между Россией и европейскими компаниями. 50% в проекте принадлежит «Total», 40% – норвежской компании «Norsk Hydro» и 10% – «Ненецкой нефтяной компании»⁵. В подтверждение тому, что французского руководство не столь пессимистично в оценке будущего развития российско-французских отношений в энергетичес-

кой сфере, приведем еще один важный факт: 19 декабря 2006 г. Председатель правления ОАО «Газпром» Алексей Миллер и президент, генеральный директор «Gaz de France» Жан-Франсуа Сирелли подписали Соглашение о продлении до 2030 года действующих контрактов на поставку российского природного газа во Францию⁶. Согласно одному из условий Соглашения, российский газовый гигант получает прямой выход к конечному потребителю во Франции. Ранее, в ноябре 2006 г., «Газпром» открыл в Париже свой филиал, через который должна осуществляться прямая продажа газа. Сумма контракта составляет примерно 2 млрд долл. в год, объемы поставок – 12 млрд кубометров за тот же период. Помимо этих 12 млрд, «Gaz de France» также будет получать дополнительные 2,5 млрд кубометров российского газа в год, начиная с 2010 г., когда будет запущен российско-германский газопровод «Nord Stream», пролегающий по дну Балтийского моря⁷.

Наличие альтернативных источников и взаимный интерес в вышеприведенных проектах позволяют Франции вести равноправный диалог с Россией и не допускают скатывания к состоянию нервозности и взаимных обид, столь характерных для отношений Москвы с некоторыми государствами Восточной Европы. Что, в свою очередь, позволяет развиваться благотворному сотрудничеству, в том числе и в энергетической области. То, что Россия, согласно заявлениям некоторых официальных французских лиц, «грубо себя ведет» по отношению к другим странам ЕС, как показывает опыт, не становится препятствием на этом пути. Ведь, с точки зрения Парижа, «единая Европа» как политическое образование – есть благо, так как позволяет Франции в современных международных условиях сохранить статус великой державы. Экономическая же интеграция часто ведет к последствиям не столь благоприятным ни для французского бизнеса, ни для французских граждан. Как следствие – провал референдума по европейской конституции в мае 2005 г. и стремление Франции проводить более независимую энергетическую политику по отношению к России.

Еще раз акцентируя внимание на политической составляющей рассматриваемого нами вопроса, обратимся к истории. Когда в 1970-е годы Франция и Германия начали импортировать советский газ, они стремились не только уменьшить энергетическую зависимость от США, но и продемонстрировать свой собственный политический курс. «Когда Франция решила покупать российский газ, политика генерала де Голля, видимо, имела свой вес в этом выборе», – полагает глава представительства «Gaz de France» в Москве Жак Роттенберг⁸. В начале XXI в. политические факторы все так же сильны. «Национальный эгоизм», частью которого является

«эгоизм энергетический», предопределяет внешнеполитические приоритеты стран. Развитые государства Европы, в особенности Франция и Германия, являющиеся, кстати, лидерами политической и экономической интеграции в рамках ЕС, с явным недоверием относятся к инициативам вроде «энергетического НАТО», которые исходят от стран новой Европы и в которых западноевропейцы видят зачастую происки США и попытки восточноевропейцев диктовать им, как строить отношения с Россией⁹.

Понимая, что в области экономического сотрудничества наилучшие отношения у Москвы сложились с Берлином, Париж стремится в союзе с последним добиться для себя дополнительных преференций в рамках энергетического диалога. В октябре 2006 г. Жак Ширак договаривается с Ангелой Меркель о создании двустороннего энергетического альянса – шаг, который, помимо всего прочего, позволяет Франции в рамках еще одной площадки для переговоров развивать отношения с Россией и при этом не вызывает острой критики со стороны Брюсселя и других западноевропейских столиц. Показательным здесь является не то, что в альянс не пригласили Россию (зная, как строятся отношения в Евросоюзе, трудно было бы всерьез ожидать, что Париж и Берлин столь явно предпочтут Россию другим основным партнерам по ЕС). Показательно, что в него пока не пригласили другие европейские страны¹⁰. Это, на наш взгляд, легко объясняется с точки зрения «национального эгоизма». Прозвучавшее же в адрес России предложение ратифицировать Энергетическую хартию без изменений можно рассматривать и как заявление, призванное успокоить партнеров, и как элемент торга с Москвой по поводу условий дальнейшего энергетического сотрудничества. Высказывания Саркози во время его рабочего визита в Москву 9–10 октября 2007 г., в которых французский президент ратует за расширение как французских капиталовложений в России (в том числе, например, посредством приобретения миноритарного пакета акций «Газпрома»), так и российских во Франции¹¹, являются свидетельством того, что французская сторона нацелена на интенсификацию этого сотрудничества.

Способствует развитию российско-французского диалога в энергетической сфере и тот факт, что французская бизнес-культура, издавна отмеченная этатистскими традициями, ближе к российской, нежели более либеральная англо-саксонская или германская¹². Французская энергетика все еще отличается значительной ролью государственных или смешанных корпораций национального, а порой и международного масштаба – таких как «Gaz de France», сравнимых с российскими госмонополиями типа РАО «ЕЭС России».

Во время «энергетических войн» с Украиной начала 2008 и 2009 гг. Россия отдавала предпочтение не диалогу с Брюсселем, а «двусторонней дипломатии», заключающейся в непосредственном контакте с ведущими европейскими странами, и отношениям с крупными газовыми компаниями Европы. Как следствие, в период председательства Франции в Евросоюзе, которое пришлось на второе полугодие 2008 г., активизировался диалог на уровне Москва–Париж. Французский президент дважды – в августе и сентябре – приезжал в Москву и ни разу за этот период не подверг резкой критике российскую политику в энергетической сфере. 17 января 2009 г. состоялась «Международная конференция глав государств и правительств по вопросу обеспечения доставки российского газа потребителям в Европе». Николя Саркози, имеющий опыт посредничества между Россией и Грузией во время августовских военных действий на Кавказе, на этот раз специально заявил, что не поедет в Москву. На наш взгляд, это объясняется тем, что он не хотел и не мог противоречить согласованной позиции Евросоюза. Франция предпочла обвинить в срыве поставок газа в Европу и Россию, и Украину. Французские официальные лица действительно заявили, что европейские компании не имеют никаких договоров с «Нафтогазом» Украины, у них есть контракты с Газпромом, по которым они регулярно платят и рассчитывают так же регулярно получать газ. И если «Газпром» не сумел договориться с украинским транзитером, то в этом есть и вина «Газпрома». Но с другой стороны, генеральный директор «GDF Suez» Ж. Местралле в интервью, данном им газете «Le Figaro» в конце января 2009 г., сделал акцент на необходимости строительства новых объектов газотранспортной инфраструктуры, которые бы позволили странам ЕС снизить зависимость от транзита газа через территорию Украины¹³. Одним из таких приоритетных объектов, по мнению Местралле, является газопровод «Nord Stream», который должен соединить Россию с Германией в обход Украины. Тем самым руководитель «GDF» дал понять, что видит в лице Украины, а не России, главного виновника приостановки поставок газа в Европу.

Во Франции часто слышатся призывы о необходимости для ЕС выработать единую политику энергетической безопасности, которая бы снизила зависимость Союза от России. Особенно актуальным этот сюжет стал после того, как в течение двух зим подряд Россия на короткое время прекращала подачу энергоресурсов в Европу в ходе ценовых споров с Украиной и Белоруссией. В мае 2007 г. энергетическая политика Москвы стала причиной того, что частично был сорван саммит ЕС–Россия, проходивший в Самаре.

И на этом фоне представители немецкой «E.ON», французской «Gaz de France», итальянской «ENI» и некоторых других компаний встречаются в Берлине в Российском доме науки и культуры с руководством «Газпрома» в рамках энергетической конференции. Руководители компаний призывают к потеплению в отношениях между Евросоюзом и Россией и говорят о том, что ключом к обеспечению энергетической безопасности является увеличение количества сделок с «Газпромом», а не их сокращение¹⁴. Таким образом, пока ЕС пытается уменьшить свою зависимость от российских энергоресурсов, европейские энергетические компании действуют с прямо противоположными целями. Французские компании – не исключение.

Медийный дискурс

Анализ материалов «Le Monde» и «Le Figaro» – двух крупнейших французских газет, придерживающихся левоцентристских и правоцентристских политических взглядов соответственно и являющихся основными выразителями общественного мнения во Франции, – позволил нам прийти к неутешительному выводу о том, что энергетическому сотрудничеству между Россией и Францией уделяется мало внимания в рамках медийного дискурса. Энергетическая же политика Москвы если и рассматривается на страницах газет, то лишь в контексте диалога между Россией и ЕС, в рамках которого, как известно, отношения развиваются не по самому благоприятному сценарию. Уже в статье «Le Monde» за 2000 г. «Энергетическое партнерство с Россией: риски для Европейского союза» делается характерный для всех публикаций, посвященных этой проблематике, вывод о том, что «Москва использует энергетическое оружие в своих отношениях со странами СНГ» и что «существует опасность того, что энергетическая зависимость превратит страны Запада в “ближнее зарубежье” России»¹⁵. Опыт Германии и ее тесное сотрудничество с Москвой в энергетической сфере рассматривается в статье как явление, которое может привести к «вассализации других европейских стран»¹⁶, в особенности стран Восточной Европы, интересы которых, по мнению авторов соответствующих статей, неправильно отделять от интересов самой Франции. В связи с этим вызывает повышенное беспокойство проект строительства газопровода, который бы проходил по дну Балтийского моря. Реализация этого проекта предоставит России дополнительный «политический инструмент» для шантажа и давления на страны Центральной и Восточной Европы. В целом, в тех немногих стать-

ях, опубликованных в период 2000 – конца 2005 г. и посвященных российской энергетической политике, очевидно стремление обеих газет сделать главный акцент на резкой критике действий российского руководства, стремящегося использовать энергетическое оружие для реализации своих «имперских амбиций»¹⁷ на международной арене. В статьях «Le Monde» («Нефтяные амбиции Владимира Путина»¹⁸, «Владимир Путин беспокоит своих соседей»¹⁹ и др.), равно как и в статьях «Le Figaro» («Когда “Газпром” стремится подчинить бывшие советские республики»²⁰, «Путин в роли царя G8»²¹ и др.) Россия предстает в качестве ненадежного партнера, у которого, по словам Дмитрия Тренина, цитируемого на страницах «Le Figaro», «единственные союзники – это газ и нефть»²².

Но все это было лишь прелюдией перед тем шквалом острой критики, которая обрушилась на Россию в 2006 г. Во время и после «энергетических войн» России с Украиной и Белоруссией (в январе и в декабре 2006 г. соответственно), приведших к приостановке поставок газа и нефти в страны Европы, в газетах было опубликовано немалое количество статей, в которых конструировался негативный внешнеполитический образ России. Как пишет в этот период «Le Monde», «газовая война» ознаменовала собой начало первой войны XXI века, и начала эту войну Россия, «нажав на кнопку энергетического оружия»²³. «Le Figaro» в меньшей, «Le Monde» в большей степени призывают страны ЕС к согласованию общей энергетической политики по отношению к России. «Нефтяная война» с Белоруссией и «газовая война» с Украиной являются, исходя из содержания газетных статей, очередным ярким свидетельством того, что Россия, чья экономика представляет собой «нестабильную моноэкономику энергоресурсов»²⁴, не может восприниматься как надежный энергетический партнер для Запада. Неважно, как характеризуется Россия в статьях газет, будь то «газовая держава на глиняных ногах»²⁵ («Le Monde») или «энергетическая супердержава», которая «плетет свою газовую паутину по всем азимутам»²⁶ («Le Figaro»), тон статей остается неизменным: «энергетическая зависимость от России не сулит Европе ничего хорошего». «Имперская политика» Москвы на постсоветском пространстве является ярким тому подтверждением. «Большому русскому брату» оказываются не по душе проевропейские настроения в его бывших сателлитах и, руководствуясь принципом «хороший сосед – слабый сосед», Кремль, используя энергетическое оружие, стремится ослабить страны своего «ближнего зарубежья». В статьях газет ничего не говорится о российско-французском сотрудничестве как таковом, но, исходя из материалов, посвященных отношениям между Москвой и Брюсселем в энергетической сфере,

можно сделать очевидный вывод о том, что авторы статей не видят в лице России надежного партнера, с которым можно было бы строить долгосрочные отношения. Создается впечатление, что все те события, которые происходят в плоскости российско-французского энергетического сотрудничества, целенаправленно обходятся стороной. В особенности это бросается в глаза на примере Штокмановского месторождения. Лишь в нескольких статьях «Le Monde» и «Le Figaro» за 2007–2008 гг. мы нашли информацию об этом проекте, притом что его значимость не подвергается сомнению ни в России, ни во Франции.

В условиях агрессивной энергетической политики, которую ведет российское руководство, первоочередной, по мнению газет, должна стать задача выработки общей стратегии для Европейского Союза. В рамках общей стратегии повышенное внимание необходимо уделять диверсификации поставок энергоресурсов. Надеяться на «Газпром», – читаем мы в «Le Figaro», – значит «обрекать себя на энергетический суицид»²⁷. В связи с этим серия соглашений, подписанных Россией с Болгарией и Сербией в энергетической сфере, воспринимается на страницах газет как угроза для интересов Союза, поддерживающего альтернативный проект газопровода «Набукко». Причем в очередной раз не делается различий между интересами ЕС и французскими национальными интересами. Однако же, согласно заявлениям, например, генерального директора «Total» Малжери, «Набукко» не входит в список проектов, представляющих для Франции жизненно важный интерес²⁸. Более перспективным проектом является «Nord Stream», и, как свидетельствует тому, франко-российское соглашение о дополнительных поставках газа во Францию через этот газопровод. Наиболее же показательной с точки зрения критического подхода газет по отношению к политике Москвы является статья «Le Figaro» под названием «Газпром – щупальца Москвы»²⁹. В этой статье, опубликованной в январе 2006 г., в самый разгар «газовой войны», Россия предстает в качестве силы, которая, «размахивая газовым оружием» стремится удовлетворить свои «ненасытные аппетиты». Четыре месяца спустя, когда, казалось бы, страсти вокруг энергетических войн поулеглись, в «Le Figaro» публикуется блок сюжетов под названием: «Газ: Россия на всех фронтах»³⁰. В рамках этих сюжетов вновь рассматривается энергетический диалог в формате Россия–ЕС и обходится стороной российско-французское сотрудничество. Как следствие, основной акцент вновь делается на необходимости диверсификации поставок энергоресурсов в страны Европейского Союза. И это притом, что такие вопросы, как сближение Москвы и Алжира, активные переговоры между Россией и Ираном, затраги-

вают крайне важные для Парижа интересы на Ближнем Востоке и в регионе Магриб – сюжеты, в рамках которых французская дипломатия традиционно предпочитает говорить на языке французских, а не общеевропейских интересов. Что касается российско-европейского диалога, то он остается, по образному выражению, «диалогом глухонемых»³¹. Масла в огонь критики добавляет в этом период и идея Путина о возможном создании «газового ОПЕК», которая не остается незамеченной в статьях, посвященных рассматриваемой проблематике. И вновь повторяется вывод о том, что «мускульная энергетическая политика Москвы»³² представляет угрозу для ЕС, а значит и для Франции, являющейся его неотъемлемой частью. Однако же, как показывает практика, вертикально интегрированные энергетические гиганты типа «Gaz de France» или «Total», деловые интересы которых на международной арене, безусловно, неотделимы от интересов самой Пятой республики, исходят в своей стратегии из экономической целесообразности, не сильно беспокоясь о политических идеалах ЕС. И французское руководство не стремится их за это критиковать. Может быть, именно поэтому вопросам российско-французского энергетического сотрудничества уделяется так мало внимания на страницах соответствующих газет. Если взять за основу правомерность гипотезы о том, что средства массовой информации не являются независимыми и публикуют лишь ту информацию, которую хотят видеть представители власти, то эта тенденция представляется легко объяснимой. Для французских официальных лиц, выступающих защитниками общеевропейских интересов и критикующих внутреннюю эволюцию российского режима, представляется нежелательным лишней раз вспоминать о новых соглашениях между российскими и французскими энергетическими компаниями, о договоренностях по газопроводу «Nord Stream» или, например, о перспективном Штокмановском проекте. Критика же российской энергетической политики на страницах газет не создает особых преград для сотрудничества. Если же исходить из того, что средства массовой информации дают независимые оценки, то объяснение этого феномена может быть найдено в том, что журналистские круги придерживаются ценностного подхода, в то время как круги политические предпочитают говорить на языке национальных интересов.

В ответ на газовый конфликт, вспыхнувший в отношениях между Россией и Украиной в январе 2009 г., газета «Le Monde» публикует статью албанского писателя Исмаила Кадаре под названием «Газовая война – новая “холодная война”». Главный акцент в этой статье делается на том, что в основе политики Москвы лежит «стремление внушать страх»³³. «Принуждение и создание паниче-

ских настроений» становятся, по мнению писателя, главными инструментами при реализации геостратегических задач российского руководства, «испытывающего ностальгию по ушедшему в прошлое СССР». В другой статье «Le Monde» под названием «Газовый кризис: каковы последствия?», опубликованной 21 января 2009 г., делается вывод о том, что если раньше европейские государства были слабо расположены выступать единым фронтом по энергетическому вопросу, теперь, после очередного конфликта в отношениях между «соседями-славянами», ситуация изменится³⁴. Европа, по мнению автора статьи, «должна будет сделать энергетику вопросом первоочередной важности»; европейским государствам «придется отказаться от позиции “каждый за себя”», разработать настоящую стратегию диверсификации энергоснабжения и попытаться сделать газовый рынок более транспарентным. Также в статье подчеркивается, что «принадлежащий на 50,1% государству, контролируемый “кланом петербуржцев”, верных Путину, российский колосс – 300 000 сотрудников, 153 000 километров газопроводов, 20% государственного бюджета – стал инструментом новой политики Кремля». «Le Figaro» также подверг резкой критике российское поведение во время газового конфликта с Украиной начала 2009 г. Так в статье «Путин получает дивиденды от “газовой войны”»³⁵ делается вывод о том, что «исполненная имперскими амбициями» Россия при помощи энергетического оружия пытается вернуть в орбиту своего влияния тяготеющую к Западу Украину. И это происходит спустя шесть месяцев после того, как Кремль «огнем и мечом усмирил маленькую Грузию». Газовая война между Россией и Украиной в очередной раз, сожалеет автор статьи, показала неспособность Европейского Союза воплотить в жизнь «солидарность», обещанную новым членам из Восточной Европы. Кремль же продолжает успешно использовать энергетическое оружие как инструмент, который «несет в себе семена европейского раздора». На наш взгляд, более беспристрастный анализ событий газовой войны начала 2009 г. между Россией и Украиной проводится в статье «Le Monde» под названием «Европа, “медведь” и газ»³⁶. В этой статье подчеркивается взаимозависимость России и ЕС в энергетической сфере и делается вывод о том, что «проблема Европы заключается не в избыточной зависимости от российского газа, а в политических разногласиях внутри ЕС». Так, в отличие от стран Восточной Европы, Германия, Франция и Италия настроены более миролюбиво по отношению к России, а «мощь их энергетических компаний (“E.ON Ruhrgas”, “GDF Suez”, “ENI”) делает партнерство с “Газпромом” более сбалансированным»³⁷.

Сопоставляя материалы двух газет, посвященных российской энергетической политике, мы пришли к выводу, что более лояльную по отношению к России позицию занимает «Le Figaro». Ее критика является не менее, а в некоторых случаях даже и более, острой, однако же на страницах этой газеты чаще появляется альтернативная общепринятой точка зрения на поведение России в энергетической сфере. Здесь мы находим и «наличие общих интересов у Путина и европейцев», и заявление Тони Блэра о том, что «как Запад нуждается в российских энергоресурсах, так и Россия нуждается в западных инвестициях»³⁸, и потому неправильно говорить об односторонней зависимости. Здесь же встречается и предложенная Путиным идея «христианской энергии»³⁹ как возможная альтернатива энергоресурсам с Ближнего Востока, здесь же мы находим и положительную оценку сотрудничества России и Норвегии в рамках нефтяных проектов в Баренцевом море. Говоря о материалах, опубликованных за последние два года, на которые приходится подписание нескольких важных соглашений в области российско-французского энергетического сотрудничества, хотелось бы отметить несколько статей, опубликованных в «Le Figaro»: «Париж и “Газпром”»: точка зрения Александра Медведева⁴⁰, в которой приводится оптимистичный сценарий развития отношений между Парижем и Москвой в энергетической сфере; «“GDF” и “Газпром” совместно входят на канадский рынок»⁴¹, в которой рассматривается один из удачных вариантов двустороннего сотрудничества в рамках проекта экспорта штокмановской нефти в Канаду; интервью с генеральным директором «Total» Маржери⁴², в рамках которого Россия предстает в качестве сложного, но все же неизбежного и стабильного партнера или, например, интервью с главой «GDF Suez» Ж. Местралле, в котором рассматривается возможность партнерства французской компании с «Газпромом» в рамках строительства газопровода между Россией и Германией⁴³. Примечательно то, что все эти статьи были опубликованы уже в период президентства Николя Саркози, что можно рассматривать в качестве одного из аргументов, опровергающих пессимистичный взгляд на возможный сценарий развития российско-французских отношений в целом. Как нам кажется, подобного рода отступления на фоне общей критики российской энергетической политики объясняются тем, что «Le Figaro» всегда являлась защитницей голлистских традиций во французской внешней политике, для которой приоритетными являются принципы «национального интереса» и «сильной власти». В связи с этим авторы некоторых статей выражают понимание стремления России вернуть утраченные позиции на постсоветском пространстве, в связи с этим же не столь

критичен взгляд газеты на использование российской властью экономических рычагов давления, помогающих реализовать национальный интерес. Главное, чтобы национальные интересы России не вступали в противоречие с интересами Пятой республики. В области энергетики этого чаще всего не происходит.

Как признается уже упоминавшийся нами генеральный директор «Total» Маржери, в современном мире прогрессирует «национальный эгоизм»⁴⁴, а транснациональные компании, хотя и богатеют, теряют при этом свой политический вес и становятся инструментом в руках власть имущих. В подобных условиях успех экономических проектов часто зависит от политической воли. А в плоскости политической у России и Франции немало общих интересов. Поэтому, несмотря на резкую критику французских СМИ, российско-французскому сотрудничеству в энергетической сфере, на наш взгляд, суждено развиваться. Требуют того законы и экономической, и политической целесообразности. Ну а медийный дискурс остается в данном случае лишь фоном, который не всегда отражает дискурс официальный.

Примечания

- 1 Штокмановский проект [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании ОАО «Газпром». URL: <http://www.gazprom.ru/articles/article20262.shtml>. (дата обращения: 17.02.2009).
- 2 *Рубинский Ю.И.* Диалог Москва–Париж продолжается // *Международная жизнь*. 2007. 28 декабря. № 12.
- 3 Energy consumption in France [Электронный ресурс] // Official Energy Statistics from the U.S. Government. URL: <http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/France/ Full.html> (дата обращения: 17.02.2009).
- 4 Ibid.
- 5 Россия–Франция: прочная основа и хорошие перспективы // *Международная жизнь*. 2000. 10 марта. № 3.
- 6 История / 2006 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании ОАО «Газпром». URL: <http://www.gazprom.ru/articles/article29192.shtml>. (дата обращения: 17.02.09).
- 7 Gaz russe en direct en France [Электронный ресурс] // Consortium France-CEI Russomania. 20.12.2006. URL: <http://www.russomania.com/Gaz-russe-en-direct-en-France>. (дата обращения: 17.02.2009).
- 8 Газ nach Westen: новая стратегия «Газпрома» на европейском рынке создаст единое энергетическое пространство России и Европы // *Эксперт*. 1997. 17 ноября. № 44 (112).
- 9 Предложение, от которого можно отказаться // *Эксперт*. 2006. 23 октября. № 39 (533).

Д.С. Качков

- 10 Там же.
- 11 *Рубинский Ю.И.* Указ. соч.
- 12 Там же.
- 13 Mestrallet : «Aucun des clients de GDF Suez n'a pâti de la crise du gaz russe» // Le Figaro. 2009. 23.01.
- 14 European Union energy companies court Moscow [Электронный ресурс] // Official website of The Christian Science Monitor. 21.06.2007. URL: <http://www.csmonitor.com/2007/0621/p06s02-woeu.html>. (дата обращения: 17.02.09).
- 15 Le partenariat énergétique avec la Russie: les risques pour l'Union Européenne // Le Monde. 2000. 01.11.
- 16 Ibid.
- 17 Quand Gazprom veut mettre au pas les ex-republiques soviétiques // Le Figaro. 2005. 26.12.
- 18 Les ambitions pétrolières de Vladimir Poutine // Le Monde. 2004. 19.06.
- 19 Vladimir Poutine inquiète ses voisins // Le Monde. 2004. 12.10.
- 20 Quand Gazprom veut mettre au pas les ex-republiques soviétiques // Le Figaro. 2005. 26.12.
- 21 Poutine en tsar du G8 // Le Figaro. 2005. 31.12.
- 22 La crispation imperiale russe n'est pas tombée du ciel // Le Figaro. 2006. 13.02.
- 23 La guerre du gaz // Le Monde. 2006. 02.01.
- 24 La Russie, puissance gazière aux pieds d'argile // Le Monde. 2007. 23.01.
- 25 Ibid.
- 26 Poutine tisse sa toile gazière dans les Balkans // Le Figaro. 2007. 25.06.
- 27 Ibid.
- 28 Margerie: les pétroliers, «plus riches mais moins puissants» // Le Figaro. 2008. 16.09.
- 29 Gazprom: les tentacules de Moscou // Le Figaro. 2006. 24.01.
- 30 Gaz: la Russie est sur tous les fronts // Le Figaro. 2006. 06.04.
- 31 Dialogue de sourds entre Européens et Russes sur l'énergie // Le Figaro. 2006. 20.10.
- 32 Poutine brandit la menace d'une Opep du gaz // Le Figaro. 2007. 02.02.
- 33 La guerre du gaz, nouvelle guerre froide // Le Monde. 2009. 04.02.
- 34 Crise du gaz: quelles séquelles? // Le Monde. 2009. 21.01.
- 35 Poutine touche les dividendes de la guerre du gaz // Le Figaro. 2009. 28.02.
- 36 L'Europe, l'«ours» et le gaz // Le Monde. 2009.08.01.
- 37 Ibid.
- 38 Poutine et les Européens unis par des intérêts communs // Le Figaro. 2005.05.10.
- 39 Dialogue de sourds entre Européens et Russes sur l'énergie // Le Figaro. 2006.20.10.
- 40 Paris et Gazprom: le point de vue d'Alexandre Medvedev // Le Figaro. 2008. 14.02.
- 41 GDF et Gazprom entrent ensemble au Canada // Le Figaro. 2008. 21.05.
- 42 Margerie: les pétroliers, «plus riches mais moins puissants» // Le Figaro. 2008. 16.09.
- 43 Mestrallet : «Aucun des clients de GDF Suez n'a pâti de la crise du gaz russe» // Le Figaro. 2009. 23.01.
- 44 Ibid.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы и перспективы российско-американских отношений и возможности сотрудничества в сфере энергетики. Негативные моменты и противоречия двухсторонних отношений могут быть минимизированы благодаря активному экономическому сотрудничеству. Несмотря на несходство позиций и усиливающуюся конкуренцию за доступ к энергоресурсам, российско-американский энергодиалог открывает перспективы для углубления стратегического партнерства. В интересах обеих стран развивать фундамент глобальной системы энергетической безопасности.

Ключевые слова: российско-американские отношения, энергетические ресурсы, энергетическая безопасность, сотрудничество, энергодиалог.

За относительно короткий период времени отношения между Россией и Соединенными Штатами прошли довольно противоречивый путь: от стратегического партнерства и кооперации в борьбе против международного терроризма до осознания обеими сторонами широкого спектра разногласий по ряду вопросов, что заставило экспертов и аналитиков говорить об ухудшении российско-американских отношений к окончанию второго срока президентства Дж. Буша-младшего¹.

Можно выделить ряд основных причин, которые вызвали ухудшения двухсторонних отношений, при этом следует подчеркнуть, что под «ухудшением» понимается не возвращение двухсторонних отношений к конфронтации эпохи холодной войны, а отсутствие практических договоренностей и значительное расхождение позиций по военно-стратегическим и международно-политическим проблемам.

Во-первых, это активизация внешнеполитической деятельности РФ. Действия российской дипломатии способствовали восстановлению ее великодержавной идентичности и выработке курса на вовлеченность решения глобальных и региональных проблем. Примечательным рубежом стала речь Президента РФ Путина на международной конференции в Мюнхене 2007 г. В ней, в частности, было отмечено, что «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня»².

Концептуальное воплощение возросшей роли России в мировой политике отразилось в утвержденной 12 июля 2008 г. Президентом Д.А. Медведевым новой Концепции внешней политики России. В ней подтверждена приверженность России целям укрепления коллективных и правовых начал в международных отношениях, становления полицентричного мирового порядка, а также обозначены главные принципы внешней политики – прагматизм, твердое, но неконфронтационное продвижение национальных интересов, многовекторность, защита российских граждан в соответствии с международным правом, поддержка российского бизнеса в конкурентной борьбе на мировых рынках³.

Во-вторых, сформировался консенсус российских элит и общества относительно статуса РФ как сильной мировой державы. Согласно опросу Фонда «Общественное мнение», проведенного в 2008 г., 71% респондентов считает, что Россию можно назвать великой державой, и 57% полагают, что влияние России в мире за последние годы растет⁴.

В-третьих, неготовность западного и американского сообщества к быстрому возрождению и восстановлению влияния и авторитета России в международных отношениях. За последние годы много было сказано о стратегическом партнерстве между США и Россией. Однако эти декларации не были подкреплены созданием практического механизма партнерского взаимодействия, за исключением сотрудничества в энергетической сфере.

Наконец, обозначились серьезные расхождения во взглядах США и России на формирование мирового порядка и место держав в новой системе международных отношений. Соединенные Штаты объявили себя глобальным лидером, главным участником формирования международно-политической, военной и экономической повестки дня, а также главным актором по выработке новых норм и правил поведения в мировой политике.

Односторонние действия США привели к подрыву стратегической стабильности, механизмы которой были выработаны еще в

период холодной войны (ПРО, СНВ, РСМД), расширению НАТО за счет бывших республик СССР.

Сегодня следует признать, что *Россия не является самым главным партнером и государством во внешней политике США*. На роль стратегического оппонента и конкурента претендует Китай. Не случайно, что свой первый официальный визит за рубеж госсекретарь Хиллари Клинтон совершила в Азию (Япония, Индонезия, Корея, Китай). Во время своего визита она призвала Китай продолжать покупать американские казначейские облигации, отметив, что инвестиции Пекина в американскую экономику являются подтверждением зависимости двух стран друг от друга.

С исчезновением главного идеологического и военно-политического противника в лице СССР центр внимания внешней политики США сместился на другие проблемы: терроризм, ядерные программы Ирана, КНДР, возрастающая политическая, экономическая и военная мощь Китая. Стратегическая ошибка по смене режима С. Хусейна в Ираке привела к пониманию необходимости «перезагрузки» не только отношений США с Россией, но и внешней политики в целом по всему спектру глобальных проблем и отношений с другими странами. Тем не менее следует отметить, что политические круги в *США за последние годы признали факт, что Россия восстанавливает статус глобальной державы*, однако опасаются ее возврата к имперским амбициям и стремления к доминированию на постсоветском пространстве, включая силовые методы.

Несмотря на ряд противоречий, США не отказывались от возможности сотрудничества с Россией. Одним из общих направлений сотрудничества стала *глобальная энергетическая безопасность*. Сфера сотрудничества в энергетике – это самый «свежий» вопрос, по которому Россия и США могут работать очень плотно, где наши интересы значительно пересекаются.

Администрация Буша, имевшая самые тесные связи с нефтегазовым бизнесом США и лоббировавшая его интересы, разработала новую энергетическую стратегию. В 2001 г. под руководством вице-президента Дика Чейни был опубликован доклад Группы по развитию национальной энергетической политики (National Energy Policy Development Group), в котором проанализированы состояние международных энергетических рынков и даны рекомендации президенту с целью осуществления конкретных шагов для формирования долгосрочной энергетической стратегии. Суть разработанной программы состоит в реализации нескольких главных задач. Во-первых, снизить зависимость экспорта углеводородов от политически нестабильных регионов мира, в первую очередь от стран Персидского залива. Во-вторых, диверсифицировать экспортные

маршруты и добычу энергоресурсов за счет других регионов и стран. В-третьих, изменить структуру энергопотребления благодаря снижению использования нефти и увеличению доли газа и угля в промышленном производстве. В-четвертых, активизировать исследования по использованию альтернативных природных источников энергии (ветер, приливы, волны, солнечная энергия, биотопливо)⁵.

С приходом новой администрации США во главе с Б. Обамой открываются новые возможности для развития российско-американских отношений. В своих предвыборных выступлениях Обама подверг критике энергетическую и внешнюю политику администрации Буша, заявлял о необходимости покончить с политикой «большой нефти» и по-новому решить проблему Ирака. В частности он отметил, что не будет создавать «тайную рабочую группу по энергетике, набитую представителями “большой нефти”, чья политика делает США более и более зависимой от враждебных стран и ставит Америку под угрозу»⁶.

В феврале 2009 г. Комитет по иностранным делам конгресса США впервые за многие годы провел слушания, посвященные проблеме укрепления российско-американских отношений. Дискуссия касалась широкого спектра двусторонних отношений: размещения ПРО в Европе, ситуации по Ирану, вступления России в ВТО. Многие из выступавших высказались за скорейшую отмену действия в отношении России ограничительной внешне-торговой поправки Джексона–Вэника. Речь шла о том, как новой администрации выстраивать американо-российские отношения, какой потенциал России может задействовать Америка.

За последнее время США неоднократно заявляли о желании переключиться на российские нефть и газ. США занимают второе место в мире по добыче природного газа и третье – по добыче нефти, потребляя 25% всей мировой добычи нефти, чуть более половины которой они импортируют. За последние годы наблюдается снижение американских разведанных запасов и доли собственной добычи нефти. Это привело к росту зависимости от ее импорта. Доказанные запасы нефти в США снизились с 22,677 млрд барр. в 2003 г. до 21,757 млрд барр. в 2007 г., в то время как в России повысились с 48,573 в 2002 г. до 60,000 млрд барр. в 2007 г.

В то же время США не скрывают своих явных интересов относительно потенциальных запасов энергоресурсов Центральной Азии, Каспия и Большого Кавказа. В контексте «стратегии освоения новых зон военно-политической ответственности в Азии»⁷ Россия и Китай воспринимаются ими как конкуренты. Происходит «повторное освоение» пространственных ресурсов южных и юго-

восточных регионов российского подбрюшья от Кавказа до Алтая и Тихого океана. Большой Кавказ и Центральная Азия в начале XXI в. становятся зонами, где происходит обострение конкуренции и сохраняются жесткие подходы между ведущими странами и крупными ТНК за влияние на постсоветском пространстве, контроль ресурсов и за влияние на Россию со стороны Китая, Японии и США.

Сближение же с Западом по этим и другим военно-политическим вопросам (например, вступление РФ в НАТО) оценивается рядом российских аналитиков как «победное вторжение западных транснациональных корпораций на российский внутренний ресурсный сырьевой рынок, утрату господства российскими элитными группировками доминирования во внутреннем российском политическом поле»⁸.

На фоне непростой международной политической ситуации происходит формирование энергетической дипломатии России, которая уже заявила о себе как энергетическая держава, способная проводить и отстаивать свои экономические интересы. Правительством России был разработан ряд основополагающих концептуальных документов по основным принципам деятельности страны в сфере энергетической политики. К их числу относится Доктрина энергетической безопасности и Энергетическая стратегия России на период до 2020 г.

В новых геополитических условиях Россия старается усилить свою энергетическую внешнюю политику, приобретая важнейшие объекты инфраструктуры на территории ряда стран: порты, трубопроводы, нефтеперерабатывающие предприятия и энергетические распределительные системы. Высказываются опасения и упреки в адрес России со стороны западных стран в том, что Кремль использует энергетический экспорт, доходы от продажи вооружений и металлургической продукции, а также инвестиции в добывающие и энергетические секторы других стран для расширения российского влияния на мировой арене.

Наиболее радикальные эксперты США призывают администрацию Б. Обамы к необходимости «разработать всеобъемлющую стратегию для обуздания экономической экспансии России, направленной на ослабление наших союзников, подрыв влияния и интересов безопасности Соединенных Штатов». Это противодействие, по их мнению, следует осуществлять, «сочетая соответствующие шаги в сфере экономики, национальной безопасности, разведывательной деятельности и дипломатии»⁹.

Российское руководство неоднократно подчеркивало несостоятельность таких упреков в энергетическом шантаже и стремление

России к взаимной равноправной кооперации и ответственности как государств потребителей, так и производителей нефти и газа.

Шаг в этом направлении был сделан на саммите «восьмерки» в 2006 г. в Санкт-Петербурге. Благодаря усилиям России был согласован план действий по глобальной энергетической безопасности, учитывающий общую заинтересованность стран-производителей и стран-потребителей в обеспечении глобальной энергетической безопасности. Среди основных задач и принципов глобальной энергетической безопасности, которые были рассмотрены и приняты на саммите «восьмерки», следует отметить такие как «содействие мощному глобальному экономическому росту, эффективному доступу на рынки и содействию инвестициям во все звенья энергетической цепочки». План предполагает «открытость, прозрачность, эффективность и конкурентность рынков для производства, поставок, использования и услуг в области транспортировки и транзита энергоресурсов, что играет ключевую роль в обеспечении глобальной энергетической безопасности»¹⁰.

Россия не может игнорировать факторы одностороннего давления, иррациональность поведения и намерение ряда стран обратиться к силовым методам решения мировых энергетических проблем. В основных сценариях развития мира присутствует вероятность масштабных конфликтов вплоть до мировых войн. Некоторые из этих концепций отражают соперничество государств за земные пространства и невозполнимые ресурсы, а также стремление лидирующей державы занять место гегемона. Высказывается мнение, что современное экономическое развитие обостряет борьбу за естественные и невозстановимые ресурсы, за земельные пространства¹¹. Избежать межгруппового, ресурсного и межцивилизационного конфликта можно лишь в случае готовности лидеров различных государств признать и поддержать многоцентричный и многоцивилизационный характер международных отношений. При этом взаимодействие ведущих государств может быть эффективным на основе ограниченного национального эгоизма и признания статуса независимости каждой из сторон¹², в том числе и в области более скоординированного перераспределения мировых энергетических ресурсов.

Вероятно, внешняя политика США при Б. Обаме претерпит ряд изменений. Акценты могут быть смещены в сторону глобальных проблем, но при этом США сохранят свое мировое лидерство, отдавая предпочтения таким вопросам, как права человека, концепции свободы, а также по возможности расширяя свое экономическое присутствие.

Исходя из такой оценки, двухсторонний диалог России и США следует рассматривать в контексте глобального соперниче-

ства геополитических интересов обеих сторон, у которых есть огромный потенциал для сотрудничества в области энергетики и энергетической безопасности, где позиции у России наиболее сильны.

В становлении энергетического сотрудничества США и России можно выделить два основных этапа. После распада СССР в 1991 г. и вплоть до 2001 г. энергетика не рассматривалась в качестве ведущего элемента российско-американских торгово-экономических отношений. В 1990-е годы отдельные вопросы прорабатывались в рамках российско-американской Комиссии «Гор–Черномырдин», в составе которой действовал комитет по энергетической политике.

Начало второго этапа связано с обозначением взаимных интересов США и России в области энергетической безопасности. Для США – это приход в Белый Дом Буша, выработка новой энергетической стратегии США, поиск альтернативных маршрутов поставки нефти и газа в США. Для России – рост цен на нефть и газ как источник экономического роста и расширение экспорта нефти и газа для стабилизации мировых цен на энергетическое сырье, а также координированное использование национальных мощностей утилизации отработанного ядерного топлива. Новый уровень взаимодействия сторон был зафиксирован в мае 2002 г. в рамках «Московской декларации о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки» и в специальном «Совместном заявлении о новом российско-американском энергетическом диалоге», определившем согласованные интересы и приоритеты сторон.

Важную роль в развитии двухстороннего энергодиалога сыграли деловые круги обеих стран. Интересы частных энергетиков представляет Российско-американский коммерческий энергетический диалог (РАКЭД), сопредседателями которого являются Американская торговая палата и Российский союз промышленников и предпринимателей. Результатом политического решения стало создание постоянной Российско-Американской рабочей экспертной группы и делового энергетического Форума по сотрудничеству в энергетической сфере.

В качестве примеров сотрудничества можно выделить соглашение ЛУКОЙЛа и американской Overseas Private Investment Corporation, в рамках которого был дан кредит в размере 225 млн долл. для строительства портового терминала в Финском заливе. В 2000 г. ЛУКОЙЛ за 71 млн долл. приобрел компанию Getty Petroleum Marketing, владевшую правом долгосрочной аренды 1300 АЗС и сети нефтебаз в восточных штатах США. Расширяя свой американский бизнес, в начале 2004 г. ЛУКОЙЛ дополни-

тельно купил за 375 млн долл. у ConocoPhillips еще 795 АЗС в штатах Нью-Джерси и Пенсильвания.

США проявляют повышенный интерес к проекту Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) и его расширению, строительству нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО), проектированию и строительству Балтийской трубопроводной системы-2 (БТС-2).

В конце 2009 г. будет запущена первая очередь трубопровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО-1) мощностью 30 млн т нефти в год. Как отметил посол США в России, представители «новой команды» полагают, что «необходимо восстановить российско-американский диалог по вопросам противодействия терроризму, контроля за распространением оружия, энергобезопасности и другим актуальным проблемам»¹³. Все это свидетельствует о готовности новой администрации США к конструктивному диалогу с Россией. Перспективное направление сотрудничества – сжиженный газ, где Россия может занять свободную экономическую нишу на глобальном рынке. В первую очередь это проекты «Сахалин-1», «Сахалин-2» и северное Штокмановское месторождение.

Следует признать, что в нынешних условиях российско-американские отношения не будут простыми, а останутся противоречивыми и соперничающими. Однако несовпадение интересов не означает, что двухсторонние отношения должны быть враждебными.

Активизация совместных проектов в разработке углеводородных месторождений может стать очень важным стабилизирующим фактором в российско-американских отношениях в качестве экономического фундамента российско-американского партнерства.

В то же время России следует контролировать доступ к нашим природным богатствам зарубежных стран и компаний, а также предпринять усилия для устранения ограничений по экспорту из США высокотехнологичного оборудования и российского экспорта в США, осуществляемых под предлогом антидемпинговых мер.

Примечания

- 1 Российско-американские отношения на спаде // Независимая газета. 2004.01.23; Времена. Российско-американские отношения: «холодная война»? 2006. 10.05.URL: <http://lentatv.ru/12771> (дата обращения: 31.03.2009).
- 2 Выступление президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля 2007 г. // Российская газета. 2007. 02.12.

- 3 Концепция внешней политики Российской Федерации. МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/d48737161a0bc944c32574870048d8f7?OpenDocument> (дата обращения: 31.03.2009).
- 4 Международное положение России и задачи российской внешней политики. 28.08.2008 // Фонд «Общественное мнение». Место России в мире 2008 URL: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/mesto_v_mire/d083422 (дата обращения: 31.03.2009).
- 5 National Energy Policy [Электронный ресурс]. / US Department of Energy URL: http://www.pi.energy.gov/documents/National_Energy_Policy.pdf (дата обращения: 31.03.2009).
- 6 Обама и Байден призвали покончить с провальной внешней политикой Буша // РИА Новости, 28.08.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru/world/20080824/150624379.html> (дата обращения: 31.03.2009).
- 7 *Богатуров А.* Очарование «внезапного союзничества» прошло // Независимая газета. 2005. 11.02.
- 8 *Шевченко М.* Действовать с опережением // Стратегия России. 2009. № 2.
- 9 *Cohen A, Lajos F. Szaszdi* Russia's Drive for Global Economic Power: A Challenge for the Obama // Administration. January 30, 2009. [Электронный ресурс]. The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/Research/RussiaandEurasia/bg2235.cfm> (дата обращения: 31.03.2009).
- 10 Глобальная энергетическая безопасность. Материалы саммита «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге 2006. URL: 2006 г. <http://g8russia.ru/docs/11.html>. (дата обращения: 31.03.2009).
- 11 *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм, 2001. С. 449.
- 12 *Шаклеина Т.И.* Российско-американские отношения в конце первой декады XXI века // Россия и Америка в XXI веке. Электронный научный журнал ИСК РАН № 3. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=89> (дата обращения: 31.03.2009).
- 13 Встреча Президента компании Николая Токарева с Чрезвычайным и Полномочным Послом Соединенных Штатов Америки в Российской Федерации Джоном Байерли. Пресс-служба АК «Транснефть», 27.01.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transneft.ru/news/newsitem/?id=7463> (дата обращения: 31.03.2009).

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Методологические проблемы политической теории

М.Р. Деметрадзе

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Современные социальные, политические, экономические, правовые и культурные процессы требуют особого подхода в изучении, так как в разных обществах они протекают по-разному. В данной статье речь идет о способах выявления институциональных и не институциональных форм этих процессов и новых методах их выявления.

Ключевые слова: содержательные аспекты функционирования политических институтов – рационально-конструктивный, стратегически-управленческий, прогностический, контролирующий, оценочный.

Роль антропологии в социокультурной методологии

Происходящие в обществе процессы достаточно сложны, так как они пронизывают все сферы человеческой жизнедеятельности. Эти процессы тесно связаны с такими категориями, как «жизненный мир человека», «социальное благо», «стиль жизни», «уровень жизни» и т. п. Проблемы, связанные с этими процессами, особо остро стоят в обществах, которые находятся на переходной стадии от тоталитаризма к демократии. Здесь наблюдается отсутствие знаний населения о современных стандартах жизни, а также четких представлений о современных формах политико-правовой культуры общества. В связи с этим особенно важными становятся такие факторы, как социальная адаптация, инкультурация, социализация и т. п. В условиях недостаточного развития демократических принципов функционирования общественно значимых институтов, с одной стороны, и неразвитости гражданского общества и

© Деметрадзе М.Р., 2009.

культуры прав и свобод человека, с другой – эти проблемы приобретают особо актуальный характер. Все это обуславливает новые вызовы как перед обществом, так и перед учеными, задача которых состоит в необходимости разработки адекватных теорий по методологии исследования общественно значимых проблем современного общества.

Существующие в научной теории методики – латентные, структурные, анализ данных и т. п. – используются для обозначения конкретных проблем и не выходят за рамки социологического исследования. Естественно, сегодня они уже не могут удовлетворить современным требованиям. Более того, выявление предмета, объекта и гипотезы также не может соответствовать уровню современного научного знания. В связи с этим главной задачей является разработка общей теории методологии изучения социальных, политических, экономических, культурных, правовых процессов жизни общества. Научное обоснование подобной методологии – первоочередная задача современной фундаментальной науки. Эти процессы обозначаются как социокультурные и требуют разработки соответствующих социокультурных теорий и методологий.

Иными словами, целью социокультурных методологий является не только объяснение процессов, происходящих в обществе, но и выработка соответствующих методов исследования. Речь идет о такой научно-исследовательской методологии, которая оказывает влияние на формирование эффективных способов функционирования социальных, экономических, политических, правовых, культурных институтов, обеспечивающих социальное благополучие как общества в целом, так и конкретных людей.

Методология, охватывающая различные социально значимые институты государства и общества, требует расширения базы социологических исследований, их переоценки, а также переосмысления таких научных теорий, как право, политология, культурология, экономика. Споры о том, что эти науки достаточно самостоятельны, ведутся уже давно, однако четких границ соответствующих методов пока еще никто не предлагает. В результате большинство исследователей пришли к выводу, что все социально-гуманитарные науки имеют социологические корни, заимствуя оттуда соответствующие методы исследования. Однако поскольку социологи упорно защищают «независимость» социологии, а политологи и правоведы – самостоятельность собственных дисциплин, возникает неопределенность и путаница при разработке общих методов и методологии социально-гуманитарных наук. Между тем такая разобщенность тормозит не только их развитие, но и снижает эффективность их практического применения.

В результате ученые пришли к выводу, что социальные, культурные, политологические, правовые теории не просто взаимосвязаны друг от друга, но и выступают вместе, обеспечивая широкий спектр их эффективности. В задачу современной социологии входит четкое определение соответствующих методик для этих теорий, которые были разработаны в русле социологии. И с этим следует считаться, ибо в противном случае в кризисе окажется не только социологическая наука, но и весь социально-гуманитарный блок теорий.

В то же самое время возникает вопрос, как обеспечить общность и одновременно независимость социально-гуманитарных наук, каждая из которых должна изучать собственные институты и процессы. Например, политология – политические институты и процессы, право – правовые, культурология – культурные и т. п. Выход здесь следует искать в акцентировании внимания, прежде всего, на проблемах, характерных для каждой дисциплины в отдельности. Ведь проблемы в области политики отличаются от правовых, культурных и т. п. В то же самое время одна проблема вызывает другую, так как они взаимосвязаны, а следовательно, взаимосвязаны и сами эти институты. Все это говорит о том, что, несмотря на различия в содержании проблем этих институтов, их цели, методы и методики остаются общими. Это не может быть осуществлено без объединения социально-гуманитарных теорий и дисциплин.

Еще раз подчеркнем, что общность целей и задач социально-гуманитарных наук – это решение проблем в области социальной, экономической, политико-правовой и культурной жизни общества. Объединяющим методом выступает социокультурная методология, в рамках которой разные проблемы рассматриваются в контексте социальной, правовой и политической антропологии. Эта новая ориентация самой антропологии выступает как матрица социокультурной методологии, как ось, вокруг которой вращаются все социально-гуманитарные теории, расширяющие методологическую базу, давая им новые толчки к развитию. Все это позволяет более четко определить исследовательские методы, которые до сих пор являются спорными, неоднозначными, что вносит дополнительные трудности, снижая уровень их эффективности.

Общая методология их не только не поглощает, а более того, способствует совершенствованию их собственных методов и комплекса методик, которые применяются в качестве исследовательских инструментов. Степень проникновения антропологических подходов в область социологии, политологии, права, культурологии, истории, философии, экономических теорий, со-

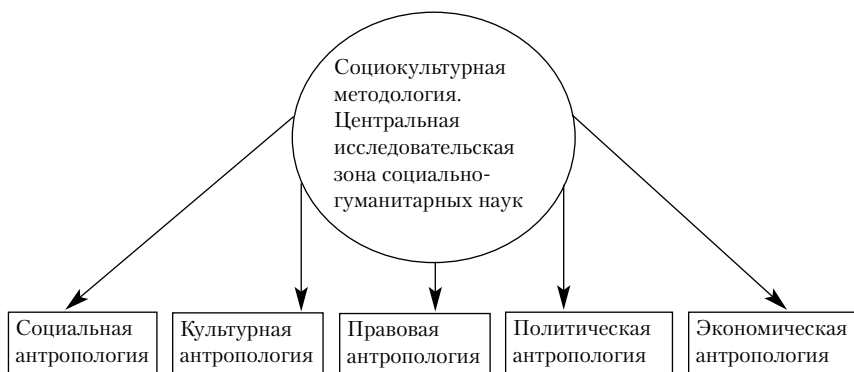
циологических методик обеспечивает максимальную рациональность и обоснованность результатов. Преимущество антропологического подхода состоит не только в том, что он объединяет социально-гуманитарные науки вокруг социальных проблем общества, но и в том, что он освобождает процесс исследования от математических методов, делая их применение исключением для каждого из них (например, экономики). Все это позволяет применять подобные исследовательские методы довольно широко как исследователям, преподавателям, так и студентам, которые легко приобщаются к ним. Иными словами, важно обеспечить возможности социально-гуманитарных наук решить социально значимые проблемы, с одной стороны, и открыть возможности получения новых знаний о методах таких исследований доступными средствами, с другой.

Специфика исследовательского процесса в рамках социокультурной методологии состоит в том, что отобранные здесь методики имеют не предписывающий характер, а констатирующий (устанавливающий). Антропологический базис социально-гуманитарных наук играет важную роль в выявлении низкой эффективности некоторых существующих методов и переводит исследовательский акцент на социальные запросы и условия жизнедеятельности человека. Он максимально снижает степень фальсификации научных результатов и обеспечивает поиск технологий, способствующих улучшению качества жизни населения.

Иными словами, антропология не ограничивается рамками одной науки, а четко выделяет проблемы общества в различных сферах его жизнедеятельности. Этим и объясняется базисность социокультурной методологии, которая опирается на социальную, культурную, правовую, политическую, экономическую антропологию, выявляя как специфику каждой из них, так и их взаимосвязанность, расширяя границы применимости.

Попытка применения антропологического подхода во всех социально-гуманитарных науках была осуществлена в Германии в конце XX в., тогда как в России попытки такого рода пока еще отсутствовали. Социокультурную методологию можно представить как центральную зону исследовательского поля, на основе которого происходит отбор и кристаллизация методик как инструментов исследования социокультурного пространства. Она образует информационно-коммуникативную сетку между методами и методиками социально-гуманитарных наук и выстраивает связи как между ними, так и между соответствующими институтами и общественными процессами (схема).

Социальная, культурная, правовая, политическая
и экономическая антропологии
как основа исследовательского поля
социокультурной методологии

Все эти отрасли антропологии выполняют соответствующую функцию социокультурной методологии. Например, социальная антропология – проблемовывявляющую функцию, культурная антропология – проблемоинтерпретационную функцию, правовая антропология – закрепление социокультурных норм правовыми средствами, политическая антропология – придание политическим процессам социокультурных аспектов, экономическая антропология – обеспечение социально-экономического благополучия человека.

Применение методов социальной, культурной, политической, правовой, экономической антропологии создает целостную картину исследовательского поля. Это происходит потому, что они базируются на информации о проблемах функционирования соответствующих институтов и общественно значимых процессов. Кроме того, посредством их изучается связь институтов с содержанием самих этих процессов, с повседневной жизнью индивидов, характеризующих деятельность государственных институтов и их динамику. Антропология является установкой и матрицей исследовательского поля, определяя конфигурацию прямых, обратных и горизонтальных связей между методами, методиками и методологией, то есть между методами, институтами и обществом, определяя установки ценностных ориентаций в обществе.

Методология социокультурных исследований как центральная исследовательская зона является не только информационно-коммуникативным феноменом, но и создает технологию, способную выявлять проблемы. Кроме того, она позволяет осуществлять диагностику социально значимых нужд общества и вырабатывать способы для их решения. Важным преимуществом такой методологии является также и то, что центральное место здесь занимает человек и его социальные запросы, превращая его в центральный объект социокультурного пространства. Соответственно человеческое измерение и социальные интересы людей и определяют выбор социальной, политической, правовой, культурной антропологий, определяющих характер взаимодействия государства и общества. Иными словами, социокультурная методология с помощью антропологических методов направлена на изучение социокультурной среды человека и общества.

Проблемный подход обуславливает отбор из разных социальных исследовательских теорий тех способов анализа, которые позволят выявить конкретные проблемы в различных областях общества, что и создает социокультурные аспекты социальной, культурной, правовой и политической антропологий.

В связи с этим социальная антропология рассматривается как наука, изучающая социокультурные проблемы человека и общества в его связях с жизненным миром, а культурная антропология – совокупность социологических методов, предназначенных для изучения и анализа социокультурного пространства. В результате создается картина социальной дифференцированности общества, в центре которой стоит человек и его интересы. При этом социальную антропологию мы рассматриваем как проблемно-выявляющий метод, а культурную антропологию – как проблемно-интерпретационный.

Правовая антропология – наука, создающая теоретические основы регулирования различных форм жизнедеятельности людей, закрепленные правовыми институтами и средствами. Социокультурный аспект правовой антропологии придает социальным интересам и запросам человека, а также его жизнедеятельности и стандартам универсальный юридико-правовой статус, носящий общеобязательный характер.

Политическая антропология рассматривается как наука, изучающая роль человека в политических процессах, в контексте усиления позиции индивидов в нем. Здесь взаимодействие государства и общества оценивается с точки зрения максимальной эффективности функционирования политических институтов, направленных на удовлетворение социально значимых запросов членов общества, осуществляемых с помощью этих институтов.

Социокультурные аспекты политической антропологии обеспечивают правовую ответственность государства перед обществом и партнерские отношения между ними.

Отдельно следует выделить социальную антропологию, которая задает систему координат исследовательского поля, используя методики социологии из области социологии культуры, социологии права, социологии политики, социологии истории, социологии семьи, социологии религии, социологии экономики и т. п., которые обеспечивают как собственную функциональность и самостоятельность, так взаимозависимость и междисциплинарность.

В связи с этим **социальную антропологию** целесообразно рассматривать как совокупность социологических методов, направленных на выявление социальных проблем и условий, препятствующих удовлетворению социальных запросов человека и общества. Именно она задает концептуальную общность социально-гуманитарным теориям и методам, где во главе угла стоит человек и его социальные проблемы.

Технология фактической реализации социокультурной методологии и ее основные три этапа

Технология деятельности социокультурной методологии включает три основных этапа: фактологический или концептуально-экспериментальный, этап внедрения и этап практической реализации.

Технология фактической реализации – три этапа социокультурной методологии

I этап – фактологический – определение концепции политической культуры обществ традиционного типа; масштабы социальных проблем.

II этап – внедрение практики – обеспечение научно-исследовательских программ, задающих социальную основу функционирования всего социокультурного пространства.

III этап – практическая реализация – включает три этапа социокультурной политики: антикризисный, нормализующий, стабилизирующий.

1.1. **На первом этапе – фактологическом** – определяются концептуально-экспериментальный тип политической культуры,

состояние уровня, качества и стиля жизни людей по сравнению с общепринятыми стандартами, типы социальных проблем, масштабы их распространения и т. п. Иными словами, осуществляется теоретический анализ реальной ситуации на основе проблемного подхода.

Таким образом определяется набор социокультурных методов и первостепенные задачи социокультурной политики. В задачу этого этапа входит упорядочение проблемного поля социокультурного пространства. Проблемы рассматриваются отдельными блоками: а) социальные проблемы (с помощью методик социальной антропологии) – многомерный структурно-функциональный или аналитический метод; анализ социальных сетей, факторный анализ, структурный анализ, анализ данных и сравнительно-классификационный или типологический анализ; б) диагностический метод: причинный, латентный и качественный; в) прогностическое моделирование и прогнозирование. Все эти методы социальной антропологии позволяют диагностировать ситуацию в социокультурном контексте. Следует еще раз подчеркнуть, что методики, используемые здесь специалистами, нужны для получения социальной информации, которая базируется на таких категориях, как социальные потребности, запросы, уровень и стиль жизни, индекс человеческого потенциала и т. п. Соответствие состояния людей современным стандартам выявляется вышеуказанными методиками, которые становятся теоретическими инструментами для экспертов и специалистов путем применения индикаторов, классификации (иерархической, параллельной и последовательной), а также антропометрических показателей. Иными словами, на подготовительном этапе с помощью технологии социокультурной методологии осуществляется не просто диагностика, а измеряется степень социальной удовлетворенности граждан.

От правильного использования методик социальной антропологии зависят как критерии оценки функционирования государственных институтов, так и осуществление двух остальных этапов социокультурной методологии – технологической разработки и практической реализации.

1.2. На подготовительном этапе технологической разработки параметров функционирования социокультурной модели, кроме определения качества жизни, осуществляемого с помощью социальной антропологии, происходит и оценка содержания качества жизни людей, выявление стиля взаимодействия человека с внешней средой и статуса в социокультурном пространстве. В связи с этим экспертами применяются методы культурной антропологии: а) семантическая, б) стратификационная и в) коммуникативная.

Ключевую роль здесь играет категория содержания, передающая рационально-конструктивные объяснения ценностных ориентаций человека, способы регуляции его социальных интересов и характер взаимодействия между ним и государством. Содержательный контекст объяснения ситуации позволяет специалистам использовать методики следующих методов: а) семантического метода: семантика, герменевтика, культурогенез, знаковая система; б) стратификационного метода: системный анализ; способы вертикальных и горизонтальных измерений; методики верификации и классификации; в) коммуникативного метода: инстаурация; конфигуративный, интерпретационный анализ и методики контркультуры. Указанные методики вводят в действие также знаковую систему, благодаря которой осуществляется получение социальной информации, имеющей структурно-аналитический контекст. Более того, понятие «культура» приобретает социальный и антропокультурный смысл, который определяется как совокупность позитивных правил, норм, ценностных ориентаций человека и общества. Таким образом, формируется благоприятная социокультурная среда для индивидов, выявляется качество материальных и нематериальных объектов, оптимальные формы политического и правового пространства, создающие условия для совместной жизнедеятельности людей.

Важное значение придается также феномену культурогенеза, то есть порождению новых культурных форм. Иными словами, здесь создается конфигурация связей людей со средой, содержание социальных проблем и их логическая согласованность. Это способ скорее всего интерпретационного, а не классификационного объяснения ситуации, передающий содержание социальных условий жизнедеятельности людей. Это является основным базисом социокультурной методологии.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что методы социальной и культурной антропологии как проблемовыявляющие и проблемообъясняющие могут быть объединены, и на их базе созданы социально-культурные группы методов по взаимопересекающемуся принципу, образуя структурно-семантические и диагностико-стратификационные методы и методики.

1.3. Социальная и культурная антропология подготавливают общую методологическую базу для социально-гуманитарных наук не только на основе общих научных терминов и критериев оценки ситуации, но также используют исследовательские подходы в правовой антропологии для формирования концептуальных основ социокультурной методологии. С этой целью социокультурные аспекты правовой антропологии выбирают специальные методы,

которые соответствуют системе права: 1) модификацию, 2) дифференциацию, 3) юридикацию. Поскольку юриспруденция базируется на методах социологии права, то и правовая антропология заимствует из области социологии те методики, которые ей соответствуют: а) модификация: анализ правовой системы; выборочный анализ; логико-экспериментальный анализ; анализ энтропии; б) метод дифференциации: функциональный эквивалент и диагностико-стратификационная методика; в) метод юридикации, который способствует приведению системы права в соответствие с международными стандартами. С помощью этих методик, а следовательно и методов правовой антропологии, выявляются не только проблемы в области права, но и социокультурные аспекты правовых норм и институтов и их функции, а именно: нормативная, стабилизирующая, инструментальная, контролирующая, регулятивная, интегративная, императивная и коммуникативная. Иными словами, концептуальная технология I этапа социокультурной методологии призвана обеспечивать социальную ориентированность правовой системы и правовой ответственности государства перед обществом.

1.4. Социокультурные аспекты политической антропологии на фактологическом этапе призваны выявить характер процессов и деятельности политических институтов. В связи с этим здесь применяются 1) операционально-конфигуративный, 2) эксплицитно-аксиологический, 3) интерактивный методы анализа. Первый из них – операционально-конфигуративный – включает в себя методику структурного анализа социальной антропологии, второй – эксплицитно-аксиологический – индукцию и дедукцию, а третий – интерактивный – вертикальные и горизонтальные связи, а также энтропию. В совокупности эти методы и методики образуют социокультурные аспекты функционирования политических институтов и процессов, а именно: рационально-конструктивный, стратегически-управленческий, регулятивно-социализирующий, мобилизационный, интегративный, коммуникативный, прогностический, контролирующий и оценочный. Ориентиры социокультурной методологии направлены на удовлетворение социальных интересов людей политическими средствами. Функциональные же требования переводят интерес человека от идеологии к своим социокультурным потребностям.

2. Второй этап (внедрения) социокультурной методологии обозначается нами как этап технологической разработки соответствующих программ для различных институтов – социальных, экономических, политических, правовых и культурных – направленных на устранение тех проблем, которые возникли в этих областях, а также в области взаимодействия человека с окружающей

средой. Они нацелены на социальные изменения и обеспечение социальной удовлетворенности людей. Здесь закладывается социальная основа функциональности всей социокультурной среды.

Основные принципы функционирования социокультурных программ

2.1. Социокультурная программа разрабатывается на основе социокультурной методологии после фактологического и концептуально-экспертного изучения ситуации, которая включает методы социальной, политической, правовой, культурной антропологии, являясь первым подготовительным этапом практической реализации теоретических данных и разработок. Принимая во внимание то, что социокультурная методология базируется на проблемном подходе, программа должна быть ориентирована на комплексное осмысление проблем обществ традиционного типа. В нашем случае происходит направление стратегии политики и управления на социальные запросы людей, охватывание всех сфер их жизнедеятельности: экономики, культуры, политики, права, повседневности, рекреации, образования.

Разработка социокультурных программ содержит обобщение деятельности соответствующих институтов и их наполнение социальными основаниями. Иными словами, только социоцентрический принцип обеспечивает легитимность социальных, политических, правовых, экономических и культурных институтов. Это означает, что только люди и качество социальных показателей определяют легитимность тех институтов, которые выступают в качестве неотъемлемой части социокультурных процессов.

2.2. Основные цели социокультурных программ:

– развитие политической, экономической, правовой, социальной жизни граждан, четкое распределение функций экономических, правовых, политических, социальных институтов в соответствии с интересами граждан;

– обеспечение социального взаимодействия между обществом и государством на основе социальных индексов и общепризнанных социальных стандартов;

– рационализация государственного курса, упорядочение системы ролей граждан и деятельности государственных институтов.

2.3. Задачи социокультурной методологии при разработке и реализации социокультурных программ:

– установление в обществе благополучной социальной, экономической, политической, правовой, культурной среды, которая обе-

спечивается на основе социокультурной методологии. Социокультурные программы могут иметь как локальный, так и масштабный характер, создавая с помощью методологии соответствующей социокультурной политики институциональные механизмы взаимодействия человека с социальной средой, группой. Так как первый этап реализации социокультурной методологии является проблемовывявляющим, то основными задачами становятся:

- устранение выявленных проблем;
- обеспечение защитных механизмов социального статуса общества и индивида, путем распространения механизмов действия международного права, защищающих политические, экономические, правовые, социальные и культурные интересы людей.

2.4. Приоритетность социокультурной методологии при разработке социокультурной политики.

Эффективность социокультурной политики определяется тем, насколько она базируется на методах социальной, культурной, правовой, политической и экономической антропологии, ибо они создают позицию перехода от традиционализма к рациональной, конструктивной и социоцентрической политике. Здесь все нормы и функции социокультурных институтов опираются на социальные запросы граждан. Мера их удовлетворенности трактуется как социальный факт, то есть полезность их функционирования и определяет их функциональность и всецело зависит не от властных структур, а от самого общества, задавая основы правовой ответственности социокультурных институтов перед обществом и распространяя новые образцы, стандарты социокультурной жизни, которые необходимы для общества традиционного типа, посредством категорий «уклад жизни», «уровень жизни», «социальные стандарты» и т. п.

Приоритетность социокультурной методологии
и ожидаемые позитивные результаты
социокультурных программ

3. Основные этапы процесса социокультурной политики в обществах традиционного типа.

Принимая во внимание тот факт, что в странах Запада все социокультурные процессы имеют институциональный характер, социокультурная методология и разработанная на этой основе политика особо актуальны для обществ традиционного типа, которые отстают в своем развитии от мировых стандартов. В связи с этим социокультурная методология ориентирует политику и

управление государством на поиск путей и способов преодоления такой ситуации. Такую политику целесообразно разделить на три этапа: антикризисный, нормализующий и стабилизирующий.

3.1. Антикризисный этап полностью базируется на первом этапе фактологического и концептуально-экспертного анализа, выявляя проблемы общества традиционного типа в социальной, экономической, правовой, культурной, политической сферах в социокультурном контексте. Основным ориентиром является социализация, инкультурация и модернизация общества. Наиболее перспективными представляются определение и формирование институциональных основ взаимодействия государства и общества, создание нового порядка, образа и условий жизни людей с учетом общепринятых стандартов.

Соответственно, первым шагом должно стать выделение таких проблем членов общества, на которые должны быть направлены базовые механизмы широкомасштабной социокультурной политики, охватывающие как разные слои общества и их интересы, так и разные области социокультурной жизни. Поэтому на антикризисном этапе необходимо выработать целенаправленные меры, повышающие уровень и качество жизни населения, с одной стороны, и координирующие деятельность социокультурных институтов, с другой. Антикризисная политика включает не только выявление проблем населения, но прогноз и анализ ситуации для перехода к следующему этапу – этапу нормализации.

3.2. Нормализующий этап предполагает координацию взаимодействия государства, общества и социокультурных институтов. Следует осуществить смену парадигм политической активности людей, вместо господства подчинения утверждается принцип «социального равенства и социального благополучия». Главная ориентация социокультурной политики – перераспределение существующих ресурсов в пользу социального благополучия людей, устранения «социального дна», утверждение институциональных основ взаимодействия государства и общества.

На этом этапе должен начаться переход к созданию целостной модернизационной инфраструктуры, осуществляющей общую государственную политику. Основными направлениями этой политики являются социальные трансферы, высокая заработная плата, экологическая, экономическая политика, преобразования в области образования, здравоохранения, науки, культуры, спорта, уменьшение безработицы, формирование общества среднего класса и т. п. К концу нормализующего этапа должна быть сформирована институциональная среда государственного социокультурного управления, обеспечивающая критерии социальной эффективности

ти, переход общества от традиционализма к современности, то есть на более высокий уровень развития.

Осуществление этапа нормализации может быть эффективным в том случае, если цели и средства их достижения будут четко выстроены на основе социокультурной методологии. Старые институциональные структуры начинают функционировать в строгом соответствии с социокультурными принципами, интегрируя прежде всего интересы и запросы людей. Здесь же подготавливается переход к стабилизирующему этапу.

3.3. Стабилизирующий этап. Когда общество достигает определенного уровня модернизированности и надежно работает институциональная система, главной ролью государства является обеспечение социальной безопасности. Социальное равновесие общества поддерживается социокультурными институтами, так как они полностью зависят от реализации общественных задач. Гражданское общество функционирует по принципу самоорганизации, самоуправления и является равноправным партнером государства. Наблюдается полное соответствие провозглашаемого курса целям и задачам общества и государства, создаются гармоничные условия для их совместной деятельности. Это принцип установления их взаимозависимости, взаимообусловленности, взаимоуважения и взаимответственности, контроля над реализацией принятых решений. Осуществление этих мер является показателем рационально-конструктивной ориентации политики и имеет огромное значение для улучшения качества жизни населения обществ традиционного типа.

Ожидаемые позитивные результаты социокультурной политики. Разработанные на основе социокультурной методологии программы управления обеспечивают зависимость государственных институтов от социальных интересов членов общества, а также и представление социокультурных интересов граждан в политике. Благодаря этому гражданское общество рассматривается как совокупность общественных институтов и индивидов, действие которых направлено на реализацию универсальных прав и свобод граждан. Это форма социального взаимодействия, которая институционализируется системами социальных норм, определяющими легитимизацию государственной политики.

Можно подытожить, что социокультурная методология – это стратегия социально-гуманитарных наук, так как только с ее помощью вводится новая система социокультурных ценностей, образцы и стандарты социокультурной жизни, которые имеют универсальный характер. Сегодня подобной методологии должно отводиться особое место в исследованиях реальности обществ традиционного типа, ибо альтернативы этому мы еще не имеем.

ПРИНЦИП ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ В ТЕОРИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Статья касается одного из принципов, который, по мнению автора, можно проследить в политической теории – принципа последовательности. Данный принцип рассматривается в трех теориях современного либерализма: в либерализме, основанном на «теории справедливости», либертаризме и коммунитаризме. В каждой из этих теорий принцип последовательности можно увидеть во взаимосвязи различных элементов: индивидуальной и коммунитарной свободы, равенства возможностей, справедливости. Помимо этого в статье рассматривается вопрос политического консенсуса, основанного на взаимосвязи этих понятий, который уже во многом сложился в современной либеральной политической мысли.

Ключевые слова: принцип последовательности (the principle of consistency), политический консенсус (political consensus), либертаризм (libertarianism), коммунитаризм (communitarianism), «теория справедливости» (the «theory of justice»).

Принцип последовательности

Либерализм по-прежнему остается актуальным в современной политике и теории, и, на мой взгляд, основные признаки современного либерализма можно представить как последовательность, рефлексивность, гуманность. Подобные признаки существуют вместе в некоем соединении, и только взаимоувязанность этих принципов позволяет говорить о стройной теории либерализма. Так, допустим, мы можем точно сказать, что последовательность не может существовать отдельно от гуманности, поскольку в обратном случае первая будет направлена против человека, что доказали тоталитарные и фашистские режимы в XX в.

С другой стороны, гуманность не может существовать без рефлексивности, поскольку в этом случае политика перейдет полностью в область морали. Подобный переход и желателен с точки зрения гуманизма, однако только рефлексивное осознание политических целей и задач может сохранить гуманность в тех рамках, в которых она воздействует на политику.

Подробное изучение соединения этих понятий – предмет отдельной статьи, в рамках же данной работы я хотел бы остановиться на первом из главных признаков политического либерализма – принципе последовательности. Принцип последовательности, на мой взгляд, во многом определяет любую политическую теорию, определяет он и теорию либерализма. Прежде всего, я хотел бы показать, как данный принцип последовательности встречался в значимых политических теориях либерализма XX в. и как авторы пытались интегрировать его в свои теории.

Принцип последовательности есть в ряде теорий либерализма: в либерализме современного типа – либерализме, основанном на «теории справедливости», в либертариизме, а также в коммунитаризме. Прежде всего я хотел бы рассмотреть принцип последовательности в либерализме, поскольку именно либерализм во многом является ключевой политической теорией.

Один из основных вопросов либерализма, как его можно представить, – как обеспечить свободу человека при наличии определенных институтов в государстве, обеспечивающих развитое общество. Во многом этот вопрос продолжает оставаться одним из самых мощных и обсуждаемых в политической науке. Действительно, как возможно сохранить свободу отдельного человека, дать ему возможность развиваться, реализовывать себя и в то же самое время предоставить каждому условия для реализации этой свободы.

Человеческое общество не может жить без заботы о бедных и неимущих. Экономические, политические и социальные теории не раз доказывали это. Степень данной заботы изменялась в зависимости от экономических условий, политического строя в обществе, экономической и культурной готовности людей к тому, чтобы сделать это.

Однако насколько последователен этот либеральный посыл? Действительно, если мы говорим о том, что свобода человека должна быть совместима со свободой других людей, то принцип помощи наименее имущим может часто входить в противоречие с этим.

Тем не менее очень часто понимание свободы варьируется в спектре многих, порой сложных значений. В определенном русле значений свобода может пониматься как реализация возможностей в развитом обществе, обществе полноценных людей, стремящихся

к собственной реализации. В таком виде мы уже не можем рассматривать свободу каждого отдельно от свободы других, по меньшей мере мы все-таки должны рассматривать ее во взаимосвязи со свободой других людей.

Если рассматривать свободу в этом ключе, тогда помощь бедным является последовательным значением данного идеала. Действительно, при разборе вопроса о развитом обществе надо допустить, что наименее имущие слои населения имеют право на определенный минимум, обеспечивающий их свободу.

Проблема последовательности возникает здесь, по-видимому, в другом аспекте. Нам сложно говорить о какой-то справедливости, если мы говорим не о развитом обществе, поскольку в таком случае уровень проблем не позволяет в полной мере осознать эту проблему. Но проблема, хотя безусловно и более сложная, возникает и в развитом обществе, поскольку там принцип справедливости не может выполняться полностью (люди во многом ставят на первый план свои личные интересы).

Вопрос, однако, заключается в том, что если мы ориентируемся на развитое общество (а такой ориентир существует в целом спектре: от политических платформ и идеологий до личных стремлений и желаний людей), тогда помощь наименее имущим ориентирует политические институты на воплощение хотя бы ряда вещей, которые вытекают из системы справедливости. Это необязательно могут быть все институты, лишь часть (и важно определить, какая), однако это может быть гораздо лучше, чем их отсутствие.

Тем не менее экономические институты могут быть гораздо эффективнее политических, и в этом случае система справедливости уступает системе, основанной на равенстве возможностей, которая представляет более динамичную и яркую модель развития общества. В этом случае последовательность либерального идеала может остаться лишь в теоретической плоскости, поскольку в практическом смысле возможно более последовательны идеи либертарианства, отстаивания принципов свободы, поскольку они в большей степени ориентируются на два понятия: эффективность связки «свобода – равенство возможностей» и личной свободы.

Вопрос свободы и равенства возможностей действительно в значительной степени очень последователен с точки зрения реализации целей, в первую очередь экономических. Равенство возможностей в определенной степени в лучшей мере позволяет реализовать личную свободу, свои цели и интересы в жизни. Более того, равенство возможностей последовательно показывает, как человек строит свою жизнь. Личная свобода позволяет человеку более последовательно осуществлять свои интересы; на экономическом

уровне равенство возможностей означает наличие рынка, спроса и предложения, эффективную систему.

Равенство возможностей – это также система, которая в итоге может привести к развитому обществу, в котором интересы каждого будут регулироваться рынком и глубоким осознанием внутренней свободы. Каждый человек, осознавая свои цели, будет жить в гармонии с самим собой и с окружающим миром, и в этом смысле идеал либертарианства последователен.

Тем не менее, рынок, как саморегулирующаяся система иногда не может самостоятельно регулироваться до конца. В этом смысле равенство возможностей и свобода не всегда являются полностью последовательным идеалом. Реализация равенства возможностей может лишить человека не только экономической свободы (привести к бедности ниже прожиточного минимума), но и свободы личной. Таким образом, тяжело говорить о реализации внутренней свободы, которая теряется при реализации равенства возможностей.

На уровне государства слабое влияние политических институтов на систему рынка может привести к увеличению бедности и уменьшению свободы. В этом случае идея либертарианства становится менее последовательной.

Коммунитаризм представляет собой течение, в котором последовательно представлена взаимосвязь внутренней и внешней свобод человека. Человек не может быть свободен, если он живет вне определенного общества, индивидуально. В этом смысле идеал коммунитаризма последователен, потому что действительно нельзя сказать, что человек может жить крайне индивидуально, о чем можно сказать в русле идеала либертарианства. Последовательность коммунитаризма заключается в том, что показывает свободу человека в некоем «развитии», «эволюции» внутри определенной группы, и свобода человека формируется уже не только им самим, но и данным обществом.

Эта идея хорошо понимается, когда мы говорим о развитом обществе. Идея возникает на определенном этапе, когда экономическое благосостояние и, в принципе, степень культуры в обществе (прежде всего я имею в виду американскую культуру, поскольку я рассматриваю коммунитаризм как идею, появившуюся в современном американском обществе) создают возможности не только для индивидуальной реализации. Что касается общества прогресса, то во многом экономический рост здесь обеспечивается результатом индивидуальных усилий, стремлений развития бизнеса и отдельных людей. В коммунитарной идее важно то, что люди существуют вместе, в развитом обществе, но вместе с тем это происходит в государстве с развитыми политическими и экономическими институ-

тами и там, где обществу можно в меньшей степени задумываться о экономических вопросах.

Обобщая и суммируя эту часть, можно сказать, что все три теории последовательны, но некоторые их аспекты могут быть менее взаимосвязаны друг с другом.

Вообще следует отметить, что в современном варианте из всех трех на теоретическом уровне именно теория либерализма является самой последовательной, поскольку она представляет не только ряд каких-то принципов, но и пытается прогрессивным образом увязать их в одну теорию. Так, во многом теории либертариизма и коммунитаризма берут начало из теории либерализма. И либертариизм и коммунитаризм отстаивают принципы свободы и прав отдельной личности, а также считают, что в обществе человек обладает возможностями (равными в большей или в меньшей степени) для реализации своих жизненных путей.

Теория либерализма более фундаментальна в постановке проблемы, поскольку рассмотрение и обоснование того, как свобода человека существует в цивилизованном обществе, – задача, которая требует больших усилий и большей степени морали.

Теории либертариизма и коммунитаризма, на мой взгляд, более фокусируются на каких-то частях данной проблемы, на том, что представляет самую значимую для каждой часть. Так, либертариизм последовательно отстаивает принципы свободы, при этом свобода для либертариизма является самой важной частью, а все остальные элементы уже не являются столь важными.

Коммунитаристы выдвигают на первый план именно общество, последовательно отстаивая идеал группы людей, коммуны, из которой уже происходит человек. Эта группа может влиять на действия каждого человека, да и невозможно быть настолько независимым от общества, как это предлагают либертарианцы.

Таким образом, можно сказать, что либерализм, либертариизм и коммунитаризм отвечают критерию последовательности и формируют общее поле консенсуса современной политической теории.

Политический консенсус внутри современной либеральной политической теории

В настоящий момент можно сказать, что внутри современной либеральной политической теории сформировался определенный консенсус относительно того, что мы можем включать в рамки данного понятия. При этом можно сказать, что либеральная теория представляет собой определенный консенсус понятий свободы, ра-

венства возможностей (поле консенсуса, с которым согласны почти все представители политической теории), а также справедливости и помощи малоимущим слоям населения (если мы говорим о либерализме). Политический консенсус этот достаточно серьезен, и выход, допустим, за пределы свободы и равенства возможностей сразу встречает серьезную критику (он остается лишь в рамках академического сообщества, дискутирующего о возможностях справедливости в обществе).

Свобода представляет собой основополагающую величину практически во всех либеральных теориях. Ни одна теория не отказывается от свободы, и свобода отдельного человека или человека в обществе – важный составляющий элемент этой жизни.

Равенство возможностей – второй, крайне важный элемент либеральной теории. Равенство возможностей – принцип, который глубоко интегрирован в современную либеральную политическую теорию и который, хотя и не всеми принимается, на самом деле входит во все либеральные сообщества.

Справедливость – это пункт, который не совсем входит в сферу политического консенсуса, но тем не менее практически всегда входит в сферу морали, которая может изменять политику или по крайней мере влиять на нее, даже если политический консенсус не может включить справедливость в сферу политического.

Гражданское общество – фундамент демократии и государства

Ю.А. Красин

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: ОППОНЕНТЫ–ПАРТНЕРЫ

В статье анализируется проблема взаимоотношений гражданского общества и государства. Автор показывает, что *гражданское общество* представляет бесконечное многообразие частных жизненных интересов разных общественных групп. Напротив, *государство* призвано представлять публичный национальный интерес, сублимированный из этого многообразия. Суть проблемы заключается в налаживании обмена социальной энергией между частной и публичной сферами общественной жизни. В этом процессе взаимное противостояние гражданских и государственных институтов органически сочетается с их внутренней общностью. Алгоритм взаимодействия гражданского общества и государства – противоречие, антиномия: «оппозиция–партнерство». Автор считает, что эта проблема исключительно актуальна для России, где государство доминирует над пока еще слабым гражданским обществом и в обстановке кризиса остро ощущается потребность в ресурсах общественной энергии, генерируемых гражданской инициативой и гражданской самодеятельностью социума.

Ключевые слова: гражданское общество, общественная энергия, оппозиция–партнерство, гражданская инициатива, гражданское общество и государство.

Финансово-экономический кризис, в котором все глубже увязает Россия, вновь выдвигает на повестку дня вопрос о развитии гражданского общества, о его взаимоотношениях с государством. Успех разработки и реализации антикризисной программы требует консолидации российского общества, что прямо зависит от характера взаимодействия гражданских и государственных институтов.

© Красин Ю.А., 2009.

Категория «гражданское общество» может быть определена и раскрыта только в рамках более общей системы координат взаимоотношений «частного» и «публичного» и обретает свой смысл лишь в соотнесении с «государством». Жизнь человека протекает в континууме частных интересов. Они составляют реальную среду обитания людей, «жизненный мир» (lifeworld), по выражению Ю. Хабермаса. В сфере реальной жизнедеятельности генерируются инициатива, предприимчивость, самоорганизация, побуждающие людей к общественным деяниям, к солидарности и борьбе, сотрудничеству и соперничеству. **Энергия общественной самодетельности** – такова суть определения гражданского общества, по отношению к которому наиболее распространенное структурное определение этого понятия как совокупности негосударственных ассоциаций по интересам носит вторичный характер, поскольку эта дефиниция выражает не суть, а формы общественной самодетельности граждан.

Но, наряду с частной, существует публичная сфера общественной жизни – сфера общих интересов всех граждан, общества в целом. Носителем этих общих интересов по определению выступает публичная власть, отделяющаяся от общества и организующаяся как государство. Последнее, как известно, имеет тенденцию отрываться от общества и бюрократизироваться, утрачивая повседневную связь с жизненным миром – главным источником общественной энергии. Гражданское общество – это пространство, в котором артикулируется все многообразие интересов. Они противоборствуют, сопоставляются и сопрягаются, оказывают давление на власть, заставляя ее прислушиваться к голосу общества, брать в расчет разные интересы, искать пути и средства их удовлетворения.

Таким образом, сущность проблемы взаимоотношений гражданского общества и государства заключается в мобилизации социальной энергии частной сферы и поиске каналов ее передачи и публичной власти. Это вопрос о том, как превратить частных лиц в граждан, которые заняты не только своими специфическими интересами, но сквозь призму этих интересов активно участвуют в национальном дискурсе по поводу общих дел; тем самым они воздействуют на власть, добиваются от нее публичной политики, аккумулирующей жизненные интересы и творческую энергию общества.

Иначе говоря, проблема взаимоотношений между гражданским обществом и государством является проблемой создания или налаживания, настройки эффективно действующего механизма обмена энергией между частной и публичной сферами общественной жизни.

Частная сфера жизни не отгорожена от публичной китайской стеной. Люди втягиваются в политику, приходят к осознанию себя гражданами, потому что их побуждают к этому реальные жизненные интересы, стремление выразить и защитить их во взаимоотношениях с другими группами интересов. Совокупность частных интересов «жизненного мира», естественно, многообразна и противоречива. Она не имеет в самой себе какого-либо механизма сублимации частных интересов в общий, публичный интерес и в то же время крайне нуждается в таком механизме, чтобы общество не истребило себя в бесконечной войне всех против всех. Из этой объективной потребности в регулировании многообразия частных интересов и вырастает государство как орган выражения общего интереса. Как оно выполняет свою функцию – это другой вопрос. Ясно, что мощные группы частных интересов способны оказывать на него влияние и даже превращать его в инструмент господства. В таких случаях государственная политика расходится с общим интересом, но все же вынуждена им прикрываться и хотя бы частично его выражать ради собственной легитимации.

Выражая те частные интересы, которые не попали в орбиту государственной политики или не учитываются ею, гражданское общество тем самым оппонирует государству. Но смысл этого оппонирования состоит не в том, чтобы «аннигилировать» публичную власть, а в том, чтобы заставить ее обратить внимание на эти интересы и выразить их в государственной, то есть в публичной, политике. Следовательно, во взаимодействии присутствует не только оппонирование государству, но и сотрудничество с ним. Поэтому умная власть заинтересована в гражданском обществе, ибо оно сигнализирует ей, что существуют какие-то группы частных интересов, которые претендуют на место в публичной политике.

Гражданское общество структурирует частные интересы. Чем более четко они структурированы, тем сильнее гражданское общество и тем мощнее его влияние на формирование публичной политики. Слабость и вялость гражданского общества в России во многом объясняется тем, что частные интересы не структурированы. Так называемый средний класс рухнул вместе с дефолтом, потому что не имел глубоких корней. Предпринимательские организации больше выражают интересы олигархических групп, нежели национальные интересы российского капитала в целом. Интересы наемного труда тоже плохо структурированы как социально, так и организационно. Поэтому и базовая основа гражданского общества очень слаба.

Вместе с тем важно иметь в виду, что на базе одних только групповых интересов гражданское общество еще не складывается.

Логика развития этих интересов неоднозначна. Она может вести к гражданскому обществу, но может и к обществу корпоративному, в котором частные интересы превалируют над публичными. Во введении к «Истории философии» Гегель отмечал, что гражданское общество складывается тогда, когда частные интересы соединяются с публичными. Но такое соединение происходит не сразу, а в итоге длительного развития, включающего трудную многолетнюю борьбу с эгоизмом групповых интересов¹. Если же остановиться на ступени структурирования частных интересов, то получится не гражданское, а корпоративное общество. Такие тенденции имеют место и у нас. Многие организации, претендующие на представление гражданского общества, перерождаются в корпоративные структуры или представляют собой искусственно создаваемые структуры.

Формирование в негосударственных структурах гражданского сознания и гражданского поведения ставит очень важную проблему о понятии гражданства. Сегодня здесь существует своего рода парадокс: гражданство как чисто государственная функция отрывается от гражданского действия в самом обществе. Выход из парадокса просматривается в более широкой трактовке гражданства не только в рамках формальных прав, но и в качестве общественных практик гражданских организаций².

Все это нуждается в осмыслении. Одно является несомненным: теория и практика гражданства предполагают модель взаимодействия гражданского общества и государства, в которой оппозиция гражданского общества государству органически сочетается с их сотрудничеством. Алгоритм их взаимодействия – противоречие, антиномия: «оппозиция–партнерство».

Безусловно, отношения гражданского общества и государства нуждаются в сбалансированности и уравновешенности. Но при этом **сбалансированность** должна быть уравновешена **несбалансированностью**, а **уравновешенность** сбалансирована **неуравновешенностью**. Гражданское общество, выражая реальную динамику «жизненного мира», постоянно вносит в отношения с государством элементы несбалансированности и неуравновешенности. Именно эта энергия реальной жизнедеятельности не дает государству замкнуться в собственной бюрократической виртуальности. В силу этой динамики интересов и потребностей, не укладывающихся в сложившиеся нормы, процедуры и ритуалы, во взаимоотношениях общества и государства всегда будут противоречия.

Из сказанного ясно, почему государство и гражданское общество не могут соединиться в одно целое. Взаимоотношения между

ними могут варьироваться в широком диапазоне – от напряженно критических до конструктивно-партнерских. Но гармония невозможна. Для государства гражданское общество – объект «колонизации», то есть интеграции в сложившуюся систему с устоявшимися «правилами игры». Между тем «жизненный мир» порождает новые социальные практики, не вмещающиеся в существующую систему и побуждающие ее к развитию. По этой причине гражданское общество в той или иной мере всегда оппонирует государству, вынуждая его реагировать на новые общественные нужды, потребности и запросы. По этой же причине гражданское общество не может быть сформировано «сверху» предписаниями и действиями власти. Оно вырастает «снизу», из глубины жизненного мира.

Конструктивно-оппонирующее противостояние государства и гражданского общества отнюдь не свидетельствует о том, что гражданское общество представляет позитивный полюс, концентрирующий демократическое начало, а государство – полюс негативный, отягощенный авторитарно-бюрократическими извращениями. Следует отказаться от иллюзии, что гражданское общество – это всегда «хорошее общество». Оно таково, каковы граждане. Его состояние и роль в каждой стране детерминированы историческими особенностями и традициями, уровнем политической культуры населения и элиты. Облик гражданского общества, степень его развитости зависят от того, демократична ли страна или в ней сильны авторитарные традиции. Словом, гражданское общество – нераздельная часть социума и потому функционирует и развивается как его составляющая. Следовательно, речь должна идти о взаимодействии, в котором не только гражданское общество становится базой демократической государственности, но и правовое государство, представляя публичный интерес, защищает права человека и гражданина от всякого рода деформаций в структурах гражданского общества.

Водораздел между двумя институтами, как уже отмечалось, скорее проходит по линии частного и публичного начал. Когда эти начала не состыкуются, возникают дестабилизирующие разрывы между гражданским обществом и государством. В том, что гражданское общество вырастает из бесконечного многообразия частных интересов, заключено его богатство, но одновременно и ограниченность. Оно не может быть интегратором общественной жизни и выразителем публичного интереса. Когда гражданское общество начинает претендовать на властные функции (такие моменты бывали в истории, вспомним хотя бы польскую «Солидарность»), оно становится источником анархистских тенденций и погружается в череду внутренних конфликтов между различными группами частных интересов, разрушающих его целостность.

Сама эта целостность формируется на основе горизонтальных сетевых связей, а не на обязательных для государства вертикальных иерархических отношениях. Поэтому роль гражданского общества не в том, чтобы исполнять властные функции, а в том, чтобы влиять на власть и на весь процесс формирования и осуществления публичной политики, артикулируя и отстаивая все многообразие частных интересов. Это влияние и общественный контроль в основном осуществляются, во-первых, обеспечением прозрачности деятельности властных органов и, во-вторых, посредством реальной возможности для всех граждан публично и свободно выражать свое мнение относительно всех аспектов этой деятельности.

Разумеется, взаимоотношения гражданского общества и государства нуждаются в институционализации. Но модель этой институционализации не может уподобляться государственной иерархической модели. Если строить отношения двух типов институтов (гражданских и государственных) таким образом, то гражданское общество с его бесчисленными частными инициативами не могло бы нормально функционировать и постоянно подвергалось бы государственной «колонизации». Гражданские объединения и ассоциации, построенные на перманентно меняющихся частных интересах, более подвижны и постоянно вносят в механизмы и структуры своих отношений с государством некое беспокойное будирующее начало, обеспечивающее релятивность и эластичность этих механизмов и структур, препятствующее их окаменелости.

Слишком жесткая институционализация этой сферы взаимоотношений наталкивается на гражданское сопротивление вплоть до гражданского неповиновения, которое служит сильнодействующим средством против бюрократизации государства и его поползновений подмять под себя общество. Американские авторы Д. Коэн и Э. Арато различают две концепции гражданского неповиновения: либеральную и демократическую³.

Либеральное понимание допускает наличие в обществе каких-то групп меньшинств, чьи интересы попираются, а права нарушаются. Эти группы недовольны, но не имеют возможности артикулировать (а иногда и формулировать) свои интересы и взгляды так, чтобы общество и власть их услышали. Тогда они прибегают к неповиновению как средству обратить на себя внимание. Гражданское неповиновение в либеральной концепции выступает как некое маргинальное явление консенсусной политической культуры, как отклонение от принятой нормы, которое может и должно быть устранено внесением корректив в механизмы функционирования конституционной и правовой системы, обеспечивающей общенациональное согласие.

Демократическая концепция гражданского неповиновения идет дальше и глубже. Для нее неповиновение – естественное следствие развития общества, которое никогда не укладывается в прокрустово ложе существующей правовой системы, создавая необходимость определенных изменений в существующих правовых институтах, в том числе и в конституции. Гражданское неповиновение – это звонок для правящей элиты, побуждающий ее задуматься о реформах, отвечающих новым общественным запросам и потребностям.

Никакая система законов, никакая конституция не могут выразить всего богатства «жизненного мира», который разнообразен и несводим к какому-то общему знаменателю, в котором постоянно появляются новые нужды, новые интересы и устремления. Гражданское неповиновение выступает в демократической концепции не только как протест меньшинств, права которых нарушены, но и как результат и показатель нарастающих противоречий между правовой системой и динамичной реальностью общественной жизни. Возможны разные варианты развития и разрешения этих противоречий, вплоть до социальной революции, сопряженной со сменой политических и правовых систем. Но при любых вариантах – эволюционных или революционных – гражданское неповиновение выступает как фактор развития правосознания и права. Как это будет происходить – зависит от конкретно-исторических обстоятельств.

Можно предположить, что по мере дальнейшего развития культуры, сознания, общественных институтов нарушений прав меньшинств будет все меньше и меньше. Тогда гражданское неповиновение, базирующееся на этом основании, в конечном счете исчезнет. Тем не менее, как фактор воздействия развивающегося общества на правовую сферу гражданское неповиновение сохранится всегда. Актами неповиновения гражданское общество сигнализирует о неблагополучии в своих взаимоотношениях с государственной властью. Эти действия не позволяют государственному и правовым институтам застыть и окостенеть, вынуждают их аккумулировать многообразие общественных практик.

Гражданское общество функционирует на стыке между легитимностью и легальностью. Энергия общественной самодеятельности, расширяющееся богатство жизненных запросов и потребностей раздвигают границы легитимности; легитимируют новые формы общественной жизнедеятельности, побуждают государство реагировать на них, принимать новые законы и правовые нормы, вносить изменения в Конституцию, то есть расширять рамки легальности, придавать им гибкость и эластичность.

Демократические общественные системы обычно создают пространство для легальных форм гражданского неповиновения и вырабатывают механизмы конструктивной реакции на акты гражданского неповиновения. Когда же рамки легальности жестко ограничивают выражение протестных настроений в акциях гражданского неповиновения, тогда возникают конфликты, способные подорвать политическую и правовую стабильность общественной жизни. Как не допустить этого? Конечно, огромное значение имеет формирование массовой политической и правовой культуры, включающей уважение к законности, в том числе и со стороны тех, кто выражает гражданское неповиновение. Не меньшее значение имеет, однако, и гражданская ответственность власти, ее способность держать руку на пульсе жизни и вовремя улавливать исходящие от нее импульсы к совершенствованию существующих законов и принятию новых. Правители и законодатели при всем уважении к праву и конституции не должны забывать старой истины: «*salus populi suprema lex esto*» – «благо народа есть высший закон».

В российском обществе, переживающем гигантские трудности демократической трансформации, остро ощущается дефицит гражданской энергетики, что, в свою очередь, мешает направить развитие российской государственности в русло сильной демократии. В этих условиях ключевое значение для накопления недостающей гражданской энергии приобретает развитие публичной сферы. Именно она как арена широкого общественного дискурса позволяет артикулировать все многообразие существующих в обществе интересов и вместе с тем позволяет вести публичный диалог общества с государством. Сохранение и развитие публичной сферы, защита ее от политики и технологий манипулирования общественным сознанием со стороны государственной бюрократии и олигархических кланов – важнейшее условие для того, чтобы общество думало, размышляло, формировало себя как гражданскую общность, способную подниматься над ограниченностью частных интересов и влиять на повестку дня и содержание государственной публичной политики.

Эти истины, выражающие сложный и неоднозначный характер взаимодействия гражданского общества и государства, исключительно актуальны сегодня, когда в обстановке кризиса Россия остро нуждается в ресурсах общественной энергии, генерируемых гражданской инициативой и гражданской самодеятельностью российского социума.

- 1 См.: *Гегель Г.* Соч. М., 1935. Т. 8. С. 24.
- 2 См.: *Ku A.* Beyond the Paradoxical Conception of Civil Society without Citizenship // *International Sociology*. Vol. 17. № 17. № 4. December. P. 529–548.
- 3 *Cohen J., Arato A.* Civil Society and Political Theory. Cambridge; L., 1992. P. 564–605.

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ ПО-ГОЛЛАНДСКИ

В статье анализируется система антикоррупционной политики в Нидерландах, выведшей эту страну на седьмое место в мире по индексу «чистоты» от коррупции. Автор статьи особое внимание уделяет вопросам значимости и применимости голландского опыта борьбы с коррупцией для современной России.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, индекс коррумпированности, «голландский менталитет», голландское антикоррупционное законодательство.

В одном из своих выступлений президент России Д.А. Медведев объявил, что коррупция в государственных органах власти создает угрозу национальной безопасности России. Несмотря на то, что на борьбу с коррупцией за последние 8 лет были затрачены огромные финансовые и людские ресурсы, ситуация далека от решения. В связи с этим для россиян, вероятно, было бы интересно познакомиться с практическим опытом решения аналогичных проблем в странах, сумевших если не полностью победить, то взять под контроль это всемирное явление. Автор статьи, живущий 13 лет в Нидерландах, анализирует систему антикоррупционной политики, выведшей эту страну на седьмое место в мире по индексу «чистоты» от коррупции.

Специфика коррупции как криминальной деятельности

Коррупция – это очень специфическая форма преступления. В нем отсутствует жертва и, как правило, в нем отсутствуют свидетели. Поймать преступников на месте преступления очень трудно и еще труднее доказать их виновность. Отслеживание деятельности коррупционеров предполагает вмешательство в их «личные» дела, что не приветствуется либеральными нормами демократических государств. Поэтому борьба с коррупцией средствами правоохранительных органов невероятно трудна и малоэффективна. Добавим к этому, что в правоохранительных органах работают тоже люди и ничто человеческое им не чуждо. Об этом в частности свидетельствуют социологические исследования, проведенные в рамках международной программы Transparency International. Согласно этим исследованиям полиция занимает третье место по степени коррумпированности, уступая лишь политическим партиям и парламентам.

Мировые индексы коррумпированности

Трудности, с которыми сталкиваются в борьбе с коррупцией, одинаковы во всех странах. В исследованиях Transparency International за 2007 г. 180 стран рассматриваются с точки зрения того, как общество оценивает степень коррумпированности своих политиков и прочих официальных лиц. Каждой стране присваивается индекс коррумпированности от 1 до 10 (Corruption Perception Index). Чем больше индекс, тем выше рейтинг, а значит, тем «чище» от коррупции считается страна.

Просматривая таблицу, Нидерланды нахожу быстро, они седьмые после традиционных лидеров – скандинавских стран Дании, Финляндии, Швеции, Исландии, а также Новой Зеландии и Сингапура. Прокручиваю мышкой таблицу вниз в поисках России. Знаю, что дела у нас не очень, поэтому, не особенно приглядываясь, опускаюсь до 70-х мест. Не найдя там, опускаюсь ниже к 80-м, 90-м опять нет. «Наверное, пропустила», – думаю я и возвращаюсь на начало таблицы, внимательно просматривая ее страну за страной... нахожу Россию на 145 месте, между Гамбией и Анголой, странами, в которых идут нескончаемые гражданские войны и дети умирают от голода...

Особенности голландского менталитета

Давайте теперь обратимся к Голландии и рассмотрим особенности менталитета общества, сумевшего создать себе репутацию одного из наименее коррумпированных в мире.

Исторически Нидерланды – христианское государство, причем веками в нем доминировала кальвинистская направленность, самая жесткая и бескомпромиссная с точки зрения моральных норм разновидность протестантизма. И по сей день на этой кальвинистской христианской доктрине во многом основаны моральные предпочтения граждан. Однако, поскольку голландцы веками бороздили мир в качестве торговцев и предпринимателей, существует, как они сами считают, некоторое противоречие между двумя сторонами их характера: викария и торговца. В качестве примера можно привести судебное разбирательство деятельности одного голландского продавца оружия, который нарушал все международные законы и договоренности и продавал самое страшное оружие всякому, кто был готов платить за него. При этом в своем родном городке он был уважаемым членом реформаторской церкви, дьяконом и исповедником для людей, столкнувшихся с моральными дилеммами.

Своеобразный пример национальной «гибкости» – знаменитая толерантность голландской политики в отношении наркотиков. В Голландии, к примеру, имеют место случаи, когда полицейский следователь проживает с женщиной, владеющей сетью кофешопов, где любой старше 18 лет может приобрести легкие наркотики. Но при этом торговец, снабжающий наркотиками кофешопы и исправно выплачивающий налоги со своего нелегального бизнеса, вполне может быть арестован и осужден.

В этой стране существуют и другие любопытные обычаи. Например, представитель муниципалитета может быть председателем местного футбольного клуба, который спонсируется строительной организацией, которая в свою очередь выполняет работу по контракту для этого муниципалитета. Само собой разумеется, что решение о том, кто будет выполнять строительные работы, принимается «заинтересованным» лицом. Нельзя сказать, чтобы это было официально разрешено, но тем не менее, случается довольно часто.

Помимо гибкости, толерантности и определенной степени разумного конформизма жители этой страны обладают еще одним важным качеством – независимостью и высоким чувством собственного и национального достоинства. «Мы, – говорят голландцы, – ненавидим власти и центральные решения и предпочитаем гибкость и компромиссы в политике, в воспитании детей и в экономике. В нашей стране диктатура невозможна, мы живем рядом с

морем, и, если кто-то вздумает подвергнуть нас политическому насилию, мы можем сесть в лодку, поднять паруса и уплыть, например, в Северную Америку».

Коррупционные скандалы в Голландии

В Голландии есть и свои нашумевшие скандальные истории. Так в 2000 г. министр внутренних дел, отвечающий за честность гражданских служащих, подал в отставку, будучи обвинен в растрате общественных денег во время пребывания на посту бургомистра Роттердама. И, хотя судебных разбирательств не было, он был вынужден вернуть муниципалитету Роттердама \$ 3000, поскольку было доказано, что он потратил деньги на личные цели. Не правда ли, для московских масштабов смешная сумма, но все равно – коррупция!

В 1995 г. состоялось парламентское разбирательство дела о ввозе в страну большого количества наркотиков, разрешенного полицией якобы для отслеживания главарей нескольких криминальных организаций. Главарей не нашли, наркотики также исчезли. Зато было обнаружено, что полиция финансирует свои акции криминальными деньгами, компенсируя нехватку правительственного финансирования. В ответ парламент издал закон, запрещающий гражданским лицам действовать под тайным прикрытием в рамках полицейского расследования.

Недавно закончилось еще одно громкое парламентское разбирательство. В отчете говорилось, что несколько крупных строительных компаний секретно договаривались о результатах тендеров и заранее сами определяли победителей, таким образом «планируя» распределение контрактов между собой. Доходило до того, что компания, «выигравшая» тендер, выплачивала «компенсацию» «конкурентам», формально проигравшим данный тендер. Очевидно, что они нарушали основной принцип рыночной экономики – принцип независимой соревновательности. Более того, они использовали фальшивые документы и скорее всего подкупали гражданских служащих, снабжавших их нужной информацией.

Помимо громких скандальных историй в стране существует и так называемая бытовая коррупция, то есть регулярно имеющие место случаи коррупции. В большинстве своем речь идет об утечке информации в криминальные организации.

Не редкостью является подкуп тюремных служащих, которые за деньги доставляют заключенным наркотики, спиртное, мобильные телефоны или паспорта. Иногда они даже помогают заключенным бежать из тюрьмы.

Значительное число преступлений совершается работниками службы эмиграции, которые за деньги выдают беженцам разрешения на проживание, что позволяет им в дальнейшем легально проживать в Голландии.

Увы, к «бытовым» ситуациям относится и коррупция, связанная с наркобизнесом. В этой стране довольно часто проводятся расследования по ввозу наркотиков в амстердамский аэропорт Схипхол. Расследования обычно начинаются после получения информации из криминального мира о том, что таможня или полицейский были вовлечены в торговлю наркотиками.

Я привожу эти факты не с целью подвергнуть сомнению справедливость высокой оценки, присвоенной Голландии, за «чистоту» от коррупции. Я хочу лишь показать, что Голландия – это не какая-то уникальная страна, состоящая сплошь из фанатически честных людей, дисциплинированно марширующих из-под палки всевидящего полицейского государства. По-человечески, они – седьмые, ничем не лучше нас – сто сорок пятых, но есть, однако, что-то, что разводит нас по разные стороны этой пренеприятной для россиян таблицы индексов коррумпированности. Попытаемся разобраться, в чем причина столь контрастного различия и, самое главное, почему существующая коррупция не приводит к системному кризису и параличу системы государственного управления.

Антикоррупционное законодательство

Голландское общество прекрасно знает о существовании организованной преступности. Более того, в конце 1980-х годов организованная преступность основала один из своих западноевропейских плацдармов именно в Голландии. В сложившихся условиях, в 2001 г. государство было вынуждено принять новое антикоррупционное законодательство, объявив, что основной задачей властей при проведении антикоррупционных мер является *защита общественного сектора от влияния преступного мира*.

В целях предохранения общественных институтов от содействия преступности или от вовлечения в процесс отмыwania денег, была создана специальная государственная организация. В ее задачу входит предоставление общественным институтам информации о тех компаниях, с которыми они собираются вести дела, а именно кто в этих компаниях ответственные за принятия решений, откуда происходят их капиталы, придерживаются ли они закона и т. д.

Формально закон не допускает никаких поблажек коррупции среди гражданских служащих. Взяткодатель и коррумпированный

чиновник – оба подвергаются наказанию, тюремному заключению сроком до четырех лет, а в исключительных случаях – с конфискацией имущества. Дача и принятие подарков, одолжения, предоставление услуг всегда наказуемы, как в момент совершения, так и в процессе осуществления коррумпированных сделок. Нет даже необходимости, чтобы гражданский служащий нарушал свои служебные обязанности, факта принятия «подарка» уже достаточно для возбуждения уголовного дела. На практике, однако, закон не истолковывается так строго.

Несмотря на ряд вопросов, касающихся, скажем, виновности супруга/супруги коррумпированного гражданского служащего или различия между наказуемым и допустимым поведением, новое законодательство предоставило существенно больше возможностей для отслеживания и борьбы с коррупцией. К примеру, поскольку доказать, что «подарок» и действия гражданского служащего связаны напрямую, практически невозможно, принцип причинности был упрощен до того, что простого предположения о связи одного с другим стало достаточно. В свою очередь, дающий взятку может быть арестован не будучи пойман на месте преступления или, как говорят голландцы, «с красной рукой».

Более того, в соответствии с антикоррупционным законодательством 2001 г. за подкуп иностранных гражданских служащих голландские компании подвергаются такому же судебному преследованию, как и за подкуп госслужащих на территории Нидерландов. До этого национальное антикоррупционное законодательство не рассматривало действия своих граждан за рубежом. Введение поправок, касающихся международной деятельности голландских компаний, было обусловлено требованиями международной конвенции государств – членов OECD (Organization for Economic Development and Cooperation).

Несмотря на очевидные успехи в борьбе с коррупцией в государственном секторе, общепризнанным слабым местом в голландском законодательстве является практически полное отсутствие преследования коррупции в частном секторе. В законодательстве имеется только один пункт, посвященный этому вопросу, который предполагает наказание тюремным заключением сроком на один год, однако за последние десять лет не известно ни одного случая наказания подобного проступка тюремным заключением. Однако сейчас все больше внимания уделяется этому вопросу, вносятся предложения пересмотреть значение термина «официальный служащий», с тем чтобы наделить этим званием не только работников общественных учреждений, но и сотрудников частного сектора. И, вероятно, вскоре появятся новые поправки к законодательству.

Организационная структура антикоррупционной деятельности

В Нидерландах существует трехуровневая система борьбы с коррупцией. Подавляющее большинство случаев коррупции государственных организаций и институты, такие как тюрьмы, департамент государственных сборов, министерство обороны и т. д., разбирают сами, внутри своих организаций. Для этих целей в большинстве госучреждений существуют собственные отделы внутренних дел (или, иначе говоря, внутренние службы безопасности). Как правило, организации наказывают провинившихся, что называется, не вынося сор из избы, смещением с занимаемой должности, взиманием компенсации за нарушение или увольнением.

Так, к примеру, все двадцать пять региональных полицейских подразделений и Национальное Полицейское Агентство имеют необходимые инструменты и штат сотрудников для отслеживания и борьбы с коррупцией внутри своих организаций, они варьируются от крупных отделов внутренних дел до одного полицейского офицера.

Не секрет, что местные власти часто нанимают частных детективов для расследования, если видят в этом необходимость.

Следующим важным структурным уровнем в системе борьбы с коррупцией является так называемая Служба Общественного Обвинения (The Public Prosecution Service). Служба общественного обвинения имеет девятнадцать региональных офисов, в каждом офисе имеется свой общественный обвинитель, ведущий дела по криминальным расследованиям. Если коррупционные дела попадают в зону внимания службы общественного обвинения, возможны два варианта развития событий. Общественный обвинитель имеет право не предъявлять обвинение, например, в случае если правительственная организация или служба имеет прозрачные правила, касающиеся принятия подарков, или если служащий был уже подвергнут дисциплинарному взысканию своей организацией за нарушение правил. Если же региональный общественный обвинитель решает, что необходимо проведение более глубокого расследования, он докладывает об этом национальному общественному обвинителю, уполномоченному на борьбу с коррупцией.

Национальный общественный обвинитель, в свою очередь, делает заявку в генеральную прокуратуру, составляющую третий организационный уровень в системе борьбы с коррупцией. Генеральный прокурор дает указание государственной криминальной полиции (в Голландии она называется «Rijksrecherche») о проведении независимого расследования. Это маленькая полицейская

служба, которая проводит расследования, независимо и объективно, подчиняясь непосредственно генеральному прокурору, высшему государственному обвинителю. Собственно говоря, это единственная организация, наделенная полномочиями привлекать к суду в случаях коррупции. Служба имеет маленькое разведывательное подразделение, в чью задачу входит расследование фактов коррупции. *Расследования касаются нанесения серьезного наказуемого ущерба репутации тем, кто находится на службе у общества.*

Фраза выделена курсивом неслучайно. Хочу обратить особое внимание на то, как формулируется в Голландии дело о коррупции – как дело о нанесении ущерба репутации. Ниже мы подробнее коснемся важности подобной формулировки.

Нужно особо подчеркнуть, что служба общественного обвинения тщательно отслеживает ход проведения криминальной службой всех инициируемых ею дел. С этой целью в каждом региональном офисе имеется свой сотрудник, ведущий дела по расследованиям Rijksrecherche.

Rijksrecherche стала национальной организацией в 1996 г. До 2000 г. служба вела от 300 до 400 дел ежегодно, из которых 100 были связаны с коррупцией. После реструктуризации и появления центральной регистратуры, в которую должны поступать все заявки на расследования, количество расследований сократилось до 100–200 в год (30–40 имеют отношение к коррупции). Те 70 дел, которыми прежде занималась служба, теперь находятся в ведении региональных полицейских отделений. Как я уже упоминала в начале главы, предполагается, что большинство случаев коррупции организации должны разбирать сами.

Влияние голландской культуры на методы борьбы с коррупцией

Рассуждая о коррупции, принято ссылаться на культуру, мол, культурные, поэтому и честные, а некультурные – нечестные. Безусловно, культура здесь играет важную роль, но культура, понятая не как атрибут личности, а как социальное понятие, как форма взаимодействия людей в обществе. Разумеется, культура общества влияет на формирование нашей личной культуры, во многом определяя и нашу личную честность. Личная честность, в свою очередь, является важнейшим качеством для руководителя, а хорошее руководство необходимо здоровой организации. И все же не стоит абсолютизировать влияние общественной культуры на личные качества граждан, связь эта гораздо более сложная и менее прямо-

линейная. А тем более не стоит оправдывать преступников недостатками в общественной культуре.

Однако, говоря о национальных особенностях, которые определяют антикоррупционную политику в Голландии, ссылаясь на культуру вполне правомерно, поскольку основным принципом национальной антикоррупционной политики является «*стимулирование честности*» (promotion of integrity), что имеет непосредственное отношение к общественной культуре.

Ключевое в данном контексте английское слово «*integrity*» трудно перевести на русский язык буквально. Значение этого емкого слова включает в себя и репутацию, и чувство собственного достоинства, и профессиональную честь, и профессиональную компетентность. В демократической культуре это понятие почти свято, посягательство на «*integrity*» не менее страшное преступление, чем посягательство на жизнь. Утрата честного имени страшнее потери рабочего места, денег или имущества. Достойный уровень жизни, справедливая оплата труда, наличие демократических прав и свобод это, образно говоря, та пища, которая поддерживает здоровье общественного организма, в то время как «*integrity*» – это самое мощное «антитело» в борьбе с вирусом коррупции, проникшем в этот организм.

В коррумпированных организациях всеми силами стремятся лишить людей этого качества, человек без «*integrity*» – это человек без стержня, человек-пластилин, идущий на поводу у всех и беззащитный против любого произвола. Я лично была свидетелем того, какую панику произвело в офисе одной российской компании заявление сотрудницы о том, что она не потерпит унижений и будет бороться за свою профессиональную «*integrity*». Несмотря на то, что она была одним из самых профессиональных и ценных сотрудников, ее поспешно уволили, не дав времени собрать свои вещи и попрощаться с коллегами.

Примечательный факт: Амстердамский университет, проводивший изучение файлов Rijksrecherche, обнаружил, что *большинство расследований было прекращено за недостатком улик или поскольку факта преступления не было установлено*. И тем не менее никто не усомнился в значимости результатов расследования, поскольку в стране, где честность и незапятнанная репутация являются безусловной общественной ценностью и обязательным качеством гражданина, находящегося на службе у общества, *защита* «*integrity*» играет не менее важную роль в антикоррупционной политике, чем ее стимулирование.

Выше упоминалось, что коррупционные дела в этой стране определяются как «дела по нанесению серьезного ущерба репутации»

государственного служащего». И это не случайно. Тем самым подчеркивается, что задача следствия не только поймать и наказать коррумпированное лицо, но и защитить репутацию того, кого общество незаслуженно заподозрило в коррупции.

Думается, что в недостатке внимания правоохранительных органов к «гласу народа» или, по-голландски, к общественному обвинению (когда дела государственного чиновника, слывущего в народе взяточником и казнокрадом, не подвергаются ни корпоративному, ни судебному расследованию), заключается одна из причин столь низкого рейтинга России. У народа складывается впечатление, что «все берут», и именно это впечатление отражает рейтинг коррумпированности. Обвинение в коррупции должно быть расследовано, иначе обвиняемый будет вечно окружен грязными слухами и лишится доверия общества. Единственный выход из ситуации – это доказательство либо вины, либо невинности.

Голландская *традиция сотрудничества* еще одна важная национальная черта, во многом определяющая и антикоррупционную политику. Благодаря этой традиции независимое расследование – явление в Голландии экстраординарное. В методе борьбы с коррупцией «своими силами», не перекладывая дела на плечи независимого расследования, с точки зрения национального менталитета, нет ничего странного. Это вполне вписывается в голландскую *традицию сотрудничества*. Кроме того, если бы национальная криминальная разведывательная служба вела независимые расследования во всех случаях коррупции, то ей потребовалось бы значительное увеличение штата, в сравнении с имеющейся на сегодняшний день сотней служащих, что совершенно не реалистично. Голландцы относятся весьма негативно к подобным вмешательствам в «частные дела», тщательно оберегают свою корпоративную неприкосновенность и не позволяют сотрудникам криминальной полиции наведываться в офис без веских на то оснований.

Не приветствуются и доносы, как нарушающие ту же почитаемую в народе традицию. Вследствие этого в Голландии расследования редко начинаются в ответ на донос, хотя доносов предостаточно. Доносчиками в Голландии, как правило, считаются обиженные служащие, жаждущие реванша, или люди, руководствующиеся слухами, но не попытавшиеся обсудить и решить проблемы внутри своих организаций.

Здесь мы логически переходим к *невмешательству в частную жизнь и неразглашению служебной информации*, как немаловажным чертам национальной культуры, столь неудобным для криминальных сыщиков, но лежащим в основе демократической системы. Разумеется, обойдя эти традиции, было бы намного про-

ще собрать информацию и раскрыть преступление. Скажем, помимо материальных ценностей, таких как дорогие вещи, обеды в ресторане и заграничные путешествия, серьезные взятки даются в форме денег. Совсем не обязательно, что деньги сразу приведут к удовлетворению личного интереса дающего взятку, это может быть своего рода «инвестиция» в плодотворные отношения с гражданским служащим, который имеет ценный «товар», такой как информация, право принятия решения или власть. Дающий взятку, разумеется, должен отчитаться за трату в своих расходных книгах и в налоговых формах, обычно эти расходы обозначаются как «расходы на консультацию», «расходы по приобретению», «представительские расходы», «затраты» и т. п. Налоговые инспекторы, имеющие доступ к этой богатейшей для расследования случаев коррупции информации, могли бы играть неопределимую роль в помощи антикоррупционной полиции. Но это является нарушением существующего законодательства, согласно которому *налоговый инспектор*, в задачу которого входит сбор денег в государственную казну, *обязуется не разглашать полученную информацию*.

Следующей культурной препоной действиям полиции является общественное мнение в Голландии, утверждающее, что такие, весьма эффективные с точки зрения полицейских, методы расследования коррупции, как внедрение, установка подслушивающих устройств и иммунитет дающему взятку, *не должны использоваться в цивилизованном государстве*.

Возможно, эти традиции и мешают расследованию конкретных коррупционных дел, однако в более общем плане они оберегают общество от произвола властей, от всемогущества каких бы то ни было служб. Ведь, в конце концов, во всех службах работают люди, а люди, как известно, слабы и склонны к греху, включая грех коррупции.

Складывается впечатление, что голландские блюстители порядка связаны по рукам и ногам культурными и юридическими табу. И проще назвать то, что они не имеют право делать в отношении своих граждан, чем перечислить методы их борьбы с коррупцией. Чтобы убедить вас в этом окончательно, добавлю, что:

- в этой стране нет национальной организации, которая вела бы записи всех случаев коррупции;

- не существует обязательств касательно финансового разоблачения подозреваемых в коррупции;

- в законодательстве мало упоминается о таких вещах, как работа на стороне и дополнительный заработок членов парламента. Кстати сказать, в Голландии не любят говорить о деньгах, и доход считается личным делом каждого. Тоже немаловажная черта национальной культуры.

И последнее – по порядку, но не по значимости. В Европе распространено выражение «going Dutch», оно означает, что если вы идете в ресторан компанией, каждый платит за себя. В приложении к борьбе с коррупцией этот голландский принцип звучит так: *никогда не вынуждай других платить за себя*, плати сам или пусть платит твоя организация. Если для выполнения своих служебных обязанностей тебе нужны обеды и авиабилеты, за них должен заплатить твой работодатель. Для того чтобы иметь возможность платить за себя и не заботиться о получении подарков «со стороны», служащие должны получать достойную заработную плату от своего работодателя.

Чему учит нас голландский опыт?

Проанализировав все вышеизложенное, можно прийти к следующим важным выводам.

Вывод первый. Искоренять коррупцию, которая глубоко проникла во все системы общественного организма, невероятно трудно. Коррупция напоминает вирус, лекарства от него нет, и побороть его можно только средствами закалывания и оздоровления организма и еще локализацией вирусоносителя, дабы не дать ему беспрепятственно распространяться и заражать здоровые общественные системы.

Вывод второй. Никакие драконовские меры не оздоравливают общественный организм, а лишь увеличивают «мзду», взимаемую чиновниками. Периодически объявляемая компания по борьбе с коррупцией лишь увеличивает риск взяточников, а за их риск приходится платить нам, честным труженикам.

Давайте вспомним результаты горбачевских драконовских мер по борьбе с алкоголизмом: вырубленные уникальные крымские виноградники, заложенные еще до революции; отравленные некачественным самогоном тысячи советских граждан; миллионные нелегальные заработки подпольных торговцев и, соответственно, подорванная экономика; новый год без шампанского и фильма «С легким паром», короче, здоровее нация явно не стала.

Вывод третий. Важное качество чистых от коррупции организаций, как и демократических обществ в целом, открытость и ясность их политики, прозрачность структур, обсуждаемость происходящих процессов.

В Голландии служащий при устройстве на работу вместе с контрактом получает официальный список своих обязанностей, он четко знает, кто является его непосредственным начальником, а также

всю цепочку субординации до президента компании. Если принимается какое-либо решение касательно его судьбы, он точно знает, кто конкретно принял это решение и к кому он может обратиться с тем, чтобы опротестовать решение или поблагодарить за него.

В российских организациях царит атмосфера 1937-го года. С ее атрибутикой в виде подсадных шпионов, подслушивания, доносов, страха сказать или услышать что-нибудь не то, получить удар в спину. С подозрительным отношением ко всем и каждому, с ужасом перед неведомой, но всеильной властью, не материализующейся в лице формальных начальников, а довлеющей над людьми как злой дух из каких-то невидимых, неосязаемых сфер. Знать наверняка, что от тебя как сотрудника требуется, невозможно, спросить об этом не у кого, можно только угадывать, ориентируясь по интуиции, получая как «вращатели столов» лишь мистические знаки, одобрительные в виде неожиданных бонусов или порицательные в виде неожиданного смещения с должности или увольнения. Безвольный, дезориентированный, деморализованный персонал – это та самая мутная вода, в которой хорошо ловится рыбка. Неважно, что долго рыба в такой воде не живет и много рыбы, чтобы накормить всех, в ней не разведешь, но для коррупционера важна сиюминутная, легкая и личная выгода.

И последний важный вывод из голландского опыта. Не валить все в одну кучу, не мазать всех одной черной краской. Не ссылаться на отсутствие культуры и порочные национальные традиции. Нужно поставить четкие разграничения. Да, есть преступники, они сильны и организованны, их сети закинута не только на Российскую территорию, они простираются далеко за ее пределы, алчность их не имеет границ, и государственные границы им не помеха. Но есть и здоровые силы в любом обществе, иначе паразитам не на ком было бы паразитировать. И задача государства, по крайней мере, некоррупцированной его части, защитить общество от насилия преступников, заставляющих честных людей жить по «законам» преступного мира, оградить здоровые силы общества от заражения тяжелым и трудноизлечимым вирусом коррупции.

И в заключение еще раз о демократии. На примере Голландии можно ясно увидеть, что общество, не управляемое национальным лидером или элитами, а управляемое самим собой, обладает уникальной способностью к самоизлечению от многих социальных недугов, включая коррупцию, не прибегая при этом к репрессивным политико-административным мерам в отношении своих граждан. Когда нам говорят, что в нынешних тяжелых условиях (а когда они были легкими?) демократическое управление неэффективно и нужна «сильная рука» авторитарного правителя, не

Н.Г. Чистякова

верьте, это ложь. Допускаю, что часто ненамеренная, поскольку люди, не имеющие опыта проживания в демократическом государстве, имеют очень смутные представления об эффективности его функционирования и вполне могут принять за «демократию» ту неразбериху, которая царила в нашей стране в постгорбачевские времена. Но в подавляющем большинстве случаев это ложь намеренная, ложь, распространяемая теми коррумпированными деятелями, которые стригут купоны с собственной неподконтрольности и бесправия граждан.

ВЕЧЕВАЯ ТРАДИЦИЯ
ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ
КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ
ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ
ПРОТОГРАЖДАНСКОГО ТИПА

Статья посвящена исследованию вечевой традиции древнерусских городов. Развитие вечевых институтов было, по мысли автора, предпосылкой для формирования в домонгольской Руси механизмов взаимодействия общества и власти, близких по своей сути к гражданским. Социально-политическая история древнерусского города рассматривается в статье в контексте общеевропейского феномена «коммунальной борьбы». Это позволяет преодолеть многие стереотипы в отношении русской политической традиции и показать, что российские реалии в разное время давали возможности для различных путей развития общества, в том числе и демократического.

Ключевые слова: вече, князь, городская община, домонгольская Русь, волость.

В отечественных социальных науках доминирует представление о русской политической традиции как сугубо недемократичной, авторитарной. Пресловутый миф о «тысячелетнем рабстве» давно стал общим местом в размышлениях об истории и перспективах становления в России общества гражданского типа, построение которого воспринимается исключительно через преодоление сущностных характеристик российской социальной системы.

Конечно, трудно спорить с тем, что сегодня взаимоотношения общества и власти в России носят во многом патерналистский характер, недостаточно выработаны механизмы гражданского контроля, политическая культура населения далека от стандартов развитых демократий. Как сложно не согласиться и с тем, что мно-

гое из этого является наследием нашего исторического прошлого. Однако существует ряд явлений и фактов, которые плохо вписываются в концепцию извечного российского авторитаризма, якобы никогда не имевшего в нашей стране серьезных альтернатив. И один из таких феноменов – это вечевая традиция древнерусских городов, насчитывающая более двух столетий.

Казалось бы, исследование Древней Руси имеет определенную значимость лишь для историков и представляется мало актуальным сегодня. Но нам эта далекая эпоха интересна именно в контексте современной социально-политической проблематики, поскольку мы рассматриваем домонгольский период как некую «развилку» русской истории, когда отечественная социальная система имела существенные предпосылки для гражданской трансформации. И в рамках данной статьи мы хотели ли бы показать, в чем заключались эти предпосылки; каковы были особенности социально-экономических и геополитических условий, в которых вызревала древнерусская государственность, какое влияние они имели на характер взаимоотношений между обществом и властью; наконец, почему тенденции гражданского типа оказались тогда незавершенными. Ведь, по нашему мнению, различие в социально-политической истории России и Запада заключается вовсе *не в отсутствии* у нас гражданских тенденций и импульсов, характерных для Европы, а в том, что в России эти тенденции *систематически срывались и не получили своего завершения*. Автор надеется, что предлагаемая статья сможет внести посильный вклад в преодоление ряда устойчивых стереотипов в отношении русской политической традиции и политической культуры россиян, а значит, позволит по-иному взглянуть на перспективы сегодняшнего движения России к обществу гражданского типа.

Известно, что Древняя Русь, благодаря удобным речным артериям, долгое время была важнейшим звеном международной торговли – уже с VIII в. через нее проходят два великих водных пути – волжский и «из варяг в греки», которые соединяли между собой две собственно европейские торговые зоны (средиземноморскую и североевропейскую), а также Запад с Византией и ближневосточными странами. Транзитная торговля стала одним из важнейших факторов градообразования у восточных славян, и хотя многие города возникали изначально как центры племенных союзов, не вызывает сомнения, что торговая деятельность оказывала значительное влияние на социальный и культурный облик городов, превращая многие из них в крупные центры ремесла и торговли. На Руси рынки имелись практически в каждом городе, а в Киеве в период расцвета их было восемь, при этом русские купцы доходили

даже до Багдада, а в стране в большом ходу была византийская и арабская монета. Эти рыночные черты сильно отличали экономику Руси от Западной Европы, где денежное обращение, ремесленное производство и ярмарки до начала XIII в. находились еще в зачаточном состоянии (за исключением Италии и Фландрии).

Богатство древнерусских городов и их численность все больше увеличиваются по мере развития торговли, растет городское население. Не случайно скандинавы называют Русь словом «Гардарики», то есть страна городов. По подсчетам ученых, к середине XIII в. на Руси было около 300 городов¹, в которых проживало примерно 15% населения. Для периода Средневековья это были довольно высокие показатели (для сравнения: в XIII столетии в Англии горожане составляли 9–10% населения страны, в Скандинавии – 3–5%²).

Все это имело самые прямые последствия для древнерусской государственности, поскольку торгово-ремесленный характер городов формировал большую массу свободного населения, которое по мере разложения родоплеменного строя и складывания новых социальных связей начинает консолидироваться в единое городское сообщество, обладавшее значительными экономическими и политическими ресурсами. Не случайно с середины XI в. мы встречаем в источниках все более частое упоминание о *вече* – это было внешним проявлением возросшей активности городских общин, которые использовали для изъявления своей политической воли институт, привычный для славянского населения еще с архаичных времен (изначально вече – это племенная сходка). Так вечевые собрания переживают своеобразное «второе рождение», теперь уже в качестве политического института. В первую очередь сильные городские общины складываются в Киеве и Новгороде – в двух наиболее крупных торговых городах Древней Руси. Рост социально-политической активности населения в других городах мы увидим позднее – к концу XI в., но так или иначе, это была общая тенденция для всех городских сообществ домонгольской Руси.

Похожие процессы можно было наблюдать и в средневековой Европе, в особенности на Апеннинях. Там могущественные северо- и центрально-итальянские города также играли важную роль в экономической, политической и культурной жизни. Как и города Древней Руси, они находились на пересечении торговых путей и, развиваясь очень динамично, уже в IX–X вв. начали борьбу со своими феодальными сеньорами. В результате к концу XI–XII вв. в Северной и Средней Италии практически повсеместно возникли самоуправляющиеся коммуны, власть в которых осуществляли выборные институты – ассамблеи, городские советы и консулы.

«Коммунальное движение» охватило не только Италию, это был в значительной степени общеевропейский феномен борьбы горожан за свои права, но только на Апеннингах (и частично на юге Франции) коммуны смогли отвоевать себе полную независимость и стать самостоятельными городами-государствами, распространяя свою власть на городское пространство и на прилегающую к нему территорию. Успехи прочих европейских городов были намного скромнее и сводились первоначально лишь к освобождению от наиболее тяжелых форм феодальной эксплуатации. Однако повсюду борьба за городские вольности способствовала становлению городских общин, пользовавшихся определенной автономией и самоуправлением.

Таким образом, средневековый город повсеместно являлся носителем того динамичного начала, под влиянием которого в Европе складывались предпосылки для формирования гражданских институтов – внутри городских стен развивались принципы самоорганизации, создавались общественно-политические структуры, выстроенные «снизу вверх», на основе принципа выборности и участия членов сообщества в управлении, возникали значительные пласты свободного населения. И важно подчеркнуть, что русские города домонгольской эпохи не представляли собой исключения из этого общеевропейского правила, даже наоборот – города Древней Руси и средневековой Италии в наибольшей степени развили вышеуказанные тенденции, поскольку находились в наиболее урбанизированных, рыночных и развитых в торговом-ремесленном отношении частях Европы.

Вторым фактором, способствующим развитию вечевых институтов, наряду с высоким уровнем урбанизации, стал полицентризм. Древняя Русь, несмотря на общность языка, религии, правовых норм, экономических отношений и правящей династии не знала единой государственности, которая охватывала бы всю территорию расселения восточных славян. Государственность была достаточно аморфной и децентрализованной, она была локализована в городах, которые распространяли свою власть на окружающую территорию, что называлось в терминологии того времени *волостью* или *землей*. И здесь можно снова провести определенные аналогии с итальянскими городами-коммунами.

Каждая древнерусская волость включала в себя правящий город (он назывался «старшим»), подчиненные ему города («пригороды») и сельскую округу. По названию старшего города обозначали и всю землю – Новгородская, Киевская, Владимирская и т. д. Русь была своеобразной конфедерацией таких волостей, которые хотя иногда и собирались под властью какого-либо сильного князя,

тем не менее никогда не являлись единым целым. Волостное устройство благоприятствовало развитию вечевых институтов, поскольку позволяло всем гражданам непосредственно участвовать в политической жизни, сойдясь на городской площади.

Необходимо также отметить, что политическое устройство древнерусских земель вплоть до татаро-монгольского нашествия не имело принципиальных различий. Вечевые институты, вопреки расхожему мнению, не были уникальной чертой Новгорода и Пскова. По крайней мере, современники никак не выделяли политические порядки северо-западной Руси среди остальных, об этом говорит примечательный фрагмент из Лаврентьевской летописи, датируемый 1176 г.: «Новгородци бо изначала и Смоленяне и Кыяне и Полочане и вся власти [то есть все волости – Д. Л.] яко на думу на вече сходятся. На что же старейшии сдумают, на томъ же пригороди станут»³.

Обозначив предпосылки складывания вечевого строя, посмотрим теперь, что же представляло собой вече в качестве политического института. И здесь одним из важнейших является вопрос о социальном составе веча – был ли это чисто аристократический орган или помимо «верхушки» общества в него также входили и простые горожане. Анализ летописного материала однозначно склоняет нас в пользу второго варианта. В источниках участники веча, как правило, обозначаются самыми общими терминами, подразумевающими все свободное население – «людие», «кияне», «володимерцы», «вся Галицкая земля» и т. д. Встречаются и более подробные указания. Например, повествуя о вече в Киеве в 1097 г., летописец говорит, что «наутрия же Святополк созва *боляр* и *кыян* <...>», и дальше: «И рше *боляре* и *людье* <...>» (курсив мой – Д. Л.)⁴. Как видим, здесь четко выделены социальные слои, сошедшиеся на вече – это как бояре, так и «людье», то есть простой народ.

Это, однако, не означает, что на вече собирались все горожане. Статус полноправного гражданина в домонгольской Руси, как и в средневековой Европе, был доступен только тем, кто делал определенные взносы в городскую казну. А поскольку основной единицей налогообложения на Руси традиционно был «дым», то есть двор, домохозяство, то и гражданскими правами обладали лишь *свободные домохозяева* (мужчины, являющиеся главами семейств). Зависимые категории населения – закупы, рядовичи, холопы, челядь и прочие – политических прав были лишены. С этой оговоркой мы можем признать вече институтом, демократическим по своему составу.

Влияние древнерусского «демоса» на политическую жизнь усиливалась и особенность военной организации домонгольского обще-

ства, предполагавшей поголовную вооруженность всех свободных мужчин, которые составляли народное ополчение. Это делало социальные «низы» достаточно самостоятельными по отношению к знати, ведь «вооруженный общинник – плохой объект для эксплуатации»⁵.

Не менее существенным представляется вопрос о компетенции веча. Вечевые собрания в древнерусских городах так и не стали постоянно действующим органом, занимающимся текущими вопросами управления. Они собирались лишь по мере необходимости, когда существовал какой-либо вопрос, требующий всенародного обсуждения. Тем не менее, компетенция веча была значительной, оно могло вмешиваться во все сферы государственного управления и законодательства, включая обсуждение вопросов войны и мира, принятие судебных решений, принятие некоторых законодательных актов и т. д. Но бесспорно важнейшим правом, закрепленным за вече, была возможность распоряжаться княжеским «столом», то есть смещать князей по своей воле и призывать новых. Это право появилось далеко не сразу и явилось результатом развития древнерусских городских общин.

Борьба Рюриковичей за власть в конце X – начале XI в. проходила еще без широкого участия горожан, то были именно межкняжеские распри, где вопрос о занятии престола решался в военных столкновениях князей. Но со второй половины XI в. мы можем наблюдать все большую вовлеченность народа в процесс распределения княжеских столов. В Киеве первый такой случай датируется 1068 г., когда после поражения от половцев из города был изгнан князь Изяслав. Начиная с 1113 г., когда по решению веча в Киев был приглашен Владимир Мономах, практика участия городской общины в этом вопросе становится здесь регулярной.

По мере освобождения от власти Киева в прочих городах в течение XI–XII вв. устанавливается аналогичный порядок выборности князей. И это была важная веха в процессе трансформации системы «власть–общество» из патерналистской в гражданскую. С началом избрания князей на Руси утверждается новый, общественный тип легитимации власти (когда для завоевания и удержания власти Рюриковичи уже не могли рассчитывать исключительно на свою дружину, теперь необходимо было и согласие со стороны общества), а князь из верховного правителя земли превращается в «главу городского управления» (В.Л. Махнач). Характерный эпизод: приглашая в 1146 г. на престол переяславского князя Изяслава Мстиславича, киевляне говорят ему: «Не хотим быти акы в задничу»⁶. В древнерусском языке слово «задничу» обозначала наследство, собственность. Иными словами *горожане объявляли*

князю, что не желают, чтобы он относился к ним как к своей собственности, а это значит, что в сознании людей формируется новый, гражданский принцип отношения к власти как к структуре, нанятой обществом для того, чтобы отстаивать его интересы.

Дальнейшее развитие протогражданских тенденций связано с установившейся со второй половины XII в. практики заключения договоров между князем и призвавшей его городской общиной. Этот договор обозначается в источниках как «ряд», «наряд» или «поряд», в нем оговаривались некоторые условия занятия престола, размеры княжеских кормлений и прочее. Все это ставило князя в определенные, строго очерченные рамки. «Ряд», по-видимому, мог быть устным (в этом случае летописец просто упоминает, что народ и князь целовали друг другу крест) или письменным (например, в 1175 г. горожане Владимира, призвав к себе князя Ярополка Ростиславича, посадили его на престол, «в Святей Богородице весь порядок положыше»⁷, то есть договор был положен на хранение в церковь). После этого положение Рюриковичей стало схожим с ролью так называемого «подеста» в итальянских коммунах. Подеста был чужеземцем, рыцарем, которого городская община приглашала на службу вместе с его вооруженным отрядом для выполнения административных и полицейских функций. Подеста всегда был чужеземцем, поскольку считалось, что в этом случае он не будет иметь каких-либо политических интересов в городе. Так же и древнерусский князь, приходя в город со своей дружиной и выполняя определенные общественно важные функции (управление, суд, военная защита), был, помимо всего прочего, еще и источником общественного компромисса – призванный со стороны, он должен был стоять над всеми социальными силами и узкоклассовыми интересами, гасить острые общественные конфликты. Как и итальянские коммуны, городские общины Древней Руси предоставляли своему «подеста» вознаграждение, так называемые «кормления» – определенный доход с волости.

Итак, мы видим, что в городских сообществах домонгольской Руси активно развивались тенденции протогражданского типа, они заключались в наличии механизмов воздействия общества на власть и контроля за ней, в возможности для граждан участвовать в принятии общезначимых решений, в значительной социально-политической активности населения. Вместе с тем очевидно, что древнерусское вече не стало еще полноценным политическим институтом – оно созывалось нерегулярно и не участвовало в решении многих текущих вопросов управления, сами собрания были зачастую довольно хаотичными и нередко заканчивались рукопашными схватками между спорящими «партиями», напоминая в этот

момент в большей степени племенную сходку времен военной демократии, нежели орган государственной власти. Но самое главное – *компетенция веча не была очерчена законодательными рамками*, она основывалась на обычае, подкрепленном возросшей мощью городских общин. А ведь именно подчиненность формальным правилам, а не обычаям или традициям является важнейшим критерием политического института (хотя серьезной предпосылкой к формализации политического процесса стала складывавшаяся практика заключения «ряда»). Эти недостатки веча, наличие пережитков архаической эпохи были следствием архаичности всей древнерусской государственности, которая находилась еще в процессе своего формирования.

В отличие от Запада, на политическое развитие Руси гораздо меньшее влияние оказывало античное наследие. Римская правовая традиция, сыгравшая важную роль в становлении европейского городского права, была у нас не известна. В этом заключалось, пожалуй, единственное по-настоящему серьезное отличие европейского «коммунального движения» от аналогичных процессов в домонгольской Руси. В Европе результаты освободительной борьбы городов имели правовое закрепление, сначала в виде хартий, затем в форме городских статутов – своеобразных конституций городских сообществ, где были прописаны права и вольности горожан, порядок формирования органов власти и т. д. Формальное закрепление городских свобод сделало завоевания европейских горожан более устойчивыми и привело к тому, что на Западе протогражданская система отношений между властью и обществом получила импульс для дальнейшего развития и уже в Новое время превратилась в собственно гражданскую.

История древнерусских волостей с их вечевым устройством обрывается в середине XIII в. Этому способствовал ряд обстоятельств, ключевым из которых стало монгольское нашествие, повлекшее за собой разрушение и упадок большинства городов. К тому же в полном запустении оказалась теперь транзитная торговля через русские земли, бывшая главной причиной расцвета городов в предшествующие века: с приходом монголов речные пути стали небезопасными, да и в европейской торговле с Востоком после Четвертого крестового похода появился новый посредник – Венеция. Сюда же следует добавить возникновение на русских границах мощных военных соперников (еще в начале XIII в. усиливается угроза с Запада в виде крестоносцев, датчан и шведов, а к середине столетия после объединения литовских племен под властью князя Миндовга начинает складываться Великое княжество Литовское, подпираемое дружественной Польшей). Следует

признать, что в этой ситуации древнерусская волость как форма политического устройства не имела серьезных исторических перспектив, что подтвердила и европейская история – на Западе города-государства сохраняли свою независимость лишь до тех пор, пока сосуществовали с раздробленными государствами Раннего и Высокого Средневековья. К середине XIII в. на Востоке Европы не осталось объективных условий, способствовавших дальнейшему развитию русской государственности в форме полицентричных городских сообществ.

Изменение геополитических условий сделало невозможным сколько-нибудь устойчивое воспроизведение политического опыта домонгольских городов в дальнейшем, но, как нам представляется, история их становления и развития важна сама по себе, самим фактом своего существования доказывая скептикам, что на «русской почве» могут существовать и успешно развиваться принципы взаимоотношений между властью и обществом, близкие к гражданским.

Примечания

- 1 См.: *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956.
- 2 *Сванидзе А.А.* Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М.: Наука, 1999. Т. 1. С. 24.
- 3 Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1962. Т. 1. Стб. 377–378.
- 4 Там же. Стб. 259–260.
- 5 *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории // Начала русской истории. М.: Изд. дом «Парад», 2001. С. 686.
- 6 ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 323.
- 7 Там же. Т. 1. Стб. 374.

А.А. БОГДАНОВ И А. ГРАМШИ
О РОЛИ И МЕСТЕ КУЛЬТУРЫ
В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Статья посвящена разработкам в области культуры, сделанным А.А. Богдановым и А. Грамши и связанным с механизмом формирования общественного сознания. Автор не только уделяет внимание вопросам практического внедрения тех или иных идей, но и указывает на поразительное сходство положений обоих мыслителей о значении искусства и предназначении художника в деле культурного строительства.

Ключевые слова: идеология, искусство, интеллигенция, общественное сознание.

Актуальность заявленной темы представляется бесспорной, ибо формирование гражданского чувства каждого члена общества – абсолютная потребность времени.

Любопытно, что современность звучания и сходство идей А.А. Богданова и А. Грамши именно в области воспитания чувства взаимной ответственности и понимания переживаемого обществом момента как личного практически не разрабатывалась и «не замечалась» исследователями.

Глобализация и мировой экономический кризис подвели современность к новой, еще неосознанной реальности, однако ко вполне осознанному пониманию необходимости перемен, общественно-политической и социально-экономической модернизации. О возможности «другого капитализма» в Европе заговорили достаточно громко и внятно. Бесспорно, это не означает отказ от буржуазных и рыночных отношений. Но в первую очередь, думается, речь идет об иной роли и позиции самого человека, чьи аксиология, потребнос-

ти, интеллектуальная ответственность и должны в конечном итоге определить подлинный вектор общественных тенденций.

Идеи Богданова и Грамши интересны в этом плане именно своим обращением к человеку, «массовому» потребителю, который во все времена был и остается опорой любого строя. Факт, что оба мыслителя считали себя марксистами, не может и не должен «пугать» и отталкивать нас от их наследия. Возможно, невнимание к нему объясняется тем, что правые считали Богданова и Грамши «чужими» в силу их приверженности левым идеям, а левые обходили из-за «недостатка здоровой ортодоксальности», склонности к неким «идеалистическим» тенденциям. Для обоих было ясно – во главе любого успеха – человек, его личное отношение к делу, понимание необходимости перемен и желание следовать им, *осознанно* менять свою жизнь как писал Богданов «от быта до чувства».

Общество массового потребления западного мира сегодня не может не чувствовать этого. Иная реальность, выраженная хотя бы в имеющем место массовом потоке мигрантов и в ускоренном старении собственных наций, уже меняет лицо Европы, ее язык и самоидентификацию. Еще можно это не принимать (что и происходит с ростом популярности национализма), но не видеть уже нельзя. И в этом плане самоорганизация общества, его переориентация «на другого» как «на себя», взаимответственность – определяющие условия дальнейшего развития и жизни.

Именно в этом ракурсе интересны идеи Богданова и Грамши, оба уделяли огромное внимание именно изменению массового сознания и тем механизмам, посредством которых можно, как им представлялось, достигнуть определенных успехов. Думается, зерно истины есть в этих идеях, условно говоря, «идеалистического марксизма». Тем более что многое из того, что делал Богданов, на практике в том числе, советское общество получило (пусть и в достаточно вульгарном воплощении) в 1930-е годы благодаря действительно эффективной деятельности Наркомпроса, долгое время возглавляемого бывшим ближайшим соратником А.А. Богданова А.В. Луначарским. О сродстве идей последнего и Грамши упоминалось уже в советской историографии 1960-х годов. Один из исследователей наследия Грамши А. Лебедев отмечал, что отправной точкой для предстоящего исследования (работ Грамши. – *Н. А.*) «может послужить сопоставление эстетики Грамши с эстетикой Луначарского; *сходство* позиций этих двух крупнейших представителей марксистской эстетической мысли порой просто поражает^{1»2.}

Принято считать, что идеологическая стратегия Советского государства, как в теории, так и в «сфере практической политики

оформилась прежде всего в теоретических работах В.И. Ленина»³, который неоднократно подчеркивал обязательную ориентацию на массы, поскольку «идейным завоеванием» только политического авангарда дело не обходится. «Это главное», так как «с одним авангардом победить нельзя. Пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо благожелательного нейтралитета по отношению к нему». Однако задачей любой революционной партии власти является выработка такой тактики, которая заключается «в умении подвести *массы* на новую позицию, или, вернее, уметь руководить *не только* своей партией, но и этими массами в течение их подхода, перехода на новую позицию», для того чтобы «обеспечить победу авангарда»⁴. «Полная победа» могла быть достигнута только при тотальном, всестороннем охвате общества, когда счет идет, согласно Ленину, уже на миллионы и десятки миллионов человек. А в этом случае следует помнить «о расстановке *всех* классовых сил данного общества» и понимать, что «одними только пропагандистскими навыками, с одним только повторением истин “чистого” коммунизма ничего не поделаешь»⁵. Поэтому идеология начального периода советской власти призвана была отвечать целому ряду политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и философских общественных ориентиров. Для этого требовались не только специалисты, но и соответствующие программы. «Идеология предстает в рассуждениях В.И. Ленина, как научное знание, “вносимое” в общество профессиональными идеологами, которые “выстраивают теории, системы утверждений, как правило, превращающиеся в неотъемлемую часть правящей доктрины”»⁶. Полагаем, что такой идейной основой советской власти в первые послереволюционные годы стала созданная А.А. Богдановым и А.В. Луначарским теория «пролетарской культуры», получившая свою концептуальную завершенность уже в советские годы. Отношение к А.А. Богданову и А.В. Луначарскому как к возможным партийным идеологам, очевидно, в какой-то момент было присуще даже В.И. Ленину. Так, например, О.В. Щелоков высказывает предположение о попытке Ленина ввести «разделение труда» в руководстве партии» на начальном этапе оформления большевизма. Оставляя за собой вопросы тактики, оргработу и работу с прессой, он планировал «научные изыскания, разработку партийной идеологии» передать «Богданову, Луначарскому и другим большевикам, склонным к исследовательской и литературной работе»⁷. При этом ведущей фигурой являлся, несомненно, А.А. Богданов, роль и значение которого в партии в этот период заметно возросли. «Было время, когда член ЦК Богданов считался вторым человеком в большевистской партии после Лени-

на. По выражению М.Н. Покровского он был вице-лидером партии»⁸. Положение лидера сохранялось за А.А. Богдановым и в его совместной работе с А.В. Луначарским. «Концепция “социалистической” или “пролетарской” культуры разрабатывалась А.А. Богдановым при мощной поддержке А.В. Луначарского»⁹.

При этом представляется важным отметить, что сложившееся и ставшее уже традиционным мнение о некоторой маргинальности идей «пролетарской культуры» и деятельности Пролеткульта не совсем верно. Основные положения «пролетарской культуры» не выходили за рамки официальных идеологических установок властей. Также и деятельность Пролеткульта, существовавшего и финансировавшегося в рамках Наркомпроса. Свою работу пролеткультовцы считали «лабораторной» в системе советского просвещения, ориентируясь на решения партии. В целом воплощение идей «пролетарской культуры» проходило в рамках культурной революции. Последнюю и Богданов, и Ленин видели в контексте глобального социалистического переустройства, предполагающего «гигантские разрушения обветшавшего и омертвевшего в общественной жизни»¹⁰, но с обязательным сохранением позитивного опыта. А.А. Богданов писал: «Когда наступает эпоха социалистической революции», пролетариат призван овладеть всеми достижениями, «чтобы иметь нить для строительства в новых условиях»¹¹. Но важнее разрушения для обоих в революции было созидание. У Ленина – «в положительном коммунистическом строительстве»¹², у Богданова – в сотрудничестве: «борьба может выработать только разрушительные инстинкты, а не социализм»¹³.

Грамши также не раз касался вопроса пролетарской революции. В статье «Дань истории» он писал: «Пролетарская революция – величайшая революция. Она коренным образом преобразовывает общество из организма, состоящего из одноклеточных ячеек, то есть из граждан-индивидуумов, в организм, составленный из многоклеточных ячеек. Пролетарская революция вынуждает все общество отождествлять себя с государством, требует понимания своего морального и исторического долга. Вот почему пролетарская революция является социальной. (Ибо – Н. А.) общество существует только в форме государства, которое является в одно и то же время источником и целью всякого права, всякого долга, служит гарантией постоянства и успеха всякой социальной деятельности»¹⁴. Тем более что для Грамши очевидно: «Человечество не может долго пребывать в состоянии раскола. Человеческий род тяготеет к внутреннему и внешнему единству, к такой системе мирного сосуществования, которая позволила бы перестроить весь мир. Социальный строй должен быть таким, чтобы он мог удовлетворить человеческие потребности»¹⁵.

Мнение Грамши интересно еще и тем, что он знает положение дел в Советской России, хотя, бесспорно, издавелока ему понятно не все. Но и после того как он лично познакомился с советской действительностью в 1920–1930-е годы, оценки практически не изменились. Он писал: «Одно дело – коммунистическое учение, пропагандирующая его партия и рабочий класс, воплощающий это учение, другое – огромный русский народ, усталый, дезорганизованный в результате долгой губительной войны, ввергнутый ею в пучину нищеты, анархии и разложения. Величие большевиков в политике, их невиданный в истории шедевр политического руководства заключается именно в том, что они подняли упавшего гиганта и снова придали (или, вернее, впервые придали) конкретную динамическую форму этому хаосу. В том, что они сумели спаять коммунистическую доктрину с коллективным сознанием русского народа и заложили прочный фундамент, на котором начался исторический процесс строительства коммунистического общества. Большевики придали государственную форму историческому и социальному опыту русского пролетариата. Порвали с прошлым, но в то же время продолжали его, порвали с традициями, но одновременно развили и углубили их. Они установили новый строй и дисциплину»¹⁶.

Известно, что отношения Ленина–Богданова заставили последнего отойти от революционной работы еще в 1911 г. Скептически относился А.А. Богданов и к природе Октябрьской революции 1917 г., деятельности большевистского правительства¹⁷. Но это не может и не должно оцениваться как противостояние Богданова советской власти, ибо он сумел увидеть и позитив¹⁸. В записных книжках он назвал однажды большевиков «не только революционерами, но и контрреволюционерами», понимая под контрреволюцией установление порядка и возрождение государственности¹⁹.

Для марксиста Грамши, как и для марксиста Богданова пролетарская революция – первый шаг к переустройству общества. Самое сложное и ответственное следует за этим. И заключается оно в создании «нового человека», для которого социализм – не столько экономическая и политическая составляющая, а эмоциональное неприятие иной жизненной позиции. В какой-то степени Ленин был прав, обвиняя Богданова в отходе от строгой материалистической основы марксизма. Позволим себе назвать Богданова «идеалистом», но идеалистом, который не предаёт Маркса, не уходит от него, а старается иначе увидеть и понять возможности его идей и учения. Для Богданова, бесспорно, важно сознание человека, ибо оно порождает чувство, из которого в свою очередь вырастает отношение. Чувства, стремления, поступки признаются идеальными при условии активной жизненной позиции их носителя,

когда они «имеют ярко выраженную социальную направленность». Важно «качество» данной социальности. Имеет значение только идеализм осознанной жертвы, когда человек стремится к благу «для более широкого целого», поступаясь личным во имя общественного²⁰. «Идеал, не выходящий за пределы жизненных отношений ограниченной группы – ниже, чем идеал целого класса, а идеал узкоклассовый – ниже того, который обнимает жизнь всего общества»²¹. Несмотря на кажущуюся утопичность, идеи Богданова всегда по-марксистски реалистичны. «Ни одна доктрина, ни одна система из тех, которые существовали до Маркса, не была “философией” в таком строгом и точном значении, как исторический материализм. Это – *идея, организация, образец жизни*. Что сделал Маркс? Он взглянул на общество с точки зрения тех, кто производит. Обнаружилось, что именно там – центр жизни и развития общества, от которого зависят пути движения людей»²². Но в отличие от своих философских оппонентов, в первую очередь В.Г. Плеханова и В.И. Ленина, А.А. Богданов не просто использовал научное наследие К. Маркса, но и считал возможным развивать его идеи далее. «Доработке» этих тем он и посвятил свою жизнь. Богданов – коллективист. Он убежден – до Маркса человек находился в состоянии распада. В обществе, где все подчинено Богу, деньгам, власти, человеку «собрать себя», стать полноценной Личностью – невозможно. «Обрести себя» люди смогут только при новых отношениях, в коллективе. «В опыт каждого вольется частичка» опыта «всех». Люди смогут не только познать себя, но и понять другого. Объединившись, они начнут «собирать человека». Коллективные отношения определяются не столько общественной собственностью, сколько внутренней готовностью людей к этим отношениям. Богданов писал: «Коллектив придет тогда, когда человек сможет победить себя, свою натуру, свой эгоизм»²³. При этом смысл человеческой жизни – в труде. «Коллективный Труд породил и Слово, и Мысль, все, что есть в нашей жизни собственно человеческого, все элементы культуры ведут свое начало из бессознательной или полусознательной работы коллектива»²⁴. Товарищеские отношения существуют и в капиталистическом мире. Они – в «товарищеской связи рабочего класса».

Богдановская идея «собрания человека» не чужда и Грамши, только называет он ее – «формирование человека»²⁵. «Что такое человек? – писал Грамши – человек – это процесс, точнее – это процесс его поступков... (Человек. – *Н. А.*) родился из того, что мы думаем о себе и о других, из нашего желания узнать – чем мы являемся и чем можем стать, действительно ли мы “кузнецы самих себя”, своей жизни. Человечество, состоит из нескольких элементов:

1) сам индивидуум; 2) остальные люди; 3) природа. Индивидуум вступает в отношения с другими людьми органично, то есть участвует в различных общественных организациях. Каждый переделывает и изменяет самого себя в той мере, в какой он изменяет и переделывает весь комплекс взаимоотношений. Если индивидуальность есть совокупность этих отношений, то создать собственную личность – значит познать эти отношения, а изменить собственную личность – значит изменить совокупность этих отношений»²⁶. И далее: «Ответ, что человеческая натура есть комплекс социальных отношений, является самым удовлетворительным, потому что он включает идею становления: человек становится, он непрерывно изменяется с изменением социальных отношений»²⁷.

Совершенно очевидно, и это понимают оба мыслителя, сам человек не изменится, природа человека консервативна. Более того, Грамши достаточно трезво и непредвзято оценивает ту массу, с которой собственно и предстоит работать (и уже работает) партия коммунистов. «На предприятии рабочий осуществляет исключительно исполнительские функции. Он не следит за общим ходом работы и производства; он не является точкой, которая движется и образует линию; он – булавка, которую втыкают в определенное место, и линия получается из ряда точек, размещенных чужой волей в своих целях. Эту форму бытия рабочий стремится перенести во все сферы своей жизни; повсюду он легко приспособляется к роли материального исполнителя, к роли “массы”, подчиняющейся чужой воле. Он ленив в умственном отношении, не умеет и не хочет видеть дальше своего носа, поэтому он лишен всякого критерия в выборе своих руководителей и легко дает себя обмануть обещаниями; он расположен верить, что может добиться цели без больших усилий и без особого умственного напряжения»²⁸.

Посредством чего тогда возможно «собрание – формирование человека»? Для обоих мыслителей это – культура. Причем культура, вбирающая в себя все мировое богатство. Богданов писал, что путь этот не прост, поскольку каждое время и каждое общество имеют свою культуру, притом не одну, а несколько. Различные слои населения в силу самых разных обстоятельств (уровень образования, социальное положение, жизненные устанавки, ценностная ориентация) несут свою культуру, поэтому даже одни и те же слова не всегда одинаково понимаются людьми разных социальных групп.

Культура будущего, новых социалистических отношений – «пролетарская культура». Но поскольку зародыши социализма существуют уже при капитализме, то, следовательно, и в буржуазной культуре есть ее элементы. Еще в 1910 г. Богданов настаивал, что товарищеские отношения, их развитие следует рассматривать как

зарождение новой культуры. Он писал: «Создание новых элементов социализма» надо искать «в самом пролетариате, в его внутренних отношениях, в его обыденных жизненных условиях»²⁹. Культура нового общества – это новый взгляд на жизнь. Она должна идти от человека и служить людям. Новыми элементами пролетарской культуры должны стать: труд, коллектив, свобода от прежних фетишей. Ее главная задача изменить отношения к труду, к быту, познанию, искусству. «Где создается новая культура? Она есть новая логика отношений людей между собой, к природе, труду, мышлению»³⁰. Единственное, к чему призывал Богданов, – не растеряв наследия прошлого, научиться видеть и перенимать лучшее. Но только в будущем обществе социального равенства культура приобретет черты общечеловеческой. Однако путь к ней лежит через пролетарскую культуру. «Мы называем пролетарскую культуру классовой. Она, конечно, и есть классовая, потому что вырабатывается в определенном классе. Но только ли она классовая? Все-таки остается то, что всегда люди работали друг на друга. Коллективно-трудовой смысл жизни был замаскирован», но «в пролетариате затемняющие условия устраняются и выясняется *общечеловеческое*, а потому “все элементы пролетарской культуры имеют общечеловеческий характер, хотя по необходимости одеты в классовую оболочку”»³¹.

Грамши вторит Богданову. В работе «Искусство и культура» он отмечает: «Но что значит в этом случае – “культура”? Она, несомненно, означает последовательную, единую, получившую национальное значение “концепцию жизни человека”, “светскую религию”, философию, которая стала бы собственно культурой, то есть породила бы определенное гражданское и личное поведение. Для этого требовалось прежде всего объединение “культурного класса”; но также требовалось занять новую позицию по отношению к народным классам, требовалось понимание того, что “национально”. Определенный общественно-исторический момент никогда не бывает внутренне однородным; наоборот, он изобилует противоречиями. Вроде бы данный момент должен был представлять тот писатель, кто представляет возобладавшую деятельность, исторический “пик”. А может, надо будет признать показательным такого писателя, который выразит все силы и элементы эпохи в их внутренних столкновениях и борьбе, т. е. того, кто представляет противоречия некой общественно-исторической целостности? Эта (борьба. – Н. А.) должна слить борьбу за новую культуру, т. е. за новый гуманизм, критику нравов, чувств, мировоззрений с критикой эстетической или чисто художественной»³². В другой работе «Общие вопросы философии и эстетики» он отмечал:

«Создание новой культуры не означает лишь индивидуального свершения “оригинальных” открытий, а означает прежде всего критическое распространение уже открытых истин, превращение их в “общественное” достояние для жизненно важных действий, в элемент интеллектуальной и нравственной координации и порядка. То, что масса людей подвигнута к последовательному единомыслию в отношении настоящего, является гораздо более важным и “оригинальным философским” фактом, нежели открытие “гениальным” философом новой истины, остающейся достоянием узких интеллигентских кругов. Нет философии вообще: существуют различные виды философии или мировоззрения, и выбирать всегда приходится между ними. Является ли этот выбор чисто рассудочным или это более сложное явление? Поскольку деятельность носит всегда политический характер, то нельзя ли сказать, что подлинная философия каждого полностью заключена в его политике? Когда это противоречие проявляется в жизни широких масс, оно не может не быть выражением более глубоких противоречий общественно-исторического порядка»³³.

Далее встает вопрос: кто привнесет новую культуру в массы? Ответ один – интеллигенция. В этом плане оба понимают особую роль художника, ибо только подлинный художник – творец, способный повести массу в нужном направлении. А масса, усваивая лучшие достижения культуры, сможет выдвинуть таланты из своей среды, носителей новой общечеловеческой культуры.

Богданов писал: «Искусство есть вообще воспитательное средство – орудие социальной организации людей»³⁴. «Язык живых образов массам ближе и понятнее». Искусство – «это – наука жизни в образах. Универсальный смысл искусства, его культурная задача – организация, сплочение коллективов различных ступеней и типов путем объединения человеческих переживаний, оформления опыта и чувств людей»³⁵. Развивая положение о существовании в классовом обществе нескольких идеологий-культур, А.А. Богданов отмечает также классовый характер творчества и искусства, но подчеркивает – неважно, *кто* является творцом – важно, *что* несет его искусство. Рабочий не должен, да и не может поменять станок на мольберт. Но художник, наделенный повышенной чувствительностью, способен уловить и выразить анонимную, безличную жизнь коллектива. «Не все ли равно, в ком найдет временное персональное выражение коллективная творческая сила?» Социальное положение художника не важно, если он «одной группы крови» с народом, если знает жизнь пролетариата не понаслышке. (Он. – Н. А.) способен передать мир подлинных чувств коллектива. Именно художников Богданов называет – Великими Идеологами

и ставит их вровень с выдающимися мыслителями. «Талант и гений являются организаторами идейной жизни. Что означает, например, “глава школы”, как не тот факт, что данное лицо оказалось организатором определенного идеологического течения?»³⁶.

В свою очередь Грамши в статье «О ненародном, ненациональном характере итальянской литературы» пишет: «Для чего поэты пишут? Для чего художники творят? Ясно, что ни один индивид, а значит, и ни один художник, со всей его художественной деятельностью, не может быть представлен вне общества – исторически конкретного общества. Творец не просто пишет или рисует, чтобы еще раз пережить миг творческого подъема, – он и сознательно объективирует плоды своего воображения, укореняет их в конкретных исторических обстоятельствах. Только тогда он настоящий художник. Культурное движение становится общенациональным, только если имело место “хождение в народ”»³⁷. Роль художника с точки зрения целесообразности его деятельности волнует Грамши так же, как и Богданова. «Любой социальный фактор (социальная группа. – Н. А.) “желает иметь” собственную поэзию. Но фактор, “не имеет школы”, то есть не овладел “техникой” и языком. Следовательно, на деле речь идет о “школе” для взрослых, воспитывающей вкус и вырабатывающей “критическое” чувство в широком смысле. Почему же нельзя проводить уроки версификации среди рабочих? Разве не поможет это приучить ухо воспринимать музыкальность стиха и т. п.» И далее: «Искусство воспитательно постольку, поскольку оно искусство. Мы ведь желаем вовсе не какого-то одного искусства, предпочитая его другому искусству, а определенной нравственной реальности, отдавая ей предпочтение перед нравственной реальностью другого рода. Авторитетные критики поэзии советуют в подобных случаях, как они выражаются, “переделывать человека”. Когда человек переделан, дух обновлен и возникла новая жизнь человеческих чувств и страстей, новая поэзия. Эта мысль может быть взята на вооружение историческим материализмом. Литература не порождает литературы, то есть идеологии не создают идеологий, надстройки не порождают надстроек. Все это порождается благодаря вмешательству “мужского” начала, история, революционная деятельность создает “нового человека”, т. е. новые общественные отношения. Из этого можно вывести: “ветхий человек” в результате перемен тоже становится “новым”, ибо он входит в новые отношения, после того как первоначальные отношения оказались разрушенными. Является ли идея, согласно которой искусство – это искусство, а не сознательная “преднамеренная” пропаганда, сама по себе препятствующей формированию определенных культурных течений, отражающих

свое время и способствующих укреплению определенных политических течений? Думается, что нет, более того, такого рода идея ставит проблему самым радикальным образом и принадлежит критике наиболее эффективной и последовательной»³⁸. И далее Грамши пишет: «То, что следует говорить о борьбе за “новую культуру”, а не за “новое искусство”, представляется очевидным. Нельзя, пожалуй, говорить даже о том, что борьба ведется за новое содержание искусства. Следует говорить о борьбе за новую культуру, т. е. за новую нравственную жизнь, которая не может быть внутренне не связанной с новым ощущением жизни; борьбе, ведущейся до тех пор, пока такая жизнь не станет новым способом восприятия и видения действительности». «Невозможность искусственного создания индивидуальных художников не означает, что новый мир, за который ведется борьба, не породит и “новых художников”. Новая социальная группа, выходящая на историческую арену в роли гегемона, не может не выдвинуть из своей среды личность, у которой не было до того достаточных сил для полного выражения себя в известном смысле»³⁹.

Любопытна и такая деталь, тонко подмеченная обоими мыслителями – способность народа обожествлять полюбившуюся идею, его склонность к сакральному началу, вере. Еще в 1906 г. А.А. Богданов подчеркивал: «Интересы людей управляют их мышлением совершенно незаметно для них самих; люди сами не сознают, как в их психике непрерывно совершается “подбор” представлений и идей в сторону наибольшей гармонии с практическим стремлением»⁴⁰. Наиболее эффективными рычагами воздействия в подобных процессах являются: идея, рождающая идеал, и вера. О силе веры Богданов писал: «Природа любой веры определяется волей и чувством. Верующему не важны ни факты, ни доказательства. Главное – “я чувствую”, что означает “я думаю” “я хочу”, “я думаю, потому что хочу”. Подлинная вера не нуждается в доказательствах, если появляется необходимость в них, следовательно, ослаблена вера и верная ей воля»⁴¹. В том случае, если идея обретает сакральный смысл и превращается в символ веры, сила ее влияния увеличивается во много раз. Развивая эту мысль, далее Богданов вскрывает природу культа и культового почитания. Он подчеркивает, что «обычно культовыми фигурами становятся бывшие “вожди”, “идеологи”, “гении”, обычные, рядовые общинники никогда не обожествляются»⁴².

Это мнение также созвучно мнению Грамши: «Можно заключить, что процесс распространения новых концепций происходит по политическим причинам, имеющим в конечном счете социальный характер. Однако, *массы как таковые не могут усваивать*

философию иначе как веру. Для этого достаточно себе представить интеллектуальный мир человека из народа: он складывается из мнений, убеждений, критериев выбора и норм поведения. Наиболее важный элемент носит в данном случае несомненно не рациональный характер, выступая в виде веры. Но веры в кого и во что? Главным образом веры в социальную группу, к которой он принадлежит, поскольку та придерживается в своей массе тех же взглядов, что и он: человек из народа считает, что большинство не может столь сильно ошибаться, как его пытается уверить своими аргументами противник. Молниеносное прозрение, произошедшее однажды, есть постоянная причина сохранения убежденности, даже если ей не хватает аргументов»⁴³.

Каков же итог наших рассуждений?

1. Бесспорно, взгляды А.А. Богданова и А. Грамши о роли марксизма в области идеологического влияния на общество во многом сходны.

При этом следует отметить, что о их личном знакомстве или хотя бы переписке нам ничего не известно. Не встретились нам у Грамши и упоминания работ Богданова, хотя итальянский коммунист неплохо был знаком с русской марксистской мыслью. Как не нашлось и ссылок на труды А.В. Луначарского. Любопытно, что последнего Грамши, конечно, знал, ибо оба сотрудничали в Коминтерне.

2. Также интересно и сходство идей Богданова и Грамши по поводу механизма влияния на общественное сознание. Для обоих это – культура. Собственно ничто иное здесь и невозможно, поскольку только посредством культуры человек социализируется, но важно отметить, что оба мыслителя отмечают именно роль культуры как главного социального лифта, который «подтянет» основную массу населения до подлинного понимания своей гражданской роли и долга. Из всех областей культуры наиболее близким и эффективным средством воздействия они считают искусство.

3. Общим для обоих было и понимание роли интеллигенции – создателя идеологии и, соответственно, общественной позиции, отношения к действительности.

4. Родило их и тонкое понимание особенностей массового профанного сознания, склонного к сакральному восприятию близких и понятных идей. Вера лежит в основе массовой психологии. Из чего вытекает и следующий тезис – идеолог не только становится вождем, но и обожествляется публикой, и тем самым приобретает огромную власть над нею. Но, что интересно, ни Богданов, ни Грамши не говорят об опасности данного явления. Причем оба, по сути, свидетели подобного рода явлений. Культы Ленина, Сталина,

Муссолини, Гитлера, Ганди оформлялись и развивались на глазах обоих мыслителей. В первую очередь, конечно, Грамши, но кое-что увидел и не мог не понять и Богданов. Любопытно отметить, что собственно и Грамши не избежал обаяния подобных настроений. В уже цитированных выше статьях из газеты «Ordine nuovo» он неоднократно писал о выдающейся роли русских революционеров и в частности Ленина. «Русские коммунисты являются первоклассным руководящим ядром. Ленин, по свидетельству тех, кто с ним когда-либо сталкивался, показал себя величайшим государственным деятелем современной Европы, человеком, пользующимся безграничным влиянием в массах, зажигающим в народах энтузиазм, пробуждающим в них чувство сознательной дисциплины; человеком, который благодаря своему могучему уму способен повести за собой все мировые социальные силы, могущие быть использованными на благо революции; человеком, легко распознающим и парализующим самые изощренные козни буржуазных государственных деятелей»⁴⁴. Исследователь его творчества И.В. Григорьева отмечала особое отношение Грамши к Ленину: «21 января 1924 г. умер Ленин. Памяти Ленина Грамши посвятил первый номер обновленного “Ordine Nuovo”, открывавшийся его собственной статьей “Вождь”. Но первым непосредственным откликом было письмо к Юлии (жене Грамши, русской по происхождению. – Н. А.). Из этого письма опубликован лишь фрагмент, где речь идет о том, *что в массовом сознании наиболее угнетенных слоев трудящихся имена таких революционных вождей, как Ленин, приобретают символическое, quasi-религиозное значение. Я вполне понимаю, что подобное положение вещей есть выражение слабости; но это также и выражение силы*»⁴⁵. Отмечает Григорьева и любопытные метаморфозы в отношении Грамши к внутриполитической борьбе в РКП (б) в 1920-е годы. Его позиция в начале заключалась в безоговорочной поддержке Троцкого, но впоследствии кардинально поменялась. Отгалкиваясь от того, что пишет Григорьева, можно сделать вывод, что немалую роль в этом сыграли не только и не столько идейные разногласия Грамши с Троцким. Симпатии Грамши в начале 1920-х годов явно определялись не только идеологией, а очевидно в первую очередь личными качествами Льва Давидовича, импонировавшими Грамши. На том же, видимо, во многом базировалась и поддержка сталинской линии, личное обаяние которого не оставило Грамши равнодушным. Григорьева пишет: «Весной 1925 г. Грамши вновь побывал в СССР как участник V расширенного пленума ИККИ. (Где. – Н. А.) по поводу внутрипартийной борьбы в РКП (б) была принята резолюция, осуждавшая оппозицию во главе с Троцким. Тогда в состав ИККИ и его

Президиума был избран Сталин, Грамши поддержал его линию в “русском вопросе”. Это выразилось, в начатой КПИ популяризации работ Сталина⁴⁶. Эта позиция очень сильно отличается от прежней. (К этому моменту. – Н. А.) с Троцким Грамши разошелся идейно, хотя продолжал видеть в нем крупнейшего деятеля революции. В “Тюремных тетрадах” воззрения Троцкого характеризуются как отражение неразвитости гражданского общества в России. (Там же. – Н. А.) подвергнута критике теория “перманентная революция”, а также зафиксирована точка зрения Грамши на “фундаментальные расхождения между Львом Давидовичем и Иосифом Виссарионовичем». Грамши считал, что выдвинутые Троцким против возглавляемого Сталиным большинства партии обвинения в национализме «несостоятельны, если иметь в виду главную суть вопроса. С другой стороны осуждение Троцкого объяснялось ситуацией внутри итальянской компартии (противник Грамши – союзник Троцкого. – Н. А.)»⁴⁷. И далее: «На V расширенном пленуме ИККИ Грамши, вероятно, воочию наблюдал Сталина и слышал его. Это личное впечатление (а Сталин умел добиваться того, чтобы оно было благоприятным) могло подкрепить уже сделанный Грамши принципиальный выбор»⁴⁸.

В данном контексте не стоит забывать и о возвышенно восторженном отношении обоих мыслителей к Марксу, имя которого для них также превратилось в определенный символ.

И в заключение отметим. Уже не вызывает сомнения, что теория Грамши о гегемонии во многом рассматривается как своеобразный прообраз идеи гражданского общества. Но, как представляется, не менее значима и теория монизма Богданова или иначе концепция «единства в мышлении». По определению немецкого исследователя Г. Горцкой эта работа – «попытка “монически-синтезированного научного подхода”, предпринятая автором для “осмысления законов” жизни природы и общества. Создавая ее Богданов стремился заложить “фундамент социалистической науки, которая сделает возможным” объединение “отдельных дисциплин”»⁴⁹, составляющих мировое единство.

Если говорить о запросах современности и поиске выхода, то он – в единстве общественного вектора, начиная от экономики и заканчивая аксиологией. Мир многолик, но понимание общности и взаимной ответственности остается актуальным во все времена.

- 1 Курсив по тексту везде наш – Н. А.
- 2 *Лебедев А.* Антоныи Грамши о культуре и искусстве. М., 1965. С. 179.
- 3 *Жукоцкая А.В.* Проблема идеологии (социально-философский анализ). М., 1998. С. 178.
- 4 *Ленин В.И.* ПСС. Т. 41. С. 74–90.
- 5 Там же.
- 6 *Жукоцкая А.В.* Указ. соч. С. 179, 251.
- 7 *Щелоков О.В.* РСДРП: проблемы лидерства и обновления руководства (1906–1911). М., 1995. С. 42.
- 8 *Шарапов Ю.П.* Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию. М., 1998. С. 19–20.
- 9 *Kline J.I.* Religions and Antireligions Thought in Russia. Chicago; L., 1968. P. 104.
- 10 *Ленин В.И.* ПСС. Т. 36. С. 154.
- 11 РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 25. Л. 15–16.
- 12 *Ленин В.И.* ПСС. Т. 39. С. 13.
- 13 РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 25. Л. 15–16.
- 14 *Грамши А.* Дань истории // *Грамши А.* Статьи из «Ордине нуово». М.: Госполитиздат, 1960. С. 17–19.
- 15 Там же. С. 22.
- 16 Там же.
- 17 См.: РГАСПИ Ф. 259. Оп. 1. Д. 81, 82, 26, а также Неизвестный Богданов. М., 1995. Кн. 1. С. 189–193; С. 204–207.
- 18 РГАСПИ Ф. 259. Оп. 1. Д. 81 Л. 2.
- 19 Там же.
- 20 *Богданов А.А.* Из психологии общества. СПб., 1906. С. 24.
- 21 Там же. С. 20.
- 22 *Богданов А.А.* Десятилетие отлучения от марксизма. Кн. 3. С. 25–28.
- 23 *Он же.* Из психологии общества. С. 20.
- 24 *Он же.* Десятилетие отлучения от марксизма. С. 25–28.
- 25 *Грамши А.* Становление человека // *Грамши А.* Формирование человека (записки о педагогике). М.: Педагогика, 1983. 224 с.
- 26 Там же. С. 60–61.
- 27 Там же. С. 64–65.
- 28 *Он же.* Коммунистическая партия // *Грамши А.* Статьи из «Ордине нуово» ... С. 54.
- 29 *Богданов А.А.* Социализм в настоящем... С. 93.
- 30 РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 50. Л. 5.
- 31 *Богданов А.А.* Элементы пролетарской культуры... С. 89, 90.
- 32 *Грамши А.* Искусство и культура // *Грамши А.* Искусство и политика: В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1991. С. 288–290.

- 33 *Грамши А.* Общие вопросы философии и эстетики // Грамши А. Искусство и политика: В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1991. С. 45–47.
- 34 *Богданов А.А.* Пролетариат и искусство // Богданов А.А. О пролетарской культуре. Л.; М., 1925. С. 118.
- 35 Там же. С. 17–18.
- 36 *Богданов А.А.* Из психологии общества... С. 161.
- 37 *Грамши А.* О ненародном, ненациональном характере итальянской литературы // Грамши А. Искусство и политика. С. 340, 343.
- 38 *Он же.* Искусство и культура. С. 293–294.
- 39 Там же. С. 292.
- 40 Там же.
- 41 *Богданов А.А.* Из психологии общества. Спб., 1906. С. 11.
- 42 Там же. С. 152.
- 43 *Грамши А.* Общие вопросы философии и эстетики. С. 57.
- 44 *Он же.* Дань истории. С. 18–19.
- 45 *Григорьева И.В.* Российские страницы биографии Антонио Грамши (1922–1926 гг.) по документам архива Коминтерна // Россия и Италия. Вып. 3. XX век. М.: Наука, 1998. С. 114.
- 46 В указанной работе Григорьева пишет: «руководство Коминтерна было, по-видимому, недовольно тем, что КПИ осудила российскую оппозицию позже, чем другие компартии<...> Итальянские делегаты <...> в свою очередь заявили, что ЦК КПИ не считал возможным высказаться, пока не имел достаточной информации по существу вопроса (РЦХИДНИ (РГАСПИ) Ф. 495. Оп. 163. Д. 325. Л. 2, 7–8, 10–11, 19). За этим просматривается линия Грамши: он был против поспешной и слепой поддержки действий ЦК РКП(б) в отношении оппозиции». См.: *Григорьева И.В.* Указ. соч. С. 116.
- 47 Григорьева пишет: «<...>нам кажется, что Грамши имел в виду речь Сталина в Коммунистическом университете им. Свердлова 9 июня 1925 г., опубликованную в “Правде” под названием “Вопросы и ответы”». См.: *Григорьева И.В.* Указ. соч. С. 117.
- 48 *Григорьева И.В.* Указ. соч. С. 117, 119–122.
- 49 Неизвестный Богданов... Кн. 1. С. 7.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»: «ОКОНЧАНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

27 ноября 2008 г. в РГГУ состоялся международный «круглый стол», посвященный презентации книги «Поворотные моменты в окончании холодной войны»*, изданной Гуверовским институтом войны, революции и мира в 2008 г., а также обсуждению дискуссионных проблем, затронутых в коллективной монографии с учетом реалий международных отношений начала XXI в.

В дискуссии приняли участие представители международного авторского коллектива, а также ученые и специалисты из РГГУ, МГИМО (У), МГУ, академических институтов РАН, Дипломатической академии, Горбачев-Фонда, а также университетов США.

Презентация монографии была инициирована одним из ее авторов, Чрезвычайным и Полномочным послом РФ, директором Центра «Европа–США» Института Европы РАН, профессором РГГУ О.А. Гриневским. Ответственный за организацию «круглого стола» – доцент кафедры мировой политики и международных отношений, зам. зав. Отделения международных отношений, руководитель программы по американистике в РГГУ – В.И. Журавлёва.

Ниже публикуется сокращенный вариант стенограммы «круглого стола».

А.Б. Безбородов (д-р историч. наук, профессор, директор ИАИ РГГУ и Института Русской истории РГГУ): Открывая сегодняшней международный «круглый стол», мне бы хотелось отметить готовность присутствующих здесь коллег из Соединенных Штатов вступить в открытый диалог с представителями российского академического сообщества по вопросам, имеющим

---

* Turning Points in Ending the Cold War. Ed. by Kiron K. Skinner. Forewords by Pavel Palazhchenko and George P. Shultz. Hoover Institution Press, 2008. С содержанием книги можно познакомиться в библиотеке РГГУ.

прямое отношение к современному состоянию взаимоотношений между Россией и США. Сегодняшний обмен мнениями особенно важен с учетом тех ожиданий и надежд, которые в настоящее время переживают русские и американцы, размышляя над перспективами российско-американского диалога. И это придает особую значимость нашей встрече, тем более что книга, которую мы собираемся обсуждать, представляет собой диалог ученых, политиков и дипломатов двух стран по вопросам, связанным с переломными моментами в окончании холодной войны. Для процесса преподавания международных отношений подобные работы, выстроенные в диалоговой форме на основе компаративистского подхода, привлечения первоисточников и свидетельств очевидцев как с той, так и с другой стороны, особенно актуальны. Уверен, этот «круглый стол» внесет свой вклад также и в развитие американистики в нашем университете, названной чл.-кор. РАН, ректором РГГУ Е.И. Пивоваром в числе приоритетных научно-образовательных программ.

К. Скиннер (профессор Университета Карнеги Меллон (США)): Замысел данной книги родился во время наших с К. Райс встреч и дискуссий с представителями Горбачев-Фонда в 1996 г., с обсуждения вопроса о том, передаст ли бывший генеральный секретарь и президент Михаил Горбачев (а также А.С. Черняев и П.Р. Палажченко) копии своих документов в Гуверовский архив, который, как известно, является крупнейшим в США архивохранилищем документов по российской истории. Этого нам добиться тогда не удалось. Зато состоялся честный обмен мнениями по поводу окончания холодной войны между американскими и российскими государственными деятелями и исследователями без идеологических установок и стремления к предвзятым суждениям. Мы выбирали авторов, исходя из их роли в процессе завершения холодной войны или их исследовательской вовлеченности в изучение данного периода, а текст книги постепенно формировался на фоне тех изменений, которые происходили и в развитии отношений между нашими странами, и в системе международных отношений в целом. Первый раз в истории США действующий госсекретарь принимал участие в подобном академическом труде. Но К. Райс решила ограничить свое участие лишь главой об объединении Германии, поскольку не могла разделить со мной работу по редактированию всех глав, как планировалось ранее. Я думаю, что события минувшего лета показали, сколь важны книги, подобные этой, поскольку они описывают возможные пути сотрудничества между странами, находящимися в состоянии конфликта, роль отдельных личностей в процессе деидеологизации мира, актуализируют проблему политического лидерства. Наша книга – это

прежде всего рассказ о конкретных людях и конкретных ситуациях. Но из этого рассказа можно извлечь и реальные уроки для нашей сегодняшней политической жизни и современных международных отношений. Говоря о Михаиле Горбачеве, Д. Холлоуэй, один из американских авторов, обращает внимание на его вклад в гуманитаризацию процесса глобализации вследствие приверженности универсальным ценностям. Значение данной книги, на мой взгляд, как раз в том и состоит, что она позволяет приблизиться к пониманию того, как заставить глобализацию идти тем путем, который учитывает общечеловеческие ценности.

У каждого из авторов был свой подход к анализу и оценке ситуации, а также роли лидеров России и США. Авторы постоянно вступают в спор друг с другом на страницах этой работы. Одни более критически настроены по отношению к Михаилу Горбачеву, другие – к Рональду Рейгану, третьи, подобно мне, считают, что вместе Рейган и Горбачев внесли уникальный вклад в окончание холодной войны. Из столкновения этих разных взглядов на события рождается рассказ не только о политических лидерах, но и о народах разных стран, об их воле к свободе и стремлении сделать мир более демократическим и открытым.

П.Р. Палажченко (руководитель Службы международных связей Горбачев-Фонда): Эта книга с уникальным составом авторов. Среди них и те, кто непосредственно участвовал в выработке политики, приведшей к прекращению холодной войны, и те, кто, как присутствующий здесь О.А. Гриневский, участвовал в ее дипломатической реализации, и те, для кого она стала объектом научного исследования. На мой взгляд, именно такое сочетание необходимо в изучении холодной войны.

Она могла закончиться по-разному. Полагаю, что вероятность ее перерастания в мировой пожар была все-таки не столь велика. Суть холодной войны, насколько я понимаю, как раз и заключалась в том, чтобы предотвратить ее превращение в войну «горячую», а в тех случаях, когда на периферии, вне основного центра противостояния сверхдержав, возникали тем не менее горячие конфликты, не дать им распространиться вширь и привести к военной конфронтации основных участников холодной войны. В этом смысле дипломаты, военные и политики по обе стороны Атлантики выполнили свою задачу. Тем не менее, в 1985 г. наследием периода холодной войны оставались: напряженные отношения с США и большинством европейских стран, круг союзников, которые являлись таковыми лишь номинально, никому не нужные обязательства в Анголе, Никарагуа, Камбодже, по всему миру, ни одно из которых не работало на нашу страну. Руководство СССР не стремилось к

выработке политики, ориентированной на то, чтобы холодную войну свернуть и, в конечном счете, прекратить. Если бы такая линия существовала, то ввод наших войск в Афганистан не состоялся бы. Но главное – мы унаследовали изоляцию. Я пишу в своем предисловии, что, на мой взгляд, к 1991 г. удалось урегулировать наши отношения с США, причем до такой степени, что мы имели в лице Дж. Буша-ст. человека, симпатизирующего нашей стране. Сейчас часто забывают о его выступлении в Киеве в ходе последнего визита в Советский Союз. И напрасно. Его тогда в Америке критиковали за адресованное республикам предупреждение не разрушать безоглядно страну. С США отношения были не просто переналажены, но и перенесены на тот уровень, который создавал возможность для подписания двух соглашений о разоружении: соглашение по ракетам средней и меньшей дальности (оно, как известно, выполнено полностью и остается в силе) и соглашение СНВ-1 (действует сегодня и выгодно для России, как отмечают наши военные). У нас не было бы никаких возможностей контролировать американский стратегический ядерный арсенал, если бы не последнее соглашение. Далее, мы выправили отношения с Европой. Мы смогли в условиях объединения Германии, ставшего результатом проявления воли немецкого народа, осуществить этот процесс, кстати, психологически нелегкий для многих представителей тогдашнего советского истеблишмента. И то, что на протяжении последующего периода Германия оставалась симпатизирующим России государством (несмотря на сложности в отношениях с НАТО, а также с другими европейскими странами), есть результат той позиции, которую в трудных условиях наша страна заняла в вопросе об объединении Германии. Я бы более рельефно выделил в книге роль Тэтчер и Миттерана. Ведь они до некоторой степени хотели воспрепятствовать объединительному процессу, используя для этой цели СССР. Документы на этот счет есть, есть записи бесед, причем довольно интересные. Мы вывели наши войска из Афганистана, но вывели, как написал Горбачев в своем дневнике, согласно принципу: «Уйти, но не драпать». И я думаю, что это удалось сделать благодаря огромной дипломатической работе. Но главное, в период перестройки мы вышли из изоляции. Вот основной итог, та основа, без которой прекращение холодной войны не могло бы состояться в принципе. Но говорить, что только мы шли на уступки (а именно так сейчас пишут многие российские исследователи), абсолютно неверно, о чем свидетельствуют документы, в том числе и использованные авторами данной книги. Внешняя политика инерционна. Может быть, это к лучшему, так как впоследствии было совершено немало промахов и ошибок. Однако основное направление внеш-

ней политики, которое закладывалось в годы перестройки и было нацелено на интеграцию нашей страны в мир, на отказ от противостояния, на готовность к сотрудничеству и идеологизированному международному диалогу, – сохранилось. Позитивная инерция процесса интеграции оказалась очень сильной. И я убежден, что она будет действовать в последующие годы. Кроме того, сейчас возникли обстоятельства, позволяющие вывести на новый качественный уровень российско-американские отношения. Об этом дважды говорил президент Д.А. Медведев. Выработке новой международной повестки дня в отношениях между Россией и США будет способствовать и нынешний экономический кризис. Может быть, он даст нам пару лет для того, чтобы не начинать новую милитаризацию, не разворачивать новую гонку вооружений, а спокойно осмыслить происходящее.

О.А. Гриневский: К сожалению, тема холодной войны у нас в России обсуждается в последнее время мало. Причина в том, что одни считают, будто мы проиграли холодную войну, а другие – будто мы ее выиграли. А вот в Соединенных Штатах эта тема продолжает активно изучаться.

Я не во всем согласен с П.Р. Палажченко. Начну с ранних 1980-х годов. Пожалуй, это был самый острый и напряженный период в советско-американских отношениях, когда, может быть, впервые после Кубинского кризиса, мы оказались на грани войны. Почему? Да потому, что руководители обеих стран не знали и не понимали того, о чем думает и к чему стремится противоположная сторона. В свое время Ю.В. Андропов назвал Кубинский кризис «войной слепых». Я думаю, кризис, который возник в начале 1980-х годов, был «войной слепых» в полной мере. Американцы и русские подозревали друг друга в самых худших намерениях, соответственно выстраивая свою политику. Я бы рискнул сказать, что нечто подобное, хотя и не в таких масштабах, происходит и сейчас. Конечно, назвать нынешнюю ситуацию холодной войной невозможно. Но есть шанс к ней приблизиться, если не проясним намерений друг друга. Причем в настоящее время, как и в начале 1980-х годов, одним из главных противоречий остается намерение США начать развертывание систем ПРО. Уже при президенте Дж. Картере советско-американские отношения покатались вниз. Поэтому Политбюро искало выход. Устинов и Андропов били тревогу. Публично и в закрытых выступлениях они предупреждали, что происходит нарастание военной опасности. Дело было не только в воинственных заявлениях нового президента Р. Рейгана о «крестовом походе» против коммунизма, но и в разработке военных планов и создании ядерного ракетного оружия

в самых опасных формах. Еще при Р. Никсоне СССР и США удалось достигнуть четкого представления о сдерживании, так как ядерная война между двумя странами оказывалась бессмысленной по своим результатам. Основой этого взаимопонимания стали два договора: СНВ-1, который устанавливал паритет по стратегическим вооружениям, и договор по ПРО, который запрещал создание глобальной национальной ПРО и допускал лишь ограниченную ПРО. По сути дела, это понимание и эти соглашения стали основой для поддержания стабильности в ходе холодной войны, создавая реальное препятствие для ее перерастания в «горячую» войну между сверхдержавами. Однако с появлением при Картере доктрины об ограниченной ядерной войне в Европе положение начало меняться. Причем в возможной войне США видели себя победителями. В США началась разработка новых межконтинентальных баллистических ракет МХ с десятью боеголовками. В СССР, в свою очередь, сделали закономерный вывод: американцы ставят перед собой цель сломать существующий военный паритет и добиться военного превосходства. Устинов предупреждал, что к 1990-му году США будут иметь 20 тыс. ядерных боеголовок. В такой ситуации возникали панические настроения не только в Москве, но и в Вашингтоне, о чем красноречиво свидетельствует доклад ЦРУ под названием «Советские возможности в стратегическом ядерном конфликте 1982–1992-х годов», рассекреченный 15 февраля 1983 г. В этом докладе доказывалось, что военно-стратегические программы Советского Союза направлены на слом военного равновесия, а соотношение сил в мире меняется в его пользу. На этом фоне 8 марта 1983 г. Рейган объявил Советский Союз «Империей Зла», а 23 марта заявил о создании СОИ. У нас это вызвало шок. В МИДе – а я только что приехал с Ближнего Востока – мы, прочитав доклад Рейгана, просто пожимали плечами, крутили пальцами у виска. А через несколько часов у меня в кабинете раздался звонок А. Агентова. Помощник Андропова просил приехать к нему для составления речи, так как я готовил договор по ПРО. Андропов из речи Рейгана сделал вывод, что американцы хотят следующее: запугать нас и использовать как рычаг давления, отвалить жирный кусок своему ВПК и втянуть нас в гонку вооружений в той сфере, где есть технологические преимущества США, и, наконец, дестабилизировать стратегическую ситуацию с целью значительного уменьшения последствий ответного удара. При этом Андропов хотел знать: «Кто драматург этой пьесы? Кто пишет Рейгану сценарий? Ведь он – не драматург, а актер». Ответить на этот вопрос я смог лишь в конце 1990-х годов, когда работал в Гуверовском институте и обнаружил там тех людей, которые, собственно, сценарий и писали.

По признанию Эдварда Теллера, отца американской водородной бомбы, именно он внедрил в голову Рейгана идею о создании ПРО, пригласив его в Ливерморскую лабораторию, где еще с 1967 г. ученые занимались разработкой мер по ограждению США от возможности ядерного удара. В политическую форму эту идею облек Мартин Андерсон из того же самого Гуверовского института. Он мне рассказывал, что уже в 1979 г. сопровождал Рейгана в штаб Североамериканского командования воздушно-космической обороны в горах Колорадо. И там во время демонстрации радаров Рейган спросил командующего базой: «Как вы поступите, если обнаружите, что СССР запустил на нас ракету СС-18 с десятью ядерными боеголовками?» Генерал бодро доложил: «Мы сообщим, что через 10 минут ракета поразит такие-то города в США». Рейган удивленно воскликнул: «И все?» Генерал ответил: «Больше мы ничего сделать не можем». «А зачем тогда все эти устройства?» – удивился Рейган. Представьте себе чувства президента США, которому пришлось бы сделать выбор: либо нажать кнопку с целью нанести ответный удар и начать ядерную войну, либо допустить гибель американцев. На этой основе и началась подготовка ПРО после победы Рейгана на президентских выборах. Возглавил неофициальную группу, обсуждавшую возможность создания ПРО, Мартин Андерсон. Еще одним драматургом этой пьесы был Роберт Макфарлейн. Он сказал мне следующее: «Рейган действительно был идеалистом. Он мечтал создать оборону. А вот как это реализовать, его не волновало. А я с ним не спорил. Считал, что нужно раздуть вокруг этого вопроса большую пропагандистскую шумиху, что-то вроде “пропагандистского баллона”. Причем сконцентрировать внимание на новых технологиях, которые советской стороне недоступны. И потом, когда это превратится в проблему № 1 для СССР, продать им пустышку». Вот на какой основе осуществлялась политика Рейгана и был заключен договор СНВ-1, а потом СНВ-2. И нам пришлось пойти на большие уступки и готовить ответ. Какой? Андропов говорил: «Американцы от нас ждут удара сверху, а наш ответ будет снизу». Несколько лет спустя, когда я был послом в Стокгольме, я пригласил одного из руководителей ВПК, и он мне объяснил, что значит «ответ снизу». Оказывается, СССР готовил создание подводной ракеты! Параллельно не исключалось продвижение подводных лодок к берегам США. Трудно сказать наверняка, что у нас готовилось в ответ на «происки Вашингтона». Вот лишь один пример. Американцы организовали учения «Global Shields», в которых были задействованы МБР и стратегические бомбардировщики. Они по специальному сигналу поднимались со своих мест базирования с целью нанести удар по объектам в СССР.

Мы это дело засекли. В ответ организовали учение «Союз-85». Могу показать карту этого учения, когда-то секретную. В случае войны в Европе планировалось нанесение 100 ядерных ударов, которые должны были взломать оборону НАТО по территории Западной Германии. После чего начиналось наше наступление по 5 фронтам. В течение двух недель планировался выход советских войск на границу с Францией. Там происходила перегруппировка фронтов в два, которые в течение следующих трех недель достигали: первый – Ла-Манша, второй – территории Испании. Победа обеспечена!

На мой взгляд, текст данной книги это предупреждение нам всем – и американцам, и русским: «Нельзя второй раз наступать на одни и те же грабли».

Г.И. Мирский (д-р историч. наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН): Хотелось бы обратить внимание на значение стран Третьего мира для Советского Союза. Когда начиналась холодная война, никто, конечно, не думал об Азии и Африке. О ней вспомнили при Хрущеве в середине 1950-х годов, когда было решено осуществить там прорыв, поскольку в Европе шла позиционная, окопная война, и ни о каком прорыве речь идти не могла. Другое дело – Третий мир. Пользуясь метафорой Черчилля, можно сказать, что он представлял собой «мягкое подбрюшье» (soft underbelly) империалистического мира. Вот здесь можно было как-то одолеть Запад. Мне рассказывали, что наш посол в Египте предостерегал Хрущева против сближения с Насером. Он говорил: «Никита Сергеевич, подумайте. Эти люди – настоящие махновцы». Но Хрущев уже принял решение. И начался прорыв через Азию и Африку с использованием антиколониальных движений, которые в тот момент там везде развернулись. В конечном счете, это ни к чему хорошему не привело. Но в тот момент все виделось в ином свете. Причем речь не шла о том, чтобы уничтожить США или разрушить империализм. Об этом никто не помышлял. Как я писал в книге, эта стратегия была скорее оборонительной. В самом деле, ну зачем было лезть в Сомали и Анголу? А почему бы и нет? Почему не использовать страны Третьего мира как союзников? Идеологические соображения, по-моему, особого значения не имели, хотя все это и прикрывалось идеологией. Причем ни в Политбюро, ни вообще в верхах никто не верил, что в Анголе, Эфиопии, Мозамбике строится социализм. Отнюдь. Вот одна из причин поражения и последующего краха советской системы: не суть дела, а показуха. Важно было, чтобы Брежнев на очередном съезде партии сказал: «Вот, товарищи, за отчетный период новые страны встают под знамя социализма». Важно было, чтобы создавалось впечатление, будто

у нас появляются новые союзники, будто новые и новые страны стремятся покончить с капитализмом, без чего нельзя избавиться от колониальной и неоколониальной зависимости. А что там на самом деле происходит – никому до этого дела не было. Какой там социализм! Далее, нельзя забывать еще об одной псевдоидеологической составляющей. Если вдруг где-нибудь какой-нибудь мелкий африканский деспот заявлял, что он намерен построить социализм, и добавлял пару нехороших слов в адрес США, этого было достаточно. Вспомним покойного Саддама Хусейна. Когда устраивались приемы в иракском посольстве, там столько наших высокопоставленных товарищей собиралось, генералов и действующих, и отставных. А почему? Так Хусейн ненавидел Америку и ненавидел евреев. Кто против США и Израиля – наш человек. Никто уже не верил в мировую победу социализма, прошли те времена. Геополитический фактор стал куда более важным. Нам надо было ослабить Америку. И точка!

Холодная война – это такое состояние отношений между двумя сверхдержавами, при котором каждая старалась причинить другой максимальный ущерб, не доводя дело до войны. После Карибского кризиса все стало предельно ясно. Поэтому в Европе никто никуда не лез. А вот в Третьем мире – другое дело. Когда начались события в Анголе, речь не шла о том, что мы хотим завоевать этот континент. Мы говорили об Анголе, Сомали, Эфиопии, Южном Йемене как о наших союзниках и друзьях. Помогая им, мы укрепляли международные позиции Советского Союза перед лицом американского империализма. И даже тот, кто в глубине души понимал весь авантюризм этой позиции, был вынужден молчать. Нельзя же было пойти против *pattern'a*. Да и потом, следовало укреплять наши позиции, ведь нас американцы окружали. Частично так и было. Но выводы из этого делались неправильные. Как писал мой коллега Брутенц, который много тогда знал, свою роль сыграла близорукость. Легко, конечно, судить задним числом. А тогда стояла главная цель – не дать противнику тебя обмануть, окружить, обойти. Помню, выступал у нас в институте на партсобрании Фалин из ЦК. Хвалил нашу дипломатию за ее стремление улучшить отношения с Иди Амином (диктатором Уганды). А когда я заметил, что этот диктатор бросает своих противников на съедение крокодилам, Фалин отреагировал: «Товарищ Мирский не понимает одной простой вещи: рядом в Танзании китайцы укрепляются. А раз китайцы проникают в Танзанию, мы должны обосноваться в Уганде. Неважно, кто там кого крокодилам скармливает». К сожалению, сегодня в высказываниях депутатов нашей Думы, политиков, политологов, журналистов заметны порой те же самые нотки, которые были

тогда. Я уже не говорю об антиамериканизме. Ведь многих ошибок того периода можно было бы избежать, не будь изначальной установки – Америка враг, а ее позиция – сплошной обман. Сейчас часто задают вопрос: «Каковы перспективы наших отношений с Америкой после избрания Барака Обама?» Я отвечаю: «Это больше зависит от нас, чем от них». И если с самого начала встречать его в штыки, если в тот день, когда половина населения США ликует от восторга, угрожать разместить ракеты в Калининграде, конструктивного диалога не состоится. Я надеюсь, Обама отойдет от жесткой позиции Буша в вопросе о ПРО и не будет способствовать включению Украины и Грузии в НАТО. С этим человеком можно иметь дело, если отказаться от заранее предвзятого суждения. Худшим сценарием для Запада и для США является Россия нищая, расчлененная, где народ озверевает и будет слушать нацистов. Слабая страна с ядерным оружием, что может быть хуже для Америки?

Н.И. Егорова (д-р историч. наук, и. о. главного научного сотрудника, зав. Центром по изучению холодной войны ИВИ РАН): Я с большим удовольствием прочитала коллективную монографию, которая, безусловно, будет полезна для исследователей и преподавателей. Хотя я бы предпочла говорить о рубежах, а не о поворотных моментах. Например, Шульц считает таким моментом размещение ракет в Европе. А кто-то думает иначе. Я не согласна с тем, что говорил П.Р. Палажченко по поводу происхождения холодной войны, которая, по его мнению, началась для предотвращения войны реальной. Хотя при этом я согласна с тем, что мы очень мало обращаем внимания на тезис о предотвращении «горячей» войны в годы биполярного противостояния. В.О. Печатнов, к примеру, сделал очень интересный доклад на конференции, которая состоялась в ИВИ РАН в ноябре 2007 г., о «позитивном наследии» холодной войны в смысле выработки культуры сдерживания. И такие повороты сюжета могут быть полезны для осмысления уроков холодной войны с учетом новых реалий российско-американских отношений. Как исследователю, мне показалось важным и интересным то, как в книге выписывается роль Рейгана. Когда прочитаешь статью О.А. Гриневского, а потом комментарий К. Скиннер, задумываешься над противоречивой позицией Рейгана, ориентированной на соединение жесткой политики с позиции силы и установки на переговорный процесс. Как такое поведение могло воспринимать в тот период советское руководство? Скиннер пишет о том, что подрыв советской системы был одной из основных целей политики Рейгана. Другое дело, какие методы, по ее мнению, он использовал. Однако воспринимать речь 1984 г. советское руководство могло только отрицательно. При этом сама речь – это, конечно,

сдвиг в позиции Рейгана, хотя не стоит забывать и о предвыборной кампании. Вообще в исследовательской литературе роль Рейгана оценивается по-разному. Например, Дж. Гэддис считает, что Рейган внес вклад в окончание холодной войны благодаря давлению на СССР разными средствами. На мой взгляд, Рейган способствовал окончанию холодной войны, так как он, будучи представителем консервативных кругов и президентом, смог обеспечить поддержку своей политики переговоров в эпоху Горбачева. Помимо того он смог найти с ним личный контакт. Я сама, когда писала работу об окончании холодной войны, подобно Черняеву (я имею в виду его главу в этой книге) основное внимание уделила новому политическому мышлению. Это очень важный момент, если мы следим за этапами окончания холодной войны. И у А. Арбатова тоже много об этом говорится в его комментариях. Безусловно, 1987 г. это уже поворотный момент. В 1986 г., несмотря на Рейкьявик, идеология, концепция классово-борьбы еще присутствовали в международных отношениях. А вот с 1987 г. начинается отход от этой позиции. В то же время я согласна с Черняевым в том, что поворот к улучшению отношений с США, к переговорному процессу начал проследиваться уже на XXVI съезде. На мой взгляд, для исследователей остается важным и вопрос о том, кто победил в холодной войне. В книге нет четкого ответа, хотя Холлоуэй пишет о своем несогласии с триумфалистами. Я бы поддержала Мэтлока. Победили все, выиграли все. Это – отвечая на вопрос, поставленный В.И. Журавлёвой, которая обратила наше внимание на подзаголовок воспоминаний Дж. Мэтлока, также принимавшего участие в подготовке этой книги. Я не имею в виду развал Советского Союза и не связываю его с окончанием холодной войны. Холодная война могла не обязательно окончиться развалом СССР.

В.В. Согрин (д-р историч. наук, профессор МГИМО (У)): В 2000 г. я читал статью К. Райс. Это было время предвыборных дебатов, и она обосновывала стратегию республиканской партии, отличную от клинтоновской. Райс выразилась следующим образом: «Окончание холодной войны – это добровольная и мирная капитуляция Советского Союза, осуществленная Горбачевым». Я на 100 процентов не ручаюсь за точность цитаты, но суть такова. И я согласен с тем, что Советский Союз потерпел «мирное поражение». Каким образом это было достигнуто – другой вопрос. В данном случае я уже вступил в полемику с некоторыми авторами книги. В целом у меня сложилось позитивное мнение о ее содержании. Вместе с тем, с моей точки зрения, в монографии явно не хватает вводной историографической статьи с изложением основных точек зрения и концепций по поводу завершающего этапа холодной войны.

Ведь написаны сотни книг по данному вопросу. Теперь относительно профессионализма авторов. Я не говорю о таких профессиональных исследователях как Мирский или Арбатов. Однако то, что написали политические деятели, носит мемуарный характер. Может быть, это и интересно в смысле замысла, но сравнение есть сравнение. Люди, близкие к Горбачеву, по вполне понятной причине симпатизируют ему. Он предстает человеком, который по собственной инициативе принял все эти концепции об универсальных человеческих ценностях. Но, скажем, в других разделах, подготовленных профессиональными исследователями, выясняется, что не все было так просто, что в Горбачеве сочетался голубь-идеалист с жестким прагматиком, что Горбачев цеплялся за реальные интересы Советского Союза и хотел его спасти. Важно найти точную меру в оценке позиции этого человека. Реальная эволюция Горбачева осуществлялась шаг за шагом. Но личные качества имели принципиальное значение. Я не представляю, по какому пути пошло бы развитие, если бы на месте Горбачева был, скажем, Ельцин или кто-то другой. Горбачев в этом отношении человек уникальный. И эта его уникальность состоит не в том, что он был большим любителем демократии, а в готовности, в отличие от других наших догматиков, дать выход естественно-историческому процессу. В этом смысл его знаменитой фразы: «Процесс пошел». Раз процесс пошел, значит так хочет история, значит это естественное развитие. А оно заключалось в том, что рухнул Советский Союз, который потерпел поражение в холодной войне. Он мог продолжать холодную войну, если бы Горбачев держал процесс в ежовых рукавицах. Но он не хотел препятствовать естественному процессу. В итоге произошла добровольная и мирная капитуляция Советского Союза. Так было угодно истории.

Холодная война – конфликт двух несовместимых систем, которые были искусственно объединены в ходе борьбы против гитлеровской Германии. Если бы в 1939 г. Гитлер установил с СССР более прочные связи, расклад мог бы быть совсем другим. Таким образом, холодная война – системный феномен. Победила система более жизнеспособная. И Горбачев помог, ускорил эту победу, потому что он дал естественноисторическому «процессу пойти».

Мы видим, что события возвращаются на круги своя, и возникает вопрос: «Кто виноват?» Возможных ответов, на мой взгляд, четыре, также как и по вопросу, почему началась первая холодная война. Первый – односторонняя ответственность США, второй – односторонняя ответственность СССР, третий – совместная ответственность, четвертый – системная причина. Я считаю, что четвертый ответ – правильный.

К. Скиннер: Сегодняшняя дискуссия лишней раз убедила меня в том, насколько наследие Рейгана исказили в США. И это, отчасти, помогает объяснить провал республиканцев на прошедших выборах. После ухода Рейгана с политической арены в США восторжествовали триумфалистские идеи, как в исследовательской литературе, так и в публицистике. Их подхватили, прежде всего, неоконсерваторы. Они громко трубили о победе Америки. Она действительно победила. Но Рейган говорил об этом в других терминах. В прошлом он был не только киноактером, но и отличным переговорщиком в сфере улаживания конфликтов между трудом и капиталом. И когда Рейган говорил, писал и размышлял о Советском Союзе, он часто оглядывался на свой прошлый опыт. Он знал, как нужно обсуждать проблемы, чтобы прийти к обоюдному согласию. И Рейган, и госсекретарь Дж. Шульц, экономист-практик, не были мыслителями-стратегами типа Генри Киссинджера. Однако оба они знали, как достичь соглашения с оппонентом. Я думаю, они осмысливали холодную войну в практических терминах. И не сюрприз, что к 1987 г. мы получили некоторые беспрецедентные договоры между СССР и США. В первую очередь, договор ОСВ-1. К сожалению, многие республиканцы не понимают Рейгана. Ведь его в большей степени волновали политические механизмы поддержания мира, а не проведение бескомпромиссной жесткой линии. 1987 г. важен еще и потому, что в это время изменилась политика США в Персидском заливе. Как известно, Рейган и Шульц инициировали создание международной коалиции, участником которой после агрессии Ирака против Кувейта стал Советский Союз. И эта политика рейгановской администрации способствовала формированию международной инфраструктуры для последующей Войны в заливе. И хотя в 1988 г. Маргарет Тэтчер заявила, будто мы все еще находимся в состоянии холодной войны, эти события в Персидском заливе не менее важны, чем договор ОСВ-1, так как они заложили основу для сотрудничества по борьбе с растущей угрозой, исходящей со стороны Ирана и международного терроризма. Следующий вопрос. Кто победил в холодной войне? На мой взгляд, обе стороны проиграли. В начале каждого семестра я спрашиваю своих студентов: «А сколько человек погибло во Вьетнаме?» И они отвечают мне: около 50 тыс., думая об убитых американцах, но не вспоминая о миллионах убитых азиатов, погибших в том «горячем» конфликте холодной войны. Самое ужасное заключается в том, что на этот вопрос не могли ответить и мои старшие коллеги, многие из которых были активистами движения против Вьетнамской войны. А ведь холодная война во многом была «горячей». Она состояла из цепи «горячих» конфликтов, уносивших

миллионы жизней в различных уголках Земли и оборачивавшихся настоящей трагедией для народов Азии и Африки. Об этом нельзя забывать. Поэтому проиграли обе стороны. Если говорить об окончании холодной войны, то я уверена, в 1987 г. произошло нечто, сделавшее невозможным возвращение в прошлое российско-американских отношений. И, наконец, мне импонирует идея профессора Согрина о холодной войне как системном феномене.

В.О. Печатнов (д-р историч. наук, профессор, зав. кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У)): Я бы хотел остановиться на трех моментах, связанных с ответом на вопрос, кто победил в холодной войне. Войну мы проиграли, в том смысле, что проиграл наш проект, наша системная альтернатива либеральному капитализму, которую большевики, а потом их преемники пытались противопоставить капиталистической модели. Наша модель потерпела крах. Это надо признать. Мы избрали сейчас другой путь, а тем самым расписались в нереалистичности и крахе предшествующего варианта. Другая сторона победила также по причине ресурсного превосходства. Не только наша худшая модель, но и превосходство в ресурсах, которое имел Запад, объясняет его победу в этой борьбе. Шансов особых, строго говоря, у СССР и его союзников в долгосрочной перспективе не было. И третье. У Запада оказалась лучшая стратегия, чем у Советского Союза. Как ни странно, в этой борьбе у нас был единственный стратег – Сталин. И мы знаем, к чему некоторые его ходы привели. А Запад придерживался последовательной стратегии сдерживания. Рейган возродил первоначальные максималистские цели этой стратегии. И она исходила из гораздо более трезвого анализа слабостей советской системы и их использовала. В итоге цели этой стратегии были достигнуты. Тоже самое можно сказать и об окончании холодной войны. Конечно, перед американцами стояла более простая задача. Профессор Гриневский, отвечая на поставленный вопрос, правильно заметил: «США нужно было просто воспользоваться ситуацией, не сделать грубых ошибок и по максимуму обобрать умирающего». Перед Горбачевым и советским руководством задача стояла неизмеримо более сложная: выработать стратегию отступления, предложить реформы системы при сохранении Советского Союза, без потери объединяющего его стержня, в том числе и идеологического. А мог ли Советский Союз существовать без идеологии, от которой уже шел отказ? Это сложные вопросы, на которые нет ясного ответа. Однако, на мой взгляд, здесь важно определиться с датами и смыслом происходившего. Если мы говорим об окончании идеологической холодной войны, то, конечно, это 1987–1988 гг. Если мы говорим о холодной войне как о геополитическом противобор-

стве, а этот элемент, безусловно, в холодной войне присутствовал, то тогда речь идет о 1989 г., о бархатных революциях, о конце ОВД, о падении Берлинской стены и распаде СССР. Именно тогда мы потеряли основные геополитические козыри – присутствие в центре Европы, Германию, ОВД, Великий Союз как базу этой модели. И процесс стал необратимым. И американская стратегия заключалась в том, чтобы закрепить это. Вспомним знаменитое выражение Бейкера «lock in Cold war gains». Сделать эту ситуацию необратимой. Эта линия просматривается и за современным американским неосдерживанием. За ним скрывается старое опасение, пусть и выраженное в иной форме, возрождения сильной геополитической величины вокруг России, на сей раз посредством ее ближайших соседей.

Ю.Н. Рогулёв (канд. историч. наук, доцент, Директор Фонда изучения США имени Ф.Д. Рузвельта в МГУ): Коллективная монография импонирует мне дискуссионным характером, когда авторам отдельных разделов оппонировать коллеги и участники событий, представлявшие противоположную сторону. Согласен с тем, что в последнее время в России действительно публикуется мало литературы, посвященной холодной войне, и сегодняшняя наша дискуссия лучшее подтверждение того, как много невысказанного, недодуманного, недообсужденного сохраняется в истории холодной войны, причем начиная с вопроса о ее происхождении.

В этом контексте актуализируется вопрос о перспективах «новой холодной войны». Он совершенно верно вынесен организаторами «круглого стола» в список проблем для обсуждения. Я поддерживаю взгляд на холодную войну как на системное противостояние. Советский Союз после окончания Второй мировой войны стал лидером социалистического лагеря, который включал в себя десятки стран, лидером, претендовавшим на мировое господство. Советский Союз участвовал или пытался участвовать в национально-освободительных движениях в странах Третьего мира. В глобальном пространстве действовали не просто разные системы, а системы антагонистические, с диаметрально противоположными целями. Отсюда и непримиримая враждебность. И, конечно, рассматривать холодную войну лишь как процесс предотвращения горячей, на мой взгляд, неверно. Я бы тут скорее согласился с госпожой Скиннер в том плане, что холодная война привела к целому ряду реальных вооруженных конфликтов по всему миру, постоянно создавая угрозу «горячей» войны, а не предотвращая ее. В этом плане холодная война становилась балансированием на грани всеобщей войны. И этот баланс был очень хрупким. Любая из войн – Корейская, Вьетнамская – имела шансы превратиться во всеобщий

конфликт. А вспомните Карибский кризис! Да там часы отсчитывались до начала Третьей мировой войны! Поэтому холодная война – вещь чрезвычайно опасная. И нужно уделять гораздо больше внимания изучению событий тех лет. Поворотные моменты в окончании холодной войны, конечно, существовали. Обе стороны время от времени признавали, что такая ситуация не может их удовлетворить. Началось все с Никиты Сергеевича Хрущева. В отличие от Сталина он заявил о том, что Советский Союз не рассматривает новую мировую войну как неотвратимую. Хрущев в какой-то степени уже пытался пересмотреть основы внешнеполитической стратегии Советского Союза. Отсюда и «Хрущевская оттепель», и последующая возможность договориться между ним и Дж. Кеннеди. Но происходили повороты, приводившие к обострению ситуации. Можно ли говорить о перспективах «новой холодной войны» применительно к современной ситуации? Думаю, нельзя. В силу того, что нет тех систем и нет тех причин – ни идеологических, ни политических, которые привели к холодной войне. Но наследие холодной войны, безусловно, осталось. Это первое.

Второе. Мы, конечно, видим, насколько вопросы российско-американских отношений увязаны с внутривнутриполитическими процессами. И этот факт также заставляет нас гораздо серьезнее отнестись к истории взаимоотношений двух стран. Данная книга важна тем, что она дополняет наши знания о происходивших событиях. Опубликованные дневники Р. Рейгана показывают, насколько он был человеком вдумчивым. У нас его воспринимали слишком поверхностно. По справедливому замечанию профессора Печатнова, Рейган последовательно продолжал курс, который до него проводили республиканцы – тот же Никсон и предыдущие администрации – стратегию сдерживания. Но при этом, будучи прагматичным политиком, он понимал, что политика сдерживания не исключает, а даже предусматривает компромиссы. И в этом смысле сочетание политики сдерживания с политикой компромиссов позволило достичь реальных результатов конца 1980-х годов.

Ну и последнее. Здесь говорили о триумфалистах. Эти взгляды, как я полагаю, все-таки возобладали в Соединенных Штатах. В итоге в 1990-е годы, особенно к их концу, Америка практически вычеркнула Россию из своей повестки дня. Россия рассматривалась как второразрядная держава, мнение которой можно было игнорировать при решении важнейших внешнеполитических вопросов. Это касалось не только России, но и ее союзников. Такая политика, еще в 1960-е годы на волне протестов против войны во Вьетнаме названная сенатором Фулбрайтом самонадеянностью силы, в начале 2000-х годов привела Соединенные Штаты к целому

ряду односторонних шагов. Мне кажется, это очень серьезный урок. За этой самонадеянностью силы, за этим международным игнорированием России после развала СССР стояло ощущение вседозволенности, так как ресурсы и возможности США были огромными. Мне представляется, что нынешние события приведут к пересмотру данной позиции. Я имею в виду, в первую очередь, сокращение ресурсов и экономические неурядицы, которые переживает Америка. Кстати сказать, в значительной степени вследствие тех самых необдуманных внешнеполитических действий.

О.В. Павленко (канд. историч. наук, доцент, зав. Отделения международных отношений ИАИ РГГУ): Слушая выступавших и глядя на студентов, заполнивших до отказа эту аудиторию, я вспоминала о том, как несколько лет назад Н.И. Егорова говорила о необходимости подготовить учебное пособие для университета по истории холодной войны. И нынешняя дискуссия показала, что этот вопрос действительно назрел. Стоит подумать о написании учебной книги по холодной войне, где были бы отражены различные позиции и подходы. Это очень важно, прежде всего, в педагогических целях. Мы все видим, как медиа предлагают различные версии, причем зачастую совершенно извращенные, истории холодной войны. И все это становится достоянием очень широкой аудитории. Прежде всего аудитории молодежной, студенческой. Хочу особо отметить, что мне импонирует идея монографии, подготовленной совместно исследователями и политиками. Ведь по эпохе Горбачева целые пласты документов засекречены, недоступны ученым. А отсутствие документов рождает очень острую потребность в том, чтобы политики участвовали в подготовке научной литературы. И, наконец, последний момент. В разделе профессора Мирского был поставлен вопрос о соотношении идеологических и геополитических факторов. Это очень важный момент. Геополитический фактор имел первоочередное значение, а идеология была, как говорил Сталин на XVIII съезде, – просто вуалью. Наряду с этим, как мне показалось, в данной книге следовало затронуть внешнеэкономический фактор. Например, эмбарго на поставку пшеницы в Советский Союз. Ведь потом это через Аргентину пошло, а она затем закупала устаревшее американское вооружение. Или фактор цен на нефть в 1980-е годы. Этот экономический аспект, как мне кажется, играл серьезную роль на излете блокового противостояния.

В.И. Журавлёва: На мой взгляд, бесспорным достоинством данной книги является то, что весь ее текст выстраивается на основе непрерывного диалога, благодаря чему сохраняется ощущение альтернативности выводов, оценок, подходов. И все же в рассуждениях американских авторов угадывается тот триумфализм, о кото-

ром говорил профессор Рогоулёв. И это ощущение триумфализма, наиболее ярко проявившееся в период президентства Б. Клинтона, для США явление не новое. На протяжении всего двадцатого века американцы переживали своеобразные циклы «надежд и разочарований» в связи с перспективами модернизации России, включаясь в «крестовые походы» по ее переустройству, ощущая себя учителями по отношению к русским и ожидая от них готовности следовать американской модели развития. Из этих ложных иллюзий затем рождались разочарования и прогорклый русофобский пессимизм, в ходе этих «крестовых походов» закреплялись мифы о России, игравшей важную роль в системе смыслов и значений, определявших американскую Я-концепцию. В свою очередь, Соединенные Штаты выполняли роль «Другого» для СССР/России. В ходе холодной войны эти образы вписывались в то направление, которое получило название *enemy studies*. Лично мне в тексте монографии явно не хватало анализа долгосрочных трендов взаимовосприятия. Мы много говорили сегодня о существовании мисперцепций. Но у этого стереотипизированного видения, взаимного непонимания, взаимного недоверия были свои глубокие истоки. И этот процесс необходимо рассматривать в исторической ретроспективе. Тогда станут более понятны и американский триумфализм, и стремление вычеркнуть Россию из международной повестки дня, и рассуждения о «новой холодной войне», и замечания по поводу того, что Соединенные Штаты в очередной раз потеряли Россию. Данный аспект не нашел отражения в книге о поворотных моментах в окончании холодной войны, хотя он оказывал на них реальное влияние. Думаю, если говорить о возможности нового академического издания, выдержанного в диалоговой форме, если всерьез обсуждать концепцию учебного пособия по холодной войне, следует помнить об имагологии международных отношений.

А.Б. Безбородов: Подводя итог нашей дискуссии, хочу обратить внимание, что в выступлениях и репликах актуализировалась задача по подготовке учебной книги, посвященной истории холодной войны. В идеальном варианте это необходимо делать в сотрудничестве с американскими коллегами. РГГУ и Центр по изучению холодной войны ИВИ РАН могли бы стать инициаторами такого международного научно-образовательного проекта.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАСЛЕДИЕ АВРААМА ЛИНКОЛЬНА: УРОКИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

18–19 февраля 2009 г. в РГГУ состоялась международная конференция «Наследие Авраама Линкольна: уроки истории и современность», приуроченная к 200-летию со дня рождения 16-го президента Соединенных Штатов Америки.

Этот человек превратился в национальный символ для многих поколений американцев, которые связывали с его именем сохранение единства Союза в лихолетье Гражданской войны 1861–1865 гг., отмену рабства и расширение границ американской демократии. Прокламация об освобождении рабов 1863 г. при всей ее ограниченности стала отправной точкой долгого процесса обретения афроамериканцами равных прав со своими белыми согражданами. Американское общество прошло трагический путь расовых конфликтов, потерь и разочарований, прежде чем продемонстрировало готовность отказаться от предрассудков и избрать своего первого темнокожего президента. Барак Обама вошел в Белый дом через 200 лет после рождения Авраама Линкольна, сделавшего это событие возможным. И теперь не только американцы, но люди в различных странах мира связывают с именем нового президента надежды на обновление политики Соединенных Штатов.

Международная конференция в РГГУ была организована Российско-американским центром, Отделением международных отношений и кафедрой мировой политики и международных отношений при финансовой поддержке Посольства США в РФ и Американских Советов по международному образованию (АСПРЯЛ/АКСЕЛС).

В работе форума приняли участие исследователи и специалисты из университетских и академических центров Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Орла, Курска, Архангельска, а также представительная делегация ученых из США.

Конференцию открывали чл.-корр. РАН, ректор РГГУ Ефим Иосифович Пивовар и Посол США в РФ Джон Байерли.

В своем выступлении Е.И. Пивовар отметил важность научной дискуссии между представителями академических сообществ России и США в то время, когда обозначаются новые перспективы российско-американского диалога. Он особо подчеркнул образовательную составляющую программы конференции, которая призвана способствовать развитию американистики в РГГУ.

Дж. Байерли, в свою очередь, привлек внимание собравшихся к сравнительному анализу деятельности Авраама Линкольна и Александра II и в целом к тому периоду в истории российско-американских отношений, когда они развивались в режиме сотрудничества и наибольшего благоприятствования, а по обе стороны Атлантики преобладал образ другой страны – исторического друга. По мнению посла Соединенных Штатов, к истории XIX в. стоило обратиться в поисках модели взаимоотношений двух стран в начале века XXI с целью окончательно избавиться от наследия холодной войны и приступить к выработке общей международной повестки дня в условиях нарастания глобальных угроз и вызовов.

В пленарном заседании были представлены доклады Ф. Кунхардта (Институт общественных наук Бард-центра, США), М. Воренберга (Университ Браун, США), В.В. Согрина (МГИМО (У), Россия), А. Морриса (Северо-Западный университет, США), Р. Льюиса (Исторический музей Чикаго, США). Выступавшие рассмотрели вопросы, связанные с интерпретацией наследия Линкольна в политическом, социально-культурном, расово-этническом и международном контекстах. Докладчики рассуждали о неоднозначности его политики, о мифологизации и визуализации его образа, по-разному запечатленному в культурной и исторической памяти «белой» и «черной» Америки, о новом прочтении его жизни и деятельности в различные периоды американской истории.

В рамках конференции работали три междисциплинарные секции, объединившие историков, филологов, культурологов и лингвистов: «Авраам Линкольн и проблема либеральной демократии в “разделенном доме”» (ведущие – В.В. Согрин, профессор МГИМО (У), У. Шейд, профессор Университета Лехай (Пенсильвания)), «Авраам Линкольн и Россия» (ведущие – В.И. Журавлёва, доцент РГГУ, И.И. Курилла, профессор Волгу), «Искусство убеждать: риторика Авраама Линкольна» (ведущие – М.Р. Кауль, профессор РГГУ, И. Уайль, профессор Северо-Западного университета, Иллинойс). В докладах и в ходе дискуссий актуализировались проблемы истории США 1850–1870-х годов, получившие неоднозначную оценку в историографии, предлагалось новое видение российско-американских отношений периода Гражданской войны в долгосрочной исторической перспективе, проводились параллели между

событиями российской и американской истории, выявлялись причины успеха публичных выступлений Линкольна, ставшего реформатором президентской риторики и модернизатором риторического канона своего времени.

Секция «Линкольн в памяти американцев» (модератор – Р. Льюис, вице-президент Исторического музея Чикаго и его ведущий историк) превратилась в общественно-политическую дискуссию, так как прежде всего в ней приняли участие не профессиональные исследователи-американисты, а общественные и политические деятели из Соединенных Штатов, а также американские студенты и аспиранты, обучающиеся в настоящее время на различных факультетах РГГУ. Основной темой разговора стал поиск аналогий между двумя президентами – А. Линкольном и Б. Обамой.

Международная конференция завершалась междуниверситетским студенческим «круглым столом» «Американская традиция от Авраама Линкольна до Барака Обамы» (ведущие – В.И. Журавлёва, доцент РГГУ, Т.Д. Венедиктова, профессор МГУ, Ю.Н. Рогоулёв, профессор МГУ). Его открывала д-р историч. наук, профессор Н.И. Басовская, зав. кафедрой всеобщей истории и Центра визуальной антропологии и эгоистории РГГУ, которая представила яркий историко-психологический портрет Авраама Линкольна. Студенты из Московского государственного университета (филологи и историки) и Российского государственного гуманитарного университета (международники) подготовили коллективные проекты, обратившись к сравнительному анализу инаугурационных речей А. Линкольна, Ф.Д. Рузвельта, Дж. Кеннеди и Б. Обамы с целью обнаружения в текстах этих обращений концептов, формирующих матрицу национальных культурных символов. Студенты разных курсов и разных специальностей, используя различные методы – от традиционного сравнительно-исторического до контент- и дискурс-анализа, – подготовили презентации, вызвавшие заслуженную похвалу со стороны высокопрофессиональной аудитории. Это вселяет надежду на возвращение интереса к американистике как научно-образовательной программе в высшей школе. В роли комментаторов выступали Э.А. Иванян, д-р историч. наук, профессор Института США и Канады РАН, главный редактор журнала «США и Канада: Экономика–Политика–Культура», В.О. Печатнов, профессор, зав. кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У), а также модераторы «круглого стола».

Международная конференция стала не только важным научным, но и образовательным мероприятием. В ее подготовке и

проведении, а также, что особенно важно, в работе ее секций принимали активное участие студенты Отделения международных отношений ИАИ РГГУ. Организационную помощь оказали студенты-американисты историко-филологического факультета и студенты-международники факультета управления РГГУ.

В заключение хотелось бы сказать слова особой благодарности в адрес администрации университета и прежде всего ректора РГГУ Е.И. Пивовара, оказавшего большую поддержку в подготовке международной конференции. Она не могла состояться без организационных усилий начальника отдела координации международной деятельности Н.Я. Макаровой, а также старшего преподавателя кафедры иностранных языков и методиста Российско-американского центра Н.Ю. Сучуговой.

Сборник материалов конференции, в который войдут не только тексты пленарных и секционных докладов, но и студенческих презентаций, выйдет в издательстве Российского государственного гуманитарного университета в 2010 г.

Ответственный за организацию конференции
В.И. Журавлёва

Abstracts

O.V. Pavlenko

ECONOMIC CRISES IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The article deals with the economic crises of 1850–1870s and their impact on the balance of power in the international relations. Special attention is paid to the economic growth of 1840–50s and its connection to the Crimean war; world economic crisis of 1857 and the dynamic growth of 1860s; world crisis of 1873. Author tries to analyze the new processes – socio-economic and foreign-policy – that developed in the leading European states under the influence of industrialization. The role of wars during this period is emphasized.

Keywords: economic crises, industrial age, wars in the second half of the 19th century.

V.I. Zhuravleva

IMAGOTOLOGY OF THE FIRST CRISIS IN RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS

The first crisis in Russian-American relations (1902–1905) became the first, although short period of time, when U.S. foreign policy was misguided by the Russian Other. At that time the changes in perceptions of the Russian Empire, actualized in the 1880–1890s in American Society, became most apparent and visualized. The Russian Other was being used by the Americans (from the president, the state secretary, diplomats, and experts on «the Russian question» to businessmen, public and religious figures, journalists, and cartoonists) in order to shape the idea of Americans' special responsibility for carrying out reforms in Russia, to view the international conflict in the Far East as well as Russian-American relations within such binary oppositions as «Light and Darkness», «Civilization and Barbarism», «Modernity and Medievalism», «Democracy and Despotism», «Freedom and Slavery», «the West – Asia/the Orient».

Author's study of the topic helps: (1) to explain the origins of American long – lived myths about Russia; (2) to understand those «cycles of hopes and disappointments» concerning American percep-

tion of Russian modernization, that aroused not only from Russian realities but from the projection of American economic ambitions, political ideals, religious aspirations, and philanthropic altruism as well; (3) to analyze U.S. foreign policy as a mechanism for the construction of national identity, within imagology – the study of cross-national perceptions, images, and stereotypes, which govern international relations.

Keywords: Russian-American Relations, U.S. foreign policy, American national identity, imagology of international relations.

A.G. Senokosov

EVOLUTION OF THE ENTENTE AS A MILITARY ALLIANCE (1891–1923)

The article deals with the history of the Entente – military alliance of the end of the 19th – the beginning of the 20th century. The author analyses the development of this organization, the key periods in its activity from 1891 to 1923. Special attention is paid to the structure of the Entente, the relations between the partners in different periods of its history.

Keywords: military alliance, Entente Cordial, Tripple Alliance, Agadir crisis, Grey – Cambon Exchange

G.N. Lanskoy

RUSSIAN ECONOMY IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article is devoted to the characteristic of the Russian economy within the system of international relations at the beginning of the 20th century. The author presents discussion issues of the topic in the Soviet historiography and actualizes the problem of international economic integration for Post-Soviet Russia.

Keywords: Russian economy, capitalism, international relations, historiography, foreign policy

V.B. Zhiromskaya

FAMINE OF 1932–1933 IN RUSSIA AND THE CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

The article is devoted to the tragic history of the famine of 1932–1933 and its role in modern international relations. The author explores

the geography of famine, estimates the population losses and shows demographic effects of famine. Special attention is paid to the number of human losses from famine on the territory of modern Russian Federation. Statistical materials prove that the famine was a disaster for the whole multinational population of the country.

Keywords: famine of 1932–1933, the modern system of interstate diplomatic relations, geography of distribution, human losses, demographic consequences, tragedy of the multinational population.

V.I. Denisov

MODERN FOREIGN POLICY OF RUSSIA AND THE KOREAN PROBLEM

The author analyses Soviet and Russian policy on the Korean peninsula, relations between Russia and two Korean states, the role of the Russian Federation in the settlement of Korean nuclear crisis, and policy of Russia on the problem of Korean unification. Author puts forward some ideas on the strengthening of Russian position on the Korean peninsula and in the North-East Asia in general.

Keywords: Russian foreign policy, USSR foreign policy, DPRK, South Korea, Korean nuclear crisis, Korean peninsula.

O.A. Grinevsky

ABM IN EUROPE: REALITIES AND PROSPECTS

The situation with the ABM in Europe is one of the most acute problems in the Russian-American relations to day. And we collide here with a historical paradox: Heading for a creation of an ABM system the USA to day are wiring for sound the former Soviet position, and Russia, which are against this US policy is taking in reality the former position of the USA. The author being one of those, who had made the ABM Treaty, examines this situation and tells how compromise was found and the ABM Treaty was concluded in 1972 in spite of the fundamental differences in the positions of the sides. He undertakes also a systematic and holistic analysis of the present situation, the possibilities of Iran to a rocket-nuclear weapon and what a danger this weapon could produce for Europe. He comes to the conclusion that compromise is also possible now so far as the sides have the common interest in the counteraction to terrorism and proliferation of the nuclear weapons. And he writes what might be this compromise.

Keywords: ABM, European Security, Russia, USA, Iran.

L.N. Klepatsky

ROLE OF THE STATE IN INTERNATIONAL RELATIONS AT THE AGE OF GLOBALIZATION

The article focuses on the correlation between globalization, international relations, the state and its sovereignty. Special attention is paid to the state sovereignty. Ideas about decline of the state and erosion of the sovereignty at the age of globalization are questioned. New factors in the development of international relations affected by globalization demand complex study of the state role in international interaction. Neoliberal «attack» on the states demands the defense of the state sovereignty in international relations combined with the study of sovereignty evolution.

Keywords: globalization, international relations, contemporary transformation, state, sovereignty.

L.N. Shishelina

EUROPEAN UNION: PROBLEMS OF CONVERGENCE, ENLARGEMENT AND NEIGHBORHOOD

World economic crisis had reached European Union in a quite a complicated situation characterized by the absence of political unity, ungratified Lisbon Treaty, lack of a single approach towards Kosovo issue. All this puts at question the European Union's ability for pursuing common foreign and defense policy. European Union is being surrounded by inadequate neighbors capable of blocking the gas supplies in mid winter and new arising economic problems bringing with the thoughts of a separate outcomes from the world economic crises and forgetting about previous promises and obligations. At the background is clearly seen the growing dissatisfaction with the results of the Easter enlargement as well as irritation by the continuing pressure of the neighborhood.

The most severe damage the world economic crises had caused to the economies of Hungary and Latvia which in fact could not survive without massive financial aid. At the same time the majority of the new members had to agree to the previously agreed volume of financial support. In case of Bulgaria, the financial aid had been either suspended or called down. West European countries first of all had tried to save their own economies. In fact they had postponed the processes of convergence and enlargement.

New economic situation opens the way for new approaches towards contradictions and differences within the European Union. It may also

give start for a new model of relations within West European integration as well as for new pattern of relations with the surrounding world.

Keywords: European Union, Eastern Europe, enlargement, convergence, adaptation, neighborhood policy.

D.A. Zhuravlev

INTERNATIONAL TERRORISM AND MASS-MEDIA: EVOLUTION OF COMMUNICATIONAL INTERACTION

The article analyses terrorism as a type of political communication. The interconnection between features of mass-media and dominant type of terrorism on each historical stage is evaluated. Author examines terrorism as a method in struggle for power within the communication structure of the society. Terrorism is examined as an integral part of modern world, which is entangled with mass-media and communication nets. Special attention is paid to the terrorists' communication strategies in the Internet.

Keywords: international terrorism, communication, media, Internet.

B.I. Shevchenko, M.V. Savinova

INTERNATIONAL INDUSTRIAL COOPERATION: THE ROLE AND PLACE OF RUSSIA

The article covers international industrial cooperation, the main tendencies of its future development within the globalization of the world economy. Perspectives of the industrial cooperation in Russia, its possible interaction with the key entities of the world market are analyzed in it.

Keywords: international industrial cooperation, objects of the industrial cooperation, particularities of the international industrial cooperation, competitiveness of the Russian industry, cooperation with foreign companies, «technical barrier», priorities of the industrial policy, technological strategy of Russia.

A.A. Gorodov

THE ENERGY CHARTER TREATY, THE TRANSIT PROTOCOL AND THE RUSSIA–EU ENERGY DIALOGUE

The article provides an insight into history as well as contemporary situation in negotiations on Russia's entry into Energy Charter Treaty and the Transit Protocol. Discussions on oil and gas transit are not only

of vital importance within the contest of energy dialogue, but also affecting Russia – EU relation on the whole.

The author analyzes political and economic interests of Russia and EU in terms of energy sources transit as well as the bulk of contradiction aroused from the conflict of interests.

The particular attention is paid to contradictory articles of the Treaty illustrating different approaches to «energy security» by importer and exporter states such as the article on «EU common transportation area», the article on «the right to first refusal», and tariff fixing.

Keywords: international relations, energy policy, Russia–EU energy dialogue, Energy Charter Treaty and the Transit Protocol

D.S. Kachkov

FRANCE–RUSSIA ENERGY DIALOGUE IN THE EARLY 21ST CENTURY: COOPERATION VS. THE FRENCH MASS-MEDIA CRITICISM

The article covers the French-Russian relations in the energy sector at the beginning of the 21st century. The author compares the official French-Russian discourse on energy issues with the mass-media one. Author's analysis is based upon two leading French newspapers – «Le Monde» and «Le Figaro».

Keywords: energy cooperation, energy policy of the EU, «Gazprom», «Total», «GDF Suez», gas wars, oil wars, energy weapon.

O.A. Khlopov

RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS IN THE GLOBAL SYSTEM OF ENERGY SECURITY

The article covers the tendencies and the problems of Russia-American relations and prospects of cooperation in the field of energy. Contradictive aspects of bilateral relations could be minimized due to active economic cooperation. Although both countries have different views and there is increasing competition for energy resources Russia-American energy dialogue opens perspectives for profound strategic partnership. It is in the interests of both countries to develop the basis of global energy security system.

Keywords: Russian-American relations, energy resources, energy security, cooperation, energy dialogue.

M.R. Demetradze

SOCIO-CULTURAL METHODOLOGY AS THE BASIS OF MODERN POLITICAL SCIENCE

Modern social, political, economic, legal and cultural processes require a specific approach to their study, as they take a different course in different societies. In this paper we discuss the means for identifying institutional and non-institutional forms of these processes and new methods of identifying them.

Keywords: content aspects of functioning; rational-constructive, strategic-administrative, prognostic.

O.B. Ignatkin

THE PRINCIPLE OF CONSISTENCY IN THE THREE THEORIES OF THE MODERN LIBERALISM

The article touches upon one of the principles, that as the author thinks, can be traced in the political theory – the principle of consistency. This principle may be presented in the three theories of the modern liberalism: liberalism, based on the «theory of justice», libertarianism and communitarianism. Every theory sees the principle in the interdependence of different elements: individual and communitarian freedom, equality of opportunity and justice. Besides, the article touches upon the issue of political consensus, based on the interconnection of these notions, already shaped in the modern liberal political thought.

Keywords: principle of consistency, political consensus, libertarianism, communitarianism, «theory of justice».

Yu.A. Krasin

CIVIL SOCIETY AND STATE: OPPONENTS AND PARTNERS

The author discusses the problem of interconnection of the civil society and the state. He believes that the civil society consists of the unlimited variations of interests of different social groups. Interaction of the civil society and the state is a conflict, antinomy: «opposition-partnership». The author points the problem out as a topical for contemporary Russia where the state dominates upon a weak civil society. However under the current economic crisis there is a particular demand in «public energy» generated by the civic initiative and the civic activity.

Keywords: civil society, «public energy», «opposition–partnership», civic initiative, civil society and state.

N.G. Tchistiakova

DUTCH WAY OF COMBATING CORRUPTION

The article deals with the national policy in the Netherlands aimed at combating corruption in this country. The effectiveness of this policy has been proved by the Corruption Perception Index of Transparency International which shows off the Netherlands as one of the less corrupted country in the world. The author emphasizes the meaning of this experience for Russia which is currently developing there own policy on combating corruption.

Keywords: policy on combating corruption, Corruption Perception Index, Netherlands as one of the less corrupted countries in the world.

D.E. Letnyakov

THE *VECHE* TRADITION IN PRE-MONGOL RUSSIA AS AN EXAMPLE OF A PROTO-CIVIL CITY COMMUNITY PRACTICE

The paper is devoted to a phenomenon of traditional city council activities in ancient Russian cities («veche»). The development of «veche» institutions is considered as a proto-civil type of communication and interconnection between state and society in pre-Mongolian Russia. Socio-political history of ancient Russian city is investigated within the context of all European phenomena of communal culture. This gives an opportunity to overcome many existing stereotypes, connected with Russian history.

Keywords: «Veche» (city council), knight (prince), «obshina» (city commune), pre-Mongolian Russia, «volost» (city-state in ancient Russia).

N.Y. Andrianova

A. BOGDANOV AND A. GRAMSI ON THE ROLE AND PLACE OF CULTURE IN THE PROCESS OF SHAPING SOCIAL CONSCIOUSNESS

The article is dedicated to the developments in culture made by A. Bogdanov and A. Gramshi and is concerned with the process of forming social consciousness. The author pays attention not only to the practical integration of ideas, but also shows the surprising similarity in the theses given by both the authors, based on the role of art and artists' destination in cultural organization.

Keywords: ideology, art, intellectuals, social consciousness.

Сведения об авторах

Андреянова Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: natandrianova@list.ru.

Городов Андрей Александрович – аспирант кафедры истории России новейшего времени РГГУ. E-mail: AndrGor13@gmail.com.

Гринецкий Олег Алексеевич – Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке, руководитель Центра Европа – США Института Европы РАН, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: olgrinev@mail.ru.

Деметрадзе Марина Резоевна – доктор политических наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: poteha2000@mail.ru.

Денисов Валерий Иосифович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор исторических наук, профессор МГИМО (У), профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: Vid1941@bk.ru.

Жиromская Валентина Борисовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель научной группы «Население России в XX веке», лауреат премии РАН им. В.О. Ключевского. Тел.: 8-499-766-13-75, 8-903-514-57-77. E-mail: zhyromskaya@yandex.ru.

Журавлёв Денис Александрович – преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: zhuravlev.denis@gmail.com.

Журавлёва Виктория Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, руководитель программы по американистике в РГГУ, заместитель заведующего Отделением международных отношений ИАИ РГГУ. E-mail: zhuravlevavic@mail.ru

Игнаткин Олег Борисович – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: Oignatkin2001@yahoo.com.

Качков Дмитрий Степанович – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: ameros@mail.ru.

Клепацкий Лев Николаевич – кандидат философских наук, доцент Дипломатической Академии МИД РФ, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: kln@inbox.ru.

Красин Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: krasinyua@mtu-net.ru.

Ланской Григорий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры аудиовизуальных документов и архивов ИАИ РГГУ. E-mail: gri_lanskoj@list.ru.

Летняков Денис Эдуардович – аспирант кафедры теоретической политологии Государственного университета гуманитарных наук. Тел.: 8-926-274-41-71. E-mail: letnyakov@mail.ru.

Минаев Валерий Владимирович – доктор экономических наук, первый проректор – проректор по учебной работе РГГУ, профессор и заведующий кафедрой мировой политики и международных отношений РГГУ.

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, заведующий Отделением международных отношений ИАИ РГГУ, заместитель директора Историко-архивного института РГГУ. E-mail: olgapavlenko@mail.ru.

Савинова Мария Владимировна – соискатель кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: msavinova@inbox.ru.

Сенокосов Алексей Георгиевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: senokosov@inbox.ru.

Хлопов Олег Анатольевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: univer619@mail.ru.

Чистякова Наталья Григорьевна – социолог, магистрант Утрехтского университета (Нидерланды). E-mail: ntchistiakova@gmail.com.

Шевченко Борис Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: bshevchenko@inbox.ru.

Шишелина Любовь Николаевна – доктор исторических наук, заведующий Отделом восточноевропейских исследований Института Европы РАН, профессор кафедры общественных наук университета им. Я. Кодолани (Венгрия), профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: shishelina@mtu-net.ru.

Information about the authors

Andrianova Natalia Y. has a PhD in History, she is an Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: natandrianova@list.ru.

Demetradze Marina R. has the Degree of a Doctor of Political Sciences, she is a Full Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: poteha2000@mail.ru.

Denisov Valery I. is an Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, he has the Degree of a Doctor of Historical Sciences, he is a Full Professor at the Moscow State Institute of International Relations (University), and he is a Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: Vid1941@bk.ru.

Gorodov Andrey A. is a post-graduate student at the RSUH Department of Department of Soviet and Post-Soviet Russian History. E-mail: AndrGor13@gmail.com.

Grinevsky Oleg A. is an Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, he is a Director of the Center «Europe–the USA» at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, he is a Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: olgrinev@mail.ru.

Ignatkin Oleg B. has a PhD in Political Sciences, he is an Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: Oignatkin2001@yahoo.com.

Kachkov Dmitry S. is a post-graduate student at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: ameros@mail.ru.

Klepatsky Lev N. has a PhD in Philosophy, he is an Associate Professor at the Diplomatic Academy (Ministry of Foreign Affairs), and he is an Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: kln@inbox.ru.

Krasin Yury A. has the Degree of a Doctor of Philosophy, he is a Full Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: krasinyua@mtu-net.ru.

Khlopov Oleg A. has a PhD in Political Sciences, he is a Senior Lecturer at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: univer619@mail.ru.

Lansky Grigory N. has a PhD in History, he is an Associate Professor at the RSUH Department of Audiovisual Documents and Archives. E-mail: gri_lanskoi@list.ru.

Letnaykov Denis E. is a post-graduate student at the Department of Political Theory, State University for the Humanities. E-mail: letnaykov@mail.ru.

Minaev Valery V. has the Degree of a Doctor of Economics, he is a First Vice-Rector of the RSUH, he is a Full Professor and a Head of the RSUH Department of World Politics and International Relations.

Pavlenko Olga V. has a PhD in History, she is an Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations, she is a Director of the RSUH School of International Relations, and she is a Vice-Director of the RSUH Institute for History and Archives. E-mail: olgapavlenko@mail.ru.

Savinova Maria V. is a post-graduate student at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: msavinova@inbox.ru.

Senokosov Alexey G. is a PhD in History, he is an Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: senokosov@inbox.ru.

Shevchenko Boris I. has the Degree of a Doctor of Economics, he is a Full Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: bshevchenko@inbox.ru.

Shishelina Lyubov N. has the Degree of a Doctor of Historical Sciences, she is a Head of the Department for East European Studies at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. She is a Professor at the Janos Kodolanyi University (Hungary), and she is a Full Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: shishelina@mtu-net.ru.

Tchistiakova Natalia G. is a graduate student at the Utrecht University (the Netherlands). E-mail: ntchistiakova@gmail.com.

Zhiromskaya Valentina B. has the Degree of a Doctor of Historical Sciences, she is a Senior Research Fellow at the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, she is a Head of Group «The population of Russia in the 20th century». E-mail: zhyromskaya@yandex.ru.

Zhuravlev Denis A. is a Lecturer at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: zhuravlev.denis@gmail.com.

Zhuravleva Victoria I. has a PhD in History, she is an Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations, she is a Head of the RSUH Program of American Studies, and she is a Vice-Director of the RSUH School of International Relations. E-mail: zhuravlevavic@mail.ru

Корректор
Н.П. Гаврикова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 07.09.2009.
Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,4. Уч.-изд. л. 21,1.
Тираж 1050 экз. Заказ № 258

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Научный журнал «Вестник РГГУ»
по различным аспектам гуманитарного знания
выходит 24 раза в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи
без ограничений с любого месяца.
Наш индекс в Каталоге «Роспечать» – 36626.

Номера «Вестника РГГУ» можно заказать
наложенным платежом по почте (rafal@rggu.ru)

Справки по телефону 8-495-250-65-72,
секретариат «Вестника РГГУ»
